

Agave Tac

AGAVE TAC

— Ты никуда не пойдешь, Амелия, так что располагайся. — Ты не имеешь никакого права держать меня здесь... — Ты — залог того, что твоя сестра сделает все, что должна, — он резко поднимает глаза от изучения каких-то буклетов и холодно защелкивает на мне наручники, — Ты остаешься. Привыкай. Мне поставили гамбит, который вылился в самый огромный провал в моей жизни, и я потеряла все. Но ему этого мало. Теперь он лишает меня свободы, и говорит мне привыкнуть?! Ни за что! Я сделаю все, чтобы забыть его имя! Вот что случается, когда две силы встречаются, и никто не собирается уступать, а каждое действие влечет лишь ухудшение положения. Это Цугцванг.

Глава 1. Гамбит искусного противника. Амелия

17; Октябрь

— Амелия?

Мое имя звучит, как звонкий удар по стеклу, и я резко концентрируюсь на том, кто его назвал — на своей сестре. Она смотрит на меня так испуганно, умоляюще, брови строит домиком, а сама блее белого, будто призрака увидела.

«Конечно увидела, она вряд ли ожидала, что я буду здесь...» — мелькает где-то на задворках сознания, за которое мне сейчас сложно удержаться.

В голове страшная каша.

«Максимилиан Александровский?! Это же просто дичь! Зачем ему это нужно?! Здесь что-то не так, этого не может быть!»

Смотрю на него и снова на подсознательном уровне понимаю, что может. Интуиция подсказывает, что аноним единственный, кто мне не соврал и сказал правду. Алекс выглядит удивленным не меньше, но не выглядит, как Алекс. Я его не узнаю. Лицо, тело, взгляд — все вроде тоже, а вроде все изменилось...

Неизвестный абонент

Говорят, что ты любишь шахматы? Как на вашем называется жертва материала ради более глобальной цели? Неужели...гамбит? □

Неизвестный абонент

Надеюсь, что не нужно объяснять, кто здесь «жертвенный материал»?) Кажется тебе только что поставили шах и мат, девочка) Очень жаль □

К "доброму" посланию прилагается видео. Моя интуиция теперь не просто орет, она беснуется и умоляет не нажимать на плей, но это как попросить кого-то не смотреть на сбитую кошку — ты все равно будешь. Какая-то непонятная, странная человеческая черта знать, что будет больно, но делать, как будто и выбора другого нет, хотя он есть. Выбор всегда есть: делать или не делать, остаться или уйти, нажать на белый кружок с перевернутым треугольником или нет...

Я знаю, как для моего душевного равновесия нужно поступить, и это очевидно. Расклад не в мою пользу, я проигрываю по всем фронтам, прохлопав абсолютно каждый ход, ведущий к моему падению. Все, как на ладони, тут уже не отвертишься, и зачем, казалось бы, топить себя сильнее, да? Я не знаю ответа на этот вопрос, нажимая на плей. Наверно мне необходимо получить свой заслуженный «Шах и мат». В сухую.

Макс делает глоток из граненого стакана чего-то явно горячительное и пожимает плечами:

— Я абсолютно уверен, что от генетики далеко не уйдешь.

Арай вторит ему, только откидывается на спинку дивана.

— Ты же видел ее. Без вариантов.

Алексей тоже здесь. Он бросает быстрый взгляд на своего брата, но опускает его в

тарелку, методично разрезая что-то на ее дне.

— У тебя нет шансов, я на стороне Арая.

— Хочешь поспорить, братишка?

— А что бы нет? — Алексей откладывает приборы, а руки складывает под подбородком, — Я уверен, что гена шлюхи не существует. Ты, судя по всему, убежден в обратном.

— Зная ее сестру? Убежден, что каждую из них сдавали в аренду с детства.

— Адель говорит, что она девственница.

Макс издает смешок, смотрит в стакан, снова делает глоток, но перед этим тихо протягивает.

— Это ненадолго...

— Я так понимаю, ты хочешь поставить эксперимент по выявлению генома проститутки? Тогда нам нужно обозначить кое что. Мы же хотим получить чистый результат?

— Ну обозначь. Ты это дело любишь.

На явную подколку Алексей выставляет средний палец, при этом без изменения в тоне продолжает.

— Итак. Какой критерий будет считаться истиной?

— Полная и беспрекословная готовность на все. Любой каприз, фантазия...

— ...Дырка?

— Дырка. Спасибо, Арай, — улыбается, Алексей слегка закатывает глаза и цыкает, ну а Макс вдруг возвращается к брату и холодно чеканит, — Я буду трахать ее когда хочу, сколько хочу и как хочу. Буду подталкивать и расширять ее границы до тех пор, пока она не станет самой грязной шлюхой Москвы.

— Так и говори: ты сделаешь ее своей шлюхой. С ДНК это не имеет ничего общего...

— Я же уже сказал про расширение границ, мой дорогой брат. Сначала это буду я, потом много "кого-то" еще. Когда я с ней закончу, а ее сестра увидит, кем стал ее "ангелочек" благодаря мне, она навсегда запомнит, что бывает, если перейдешь мне дорогу.

Алексей молчит каких-то пару мгновений, но потом отклоняется на спинку стула, складывает руки на груди и пожимает плечами.

— И на что спорим?

— На мою тачку и интерес. Можешь даже поучаствовать в раскрепощении, если будет желание...

— А-га.

Без Арая тоже не обошлось, он вставляет свои "пять копеек":

— Нужно подтверждение.

— Без проблем.

Братское рукопожатие, разбивается последним, кто внес свои коррективы.

Сделка совершилась.

Их мерзкий смех отражается у меня в голове, когда видео заканчивается. Я не знаю, как описать то, что я чувствую сейчас, но это очень похоже на взорванные снаряды, которые не оставили после себя ничего живого. Я все еще смотрю на экран, где только что увидела, как легко решилась моя судьба — всего каких-то три минуты, тачка и интерес. Если честно, мне не сразу стало понятно при чем здесь гамбит, но теперь все встало на свои места. Я —

разменная монета, пешка, которой легко пожертвовали в войне с моей сестрой.

«Не могу поверить...»

Я настолько потеряна, что не могу пошевелиться. До меня медленно доходит, что Кристина и Адель были в курсе — это очевидно. Но если последняя понятно почему так ненавидит мою сестру — за свою мать и откровенное издевательство над ней, — Крис? Мне всегда казалось, что она любит Лилю, да и меня тоже...

«И как она могла поступить так со мной? Да даже Адель? Мы же были подругами...»

В голове почему-то слышу фразу Димки: «Адель не такая сказочная принцесса, как тебе кажется!». Тогда мне думалось, что это отсылка к ее капризному характеру, но теперь слова получили какой-то новый, сакрально-пугающий смысл. Хмурюсь, моргаю и стараюсь разобраться, пока не понимаю еще кое что, что бьет гораздо сильнее...Рома.

«Он не мог не знать...» — в памяти всплывает воспоминание о моем дне рождении и тот странный разговор у моих любимых окон.

Он просил простить его тогда. Вот за что на самом деле он просил прощение, а не за мой «испорченный праздник». Он уже тогда все знал и именно об этих "границах" спрашивал на самом деле.

«Ему хватило наглости просить у меня разрешения меня же предать!»

Мой лучший друг. Сын моей крестной матери. Человек, с которым я росла, наконец! Вонзил мне в спину нож по самую рукоятку, а перед этим поинтересовался в какую сторону лучше крутить: по часовой стрелке или против?

Алексей, который, как мне казалось, нормальный, на деле такой же мудака. Его старания запугать своим «Максимилианом», ни что иное, как попытка отвернуть меня от него.

«Наверно в какой-то момент по плану он должен был мне признаться, и, наверно, по плану уже самого Алексея, я бы испугалась. Он просто хотел, чтобы его брат проиграл...»

Я, конечно, не питала иллюзий, но...мне действительно почудилось, что мы поладили. Его проникновенные речи о том, как я отличаюсь от своей сестры, очевидно, лишь очередная попытка быть ко мне ближе.

Снова в голове крутиться мое день рождения и еще один странный разговор, но на этот раз с двумя сторонами одной сделки. Я помню, как неловко себя почувствовала, когда оказалась зажата между ними, как это было странно. Алекс... — *«Максимилиан, он Максимилиан, а не какой ни Алекс, дура!»*

Но так сложно перестроится и поверить в это...

«Неужели они хотели что-то сделать со мной? Это и была попытка "раскрепостить"?» — *«Почему я об этом думаю вообще?!»*

Да потому что помню, как они оба касались меня, я поэтому то и испугалась, буквально отпрыгнула на безопасное расстояние. Тогда я отмахнулась от всех подозрений и предчувствий, списав на свое ЧСВ, а сейчас, вспоминая эту ночь по-кадрово и имея такой бэкграунд, все становится на свои места.

Алекса может ко мне тянуть, и не заметила всех тех ужимок и странностей, которыми меня разве что не тыкали лицом!»

17; Октябрь

В Балетной академии учились разные девочки: кто-то, как Адель — богатые наследницы, и такие, как я, *как бы обычные*. Всех нас, не смотря на жирный, социальный разрыв, связывало одно: каждый, кто попадает в эти стены, четко понимает, что по итогу не все получают золотой билет на сцену Большого театра. Примадонн много не бывает, да и труппа не с бесконечным счетчиком мест, поэтому все ученицы «от мала до велика» делятся на три категории: как Адель — большие балетом будущие звезды и звездочки поменьше, как я — со стремлением проявить себя в других сферах, осознавая, что балет не их стезя, и тех, кто искал себе «тягача». В нашем тесном, «дружном», женском коллективе так называли богатого принца на белом мерседесе, за которого можно зацепиться и жить припеваючи. Первая категория учениц дневала и ночевала в залах, занимаясь своими личными, закулисными кознями, вторые корпели над учебниками, а третьи при любом, удобном случае сваливали в клубы, рестораны или на выставки. Лиза не относилась ни к одной категории.

Ей давно надоел балет, да и балериной ей не стать чисто по физическим показателям. Это стало понятно, как только ей стукнуло тринадцать: бурное половое созревание вылилось в третий размер груди и задницу, что вываливалась из купальника — какой балет? Она больше походила на стриптизершу, и не потому что выглядела вульгарно, а просто из-за своей конституции тела. При всем при этом, она и к «искателям тягачей» относилась с натяжкой. Ей нравилось внимание, нравились свидания, так как она была красивой, на нее обращали внимания состоятельные мужчины, но они для нее являлись скорее развлечением, а не способом «выжить». К моим «братьям по категории» она тоже не имела фактического отношения. Лиза была далеко не душой, а напротив очень способной, но, казалось, что ей просто *неинтересно*. Ни одна область не смогла захватить ее настолько, чтобы она была готова посвятить ей жизнь. Если только сплетни можно считать за призвание...

Я довольно часто задавалась вопросом: как от такого количества информации, ее голова не взрывается? Лиза знала все и о всех. Скандалы с родителями, стычки внутри нашего змеиноного логова, количество «тягачей» на квадратный метр одной задницы — все это собиралось и бережно хранилось где-то в недрах ее светлой головы. Мы с Лизой не были подругами и общались весьма странно, но общались. Адель не одобряла это, всегда шипела, если видела нас вместе, как мокрая кошка, и если когда-то я думала, что это, возможно, ревность, то теперь мне виделось все в других тонах.

«Возможно она видела в этом общении угрозу? Мало ли что Лиза могла мне рассказать?»

Я ничего у нее не спрашивала в действительности, просто мне было с ней комфортно, как ни с кем больше в Академии, но этого я никогда не говорила своей «подруге».

«Она не поняла бы, потому что мы слишком разные.» — всегда думала я, отмахиваясь от очередной сцены, которые в последний год стали требовательней.

Скорее всего Адель действительно боялась, что я вдруг начну интересоваться «тягачами» и нечаянно затрону тему ее братьев, которые так круто меня опрокинули.

Наверно стоило. Да, Адель Лизу никогда не любила, называя крысой и «копательницей», я же всегда относилась к ней скорее с уважением. В десятом классе путем шантажа и грязных инсинуаций, она выбила себе ведущую роль в «Белоснежке» — и это было красиво. Мне такой усидчивости не хватало, да и чужая жизнь слабо волновала, но как-то раз, разговаривая с ней по душам, она бросила такую фразу:

«Кто владеет информацией, владеет миром. Всегда полезно иметь пару грязных секретиков в загиашнике, особенно, если ты дочь алкашей из Химок, а вокруг одни племенные кобылы».

Такому девизу ее научила старшая сестра. В этом был свой шарм и огромный смысл, как показала практика: я вряд ли смогу когда-нибудь представить себе, что она попала бы в такую позорную ситуацию. Думаю, что Лиза могла бы много чего интересного рассказать, не бесплатно, само собой, но с деньгами проблем не было.

«Не было...»

Сейчас и это изменилось. Мне было известно, что ее сестра еще более обширный кладезь информации, и если с младшей удалось бы договориться за что-то несущественное или за услугу, то со старшей вряд ли. По тонким намекам Лизы, я поняла, что Оксана — так ее звали, — любит подзаработать, продавая различные грязные секретики. Мой «секретик» будет стоит очень дорого, даже я это понимаю, но проблема заключалась в том, что все мои деньги остались в квартире Лили, да и вряд ли мне хватило бы тех несчастных грошиков. Это лишь пыль, уверена, что за информацию под грифом «секретно», мне выкатят счет, от которого даже у моей скромной персоны упадет челюсть. Но разве у меня есть выбор?

Успев купить телефон почти в последние минуты работы магазина, я выхожу на улицу и сразу меняю симки. Мой старый, разбитый айфон летит в мусорку — чинить бесполезно, дешевле новый купить, чем заниматься этим мазохизмом. На смену ему приходит обычный, кнопочный, но шикавать сейчас не вариант. Да и, если честно, плевать. Я, как одержимая, лечу к своей цели и набираю номер.

Лиза соглашается встретиться со мной без уговоров, даже когда я озвучиваю свое желание поговорить с ее сестрой. Конечно, она немного удивляется, но не задает слишком много вопросов, вместо того называет адрес. Я нахожусь на Киевской, а они живут на Чистых прудах — у меня есть время подумать, настроить себя на самое плохое, но как только я сажусь в такси, все схлопывается. В один момент мандраж есть, он кусает меня за пятки и не дает усидеть на месте, а в следующий наступает полнейший штиль. Я ничего не чувствую, наблюдая, как мимо проносятся здания, словно смотрю на все со стороны или вовсе в кино. Станный способ психики защитить себя от травмы, но стоит признать, что так не слишком уж страшно узнать что-то ужасное — если и будет плохо, то будто не со мной, а с кем-то другим.

Лиза впускает меня в квартиру небольшой, аккуратной пятиэтажки, и когда я попадаю в нее, невольно озираюсь. После ее слов об «алкашах из Химок», я не ожидала увидеть ничего выдающегося, но ошиблась. Квартира с дизайнерским ремонтом в преобладающих синих оттенках и с акцентами белого: двери, мебель, рамки у картин с фотографиями, скорее всего, кого-то популярного и знаменитого. Не знаю, почему так думаю, но что-то мне

подсказывает именно это — наверно какой-то внутренней радар, который, к сожалению, дал сбой в самый ответственный момент.

— Неплохо для сброда, да?

В голосе Лизы слышится гордость, и понятно почему. Снять такую квартиру стоит немало, ближе к ста пятидесяти тысячам, если не больше. Я бросаю на нее короткий взгляд, а потом киваю, начиная медленно раздеваться.

— Мы ее снимаем, конечно же, точнее Оксана снимает.

Гордость повышает градус, а я и не мешаю. Вижу по блеску в глазах, что ей хочется рассказать и показать, какая ее сестра молодец, а разве это не так? Мне доподлинно известно, что у нее нет мужчины, который за нее платит — она сама вертится, как хомяк в колесе. Вроде как работает в каком-то журнале, строит карьеру, добивается...

«А Лиля сидит на члене...» — ежусь, но пересиливаю себя и слабо улыбаюсь.

— Не думала, что в газетах столько платят.

— О, ее повысили! — радостно сообщает Лиза, указывая на коридор, куда я иду за ней следом, — Она теперь редактор. Знаешь, я даже стала думать, что может и я бы смогла себя реализовать в этой сфере? А что? Мне нравится говорить, я знаю много людей...

Ее щебет я больше не слушаю, а подхожу к окну, сжав себя руками. Накатывает тошнота. То чувство онемения немного отходит в сторону, сменяясь очередным приступом нервяка.

«Зачем ты это делаешь?! Вали пока не поздно! Забудь! Просто, твою мать, забудь!!!»

Но разве я могу забыть? Нет! Беру себя в руки, чтобы правда через секунду вздрогнуть, когда Лиза касается моего плеча. Отстраняется. Хмурится. Она пытается понять что-то для себя, я же пытаюсь снова натянуть маску на лицо, пару раз моргнув.

— Что такое?

— Да звала тебя, а ты как зомби стоишь и пялишься в одну точку. Все нормально?

— Да.

— Волнуешься?

Молчу. Лиза понимает мою тишину на свой лад, звонко смеется и мотает головой.

— Мел брось. Оксана раньше активно продавала разного рода информацию, и ты далеко не первая...

«Понятно. Она думает, что я хочу что-то о ком-то разузнать. Это, конечно, так и есть, но ни о каких тягачах не идет речи. Все гораздо круче, твою мать...»

— ...Она таким больше не занимается...как бы...Но знаешь? Нет, нет, а к ней иногда приходят девчонки, чтобы разузнать что-то особенное о ком-то особенном.

— Понятно.

— Ну и? Кто он?

Бог все-таки есть. Входная дверь хлопает, и все внимание уходит именно на этот звук, отписывая мне маленькую отсрочку.

— Лиза? — кричит из прихожей приятный, достаточно глубокий, взрослый голос, и Лиза улыбается.

— Мы на кухне!

Мне снова становится не по себе. Я с трудом могу вспомнить такие простые радости, как обычный зов вглубь квартиры, после долгого дня — к сожалению, этого почти нет. Мы жили вместе только когда я прилетела в Москву первые три месяца, и то она постоянно сбегала на свиданки. По факту она бросила меня уже давно, а я так долго и упорно не замечала этого, а сейчас, на фоне других сестер, которые так сильно друг за друга держаться,

эта классная деталь, словно бельмо на глазу.

«Больше не спрячешь голову в песок...»

Выбрасываю эти мысли прочь — я здесь не для того, чтобы сокрушаться о наших потерянных связях. Я здесь, чтобы узнать: почему Максимилиан Александровский потратил на меня целый год своей жизни? Что такого сделала Лиля, раз я расплатилась за это все собой? Почему на самом деле он ее так ненавидит? Здесь явно что-то большее, чем простая «нелюбовь» к «любви» своего папаши... И, наконец, я здесь, чтобы узнать: кто на самом деле такой Максимилиан Александровский и как глубоко я влипла?

На пороге появляется Оксана собственной персоной, как маяк во тьме. Она — яркая платиновая блондинка с короткой стрижкой. Среднего роста, но с хорошей фигурой, так похожей на фигуру сестры — видимо генетическое...

«Я абсолютно уверен, что от генетики далеко не уйдешь...», — звучит в голове *его* надменный голос, и я неосознанно сжимаюсь.

Любое, даже ненароком легкое касание этой темы, приносит мне физический дискомфорт, как если бы на открытую рану кто-то решил насыпать пуд соли. Оксана и здесь выступает чем-то вроде спасательного круга, улыбаясь и кивая.

— Ну привет...значит ты Амелия?

— Да.

— И ты хочешь... *поговорить?*

Решаю, что заходить издалека глупо, да и нет у меня терпения играть во все эти «заискивания». Расправляю плечи, вздергиваю нос, чтобы казаться больше и значительнее, после чего чеканю.

— Я хочу узнать все, что можно о Максимилиане Александровском.

Как будто замирает время. Стоит этому имени слететь с губ, оно заставляет двух сестер застыть, словно оно и есть то самое, заветное заклинание. Но я не отступаю. Смотрю твердо, спокойно, холодно и точно на Оксану, которая даже своим смешком не сбивает меня с такого настроения. И Лиза не сбивает, когда шепчет, придя в себя.

— Амелия...выбери кого-то попроще...

— Я хочу знать о нем все, — перебиваю девушку, делая шаг на ее сестру, — Включая его детальную историю с моей сестрой.

— А кто твоя сестра?

Я почти благодарна Лизе за то, что она не говорила об этом факте. Конечно она знала — это не было секретом ни для кого в Академии, где я много раз получала по голове за свое родство, — но также она знала, как остро я реагирую. Это попытка позаботиться о «почти подруге», и я ее ценю, хотя и настроена разрушить. К сожалению, иначе никак.

— Лилиана Романова.

Очередное имя-заклинание, правда явно слабее. Оксана быстро приходит в себя, наклоняет голову на бок и, отставляя сумочку на барный стул, усмехается.

— Знаешь, когда-то твоя сестра приходила ко мне точно с такой же просьбой...Прости, что не узнала. Вы не похожи.

— Спасибо. Вы знаете о том, что было между ними?

— Все знают, но никто тебе не расскажет.

— Почему?

— Потому что эта тема под запретом.

— Угадаю сама. Его отцом?

— Максом тоже.

— И вы его не нарушите?

— Могла бы... — загадочно протягивает, резко поднимая глаза от созерцания своих ногтей, — Но ты понимаешь, что такая информация будет стоить очень дорого? Я сильно рискую.

— Мне она нужна для личного пользования.

— Надеюсь, что ты отдаешь себе отчет в том, что с Максом тебе ничего не светит? — молчу, она легко пожимает плечами, — Он ненавидит твою сестру и близко не подойдет к тем, кто с ней хотя бы косвенно связаны.

Кидаю на стол свой рубиновый крест и давлю грусть, наблюдая за тем, как он со скрипом добирается до обратной стороны, где как раз стоит Оксана. Конечно мне жаль с ним расставаться, но я когда-нибудь найду возможность его забрать, а получить информацию другим способом вряд ли сумею. Это «необходимое зло». Так я себя успокаиваю, когда мое родное украшение достигает точки невозврата, попадая в ее пальцы с длинными, красными ногтями.

— Крест из платины высшей пробы с бриллиантами и рубинами. Он стоит несколько миллионов. Этого хватит?

— Ты настроена серьезно?

— Значит хватит, — сажусь без приглашения за стол и киваю, — Рассказывайте.

Не буду скрывать, что она мне не нравится. Лиза тоже собирала сплетни, была той еще занозой в заднице, упрямицей и любительницей поиграть, но сестре своей в подметки не годилась: почему-то в голове возник образ гиены. Вот на кого была похожа эта женщина, пусть внешне и была прекрасна — Оксана самая настоящая сука и стерва, которая мать родную продаст за пару золотых монет. Конечно, очевидно, ее мать не стоила и одной, но сам факт... Стоило ей схватит своими лапами крест, как глаза зажглись бешеным огнем — деньги-деньги-деньги. Тут все понятно. Она алчная и жестокая, для Лизы, по крайней мере пока, всё это игры, потому что я ни разу не видела в ней такого упоения своей властью, как было в случае с ее сестрой. Даже сейчас она смотрит на меня и словно просит прощение за поведение Оксаны: отхватить мой крест за реальные пару миллионов — это сильно. Отказаться? Да ни за что. Оксана читает мое отчаяние и, скорее, специально накрутит цену, чем ее уменьшит. Лиза не такая, она более мягкая... Пока ее сестра мысленно прикидывает, куда вложит деньги от продажи части моего сердца, наполняя три бокала вином, я коротко улыбаюсь Лизе, мол, ничего страшного, не переживай, а сама думаю...

«Надеюсь, что ты такой никогда не станешь...»

— Я тебе не нравлюсь?

— Нет, — честно признаюсь, переводя на Оксану взгляд, на что получаю очередную усмешку и свой бокал с вином, который она толкает указательным пальцем.

— Ты действительно не похожа на свою сестру.

— Я здесь не для этого.

— Я поняла зачем ты здесь, но твоя сестра была умнее.

— Это вряд ли.

— Ну по крайней мере она умела найти подход к каждому, — улыбается она, толкая бокал на этот раз сестре, — Судя по всему умеет до сих пор.

— Либо она классно делает минет. Одно из двух.

Оксана расширяет глаза, явно не ожидая настолько жесткой прямолинейности, но даже

Лиза, которая еще как ожидает, все равно давится вином и начинает хихикать тире кашлять. Я не обращаю на нее внимания, вообще ни на что, смотрю точно на Оксану и холодно цежу сквозь зубы.

— Я заплатила и хочу получить свою информацию. Начинайте.

— С чего конкретно начинать? Ты задала два вопроса.

— Что связывало мою сестру и Максимилиана?

Молчит. Оценивает. Я знаю, что оценивает, взвешивает риски. Думаю, что скорее всего мой настрой ее немного пугает, но, как мы уже выяснили, деньги перевешивают все опасения. Оксана слегка улыбается, потом пожимает плечами и, смотря в свой бокал, просто произносит.

— А что их связывало? Любовь.

Твою. Мать.

Упираю голову в костяшки пальцев и молчу. Она гудит, как будто внутри рой пчел, а сердце глухо долбит в груди. Я до последнего надеялась, что мне показалось, хотя все видела своими глазами — Лиля и есть та самая женщина, которая ушла от него к его отцу. Которую он любил. Которую сейчас так дико ненавидит, что, очевидно, до сих пор любит.

«На меня он так никогда не смотрел...» — пробежала мерзкая мысль, и я хмурюсь сильнее, — «И кем тогда была я? Не только пари, но и заменой? ...»

Резко шумно выдыхаю и выпрямляюсь, отодвигая все эти мерзкие мысли в сторону, снова стоически выдерживаю взгляд Оксаны, киваю.

— Я хочу знать детали их отношений. Вы это знаете?

— Это знает весь бомонд, моя милая.

— Тогда чего мы ждем? Продолжайте.

Оксана присаживается на стул напротив, поднимает бокал к уровню своего лица и, слегка им побалтывая, отгибает уголки губ вниз.

— Впервые Лиля увидела его на одной вечеринке в клубе, куда ее по чистой случайности пригласили за очевидно прекрасную внешность. Но она с ним не познакомилась — это было нереально.

— Почему?

— Потому что холопов не пускают в ВИПы, даже если они похожи на Лилиану. Вообще она приехала в Москву...

— ...Пропустим эту часть, которую я и без вас знаю. Где вы познакомились?

— На другой вечеринке, куда ее снова пригласил диджей с той первой. Они познакомились на танцполе и...он, как и многие другие, пали перед ее чарами.

Кривлюсь, закатываю глаза, но всё же киваю. Знаю, конечно, я такое сто раз видела: мужики по ней просто с ума сходили, стоило ей взглянуть на них хотя бы раз.

«И он в этом списке...» — «Заткнись!»

— И они познакомились там тоже?

— Нет конечно. Максимилиан был недосягаем до кого-то, вроде нас с ней.

— И вас тоже?

— Милая, я дочь алкашей из Химок, и не сразу получила все, что ты сейчас видишь вокруг. Когда мы познакомились с Лилей, я лишь начинала поднимать голову.

— Собирая секреты.

— Информацию.

— Будь по вашему. И что было дальше?

— Я предложила ей помощь, когда увидела, как она на него смотрит. Мне невольно досталась роль сводницы, и знать о богатых мужиках как можно больше — моя работа. О Максе я знала все. Слишком много желающих...

— Дальше.

Она слегка щурит глаза, когда я в который раз обрываю ее попытку выйти на заливание мне в уши воды, хмыкает, но покорно соглашается, кивая.

— В твоей сестре сразу был виден потенциал. Она не дура, а главное умела подать себя с нужной стороны. Еще Лиля достаточно красива, чтобы ему понравится, и, к тому же, его типаж. Он всегда предпочитал моделей...

Снова укол в сердце — *«Верочка...»*

Перед глазами невольно возникает ее образ: голая, идеально прокаченная, с длинными ногами и упругими, большими сиськами. Я корю себя за то, что была так слепа: она слишком хороша, чтобы трахаться с "ником", на одном уровне с Лилей...

«Представляю, как ему приходилось переступить через себя, ложась в одну постель со мной...»

Вонзаю ногти в ладони, чтобы разогнать и мысли, и образ, и упрямые факты, точно сумеречный туман. Он поддается, слава богу, и я могу сосредоточиться на Оксане, которую уже утянуло волоком к своему внутреннему, неисчерпаемому колодцу. Она щедро льет воду, разбрызгивает ее, улыбается, и я шиплю на себя за то, что вовремя ее не остановила, и одновременно цежу уже для этой "сводницы".

— Достаточно. Вернемся к теме. Вы говорили про потенциал и все такое. Что было дальше?

— Я решила поставить на твою сестру.

— В смысле?

— Протолкнешь одну птичку на Олимп, сама получишь доступ. Все просто.

— Услуга за услугу?

— Не так элегантно звучит, но да. Она пришла сама, после пары совершенно провальных попыток, и я поделилась с ней своими знаниями, помогла составить план, и через месяц Макс готов был ради нее на все.

— Почему весь бомонд знает об их отношениях?

— Потому что они были страстными и очень громкими.

Меня внутренне передёргивает, но внешне я остаюсь холодна, как лед, по крайней мере судя по отсутствию реакции двух сестер. Это хорошо. Не хочу давать этой гиене какие-то поводы для раздумий — мне это ни к чему. Мой позор останется между мной и...

«И еще непонятно сколькими людьми...»

Становится все сложнее бить себя по рукам, но я делаю это, на секунду прикрыв глаза.

— Он ее любил? — голос дрожит, и это очевидно.

Провал. Оксана смотрит на меня долго, пронизывающе, но то ли не может поймать суть за хвост, то ли хочет убедиться — не знаю. Я слишком сильно хочу услышать ответ на этот вопрос, хотя уже его слышу в своей голове.

«Да.»

— Да.

Еле сдерживаюсь, чтобы не выдать себя, держусь, а Оксана делает глоток и улыбается.

— Вообще даже я такого не ожидала. Он стал ручным с ней, видел только ее, ни на кого не смотрел больше. Макс разогнал всех своих "подружек на одну ночь", хотя раньше заявлял,

что ни с кем не будет встречаться...

Сердце начинает биться быстрее. Я уже слышала эту историю раньше и как раз, когда просила у сестры совета сблизиться с ним...

«То есть...Мы не знали, но говорили об одном и том же человеке?! Господи, это просто отвратительно...» — *«И она...я помню, как странно скакнул ее голос...неужели?...»*

— Она его любила? — спрашиваю раньше, чем успеваю взвесить все риски для своего бедного сердца, на что в ответ Оксана небрежно пожимает плечами.

— Поначалу нет. Он был лишь билетом в красивую жизнь, но все быстро изменилось.

— В какую сторону?

— В самую, что ни на есть "ту".

— То есть это да?

— Да. Если бы ты застала их вместе, то поняла бы все сама.

«А я и застала...»

— ...Думаю, что между ними до сих пор все воспламеняется...Такие чувства не проходят никогда. Даже когда появился его отец, она не хотела...не могла закончить отношения с Максом. Она была, как на перепутье, и, хоть разумно было бы сразу уйти к Петру, она просто не могла. Думаю, что Лиля до сих пор его любит, хоть и пытается скрыть и задавить эти чувства где-то глубоко внутри себя.

— Вы дружили?

— Когда-то да.

— А сейчас?

— Хочешь знать, узнает ли Лиля, что ты была у меня?

— Допустим.

— Нет, не узнает. Моим клиентам гарантирована анонимность, иначе ко мне никто не будет обращаться.

— Звучит немного крипово.

— Лишний заработок на стороне и соединенные сердца — это крипово?

— Ты типа мамочки? — усмехаюсь, складывая руки на груди, — Приводишь шлюх к заказчикам, а они взамен пускают тебя на Олимп?

— Грубо, но да, — спокойно отбивает, пожимая плечами, — Так и есть.

«Господи, фу...какая грязь...»

— Он ее сильно ненавидит? — задаю глупый вопрос, но получаю положительный ответ. Полный, положительный ответ.

— Он ненавидит ее также сильно, как любил. То есть безумно.

— Чем это чревато?

Оксана замирает, а я придвигаюсь ближе, серьезно смотрю на нее, потом тихо задаю свой последний, самый, возможно, важный вопрос.

— Кто на самом деле такой Максимилиан Александровский и на что он способен?

— Ты здесь не для того, чтобы узнать его слабые стороны и соблазнить?

— Мои мотивы останутся при мне.

— Если это попытка защитить твою сестру...

— Твою мать, просто ответь! — не выдерживаю, повышая голос, от чего Оксана резко отстраняется.

Не сдержалась. Меня так достали ее попытки тянуть резину, что я просто не смогла подавить эти эмоции, хотя и получила ответ, который так хотела.

— Он — сраный, ночной кошмар.

— Ты его знаешь лично?

— Да. Лиля нас знакомила в свое время, мы с ней общались достаточно тесно.

— И? Это все, что ты можешь сказать?

— А что еще добавить? Он. Сраный. Ночной. Кошмар. Перейдешь ему дорогу — тебе крышка.

— Поподробней можно?

— Он способен на что угодно. Макс умный, хитрый, умеет находить контакт, если это нужно, а также не боится играть грязно. Для него нет понятия совести, особенно если он чего-то хочет. Прет вперед, как танк, а все попутные жертвы — включенные в смету потери.

— Если он такой монстр, почему моя сестра еще «дышит»?

— Потому что ее защищает его отец, но я бы на ее месте почаще оборачивалась назад. Макс так просто не простит ей всего, что она ему сделала. Он отомстит, а мстить он умеет. Нет никого лучше на этом поприще, чем он.

— Он способен абсолютно на все?

— Он хладнокровен в этом вопросе, так что да. Конечно...

Недвусмысленно замолкает, выдерживает паузу, которая меня прямо бесит. Я скриплю зубами, но даю ей то, чего она так ждет: подчинения. Оксане действительно нравится смаковать свою власть...

— Что "конечно"?

— Конечно твоей сестре все равно не грозит "перестать дышать".

— Почему?

— Я же уже сказала: такие чувства, как у них, не проходят. Да, он отомстит ей, жестоко накажет, но никогда не причинит ей настоящего вреда. Кому угодно, но не ей.

Тут она права. Лиле он и не причинил "настоящего" вреда, а отыгрался на мне. Ей это, конечно, не понравится, ранит, но чтобы она после этого не оправилась? Нет. А вот я... Больше всех во всей этой истории пострадала именно я, и мне неизвестно, смогу ли когда-нибудь по-настоящему забыть историю, как меня методично и жестоко уничтожали на протяжении года... Уже не имеет значения, что я ничего не сделала. Как и думала, это никогда и не имело значения. Я — жертвенный материал, пешка, которую можно легко пустить в утиль, ради победы над королевой. Думаю, что когда я решила закончить все, что нас связывало, круто спутала ему карты. **МАКСУ** ничего не оставалось, кроме как пойти ва-банк. Он никогда не был в меня влюблен, я ему даже, скорее всего, не нравилась. Все, что было — хорошо отрепетированный спектакль, развод и часть плана по отмщению.

«Как можно забыть это? Как можно перестать представлять, что ему приходилось переступить через себя каждый раз, когда он ложился со мной в постель? Говорил со мной? Спорю на что угодно — это было дико сложно, я же не модель, я не в его вкусе, и я совершенно точно не моя сестра... которую он на самом деле любит...»

Вот и все. Сказка закончена, розовые очки окончательно разбиты. Отношения, которые для меня значили буквально все, по факту не значили ничего. Это лишь обман... иллюзия...

Глава 3. Рухнувшая плотина. Амелия

17; Ноябрь

Боб Марли говорил: «В музыке есть прекрасная вещь — когда она попадает в тебя, ты не чувствуешь боли.» Я тоже так считаю, по крайней мере она всегда вытягивала меня даже, казалось, из самых темных ям. Моя теперешняя яма вообще беспросветна. Откровенно говоря — это абсолютная тьма. Да-да, я знаю, что ничего абсолютного не бывает, Настя это часто повторяла, когда говорила о чем-то негативном, будь то новости о каком-то преступлении или особо свирепый учитель вокала в ее школе. Она считает, что во всем есть две стороны Луны, но сейчас я с ней не согласна. Я не вижу ничего светлого, поэтому предпочитаю не смотреть вовсе.

Наверно, я не отдаю себе отчета в том, что сейчас происходит, чувствую себя не совсем в адекватном состоянии. Снова появилось это «будто со стороны», я не до конца понимаю, что все это реально, и не хочу разбираться. Мне страшно. Кажется, если я начну копать в прошлом, то оно утянет меня туда, откуда нет возврата, поэтому снова выбираю единственный выход, который понимаю на сто процентов — бежать.

Я запрещаю себе думать, вспоминать, будто отгородилась от случившегося толстой стеной, обвесив ее цепями. Все, что я сейчас делаю — это играю, как одержимая, ведь все еще верю Бобу Марли и, кажется, он прав. Правды ради, я вообще ничего не чувствую, но это уже другая история. Главное, я не чувствую боли. Эмоциональная импотенция в данном случае подъемная, справедливая цена, которую я готова заплатить.

17; Октябрь

Пихаю по сумкам все свои пожитки быстро, не разбираясь. Проверяю наличку. У меня осталось всего сто тысяч, на которые надо прожить до мая, но мне неважно и это. Я просто бросаю все в рюкзак, воспользовавшись мудростью Скарлетт О'Хара: подумаю об этом завтра. Сейчас мне не до того. Я хочу убраться отсюда подальше. Плевать куда, хоть на вокзал, но как можно дальше. Сердце дико барабанит в груди, в ушах звенит, и, наверно, поэтому я не слышу и не осознаю, что в комнате уже не одна...

— Амелия!

Мое имя шумит, как окончательный раскол чего-то хрупкого. Я резко выпрямляюсь, смотрю перед собой и буквально кожей ощущаю те осколки, которые сыпятся на пол водопадом. Не хочу ее видеть. Не могу смотреть ей в глаза, и не только потому что она в курсе моего унижения.

Потому что она все знала и молчала.

— Амелия! — повторяет более громко, зло, но при этом в голосе ощущается волнение.

Плевать. Я только ускоряюсь, пихая шмотки в рюкзак еще более остервенело, но через миг запястье оплетает ее пятерня. Лиля резко поворачивает меня на себя, схватив за предплечья, и встряхивает.

— Ты слышишь меня?!

— Убери руки, — цежу сквозь зубы, она хмурится.

Раздувает яростно ноздри, но предпочитает исполнить мое предостережение и даже отходит на шаг, и, только оказавшись на безопасном расстоянии, снова разгоняется.

— Что ты вытворяешь?! Ты хоть понимаешь...

— Он мертв?

— Нет! — удивленно-зло взвизгивает, а я не менее зло усмехаюсь, опуская взгляд в пол, — Ты попала ему в плечо! Пуля прошла навывлет!

— Очень жаль.

— Очень жаль?! Ты хоть понимаешь, как тебе повезло, а?! Если бы ты ранила его серьезно или, не дай Бог, смертельно, его отец...

— Мне плевать.

— Тебе плевать?! Ха! Ты просто идиотка! Макс — его любимый сын! Он его наследник!

— Михаил старший...

— Миша никогда не займет его место! Петя не воспринимает его, как приемника, твою мать! А Макс...

— Не произноси это имя, — рычу, а потом шурюсь, — И раз он так его любит, какого хера тогда ты лежишь в постели не сына, а отца?!

Лиля теряет дар речи, явно не ожидая, что я в курсе таких подробностей, на что в ответ я фыркаю и беру за молнию рюкзака, чтобы его закрыть. Это выводит ее из состояния немого овоща...

— Куда ты собралась?!

— Подальше отсюда. Подальше от *тебя*.

Хватаю рюкзак за ручку и срываю его с кровати, но стоит мне сделать шаг к двери, Лиля хватает меня за руку, не смотря на предостережения, и дергает обратно. Теперь мне приходится смотреть на нее, ей в глаза, и я знаю, что транслирую ни что иное, как ненависть. Я ее ненавижу за то, что она ничего мне не сказала. То и дело в голове на репите крутится то «чаепитие» на Кутузовском, и я чувствую себя такой идиоткой! Они сидели друг на против друга, улыбались, но все прекрасно понимали — спорю на что угодно, что даже шушукались у меня за спиной. И ладно все они — Рома, Кристина, Адель, — но она?! Лиля моя сестра, которая тоже предала меня и предательство ее гораздо хуже остальных...

— Ты злишься на меня?! — понимает сразу, но меня так бесит ее «показательное выступление», что я делаю шаг и ору, уже не сдерживая себя.

— Хватит! Я все знаю, ты слышишь?! Я знаю правду!

— Какую правду?!

— Закрой свой вонючий рот!

Мы замолкаем, я тяжело дышу, меня снова трясет, а Лиля слегка отступает. Она боится меня, но я никак не концентрируюсь на этом — все, чего я хочу, хотя бы немного успокоится. Взять себя в руки. Чтобы поставить последние точки. Один раз глубоко вдыхаю, сжимаю с силой кулаки в попытке избавиться от тремора, потом выдыхаю и резко расслабляю пальцы, распахиваю зажмуренные глаза. Так я снова вхожу в состояние полной анестезии, еще мгновение смотрю ей в глаза и холодно чеканю.

— Никогда больше не смей ко мне приближаться.

— Амелия...

— НИКОГДА!

Я повышаю голос, но эмоций нет. Это скорее желание заставить себя слушать, которое вдоволь удовлетворяет эту потребность — Лиля снова затыкается, и когда это происходит, я

расставляю точки над «і».

— Все кончено. Ты мне больше никто. Я не желаю тебя знать, не желаю тебя видеть и слышать — все кончено. За твое предательство я тебя никогда не прощу.

— Какое предательство?! — выдыхает, а в верхней октаве стоят слезы, но и на это мне плевать, как и на жалкие попытки оправдаться, — Я тебя не предавала, а пыталась оградить от него!

— Ты ничего мне не сказала.

— А как бы я сказала?

Из ее глаз таки вырываются две крупные капли, которые Лиля быстро смахивает длинными, наманикюренными пальцами, и снова делает ко мне шаг, шепча.

— Амелия, пожалуйста... Я хотела, как лучше. Хотела оградить тебя от боли... Да, я все поняла сразу, как увидела вас, но сама подумай! Что я могла сказать?! Ты была такой счастливой, ты в него влюбилась и...

— Закрой рот.

— Но это же так и есть! Я видела тебя, как ты на него смотрела, и что бы я сказала?!

— Правду.

— Я бы разбила твое сердце...

— Ты его итак разбила. Это же твоих рук дело, да? Наше расставание?

— Измена и то, что было на самом деле — разные вещи. Лучше первое, чем вывалить на тебя все это дерьмо.

— Лучше бы ты рассказала сама, потому что лучше бы я узнала все от тебя, чем так.

— Я думала... — из нее вырывается сдавленный всхлип, на который я закатываю глаза и резко натягиваю лямку рюкзака на плечо.

— Прекрати рыдать, Лилиана, это пошло. Ты никак не пострадала, весь удар пришелся на меня.

— Ты думаешь...

— Закрой рот, — тихо шепчу и отступаю, — Уже нет смысла говорить. Поздно. Слишком поздно, Ли.

— Амелия...

— Не приближайся ко мне, предупреждаю по-хорошему. Если не послушаешь, я прострелю тебе коленные чашечки, а если и после этого не поймешь — выстрелю прямо в башку.

И вроде бы все, но в спину раздается глухой голос сестры.

— Он тебя не отпустит. Ты слишком много видела и знаешь.

— Трахни его, как ты умеешь, и он сразу забудет о моем существовании.

— Ты меня слышала?! Ты — угроза...

«Репутации?» — усмехнулась про себя, но голос оставался бесцветным, ранее мне незнакомым.

— Я не собираюсь никому рассказывать, какой мудака господин Александровский, все итак уже это знают. Все чего я хочу, забыть, что меня когда-то что-то связывало с ним и со всеми вами. Оставьте меня в покое. Прощай.

17; Ноябрь

Меня оставили в покое. Сейчас уже третье ноября, и почти две недели, как я больше

никого из них не видела. Что касается моего нынешнего пристанища — это гостиничный номер, который я наспех нашла еще в тот последний день, когда видела свою сестру. Пункта в моем списке по поиску квартиры не было. Я знала, что это слишком муторно и долго — мне было не до того, как в принципе и сейчас. Небольшая комнатка обычной «трёшки» вполне устраивала, потому что по факту я приходила туда только спать, все остальное время проводила в универе.

Одержимость фортепьяно поднялась до какого-то сумасшедшего уровня. Я могла играть часами, готовилась к тому самому концерту, искренне веря, что все изменится, как только я попаду на сцену. Это и работа, за которую платят какие-то да деньги, и отличный повод сбежать из реальности — и я сбегала. Больше меня не волновало ничего. Еда, сон, жизнь — все на автомате с мыслями, убранными подальше. Даже сейчас мне плевать.

Этот концерт значил для меня очень много. С того самого момента, как я о нем узнала, была так взволнована, что аж пальцы подрагивали, с таким упоением думала, представляла — он полностью захватил все мои мысли. Логично, что я давно знала, что одену. Я выбрала платье в «Европейском». Красивое, *дорогое*, на которое отложила деньги, и на которое сейчас мне не хватает. Оно стоило тридцать восемь тысяч, у меня столько и осталось — жить в гостинице, даже в такой простой, удовольствие не из дешевых. Может быть и надо было найти комнату или вообще хостел, но я об этом не подумала. Мой пофигизм сыграл здесь злую шутку, но мне настолько плевать, что я не волнуюсь — что-нибудь придумаю.

Сейчас, например, все примерно также. Я стою у витрины и смотрю на «когда-то» предел своих грез, и ничего не чувствую. Совсем. Штиль какой-то. Наверно, мне следовало бы расстроиться, но этого нет. Мне просто...на-с-ра-ть. С каменным лицом я разворачиваюсь и иду дальше по длинной аллее с магазинами, а когда равняюсь с популярным масс-маркетом, где продают достаточно обычные вещи по низким ценам, заворачиваю в него.

«Простое черное платье — это все, что мне нужно, а оно есть где угодно, и вообще кому какое дело, что на нем за бирка?»

Нахожу свой вариант почти сразу, беру вешалку со своим размером и иду в примерочную. Там снимаю свой шарф, куртку, черный бадлон, кучей кидаю на квадратный пуфик, а потом натягиваю «не-предмет-своих грез». Ткань отвратительная, какая-то пористая и царапает кожу, но в целом сидит неплохо. Нигде не давит, все нормально, по размеру — я очень похудела за все это время, так что примерка это всего лишь формальность. Смотрю на себя в зеркало недолго, только необходимый минимум, киваю и стаскиваю через голову. Освобождаюсь.

«Ну вот и все...к «большому дню» готова» — он будет завтра, и, так как на часах уже достаточно поздно, а мне еще ехать в гостиницу, я быстренько иду к остановке.

На улице страшно холодно, в этом году кажется, что и не ноябрь вовсе, а глубокий январь. Я грею руки дыханием, а потом вдруг поднимаю глаза на небо и вижу пухлые, взбитые снежинки. Когда-то я любила снег, но сейчас думаю иначе.

«Первый снег...ехать буду часа два, если не больше...»

Чуть ошибаюсь. До гостиницы я добираюсь за полтора часа из-за пробок. Уставшая от давки и такого огромного скопления людей, бреду по улице, кутаясь в свое серенькое пальтишко. Разумеется никаких зимних вещей у меня нет, но что поделать? Вздыхаю и дергаю за ручку, жмурясь от неприятного звука дверного колокольчика.

«Какое дурацкое клише...»

За стойкой ресепшена снова никого нет, но я уже привыкла. Здесь не стоит ждать

крутого сервиса, да я и не жду — если мне насрать на все остальное, то уж на это тем более. Плетусь к лестнице, мне на второй этаж, слава богу, потому что лифт здесь есть, но вечно не работает. Здесь вообще много чего не работает. Когда я только въехала, прямо на следующий день у меня прорвало трубу. Ну как прорвало? Приперся какой-то мужик и сказал, что на него капает, попросился посмотреть. Мне было плевать, я отошла в сторону и смотрела тоже в сторону, пока он копался под раковиной. По итогу она действительно текла, так что мне пришлось сидеть внизу в «ресторане», что по факту являлось обычной кухонной гарнитурой с стаканом ложек, вилок и ножей. Каждое утро здесь выставляли завтрак — кашу быстрого приготовления и бутерброды с колбасой. Все это было из раздела «по акции», так что жрать совершенно невозможно — я покупала себе сэндвич в магазине, тем и питалась.

Это я и сделала сразу, как зашла к себе. Небольшая комнатка с маленьким телевизором, ничего особенного, но ничего ужасного — просто пристанище. Я кидаю вещи рядом с кроватью, подхожу к подоконнику и плюхнулась на него, открывая пластиковую упаковку. Все, чего я сейчас хочу, чтобы этот день побыстрее закончился, поэтому ем наспех, устало потирая глаза. Да, я устала, да и пальцы болели, после моей экспрессивной игры на пианино почти четыре часа. Я уже планирую, как быстренько схожу в душ и залезу под одеяло, где смогу спрятаться с головой, как в коконе, но мои планы рушит короткий стук в дверь.

Сначала удивляюсь и замираю — я никого не жду, разумеется, поэтому дальше немного, кажется, пугаюсь. Я не уверена, потому что мне сложно определить из-за плотной ваты почти все свои чувства, но потом я вспоминаю про проблемы своего нового «дома», которые вырастают буквально из воздуха на ровном месте и цыкаю.

«Опять что-то случилось, вот сто процентов!» — откладываю сэндвич и иду открывать.

Мои предположения оказываются ошибочными, а вот первое колыхание в груди верным. За дверью стоит девчонка с проколотой бровью и огненно-рыжими волосами, которую здесь ласково называют «администратор», а не «оторва хренова» кем она по факту является. Она осматривает меня с головы до пят взглядом полным какого-то непонятого презрения, который дарит буквально каждому, кто посмеет к ней обратиться, и сует мне черную, матовую коробку с серебряными бантом и вложенной карточкой.

— Это тебе.

— Что это?

— А мне по чем знать?! — ядовито хамит, щурясь, — Открой и узнаешь.

— Кто прислал?

— Я тебе справочное бюро?! Парень какой-то притащил, вроде курьер. Бери уже, а! У меня работа!

Фыркаю, потому что знаю я, что у нее за работа — трепаться по телефону со своим парнем. Она делает либо это, либо дрыхнет в подсобке. Понимаю, что смысла разговаривать нет — закатываю глаза, вырываю коробку, а потом захлопываю дверь. Как ко мне, так и я: никакого тебе здрасте и до свидания. Да и не до этого мне, абсолютно не до условных формальностей и правил хорошего тона!

Смотрю на коробку и не могу пошевелиться, будто мне принесли бомбу или сибирскую язву. Сердце глухо стучит, отдаваясь в горле, и я снова еле дышу.

«Какого черта?!» — яростно сдираю ленту и распахиваю не знаю какой по счету ящик Пандоры.

От того, что я вижу внутри, я не просто застываю, у меня черные круги бьют перед

глазами. Это то самое черное платье, которое я так хотела, и к которому была так равнодушна пару часов назад. Это оно! Я бы узнала его из тысячи, как узнала того, кто его купил. Еще до того, как открыть конверт из *дорогой* бумаги, я прекрасно понимала, что там увижу. Но это не значит, я была готова это увидеть.

Красивым, каллиграфическим почерком ровные строчки:

«Одень его. Ту тряпку подари горничной этой дыры, в которой думала, что спряталась. М»

Руки трясутся так, что карточка падает к моим ногам. Я хлопаю глазами, а в голове вакуум — снова ничего не понимаю, но медленно поднимая глаза, догадка начинает рождаться. Она мне не нравится настолько, что с места я срываюсь со скоростью Флэша, стукаюсь о кровать бедром, чуть не падаю, но оказываюсь таки у окна и фактически прилипаю к нему носом. Жить почти в центре означает постоянную текучку, так что ничего удивительного в том, что машины ездят и ездят, нет. Они действительно прут одна за другой, и тогда я перевожу внимание на припаркованные тачки. Все дорогие, как на подбор, но я ничего подозрительного не вижу, а потом понимаю:

«А что я вообще хочу увидеть?! Я не знаю какая у него машина на самом деле...»

Также резко отстраняюсь. Думаю-кручу-сопоставляю и прихожу к простому и единственно верному выводу: это просто попытка напугать и показать, что он меня контролирует.

«Какова вероятность, что сам Максимилиан Александровский будет дежурить под моими окнами, да и зачем ему это нужно?!»

По факту то не за чем, но я все равно перед тем, как лечь спать, подпираю дверь стулом и зарываюсь на замок. Так. На всякий случай. И снова не могу заснуть...моя крепостная стена дала нехилую трещину — я медленно, но верно начинаю перебирать воспоминания о нас, и мне все сложнее сдержаться.

«Твою мать. Я тебя ненавижу!» — зло, упрямо смотрю в потолок, быстро стерев слезы, — *«Я тебя ненавижу!»*

Я волнуюсь и не знаю почему. Вчера так и не удалось поспать нормально, я просыпалась буквально от каждого шороха, несколько раз подходила зачем-то к окну, воровато выглядывала, но ничего так и не произошло. К утру я кое как убедилась, что это действительно хитрый, психологический ход конем, чтобы меня напугать: «Я слежу за тобой, я знаю, где ты и что делаешь. Откроешь рот — пожалеешь».

«Будто я собиралась это делать!» — фыркаю и чешусь. *От этой ткани, кажется, у меня будет аллергия, если уже не началась.*

За кулисами много народа и каждый нервничает, прямо как я. Стоит шум и гам, а воздух сперт и тяжелее сто килограммовой гири. Мне почему-то не по себе. Встаю со скамейки и прохожусь полукругом, уперев руки в поясницу. Сосет под ложечкой, а предчувствие чего-то ужасного просто не отпускает!

«Это все он! Объявился, будто специально! Как черт из табакерки выпрыгнул, ублюдок...» — резко останавливаюсь и закрываю глаза.

Образ этого черта возникает в голове при каждом упоминании и словно возвращает

меня на мое место. До меня медленно, но верно начинает доходить — это все действительно случилось. Со. Мной.

Тело покрывается мурашками, волоски встают дыбом — я отхожу от наркоза, и последствия вот-вот рухнут мне на плечи, чего я совершенно не хочу. Знаю, что будет дико больно, поэтому вонзаю ногти в ладони. Хочу отвлечься, снова забыть, снова думать, что это произошло с кем-то другим.

«Хочу никогда не видеть это видео...»

Твою. Мать. Чувствую, как в носу начинает нехило колоть, а горло сдавливается и трещит. Сердце начинает замедляться, и каждый удар растягивает боль по телу, как игрушку-пружинку из моего детства, которую пускали по ступенькам.

Прыг-скок, прыг-скок. Бам-бам. Бам-бам.

— Начинаем через десять минут!

Крик одного из наших преподавателей схлопывает чувства, отвлекает. Я резко смотрю на него и словно снова ничего не помню. Притворяюсь, что не помню. Моя очередь не первая и даже не вторая, так что вместо того, чтобы крутить глупые и ненужные воспоминания, сажусь на свое место. Я знаю, что мой выход примерно на середине, но, кажется всего раз моргаю, а меня уже зовут...

И все превращается в какой-то абсолютный сюрреализм.

Пока я иду к своему инструменту, который величественно стоит по середине сцены, жадно вглядываюсь в зал — ищу его. Вся, как на иголках, но когда не удается распознать знакомую, наглуую морду, немного отпускает. Сажусь и смотрю на клавиши, вдруг абсолютно забывая, что надо делать дальше. Из головы просто вылетело с какой ноты надо начинать, какой продолжать и далее по списку. Хлопаю глазами и стараюсь дышать, а потом вдруг понимаю, что руки ложатся на черно-белую зебру. Это чем-то похоже на мое состояние «не-со-мной», но гораздо хуже. Я будто заперта внутри своей головы, больше не управляю ситуацией, словно не контролирую ничего, включая свое собственное тело, и это так похоже на все то, что нас *с ним* связывало...

Мне вдруг становится дико больно, а осознание произошедшего бьет в затылок, как будто меня огрели чем-то тяжелым.

Это случилось со мной.

Это действительно произошло. Степень развода и обмана бьет все рекорды: на меня потратили год! Меня разводили, подталкивали, проверяли, и все лишь для того, чтобы посмеяться, чтобы *доказать*. Для них всех это была лишь веселая игра: Адель, которая знакомила меня со своим братом, толкая в объятия сводного. Кристина, которая знала все до последней запятой и улыбалась мне в глаза. Рома, которому я верила, как родному брату, но который предал меня ради дырки. И он... Алекс, твою мать, Макс, который знал с самого начала, что я в него влюблена, и крутил мной, как хотел. Словно кукловод он дергал за веревочки и насмеялся со своим дружком-блондинчиком над тупой, малолетней сучкой, а потом показывал ему видео, где я делаю все, что мне скажут делать...

Понимаю, что мне срочно нужно выплеснуть эту бурю из себя или я просто взорвусь, поэтому дальше я, словно снова соединившись со своим телом и встав с ним на одну сторону, нажимаю на клавишу. Дальше все происходит само: после быстрого пролога, я подвигаю микрофон к себе и делаю то, чего обычно не делаю, потому что не сильно люблю — я пою. Никогда не считала это своей сильной стороной, потому что она и не моя вовсе, а мамина. Моя мама умеет петь просто восхитительно, и тембр ее голоса похож на

саму Селин Диор! Именно благодаря такому сильному голосу, когда-то она и выиграла конкурс красоты, смогла оплатить учебу, и именно там ее заметил мой отец. Мне достался ее талант — еще то малое, чем я на нее похожа.

Не знаю откуда берется эта странная необходимость, но она настолько сильная, что толкает меня даже на такой подвиг. Песня хорошо знакома и мне, и, наверно, абсолютно всем: James Blunt — Goodbye My Lover. Я выбираю ее не просто так, а потому что и сама хочу попрощаться с ним. *С Моим Алексом*. В этой песни столько строчек, так тесно связывающих нас, что я еле держусь, чтобы не нырнуть в истерику с головой. Но продолжаю. Я делаю это не для кого-то в зале, ни для него, ни для того, чтобы он что-то понял, а для себя. Мне действительно необходимо все это из себя вытащить.

*...And I still hold your hand in mine.
In mine when I'm asleep.
And I will bear my soul in time,
When I'm kneeling at your feet.
Goodbye my lover. Goodbye my friend.
You have been the one for me... [1]*

Когда я заканчиваю, медленно убирая руки от клавиш, в зале стоит тишина, а потом вдруг взрывается всё. Я слышу аплодисменты, крики, ко мне подбегает зав кафедр, ставит рядом с собой. Все происходит одновременно быстро и медленно. Если вспомнить, была такая прикольная реклама батареек с розовыми кроликами, где они участвовали в забегах с другими, серыми. Серые всегда проигрывали, потому что им не хватало энергии, и падали замертво. Так вот. Я — серый кролик. У меня словно разрядилась батарейка.

Я молчу. Смотрю в пол, молчу и медленно моргаю, пока зав продолжает говорить и шутить, наверно, я ведь и не слышу его вовсе. Теперь меня переносит на другую ступень: в голове звучит исключительно диалог с того видео, которое теперь мне никак не удастся отбросить обратно в темные недра памяти.

Слезы падают из глаз на мое *дешевое*, как я сама, платье, руки ноют от боли. Я так сильно сжимаю пальцы, что, наверно, еще чуть чуть и сломаю их. Выдыхаю, стараюсь взять себя в руки, но волна накатывает с новой силой, когда я бросаю взгляд на зрителей.

Я вижу, что многие из них будто плачут? У дам в руках салфетки, они протирают глаза, откуда-то слышится: «Просто великолепна! Звезда!», «Это было так трогательно и прекрасно...», «Лучшее выступление!». Но я не верю в эти слова. Мне так много раз говорили комплименты, которые оказались обычным враньем, что я больше не воспринимаю их. Напротив. Для меня все предстает в темных тонах... Мне вдруг кажется, что они всё-всё знают. Ухмыляются, оценивают, а я словно голая стою, политая с головы до пят отборными, первоклассными помоями. Их лица скалятся, веселятся, пока мой мир переворачивается с ног на голову и обратно, а потом опять. Я не могу дышать. Теперь никаких метафор, я реально не могу сделать и вдоха, пчусь. В глазах бьют круги, я закрываюсь руками, но будто слышу из каждого угла этого зала одну простую истину: прячь сколько угодно, мы все уже видели.

Я не думаю больше, просто не могу там оставаться, разворачиваюсь и бегу. Влетаю за кулисы, врезаюсь в кого-то да так сильно, что падаю. Это одна из моих преподавательниц, которая тянется ко мне и поднимает на ноги, что-то попутно кидая по поводу осторожности.

Она поет дифирамбы, которые доходят до меня, как через толщу воды:

— Амелия! Ты была просто великолепно! Я знала, что у тебя большое будущее, но чтобы настолько?! Ну ты...

Не даю ей договорить, вырываюсь и бегу дальше, сама ничего не вижу из-за слез и буквально вываливаюсь в темный коридор за сценой. Не помню как, но откуда-то в руках мои вещи, которые я кидаю на землю, как только оказываюсь на улице, потому что мне тошнит. Я врезаюсь в каменную стену и нагибаюсь, уперевшись в нее холодными, как лед, вспотевшими ладонями — это все, что мне удается успеть сделать, когда все и происходит.

До моста Богдана Хмельницкого я добираюсь достаточно быстро, потому что все еще бегу от того, что пережила. Теперь, уперев локти в забор, я уронила голову в раскрытые ладони, и стою так уже, наверно, минут двадцать. Морозец кусает, но я и этого не замечаю — груз произошедшего слишком велик, чтобы отвлекаться на такой пустяк. Но он не мешает мне почувствовать, что я здесь уже не одна, правда лишь за секунду до того, как на мои плечи опускается какой-то пуховик.

Стену за своей спиной, как одна из стенок ловушки, в которую меня загнали, а я позволила. Две большие ладони опускаются вдоль моего тела, защелкивая защелку, и мне понятно без слов, что он делает это специально. Придавливает меня к заборчику, а сам приближается и проводит носом по волосам у виска, улыбается...

— Это было неплохо...

Его хриплый голос сковывает все тело, а его парфюм только добавляет этим цепям прочности. Запах не тот, что был когда-то, но очень похож. Снова сладковато-пряный и опасный — видимо во всех ценовых диапазонах он выбирает одно и то же. То, что лучше подчеркнет его характер: горько сладкий и смертельный.

— Здравствуй, котенок.

Ублюдская кличка работает, как антидот. Я резко отталкиваюсь, изворачиваюсь и вот уже лицом к лицу к своему личному аду. Пусть это новая, прокаченная упаковка, а суть та же — я смотрю на него, сжимая себя руками, и вижу только котел, в котором меня и будут вечно сжигать. Максимилиан наклоняет голову на бок, оценивая реакцию, но ухмылка не покидает его лицо — думаю, что его все устраивает. Когда я делаю шаг назад, даже веселит. Он устало вздыхает, чуть закатывает глаза и тихо цыкает.

— Ты действительно плохо понимаешь с первого раза, малышка.

Делает шаг навстречу и хватает выше локтя. Что ему от меня нужно — я без понятия, и, если честно, не хочу знать. Он отнял у меня абсолютно все, начиная с моей чести и достоинства, заканчивая любимым делом, моей мечтой.

Когда я только начинала заниматься фортепьяно, моя учительница говорила: «Играть — значит открывать душу. Все хорошие музыканты именно это и делают — они пускают в свое сердце, душу и всего себя своих зрителей, потому что по-другому просто невозможно. Музыка и есть душа...». Правда, которую я осознала сегодня до смешного проста и безобразна: я больше никогда не смогу играть, потому что больше никогда не смогу пустить кого-то в свою душу.

Все кончено. У меня ничего не осталось...из-за него.

Пытаюсь вырваться, пятерня сжимается только сильнее, сменяя на лице этого ублюдка ухмылку на злость. Ему не нравится, что я не подчиняюсь тупым требованиям, но я понимаю, что так просто мне не вырваться.

«Тогда будем действовать сложно!»

Резко поднимаю колено и попадаю точно между ног. Сильно, с душой. Я не жалею его, меня то никто не пожалел, и так получается снова обрести свободу. Макс этого не ожидал, видимо думал, что я больше не посмею ничего такого исполнить, особенно после выстрела. Я еще как позволяю, сгибая его пополам.

Еле дышит. Тяжело и болезненно. Я, глядя на эту картину сверху вниз, ничего не чувствую, кроме желания убраться подальше. Срываю с шеи его подарок — кулон-котенка, — отпускаю цепочку, и она с тихим звоном падает рядом. Макс медленно поднимает на меня взгляд, полный обещания скорейшей расправы, я и это не смакую. Скидываю пуховик, лезу в карман, откуда достаю стопку налички — ровно тридцать восемь тысяч, — отпускаю ее на тротуар. Мне ничего от него не нужно и плевать на все — я все отдаю. Я даже ничего не говорю на прощание, потому что и сказать то нечего. Разве, что: *«Надеюсь, больше никогда тебя не увижу?»*

Но в спину мне доноситься тихий, хриплый смешок и обещание, что все еще не кончено:

— Беги, Амелия, беги. Прячься лучше. Больше всего на свете я люблю догонять и искать.

18; Ноябрь

Груз на моих плечах так и не стал легче. Я долго лежу и смотрю в потолок, потому что проснулась раньше, чем надо, а когда приходит время вставать, делаю это, дав себе еще одну минуту. Мне нужно собрать силы, приложить их, чтобы встать и еще добавить немного упорства, чтобы не свалиться обратно.

Кажется, я в депрессии... После того, как я узнала всю правду, меня спасала игра на пианино, но теперь я была лишена и этого, так что сбежать от всех мыслей и воспоминаний стало невозможно. Они крутились снова и снова, как на репите, я вспоминала наше лето, потом все, что ему предшествовало, а потом и то, чем все кончилось, и задавалась одним вопросом: как можно было быть такой слепой? До сих пор поражаюсь. Было очень много знаков, на которые стоило обратить внимание, что я успешно *не* делала, а доверчиво тянулась к огню, который по итогу то меня и спалил. Я даже помню, как действительно думала, что он — это пламя, а я — мотылек. Забавная метафора, которая оказалась страшной реальностью.

Вот так бывает...

Противный звук будильника оповещает о том, что пора бы подниматься и собираться на работу в местной «Пятерочке», которая находится буквально в двух шагах — выйти из двора и немного пройти вперед по улице. Комнатка у меня небольшая: советский диван у одной стороны, напротив старый, платяной шкаф, в углу за дверью небольшой стол. Это все, но мне много и не нужно в принципе, особенно если учесть тот факт, что я прихожу домой, ем что-то, что не требует приготовления, чтобы избежать любых контактов с соседями, и ложусь спать. Каждый раз подпираю дверь стулом на всякий случай: как часто бывает, мне несильно повезло — на одном этаже моей общаги живут «люди с низкой социальной ответственностью». Так их называют формально, но по факту это обычные алкаши и зэки. А я выделяюсь...

Я это поняла не сразу, конечно, потому что мне казалось, а что такого то? Но такое было, судя по тому, что и на работе меня невзлюбили. Это достаточно забавно, на самом деле, я ведь ни с кем и не общаюсь. Прихожу каждый день, выполняю свои обязанности, а потом уйду, но их, кажется, бесит сам факт моего существования. Особенно сильно девочку Катю и грузчика Вадима. Первой двадцать два и два ребенка, второй туповат, набил свое собственное имя у себя на костяшках, видимо, чтобы его не забыть. Я с ними не общаюсь, прохожу мимо, даже не поднимая головы и без реакции, стараюсь не бесить, а все равно бешу. Конечно я догадываюсь о причинах такого отношения. Наверно они думают, что я считаю себя лучше всех, но так ли это на самом деле? Нет. Она — злобная сука, но растит двоих детей сама, потому что ее парень разбился на мотоцикле. Он — дурак, но постоянно кормит котят у запасного входа, а еще помогает старушкам тащить их пакеты, если позволяет отсутствие работы. А я? Глупая, малолетняя сучка, которую трахнули и записали на видео, как порнозвезду, и которая поверила человеку, не обращая внимания на все знаки, которых было просто миллион.

«Сама виновата. Ты сама дура!»

Может по итогу я и заслужила все это? Это плата за свою тупость, как особое наказание. Дело то не только в работе, так со всеми здесь, словно я — чужеродный объект, попавший в организм, клетки которого это чувствуют и пытаются уничтожить «незваного гостя». Может показаться, что я перебарщиваю, но вот еще один пример: рядом со мной живет женщина в возрасте, которая работает учителем. Так вот, она приходит ко мне стабильно раз в два дня, чтобы наорать за «шумность» и «нежелание убирать за собой на кухне», которой я в принципе не пользуюсь. Что касается «шумности», может ее бесит сам факт того, что я дышу? Не знаю, и не хочу знать.

Мне плевать. Каждый раз когда кто-то начинает со мной взаимодействовать, я замыкаюсь внутри и молчу — мне нечего сказать этому миру, который так жестоко предал и разрушил мое сердце. Что еще может быть? Разве в принципе может существовать что-то хорошее? Сомневаюсь.

Вздыхаю и натягиваю свою уродливую шапку с пушистым помпоном почти на самые глаза, чтобы не видеть себя в отражении зеркала. Это пунктик, который у меня появился — мне стыдно смотреть на себя. За ним следует еще один — я намерено купила максимально неприглядные вещи из всех возможных. Не хочу привлекать внимание к своей персоне, особенно мужское. Оно мне ничего хорошего не принесло.

Тогда, в последний день в Москве, после моего «побоища по наследным яйцам», в гостиницу вернуться я не решилась. Во-первых, там и не было ничего особо ценного, я успела собрать только необходимый минимум до того, как моя сестрица объявилась. А во-вторых, страшно. Максимилиан, может, и был выведен из строя, но кто сказал, что это продлится долго? Точного то времени я не могла рассчитать, а значит это по всем фронтам неоправданный риск.

Было страшно. Я стояла в центре оживленной Москвы, в толпе людей, а чувствовала себя такой одинокой, такой...ничтожной. Девочкой без будущего, планов, опозоренной и униженной, даже без банальных средств к существованию! Ничего не осталось. Единственным вариантом и было ехать в Химки, где чтобы оградить Крис от последствий своих действия, я сняла комнату. Просто смешно. Я пыталась защитить человека, который тоже поучаствовал в моем сожжении...

«Может лучше и поехала бы с Костей?» — возможно тогда со мной всего этого не случилось... — «По итогу я все равно в бегах, но одна, и чем это лучше?»

Из-за своей гордости я лишилась всех денег тогда на набережной, и единственный выход продать сережки, которые мне подарила моя мамочка на мои шестнадцать.

«Мамочка...»

Я не могу выйти с ней на связь — сейчас она недоступна. Чтобы на сто процентов обезопасить Камиллу, было решено им вдвоем уехать и на какое-то время пропасть с радаров. Костя с маниакальной одержимостью относился к дочери, и его можно было понять. Моя мама тоже так же относилась ко мне. Если бы у нее был хотя бы один процент из миллионов тысяч, при котором все сложится так, как сложилось — она бы не уехала. Она никогда и не оставляла меня, на самом то деле. Все это время мама жила в Рязани, но я сама убедила ее в том, что все у меня схвачено, что Крис — человек, которому можно верить... Ха! Поверила...

Мне остается только ждать...или уехать самой. На самом деле у меня есть план, но я столкнулась с двумя проблемами: во-первых, мой загранпаспорт скорее всего остался у Лили, а во-вторых, денег, которые я выручила с сережек, не хватило на билет до Японии,

даже если я взяла бы самый дешевый эконо́м из всех возможных. Япония — это единственный мой глобальный выход, потому что там сейчас мой брат. На острове, которого даже на карте нет, продолжает учиться «быть нашим отцом», и мне известны все ориентиры — это и был мой «на всякий случай», если Петр Геннадьевич совсем трётся и развяжет себе руки.

Забавно, но по всем показателем трёхнулся не он, и руки развязал не он, и беспокоиться нужно было не о нем. Властелин мира все еще в Новосибирске, у него появились более важные занятия, нежели моя непокорная задница — спасти свою драгоценную репутацию. Тогда то я не врала ему, его действительно облапошили по всем фронтам. Все вообще сложилось шоколадно: чертова выродка убили, Александровский погрузился в изучение архивов, где последние махинации были, как на ладони, так как никто больше не боялся и не пытался их скрыть. Думаю, что мой план по итогу сработал даже лучше, чем я думала — Властелин мира психует, что его посмели обмануть да еще и так открыто, а Ревцов думает, что его сына убил бешенный миллиардер, который наконец вытащил голову из задницы и прозрел. Наверно по итогу это будет война каких не видело высшее общество последние лет «никогда» — может даже повезет, и они оба друг друга уничтожат?

Надеюсь, что так и будет, но также надеюсь, что это все я увижу уже не из Москвы. Да, мне не хватило денег, которые мне дали в ломбарде, и да, мне пришлось потратиться на вещи «первой» необходимости, но я смогла кое что отложить. Буду надеяться, что цены спадут после Нового года, а к тому времени все немного поуляжется, я подкоплю еще немного денег и смогу таки улететь. Это моя последняя надежда...

Выдыхаю, натягивая кислотно-салатовый пуховик, который я тоже купила по особой причине. Его самый нелюбимый цвет — салатовый, а для меня это была возможность ни в коем случае не быть девушкой, которая могла бы его хоть как-то привлечь. Я даже волосы себе отрезала с этим настроением, а он их очень любил. В основном потому что удобно было наматывать на свой кулак, чтобы делать со мной все, что ему хочется и как хочется, но это уже история...

...От которой снова в глазах появляются слезы.

«Твою мать...»

Ненадолго прижимаюсь спиной к своей двери, в тишине и темноте стараюсь урвать дыхание. Не хочу рыдать. Я делала это почти всю ночь, пока куталась в одеяле, как в коконе, чтобы отгородиться еще и от очередной попойки с русским роком на полную катушку.

«Интересно, а эта училка ходит и к ним отчитывать за «шумность», или этот спич только для меня?»

Усмехаюсь еле-еле, а потом отрываюсь от своего места — хватит, надышалась, пора и честь знать, а то опоздаю.

Ах да, кстати, у меня сегодня еще и день рождения, и единственный подарок, который у меня есть: Максимилиана я больше не видела. Надеюсь, что мой отъезд из города поможет ему наконец понять: клала я на его репутацию с прибором. Я хочу, чтобы обо мне просто все забыли...

Мерно и спокойно раскладываю йогурты по своим местам, когда боковым зрением

вижу движение справа. Я не смотрю кто это, потому что по запаху кислой малины и сигаретного дыма понимаю — это Катя. Она стоит у хлебного отдела с еще одной нашей коллегой и смотрит на меня, что я чувствую, и когда слышу смех понимаю — очередная усмешка прилетает мне в спину.

Знаю, что это именно усмешка. Я для них что-то вроде груши для битья, как в принципе для всех в этом мире, судя по тому, что привело меня в Химки. В носу снова начинает колоть, но я держусь, потому что еще десять коробочек и я смогу пойти покурить. Кстати да, теперь я начала курить. Раньше этого никогда не делала, потому что сигареты очень плохо влияют на голос, а он, не смотря на то, что я не люблю петь, все же больше плюс, чем минус. Сейчас в этом плюсе отпало всякая необходимость. Я до сих пор уверена, что на сцену больше не выйду, потому что когда думаю об этом, меня начинает тошнить. По началу я надеялась, что меня просто переклинило, но затор в голове глобальный, тот что вряд ли рассосется до конца моих дней, а сигареты помогают. Они успокаивают. Иногда проснувшись среди ночи, я подолгу смотрю из своего окна, медленно скатываясь в свою личную, непроглядную тьму, и тогда я чиркаю зажигалкой. Мне действительно становится легче и проще...

Вот так и получается: в моей жизни ничего особо и не меняется, все, как по накатанной, так что и не за что зацепиться, чтобы *помнить*. Я с трудом отличаю дни, что бегут вперед, как и времени, которое протекает вроде невыносимо медленно, а я снова моргаю, и уже вечер. Моя смена закончена — я иду домой.

Но сегодня, кажется, провидение решает вмешаться, чтобы сказать «Хватит!». Мне теперь восемнадцать, так что кому-то сверху просто необходимо меня встряхнуть именно в этот день. Забавно, помню, как я ждала этого момента, как планировала...провести его с *ним*. Я хотела снять номер в какой-нибудь крутой гостинице на супер-высоком этаже, чтобы показать, что и такое бывает. Я ведь думала, что он ничего и не видел никогда, а оказалось, что он видел даже больше моего. Гораздо больше.

«Хватит об этом думать! В твоем дне рождении нет ничего особенного, а он? Хватит уже, умоляю...»

Перед тем, как толкнуть дверь, ненадолго застываю, уткнув в ладонь лоб. Снова мне нужно время, чтобы двигаться дальше, и когда я все таки это делаю, сразу замечаю компанию молодых людей прямо напротив. Вадим там главарь, это сразу видно. Он что-то рассказывает, парни громко смеются в такт, а смотрят с обожанием, будто он — царь. Мне в принципе то насрать, я просто прохожу мимо, закутавшись теснее в свой кислотно-салатовый пуховик.

— ...Я с тобой разговариваю!

Вдруг меня грубо вырывают из моих мыслей, резко дернув на себя. Это Вадим, который походу дела что-то говорил, а я все прохлопала.

«Что ему нужно?» — *блею даже про себя, хлопая глазами и вызывая усмешку.*

Чувствую еще кое что, что мне не нравится — меня медленно окружают его дружки. Здесь, на парковке с черного выхода Пятерочки, нет камер. Это знают все работники, поэтому тут вечно курят и вообще творят всякий беспредел, по типу воровства прямо с фур с продуктами.

— Что молчишь, а?! Слишком крутая для нас, малышка?

Все, что здесь происходит — очень плохо. Медленно осматриваю их лица и вижу ухмылки, а потом понимаю, что эта ситуация, наверно, апогей всего, что со мной случилось.

«Что будет дальше? Они избьют меня? Просто унижат? Или и они видят во мне шлюху, которую пускают по кругу?»

Не знаю, но когда Вадим делает на меня шаг, я вся сжимаюсь, закрываю лицо руками и начинаю плакать. Почему? Наверно потому что я понимаю — у меня не осталось сил даже на то, чтобы бороться за себя.

— Эй, малая, ты чего? — неожиданно раздается взволнованный голос Вадима, который кладет руку мне на плечо, но от которой я резко отшатываюсь.

Тяжело дышу, смотрю в пол, жду продолжения — ничего. Кажется, что парни обескуражены, даже несколько напуганы такой реакцией, ведь один из них неловко оправдывается.

— Мы ничего такого...это...Мы просто пошутить хотели...

Понимаю, что не гонят. Они просто придурки, не более того, поэтому разворачиваюсь, всхлипывая и продолжая сжимать себя руками, иду в сторону дома. Но за спиной слышу...

— Ээ...провожу ее на всякий.

Я не прошу, хотя этот жест и отсутствие нарисованного моим воображением продолжения заставляет меня немного, но снова поверить, что не все люди — уроды конченные.

Вадим ко мне не лезет. Он идет на расстоянии позади, ничего не говорит, только насвистывает какую-то мелодию под нос, а я в такт мерно всхлипываю. Я не против его общества при таком раскладе, но рада, когда «проводка» заканчивается. Я вижу вход в свое общежитие, и так увлекаюсь внезапно нахлынувшей радости, что не замечаю кое чего более важного: ледяного бугорка прямо под моей правой ногой. Поскальзываюсь. Вчера все таяло, а сегодня подморозило и, как итог, кое где был лед, а вот моя обувь — говна кусок. Подошва и без того скользкая ужасно, теперь совершенно подводит, и я лечу в сторону земли носом. Клянусь, это был бы финальный штрих моей черной полосы — сломать что-нибудь или выбить зубы, если не все вместе. Ничего не чувствую. Нет ожидаемой боли, а есть твердая поддержка вокруг живота, через миг одобренная фирменным, дурным смешком Вадима.

— Фух! Успел!

Распахиваю глаза и понимаю, что до земли я так и не долетела, зависла примерно в тридцати сантиметрах, и все благодаря ему. Облегченно выдыхаю, что, естественно, не остается не откомментированным.

— Видишь? Я не такой гандон!

Рывком Вадим ставит меня на ноги, и теперь мы стоим друг напротив друга. Он улыбается во все тридцать два, как будто спас только что Землю от Армагеддона, я неловко тру предплечье.

«Надо поблагодарить что ли...» — коротко киваю.

Вадим перестает улыбаться, вместо того хмурит брови, а потом, почесав затылок под «модной» шапкой, которая ничего и не греет вовсе, а больше похожа на тубетейку, говорит.

— Прости, что напугал. Я правда не хотел ничего такого, просто ты всегда молчишь и... это...у тебя, судя по всему, есть на то причины. Я понял. Больше не лезу.

«Снова надо поблагодарить?» — опять коротко киваю и туплю взгляд.

— Эм...у тебя тут...ээ...

Вадим подносит руку к моему лицу, и я было снова напрягаюсь, но его внимание направленно на мою убогую шапку, откуда он снимает перышко и показывает мне. Снова улыбается, да так заразительно, что я почти уверена, что отвечу ему тем же, но тут его с силой дергают от меня в сторону темного угла. Я в шоке, застываю, потому что только через несколько нанесенных, жестких ударов с явным к тому талантом. Я узнаю эти плечи из тысячи, так что ловлю еще дикий ступор. Сердце глухо стучит в горле, кончиках пальцев и висках — я совершенно не могу сдвинуться с места, пока до меня не доходит:

«Он его убьет сейчас!»

Кидаюсь было к ним, но Максимилиан грубо отталкивает меня прямо в сугроб, где я барахтаюсь еще таких жизненно важных пару секунду, а когда мне удается сесть, я снова замираю. Никакой бойни уже нет, но поваленный Вадим лежит в крови, а Максимилиан стоит на своих двоих, упирая в него...дуло золотого пистолета и смотрит точно на меня. Я расширяю глаза и на этот раз должна признать, что ему удалось меня удивить. Максимилиан усмехается, читая мои мысли, а потом играючи протягивает:

— Думала, что у тебя одной есть интересные игрушки?

«Да!»

Вадим издает хрип, на который я реагирую сразу — дергаюсь в его сторону, но тут же наследник рявкает:

— СИДЕТЬ!

Звучит внушительно и громогласно, пугающе даже, и я не шевелюсь, испуганно смотрю на него снизу вверх, потому что меня буквально держат цепким взглядом. Вижу, что шутить не намерен, он в ярости, судя по бешено сжимающейся мышце на щеке, и медленно опускаю задницу на пятки. Как бы примирительно, что вызывает легкую ухмылку.

— Ты хорошо спряталась, моя дорогая, но я тебя нашел, теперь у тебя есть два варианта развития событий. Я убью его сейчас, а потом силой запихну в тачку, или же обойдемся более гуманным способом. Ты сейчас встанешь и подойдешь сама, потом откроешь дверь и сядешь внутрь. Игры кончились, мне надоело.

Не знаю насколько серьезно он настроен, но проверять не хочется от слова «совсем». Вадим — придурок, скажу это хоть в сотый раз, но он неплохой человек, и он не заслуживает умереть здесь и сейчас из-за какого-то бреда. Я знаю, что буду делать. Решение принято, но я все равно жалобно смотрю в свои темные окна, на что получаю тихий цык.

— Нет, Амелия, ты не пойдешь в этот притон. Неизвестно еще, что ты могла там подцепить, может тебе придется делать укол от столбняка. Встала и пошла к тачке, или пожалеешь.

Он подчеркивает серьезность намерений снятием оружия с предохранителя, и что мне остается делать? Я неловко переворачиваюсь на карачки, потом отряхиваю руки и кое как поднимаюсь. Понутив голову поворачиваю в сторону идеально наполированной черной БМВ, которая смотрится в этом дворе настолько нелепо, что зубы сводит. Очевидно, что она его, больше здесь никто не ездит на таких машинах, так что я подхожу. Дергаю за ручку, но понимаю — она закрыта. Дергаю еще раз — ничего.

«Это что приколы такой?!»

Оборачиваюсь и вижу, что Максимилиан сидит на корточках и что-то говорит Вадиму, потом достает стопку розовых купюр и кладет на грудь, только после этого встает. Медленно, плавно, отгибает голову назад, выдыхает — он словно специально тянет, ведь

когда он поворачивается, я узнаю этот взгляд. Он хищник, я кролик, и меня поймали.

Непроизвольно ежусь, но стою на месте: пистолет все еще в его руках, а Вадим все еще на земле, и я не знаю, что будет, если я побегу и не хочу знать. Вместо того жду, пока он не подойдет, и даже смотрю ему в глаза, поднимая голову вверх. Наверно мне все же немного страшно, особенно когда он тянет ко мне свою руку, поэтому буквально заставляю себя не двигаться. Хорошо одно, он и не планировал меня трогать, вместо того Максимилиан стягивает шапку, тихо фыркает и отбрасывает в сторону. Я не очень понимаю, что происходит, его это только подстегивает. Теперь он тянется к моей куртке, переступая границу дозволенного, от которой отступаю я. Хочу быть дальше, но то, что хочет он — всегда в приоритете.

— Ты не сядешь в мою машину в этом дерьме, — цедит сквозь зубы, хватая за язычок позолоченной молнии и дергает ее в низ.

Я даже не успеваю осознать, что происходит, а уже оказываюсь без верхней одежды, которая полетела в снег составлять компанию шапке. Я остаюсь перед ним в мешковатом, сером свитере, ежусь от холода, но кому какое дело? Максимилиан осматривает меня сверху вниз брезгливо и надменно, особо задержавшись на неровно срезанных волосах по плечи. Вижу, что не нравлюсь, и это греет душу, я даже почти ухмыляюсь, но тут же вся радость схлопывается, когда наследник запикивает пальцы под пояс брюк. Снова хочу отскочить в сторону, как ошпаренная, но не успеваю — предугадав мои намерения, Максимилиан дергает меня на себя и рычит, почти касаясь своим носом моего.

— Я сказал: не дергайся, твою мать!

Тон его пугает, я замираю, как испуганный кролик перед питоном, лишь хлопаю глазами. Наверно он действительно ловит особый кайф от страха, потому что тогда у него на губах появляется усмешка:

— Посмотри на себя, котенок... Кажется, ты вся мокрая...

Кличка, тон, намек — все это заставляет меня умирать от отвращения к самой себе и нему включительно. Парфюм опять меня губит, а голос с хрипотцой добивает окончательно, и я краснею, чего, кажется, он и добивался. Дергает сильнее, чтобы я врезалась ему в грудь, и теперь ко всему набору отвратительных, телесных реакций, добавляются мурашки. Он расстегивает мне пуговицу на брюках подчеркнуто медленно, за чем следует молния, и я стараюсь не дышать, чтобы не ухудшать свое и без того глупое положение. Смотрю в пол. Не хочу встречаться с ним взглядом, даже не реагирую, когда за спиной раздается короткий звук сигнализации его машины.

Би-бип!

Максимилиан открывает дверь, куда пихает меня прямо на светло-карамельные, кожаные сидения. Присаживается на корточки. Развязывает шнурки на моих ботинках — они летят ему за спину.

«Это такой бзик богатых?!» — продолжаю недоумевать, молча наблюдая за ним, но как только он тянется к моему поясу, я резко дёргаюсь назад.

Потому что, твою мать, не знаю, чего от него ожидать! Что это за кринж?!

Никто мне, конечно, не собирается давать объяснений. Вместо того Максимилиан дергает меня за лодыжку обратно, я тихо шиплю, случайно угодив на снег, а его это улыбает.

— Мило, но еще раз дернешься, и я раздену тебя догола. Понятно изъясняюсь?! Включая твое дешевое бельишко и трусики с сердечками.

Резко и еще сильнее краснею.

«Откуда он знает?!»

Максимилиан читает эти мысли даже на меня не глядя, усмехается, но игнорирует их, а я отворачиваюсь к приборной панели. Тут много разных кнопок, а я мало что понимаю, но кое что все же удастся срастить даже мне.

«Ключ от машины валяется на его сидении, здесь система start/stop, то есть чтобы поехать не нужно ничего и никуда вставлять — достаточно, чтобы тачка видела ключ. А это значит, что...»

— Если ты продумываешь очередную, дикую выходку... — глухо произносит, продолжая тянуть штаны на себя, — Я тебя в последний раз предупреждаю...как ты там говоришь обычно? По-хорошему?

Но мне плевать. Я почти уверена, что мне все удастся, поэтому в следующий миг резко пинаю его ногой, которая не находится в его плене, и также резко переворачиваюсь на колени. Мне достаточно всего лишь перепрыгнуть и нажать на педаль, но что-то пошло не так. На самом деле, все достаточно давно пошло не так, и через секунду я это снова вспоминаю: с ним никогда не бывает просто.

Я оказываюсь в невыгодном, недвусмысленном положении, прижата задницей к его... кхм, телу, и с рукой на горле. Максимилиан выгибает меня сильно, жестко, так, что я почти не могу дышать, а все, что мне остается — это смотреть ему в глаза. И я опять выбесила льва, которого попыталась дернуть за усы, но не успела увернуться...

— Я тебя предупреждал, Амелия. Несколько раз. Теперь пеняй на себя.

Он отстраняется также быстро, как появился, пихает меня в затылок сильно, так что я падаю и бьюсь головой о мягкое сидение, но не обращаю на это внимание. Я в панике — с меня сдирают брюки грубо и бескомпромиссно, отвешивают очень ощутимый шлепок по заднице и берут за загривок, как нашкодившего котенка.

Не знаю, чего теперь мне ожидать. Страшно. Я уже даже представляю, как буду ехать голая, но, похоже, планы поменялись. Максимилиан сжимает мои руки одной своей, второй вырывает ремень безопасности и накручивает на запястья. Я кусаю губу и молчу, больше не шевелюсь, позволяю. Даже не сопротивляюсь, когда железная штучка щелкает внутри черной коробочки, лишь вздрагиваю от сильного удара двери.

У меня снова закончились силы, ихватило меня лишь на пару судорог и одной невнятной попытки сбежать — это все, и это жутко грустно...

Я смотрю на свои голые колени, когда дверь с водительской стороны открывается. Салон лишь на миг наполняется холодом, и лучше бы им, чем его запахом, потому что против холода есть средства, а против последнего нет. Я тихонько выдыхаю, смиренно ожидая, что еще он скажет. Ответ — ничего. Он ничего не собирается мне говорить, только свалить отсюда побыстрее. Правда прежде, чем коснуться руля, Максимилиан вытирает кровь Вадика со своих рук о мою одежду.

«Очень мило...» — слабо ворочаюсь внутри, но я действительно всё, поэтому отворачиваюсь к окну да и только.

Нормальный человек бы разозлился и оскорбился, гордость бы бесновалась, наверно, но я походу не отношусь больше к этой категории людей. Я просто молчу и стараюсь не думать о том, что будет дальше...

18; Ноябрь

Чувствую, что меня толкают в плечо, и медленно разлепляю глаза, как раз в тот момент, когда перед лицом появляется крупная ладонь, щелкающая пальцами.

— Просыпайся, малышка.

Резко отстраняюсь, врезавшись в стекло головой, что, конечно же, смешит Максимилиана. Он смотрит на меня устало-снисходительно, после закатывает глаза и выходит из машины, а я не могу поверить, что заснула...

«Рядом с врагом! И где я теперь?!»

Придвигаюсь ближе к лобовому стеклу и понимаю, что в еще больше ловушке, потому что это всего лишь подземный паркинг, а не улица.

Я не знаю, где нахожусь...

Становится страшно, и я жадно разглядываю серые стены, ряды дорогих машин, чтобы выловить из кучи шелухи хотя бы одну зацепку — ничего. Здесь ничего нет, и я просто в заднице!

«Чертова вечная усталость...» — по комичному устало вздыхаю и снова откидываюсь на спинку сидения. Я так вымотана, что даже не могу нормально разозлиться, и даже больше! Мне снова хочется заснуть, а лучше завернуться в свое одеяло, как в кокон, и спрятаться от всего этого безумия...

Прикрываю глаза, но сразу их распахиваю, реагируя на шум: моя дверь резко открывается и в меня летит куртка вместе с сухим.

— Одевайся.

На пол гулким грохотом падают черные, короткие угги, а я медленно моргаю, потому что не могу достаточно быстро реагировать на происходящее. Снова приходит чувство севшей батарейки, и даже его цык не помогает делу.

— Амелия, если ты сейчас не оденешься, пойдешь так.

Понимаю, что он не шутит. Не хочется мне идти босой по парковке, поэтому я заторможенно поворачиваюсь и всовываю ноги в пушистые, модные ботинки, а потом пытаюсь встать. Рука соскальзывает, и я снова падаю обратно, чем окончательно лишая всякого терпения господина Александровского. Он хватает меня за локоть и вытаскивает из машины так резво, что я почти теряю равновесие, вовремя схватившись за его пальто. Сразу отдергиваю руку, как от огня, на что получаю веселый смешок и ничего больше. Ему плевать, моя реакция только забавляет. Захлопывает дверь, пока я тру глаза одной рукой, пихая другую в рукав. Зеваю. Максимилиан натягивает на меня куртку сам, а когда поворачивает к себе лицом, "шутит".

— Я бы тебя отнес, как сказочную принцессу, но извини, меня тут недавно подстрелили...

Не реагирую, да и мне плевать — я отвожу взгляд. Разглядывать «ничего» лучше, чем его, и это уже нашему принцу не очень нравится. Он грубо хватает меня за уже, наверно, помеченный локоть, который всегда один и тот же, будто он для него магнит или типа того... Быстро идем по коридору из машин. Я еле поспеваю за ним, но ему на это насрать,

как мне было насрать минуту назад. Максимилиан разве что оглядывается, но больше не говорит ни слова, а кулаком вызывает лифт.

Со звоном створки открываются, и меня снова волокут, будто безвольную куклу, которую даже в тесном квадратике не отпускают на безопасное расстояние. Максимилиан держит меня за свое излюбленное место и смотрит на счетчик этажей, тогда я решаю сделать тоже, но на самом экране «выбора».

52

Горит в красном кружке вроде четко, но я все равно вглядываюсь, чтобы убедиться.

«Неужели реально так высоко?» — бегло осматриваю цифры рядом, — «Тридцать пять, сорок, сорок восемь... Реально...»

Бросаю на него неуверенный взгляд, сталкиваясь с ответным. Все это время он меня изучал, а я и не заметила, поэтому резко отвожу все внимания, уставившись в пол. И снова смешок...от него пробирает до костей, и я отстраняюсь, но когда звучит звоночек, это уже не имеет значения. Максимилиан в миллионный раз тащит меня за руку вперед к огромной, железной двери. За ней еще один коридор с пятью дверями поменьше: все разные, так что я быстро соображаю, что это все соседские квартиры, а меня ведут к третьей справа.

Я не очень хочу туда заходить, смотрю в темноту и сжимаю вспотевшие ладони. Максимилиан вроде даже и не давит, просто стоит и смотрит на меня, вот только недолго. Только я хочу сделать шаг назад, как он резко хватает меня за загривок и вталкивает в квартиру. *Ему снова надоело.*

Когда зажигается свет, я никуда не смотрю, кроме как в пол. Не хочу видеть, ничего не хочу знать. От последнего «тычка» дико обидно, поэтому я хмурю брови, чтобы не разрыдаться. Еще мне страшно, если честно. Наверно до этого момента, я не особо понимала, что происходит на самом деле и какова действительность, зато понимаю теперь. Он гораздо сильнее меня, и если захочет причинить боль, сделает это с легкостью. Душевную так вообще, как раз плюнуть, но я сейчас говорю о физической. Я только сейчас поняла, что совсем его не знаю, и по факту, он может позволить себе все, что угодно.

«Он — ночной кошмар...» — Оксана всплывает совсем не во время, и я быстро стираю слезу, закусывая нижнюю губу, чтобы немного прийти в себя.

— Не рыдай, это утомляет, — цыкает, кидая ключи на тумбу, — Или ты так скучаешь по общаге? С алкашами, которым дай немного больше водки, распишут тебя по кругу?

«Да, скучаю!» — слабо бунтую внутри, но снаружи совершенно ничего не проявляю.

Закапываюсь в себя глубже, а когда ощущаю его присутствие лопатками, еще глубже. Максимилиан ничего не замечает, вместо того берется за прядку волос, слегка покручивает ее, а потом убирает за ухо.

— Тебе когда-нибудь говорили, что подвальные парикмахерские никогда не делают ничего нормально? Стрижка просто блеск, котенок.

Хочу отстраниться, но он снова предугадывает меня, кладя руку на живот и рывком вбивая в свою грудь. Я ни жива, ни мертва. Стою жмурюсь, не дышу и стараюсь вообще не подавать никаких признаков жизни — говорят, что в дикой природе это спасает, а чем он не хищник? Проводит носом по волосам, ниже, пока не добирается до шеи, а я вонзаю ногти еще глубже себе в ладони. Не знаю, что будет дальше, но мне еще страшнее от догадок, которые так и крутятся на уме из-за упирающего в спину «весомого аргумента».

«Наверно он захочет отомстить мне за все, что я сделала?» — и я убеждаюсь, когда он хрипло шепчет, намеренно задевая мочку уха.

— Поставить бы тебя на колени прямо здесь за то, что ты сделала на набережной. Может быть, если жестко трахнуть твой грязный рот, ты навсегда запомнишь простое правило: никогда меня не бей? Особенно туда.

По коже бегут мерзкие, колючие мурашки, когда воображение подкидывает эту ужасно унижительную картину. Я почти не могу сдерживаться, знаю, что еще чуть-чуть и разрыдаюсь, а еще не могу вдохнуть из-за огромной, сухой таблетке, застаревшей в горле. Мне остается только молиться, и еще более усердно, когда он сжимает в кулаке свитер у меня на животе... Я уже и не надеюсь ни на что хорошее, но неожиданно он расслабляет пятерню и усмехается.

— Ты бы знала, как тебе везёт, твою мать.

Я перестаю чувствовать любое давление, потому что перестаю ощущать его присутствие, но оно снова врывается в мой мир, разрушая его до основания. Максимилиан не собирается так просто оставлять меня в покое, напротив, кажется он решил окончательно меня добить.

— С днем рождения, котёнок.

Огромный, увесистый камень ложиться в ямочку между ключицами, а тонкая цепочка натягивается вроде и чуть-чуть, а я задыхаюсь. Это ошейник, ни что иное, как он, и он жжет кожу там, где касается, душит... Меня спасает вибрация его телефона, и я от всей души, жарко благодарю того, кто придумал смс-ки, потому что она отвлекает его достаточно, чтобы я смогла немного отойти. Совсем мне не позволяет его рука, которая снова покоиться на моем локте, чтобы еще через миг повернуть меня на себя. Я не хочу смотреть на его лицо, но меня никто и не спрашивает. Максимилиан кладет два пальца под подбородок, а когда я все же сталкиваюсь с его глазами, хмурюсь.

Меня всегда поражал цвет его глаз. Он был странным с самого начала: слишком серый, слишком яркий, слишком какой-то...ненастоящий. В чем я убеждаюсь и лишний раз корю себя: на самом деле у Максимилиана зеленые глаза. Не яркие, как листья деревьев, а скорее будто трава, на которой лежит молочный туман. И это очень необычно, я таких глаз, как у него, никогда не видела. Потом я смотрю на правое ухо, где раньше висело колечко — его тоже нет. И татуировок нет. Я почему-то больше, чем уверена, что их реально нет, потому что не вижу даже намека сквозь вырез его черной рубашки. И руки. Они чистые, если не считать головы змеи. Я, кажется, в тупике, еще больше запутываюсь, но Максимилиан лишь усмехается.

— У тебя еще будет время меня рассмотреть, котенок, а сейчас мне нужно уехать.

Молчу. Он слегка щурится и продолжает.

— Отец прилетел. Это явно срочно.

Снова молчу. Кажется он пытается меня заинтересовать, чтобы разговорить, но проблема в том, что мне неинтересно. Я перевожу взгляд куда-то в сторону, подсознательно сжимая себя руками, и ловлю еще одну усмешку.

— Играешь в молчанку? Пожалуйста, играй. В холодильнике полно еды, но если захочешь что-то заказать — вперед. Запишут на мой счет, я потом оплачу. Ключи у тебя будут, курьера пустить сможешь, но не пытайся ими воспользоваться, чтобы сбежать. Будешь выглядеть нелепо и лишний раз взбесишь меня — это никому не нужно. Лифт без карточки не поедет, отсюда ты сможешь уйти только с ней.

Бросаю таки короткий взгляд на серый пластик в его руках, но снова возвращаю на прежнее место. А этого уже достаточно — Максимилиан доволен, как слон, что провокация

удалась, и чинно продолжает.

— ...С душем разберешься. Советую не медлить с ним, особенно после этого грязного притона. Что касается шмоток — их полно в шкафу, выбирай, что хочешь. Всё новое. Я вернусь завтра ближе к вечеру.

«Мне плевать, когда ты вернешься...» — я все также стою и смотрю в пол, что наследного принца не устраивает абсолютно.

Наверно по его плану я должна была пищать от восторга и прыгать ему на шею, но я этого не делаю. Я даже не благодарю его за «подарок», который он считает допустимым, и, думаю, это окончательно его злит. Максимилиан делает ко мне шаг, а потом резко берется за края моей кофты и одним движением разрывает в стороны да так быстро, что я даже не успеваю отреагировать. Та же участь приходится на мое белье, и теперь я, как Венера в пене, правда вместо "пены" ошметки из дешевой ткани.

«Боттичелли был бы просто в восторге...»

Снова почти не дышу, хмурюсь, не шевелюсь — я не даю реакции, не потому что хочу ему что-то доказать или поиграть на нервах, а потому что тупо не могу ее дать. Даже комментарий внутри моей головы звучит так слабо, что не обидел бы и пятилетнего ребенка, но он этого не понимает. Максимилиан ждет «приличные» пару мгновений, потом приближается и, уткнувшись щекой в висок, цедит сквозь зубы.

— Это чтобы ты не попыталась снова плюнуть мне в лицо, сучка, — оставляет горячий поцелуй, — Не надрывай горло и не ори, тебя никто не услышит: шумоизоляция потрясающая, а соседей вокруг нет. Все квартиры на этаже — мои. Располагайся, котенок.

Отрывается от меня также внезапно, как подошел, и вот уже хлопает дверью. Я все стою, стою, стою, слушаю, как проворачивается ключ, потом слушаю глухие, четкие шаги, хлопок другой двери. Снова проворачивается ключ, но вместе с ним таймер обратного счета моей истерики подходит к нулю. 00:00 — начинаю беззвучно плакать, вытирая слезы, а потом хватаюсь за застежку на своем ошейнике. Я безуспешно пытаюсь его расстегнуть, наверно, минут десять — ничего не получается. Из-за этого плачу только сильнее, всхлипываю, но что остается? Я опускаю руки и оборачиваясь в темноту и тишину.

«Это моя клетка на пятьдесят втором этаже...Ну здравствуй...»

Эта квартира — рай недвижимости и дизайна интерьера, я такое только на страницах журналов видела, если честно. В Новосибирске у нас был красивый и очень большой дом, трехэтажный, но не было такого размаха, да и я его уже почти не помню, кроме того, что там точно было не так, как здесь...

Когда я осторожно прохожу по коридору в глубь квартиры, свет автоматически загорается (судя по всему реагирует на присутствие), открывая мне просто потрясающий вид. Я попадаю в просторную, невероятных размеров гостиную в темно-серых тонах. По середине комнаты стоит огромный диван, куда при желании можно поместить человек двадцать, напротив него огромный телек на тумбе достаточно яркого цвета для дерева. Оно почти оранжевое, но прекрасно вписывается в дизайн, а еще, когда я оборачиваюсь, понимаю, что это так называемый «акцент», чтобы связать эту зону с кухней. Там в таком цвете длинная барная стойка, а за ней крупные, высоченные фасады черного цвета с

окантовкой из того же дерева. «Фартук» — это черный мрамор, но самая яркая деталь здесь все также связана по гамме: пять светильников прямо над стойкой в форме кругов, но на разном уровне и разных размеров. У самого окна есть еще и стол. Он длинные и такой, какой и я бы себе хотела: вроде это называется эпоксидная смола, но если говорить об эффекте, это что-то вроде дерева, тонущего в море.

Следующая комната, которую я нахожу — это спальня, и она не менее шикарная, но я снова в тупике. Она в основном светлая: три белых стены, кровать с мягким основанием, пушистый, ванильный ковер. Напротив кровати еще один акцент — стена с резными узорами-ромбами из карамельного дерева, где висит еще один большой телевизор. В этой комнате я не чувствую «его» — она слишком мягкая. Пройдя чуть ближе к окну, я понимаю, что стена-акцент не доходит до конца, так что иду дальше, и там я нахожу ванную комнату. Здесь все также, как в спальне, она полностью копирует ее стиль. Белый мрамор сочетается с карамелью, а в качестве акцентов — черный цвет тумб с современными раковинами в форме глубоких чаш, которые «просто взяли и поставили сверху». Душа здесь никакого нет, вместо него округлая ванна, которая занимает место у самых окон. Я хмурюсь и осматриваюсь, чтобы в этом убедиться, а когда ничего не нахожу, поворачиваю на выход:

«Наверно, здесь есть еще одна комната» — да, есть. Вот в ней я уже узнаю черты характера, которые мне по-крайней мере понятны.

Она темная и словно логово порока. Черные стены, потолок, на котором вокруг люстры идет полукругом лепнина, огромная кровать. У нее тоже есть мягкое основание, но вместе с тем и «крыша» с балдахином, как было в той квартире. Я почему-то уверена, что если я лягу, то и здесь увижу свое отражение на потолке, но я этого не делаю, а перевожу взгляд в сторону, где за прозрачными, огромными дверьми ванная комната. Она будто находится в самой спальне, и это так порочно... Из черного мрамора с теплой подсветкой, где есть все: огромная ванна в форме чаши, душ с глубокой ступенькой, чтобы, видимо, можно было зачем-то сесть. Над раковиной, какую я уже видела в прошлой комнате, потрясающее зеркало, похожее на солнце. Оно очень и очень красивое, а еще, спорю на что угодно, безумно дорогое.

«Да кого я обманываю? Здесь, наверно, само наполнение квартиры стоит, как сама квартира...»

Хмыкаю и поворачиваюсь, чтобы выйти, но сразу замечаю еще одни двери с противоположной стороны. Иду туда — гардеробная, хотя скорее это магазин одежды. Дорогой. Брендовой. Я захожу в него, как вор, озираясь. Здесь все чин по чину: стиль тот же, что в комнате, по середине стоит небольшой пуфик, огромное зеркало...

«Черт, да я такие гардеробные видела только в кино!»

Даже у мамы не было столько шмотья, хотя у нее был особый шкаф для туфель, который однажды Элай «случайно» залил. Нет, он действительно сделал это не нарочно, просто он вообще не отличался особой «аккуратностью», и все у него вечно «случалось» «потому что звезды так светили».

«Интересно, что с ним будет, если также залить его шмотье? Или что-то перевесить?» — усмехаюсь, ведь здесь все «одно к одному».

Никогда не замечала в нем такой педантичности, но, наверно, она все же есть, если он любит БДСМ. Я как-то решила почитать о «доминантах», раз уж ввязалась в эту авантюру, и действительно многие из них отличаются любовью к порядку, и, судя по тому, что тут все развешено еще и в цветовой гамме, так и было. Рубашечка к рубашечке, белая к белой, туфли

к туфлям, кедик к кеду, и далее по списку. Хмыкаю, проведя кончиками пальцев по пиджакам, но дальше удивляюсь больше.

Самая дальняя стенка шкафа наполненная женской одеждой снизу доверху. Она вся в светлых оттенках, и здесь тоже есть все: куртки, пальто, платья, костюмы — абсолютно все, чего только душа может пожелать.

«Наверно об этом он и говорил?» — опускаю взгляд на разорванный свитер, который я загнула, как халат, и понимаю — у меня нет другого выхода.

Теперь окончательно понятно, что он имел ввиду и зачем это сделал: видимо принцу не понравился мой отказ надеть *его* платье и *его* куртку. Никаких разговоров не нужно, уговаривать меня тоже никто не собирался — Максимилиан и его «как я хочу» просто разорвали мою одежду, чтобы у меня не осталось выбора и пришлось одеть эту. Тихо цыкаю и мотаю головой — просто детский сад... — потом безразлично беру с вешалки первый попавшийся свитер. Он вообще коричневый, но уходит больше в розовый, а еще достает мне до задницы, судя по всему — мне подходит. Открываю первый ящик в поисках белья, безошибочно угадываю, но выбор меня не радует. Здесь какой-то сплошной шелк и кружева, и этот факт забирает еще пару процентов от моей батарейки, но что поделаешь? Нахожу самый приличный комплект, беру белые носки и выхожу из комнаты.

Иду в душ, как мне было велено. Парюсь, правда, долго — все здесь непонятно и ново, работает неизвестно как, так что я достаточно сильно замерзла, пока не догадалась на какую кнопку надо нажимать. Быстренько моюсь, как можно быстрее, если быть точной, а когда выхожу, обматываюсь темным полотенцем и встаю перед выбором: куда идти дальше? Я не хочу оставаться в этой комнате, да и меня никто сюда не приглашал, а та светлая по душе. Недолго ломаюсь и иду туда, закрываю за собой дверь, переодеваюсь. Ткань, конечно, просто сказка, но меня это не радует — я лишь на подсознательном уровне отмечаю сей факт, потом залезаю под одеяло и кутаюсь с головой.

Единственное, что мне нравится в моей клетке — это вид. Окна здесь огромные, в пол, и через них открывается вид на жизнь там, за пределами золотых прутьев. Я вижу Лужники, здание МГУ, но самое главное — это тысячи огней квартир, в которых кипит настоящая жизнь, а не пластмассовая, как моя. У меня то, по факту, больше нет жизни. Закрытый выход и ошейник на шее, который я так и не смогла снять, тому подтверждение. А еще тюремщик...

Я слышу, как открывается дверь, когда на часах время переваливает за шесть часов — действительно вернулся вечером, как говорил вчера, — но не спешу его встречать. Я сижу у окна на кресле-лежанке с фигурными ножками, подтянув ноги к груди, и даже головы не поворачиваю на четкий шаг. Мне плевать...почти плевать даже когда я чувствую его энергетику рядом, а волну парфюма непосредственно в зоне моего комфорта.

— Даже не поздоровалась?

Молчу. Нет, не поздоровалась, потому что не хочу. Максимилиан усмехается, касается спины, заставляя тем самым резко выпрямиться «по струнке», но это его как будто только подстегивает. Теперь он касается шеи, слегка надавливает на замочек, улыбается.

— Спорю на что угодно, ты пыталась его снять.

Молчу.

— Извини, не сказал, что он с сюрпризом.

Молчу. Тогда он присаживается на край кресла, слишком близко, чтобы меня нервировать, но я не поддаюсь. Знаю, что если дернусь, спровоцирую, а мне этого не нужно. Я напряжена до предела, каждой, казалось бы, мышцей, при этом стойко остаюсь на месте, цепляясь глазами за здание МГУ, как за свой личный спасательный круг. Он мне нужен, чтобы не утонуть в его запахе, который становится четче, когда его владелец становится еще ближе. Слегка касается губами голого плеча, я жмурюсь, но продолжаю стоять на своем. Это его по итогу только веселит...

— И не отпрыгнешь?

Молчу.

— Как стойко держишься, браво, котенок. Интересно, насколько далеко ты готова зайти?

Его пальцы ныряют под свободный ворот кофты, касаясь лопаток, но я и тогда продолжаю сидеть, как будто и не я вовсе. Пытаюсь отгородиться... пусть и знаю, что не выйдет. Это я. Это он. И он будет делать все, что захочет, но, судя по всему, не сейчас. Максимилиан отстраняется внезапно, а потом буднично, как будто ничего не произошло, произносит.

— Переоденься. Через десять минут кое кто приедет, а эта кофта еле прикрывает твою задницу. Пошла.

Пользуюсь случаем и резко вскакиваю, ухожу, но чувствую тяжелый взгляд в спину, который не обещает ничего хорошего. Хотя может это было простое издевательство? Наверно да, потому что когда я снова захожу в гостиную, он даже не поворачивается. Максимилиан стоит у окна и быстро что-то печатает, а я присаживаюсь на край дивана и привычно отвожу взгляд. Тишина просто невыносимо звенящая, но мне и в голову не придет ее нарушить даже под пытками. Лучше ощущать этот спертый, тяжелый воздух, чем говорить с ним, к тому же не имея никаких тем для обсуждения.

— Ты, я так понимаю, решила объявить голодовку?

Его голос пугает, слишком неожиданно он звучит, и я вздрагиваю, бросая на него короткий взгляд. Максимилиан прижимается спиной к окну, руки сложив на груди, смотрит прямо и холодно. Он злится. Я умею это видеть, потому что много раз видела его в таком состоянии: *«Еще бы, общаться с кем-то, кто тебя раздражает. Тяжело тебе пришлось, наверно, но пари то важнее?»*

Ядовитая боль прокатывает меня по моей собственной грязи, в которую я попала, и хочется рыдать. Я снова предпочитаю наблюдать, как вожу по круговому узору дерева, чем играть с ним в гляделки, но на этот раз принцу так не хочется. Максимилиан отрывается от своего места и быстро подходит ко мне, властно берет под подбородком и опять заставляет меня подчиняться. Я и не думаю уходить в оборону, потому что понимаю — у меня нет на нее ресурсов. Снова чувствую себя выжатой до капли...

— Я задал тебе вопрос, — теряет терпение, — Ты оглохла или как?

Медленно моргаю, скованная изнутри и снаружи, а он вдруг проводит большим пальцем по щеке — я чувствую влагу. Если честно, то даже не заметила, как она появилась, но клянусь себя трижды — это еще одна причина до меня докопаться, которую я сама вложила ему в руки.

— Прекрати рыдать, — глухо требует, я отстраняюсь и быстро вытираю глаза, воровато

так, как будто делаю что-то ужасное.

Походу дела так и есть, Максимилиан шумно выдыхает, но от очередного потока обвинений меня спасает звонок в дверь. Чувствую долгий взгляд, недовольство, но могу наконец дышать, когда он быстро уходит в сторону прихожей. Я не поворачиваюсь — мне плевать, кого он ждет в гости, а вот на вырисовывание контуров узора нет. За этим процессом я готова наблюдать хоть бесконечное число часов, но все снова идет не по плану.

— ...Пробки просто ад! — звенит очень женственный, мужской голос, явно недовольный, и также явно улыбающийся тон у Максимилиана.

— Ну прости, это срочно.

— Да для тебя, Макс, все что угодно, конечно... Расскажи хоть, что делать надо будет?

— То, что ты умеешь лучше всего.

— Я по телефону не совсем понял задачу, но не это. Будут детали?

— Ты слишком любопытен, Стас, подожди немного.

— Это да, это про меня, — они начинают смеяться, а потом идут в мою сторону.

Точнее идет кто-то один, второй все еще копается в прихожей, и мне сразу ясно кто есть кто в этой мизансцене, к тому же запах парфюма не дает мне даже шанса на ошибку... Максимилиан встает рядом, и я вижу это боковым зрением, но не поворачиваюсь.

— Ну и? Где объект? — явно взволновано, но при этом весело спрашивает, и я понимаю — речь идет обо мне.

«О ком еще то? Кто здесь «объект»?»

— Знакомься.

Максимилиан подходит ко мне еще ближе, берет за руку и тянет, чтобы я встала, а когда это происходит, он подчеркнуто вежливо добавляет.

— Это Амелия.

Я смотрю на парня перед собой и не могу определить его возраст. Он выглядит очень молодо, но насколько точно не скажу. Одет с иголочки в очевидно брендовую, шелковую рубашку изумрудного цвета, черные джинсы. У него ярко-пепельные волосы, уложенные наверх, как «холок», немного подколотые губы — я вообще не очень разбираюсь, но нутро подсказывает, что так и есть. Загадочный Стас невысокий, чуть больше меня по росту, и довольно щуплый, но я по глазам определяю, что его физическая сила — это его язык. Наверно он может им буквально убить, если захочет. Но он не хочет. Вдруг Стас прижимает в лицу ладони с внушительными перстнями, а потом выдыхает писком:

— Боже, какая прелесть!

Я хмурюсь, бросаю взгляд на Максимилиана, который улыбается во все тридцать два и тоже пялится на меня, потом еще и подтягивает к себе за талию. Меня это абсолютно не устраивает, и на этот раз я не терплю, а отцепляю его пальцы и отхожу на шаг, что приводит нового знакомо в щенячий восторг.

— Она тебя оттолкнула?! Ты его оттолкнула?! Малышка, ты просто чудо!

Максимилиан закатывает глаза.

— Амелия, это Стас, мой хороший друг.

— Вау, какие регалии...

— Заткнись, — усмехается наследник, переводя на меня внимание, — Он топовый стилист и единственный, кто сможет исправить тот кошмар, который ты сотворила со своими волосами. Единственный, кому я доверяю.

— Думаю, что ты утрируешь.

— Не утрирую, ты просто не видел этого, а мне повезло. Хотя, если мне не веришь, оцени сам.

Примерно так я оказываюсь на стуле, а волосы, которые до этого собрала с помощью ручки, теперь щекочут плечи. Стас молча перебирает их, я смотрю в окно, а Максимилиан печатает — картина маслом, не иначе как.

— М-да...

— Я говорил.

— Дорогая, никогда не режь волосы сама, — игнорирует Максимилиана его друг, обращаясь ко мне, — Даже если в интернете есть видео, и это выглядит просто.

— Боже, все еще печальней... — вздохнул этот урод на диване в деловом костюме, — Ты сама их отрезала? Надеюсь не ножом?

«Пошел ты. Пошел ты. Пошел ты...»

— Длинные были?

— Идеальные, — улыбается принц, но Стас вдруг резко останавливается и спрашивает.

— А почему ты вообще лезешь, а? Она что сама не может говорить?

— Она не говорит.

— В смысле?! — буквально отскакивает, потом смотрит на меня и жалобно добавляет, — Чудо, прости, пожалуйста, я и подумать не мог...

— Расслабься, Стас, она может говорить, но не говорит. Амелия на меня злится и решила пытаться молчанием. Да, котенок?

Сжимаю руки сильнее, но упорно молчу, хотя мысленно и показываю им двоим факи.

«Ненавижу...»

Стас секунду думает, потом усмехается и кивает.

— Ооо...ну тогда все понятно. Амелия, дорогая, для мужчин молчание — это не пытка, а благо. Если хочешь его наказать, будь холодной и молчаливой в постели, а в остальное время трепись не переставая.

Я так поворачиваю голову, что в шее щелкает, а взгляд видимо настолько злобный, что Стас невольно отступает на шаг. Максимилиан начинает громко смеяться, похлопывая по коленке, а потом добавляет еще шепотку мне в костер.

— Совет дрянь, Стас, она первая не выдержит. Амелия у меня нетерпеливая...

Краснею сильнее, чем когда-либо, шумно выдыхаю, буквально чувствую самодовольство этой наследной задницы, а Стас только накидывает...

— Боже...она покраснела? Ты где ее такую нашел?

— В общаге в Химках, а перед этим на Кутузовском.

Меня так задевает небрежно брошенная фраза, так, шутки ради, что я смотрю на него полными слез глазами, будто он мне в спину нож вонзил.

«Хотя почему будто? Тогда пошутил, чем сейчас не повод?»

Весь мой запал схлопывается, и я снова смотрю в окно, мечтая оказаться где-то далеко отсюда, но в результате оказываюсь «под ножницами». Стас заставляет меня помыть голову, я исполняю, он говорит сесть ровно, я тоже исполняю. Я просто кукла, молча смотрю на свои руки — это все, на что я гожусь. Атмосфера вокруг тяжелеет, напрягается. Мужчины больше не откалывают шуток, а молчат: Стас расчёсывает мои волосы и, видимо, думает, а Максимилиан сидит в телефоне.

— Ну что я могу сказать? Это только каре. Ты слишком много отхватила сзади, оставлю больше, форма будет некрасивой.

«Мне вообще плевать...»

— Может добавить челку?

— Никакой челки, — резко отвечает Максимилиан, на что Стас усмехается.

— Макс, ты извини, конечно, но ей решать. К тому же челка ее не испортит, это вообще нереально...

— Я не говорю, что она ее испортит, но я хочу видеть ее глаза.

— Ну да, такие глаза грех прятать... Может тогда добавить пару светлых прядей?

— Нет, — снова он чеканит, оторвав глаза от мобильного.

— Мне снова повторить, что я не с тобой разговариваю?

— А мне нужно повторять, что срал я на это все?

— Фу, как ты разговариваешь? Ты же будущее строительства России...

— Заткнись, Стас.

— Ладно-ладно. Не хочешь блондинку? Это, конечно, удивительно, особенно если вспомнить, что это твой типаж...

Немного прикрываю глаза, потому что вспоминаю сестру, но этого никто не замечает. Разговор «будто меня и нет вовсе» продолжается...

— ...Могу покрасить ее в темный. Будет очень сексуально...

— Нет.

— Блондинки нет. Брюнетки нет. У тебя был стоп только на рыжих, разве я ошибаюсь?

Я и не предлагаю рыжий...

— Я хочу ее.

— Это и будет она.

— Да, но я хочу ее настоящую.

На меня направлен долгий взгляд, видимо, ожидающий ответа, которого я снова не даю. Наверно это вообще задумывался, как комплимент, от которого я намокну и брошусь ему в койку, но этого не происходит. Все, что я чувствую — это тупую боль и необъятное унижение.

18; Ноябрь

Я не особо хотела смотреть на результат, но сделала это исключительно из-за Стаса — мне не хотелось его обижать. Каре было не коротким, чуть выше плеч, смотрелось неплохо, а в благодарность я кивнула и отошла от зеркала, снова присев на то самое кресло. Думаю, что они переглядывались у меня за спиной, но я больше не отвечала взаимностью, мне было плевать. Я даже не хочу слушать разговора, который идет в прихожей, но слышу — они говорят тихо, но не смотря на «великолепную шумоизоляцию», до меня долетает каждое слово.

— ...Так это она и есть? — тишина, но Стас усмехается, — Красивая. И не похожа на свою сестру.

«Просто блеск...он тоже в курсе...»

— Надеюсь, Макс, ты понимаешь, что делаешь.

— Никому ни слова.

— Я твой друг, а значит могила. И на этих правах дам тебе совет: извинись.

— Еще чего?

— Ты ей соврал.

— Пройдет.

— Не думаю. Судя по тому, как она на тебя реагирует...

— Она перебесится.

— Хах, узнаю старого, доброго Макса. Ты спал с ее сестрой, а она ни сном, ни духом.

— С ее сестрой много кто спал.

— Но не они ей ввали.

— Она меня любит.

— Помнится, что мы вели подобный разговор много лет назад...

— Они разные.

— Они — женщины. Либо исправь всё, либо отпусти.

— Стас, я не могу ее отпустить.

Многозначительная пауза, после которой слышится еще один смешок.

— Конечно *не можешь*. Если что-то понадобится...

— Ты на связи.

— Именно, Алекс, именно.

Мне режет слух эта кличка, а вместе с тем я делаю сразу несколько выводов. Во-первых, человек, который меня только что стриг, видел меня голый, потому что судя по всему в курсе всего, а судя по интонациям и паузам, он в курсе *всего*. Во-вторых, раз они говорят только об одной части этого «*всего*», Максимилиан не знает, что и я в курсе *всего*. И в-третьих, он меня не отпустит.

Последний вывод приводит в ужас, и я не совсем понимаю, в чем причина? Что-то подсказывает, что за всеми этими ширмами кроется что-то, что мне еще предстоит выяснить, и так как я слишком глубоко погружаюсь в анализирование ситуации, не замечаю, как он подходит сзади, а очухиваюсь слишком поздно. Максимилиан запускает пальцы мне в

волосы и жестко дергает назад так, чтобы я смотрела ему в глаза. От неожиданности, давлюсь воздухом и хватаюсь за его запястье, но моя хватка по сравнению с его силой — ничто. Он ее даже не замечает...

— Знаю, что ты слышала разговор.

Молчу. Отрицать и не думаю — это бессмысленно. Максимилиан это понимает сразу, усмехается и кивает.

— Отлично, значит избежим недопонимания. Во-первых, я не собираюсь извиняться ни за что.

Это меня разочаровывает. Не скажу, что извинения что-то изменили, но услышать их не минус точно.

— ...Это мое прошлое, какое есть. Смирись.

Подтверждаю второй вывод: он не знает, что мне известно гораздо больше, чем его постельные игрища с моей сестрой. Будь дело только в этом, я бы относилась проще. Он этого, видимо, не понимает.

— Во-вторых, ты останешься здесь столько, сколько этого потребует ситуация, так что не беси меня. Будет так, как я сказал. Дело не в том, что я боюсь за свою репутацию, дорогая. Я трахнул столько баб, сколько ты себе представить не можешь, и никогда этого не скрывал. Ты достигла возраста согласия, да и сама пришла ко мне — мне нечего бояться. Но если у тебя есть вопросы, можешь их задать. Вполне возможно, я даже отвечу.

Но я молчу. Я все знаю, и мне не надо красивой лжи, к тому же он выдает ее сам через мгновение.

— Тебя интересует зачем я врал? Столько времени притворялся? Знаю, что ты видишь кое какие отличия, и ответ прост и до смешного банален: мне было любопытно.

«Ну конечно...и на что я рассчитывала?!» — не знаю, но рассчитывала же.

— ...Вы сестры, я хотел знать насколько вы разные, но сейчас дело гораздо серьезнее моего любопытства. Ты — залог того, что Лилиана сделает кое что, что мне необходимо. Интересно послушать о чем я? Тогда спроси. Сло-ва-ми.

Снова это происходит — он пытается меня заинтересовать и разговорить, чтобы потом выкрутить ситуацию в свою пользу. Я то знаю. Во время наших «отношений» он часто так делал: был виноват сам, но мы говорили, и по итогу в дураках оставалась я. Он слишком умный манипулятор, но и я не дура, чтобы на это вестись, накушалась. Отвожу взгляд, и Максимилиан наконец отпускает меня, но лишь чтобы стать еще ближе: встает коленом на кресло, приближается и шепчет на ухо.

— Меня поражает твоя принципиальность, милая, но мы оба знаем, что ты проиграешь. Я всегда получаю все, что я хочу.

Все в купе, начиная с правды, которая слетает с его губ, заканчивая тем фактом, как жестко он меня обманул и использовал, дает неожиданный результат. Моя гордость поднимает голову и вместо того, чтобы мне опять забиться в себя, я вдруг плавно поднимаю нос и бесстрастно смотрю перед собой. Гордо. Мол, ага, сейчас, посмотрим еще, кто кого. Это его опять веселит. Максимилиан приближается, касаясь щеки губами, а потом бархатно, тихо шепчет.

— Есть еще кое что, что ты должна знать...

Снова внутри прыгает. Я понимаю, что все еще надеюсь на хоть грамм чего-то хорошего, но Максимилиан не собирается давать мне ничего хорошего, только очередную бомбу.

— ...Мне известно, что твоя мать жива.

Я расширяю глаза и резко поворачиваюсь на него, вот где совершаю ошибку. Он тут же хватается меня за нижнюю челюсть и крепко целует. Грубо, сильно, без капли нежности или какой-то заботы, причиняя боль. Я пытаюсь его отпихнуть, но я слабее, и он этим пользуется. Укладывает меня на лопатки, подминает под себя, а я в панике вдруг со всей силы кусаю его за нижнюю губу. Это мой единственный путь к спасению, и он работает. Наследник отстраняется, касаясь места укуса, у него идет кровь, а я пользуюсь моментом, когда он не так твердо «стоит на ногах», и отпихиваю от себя. Получается освободиться совсем, и я панически отползаю назад, вдавившись всем телом в спинку кресла. Подтягиваю ноги к груди. Смотрю волком. Максимилиан на меня с привычной, характерной для него усмешкой.

— Тебе нравится пускать мне кровь?

Молчу, тяжело дыша. Слезы срываются с дрожащих ресниц, но я их не вытираю. Я оплетаю руками свои ноги, чтобы от страха не распасться на куски, стараюсь уговорить тремор, смотрю на него, как на врага народа, и он вздыхает.

— Видел ее в ДТЮ после Белого бала. Я за тобой следил. Извини.

«Твою мать...»

— Не волнуйся, я никому не сказал. Пока точно. Хочешь, чтобы так было дальше?

Слегка киваю. Его это улыбает — нащупал таки слабое место, мудака...

— Зачем все это? Из-за отца? — молчу, но он не настроен терпеть и цедит сквозь зубы, — Лучше отвечай.

Киваю.

— Я догадался. Мой отец может быть очень настойчивым... Делай, что тебе сказано, и я — могила. Прекрати трахать мне голову и смотреть так умоляюще — ты никуда не уйдешь. Все очень просто. Попробуешь сбежать, я пойду к **Властелину мира с отвисшими яйцами** и все ему расскажу.

Только в этот момент я в полной мере осознаю, о чем говорила Оксана. Передо мной сидит расчётливый манипулятор и мудака, который ничем не покусится ради своей цели. Что мне делать? Это же отсутствие выбора, и я соглашаюсь, а будто продаю свою душу, кивая.

— Нет, так не пойдет. Изъясняйся нормально. Сло-ва-ми.

— Я согласна, — еле слышно шепчу, закрывая глаза, — Я не буду пытаться сбежать.

— Хорошая девочка.

Горячие пальцы касаются моей лодыжки, и я очень хочу отстраниться максимально, но стоит мне только об этом подумать, как я получаю предостерегающий взгляд. Мол, не дергайся. Поэтому терплю, стойко, даже когда касания начинают движение вверх. Максимилиан хмурит брови, он не смотрит мне в глаза, а только следит за тем, что делает, пока не доходит до плотно сжатых рук. Коротко бросает на меня взгляд, снова опускает его и силой расцепляет замок. Я совсем чуть-чуть сопротивляюсь, потому что мне страшно, что последует за тем, как, наверно, последний рубеж падет — я же остаюсь буквально без защиты, пусть мои сцепленные ладони и не являются такой уж надежной защитой.

Максимилиан снова цепко следит за своей рукой, которая переходит мне на колено, но когда она ползет еще выше, я честно непроизвольно пинаю его, за что тут же расплачиваюсь. В этот раз принц готов к моим «фокусам», перехватывает ногу за лодыжку и резко дергает на себя. Как итог я снова на лопатках, а он сверху, прижимает руки за запястья к креслу.

Унизительное поражение, я ведь даже не попала...спасибо только за то, что он не лежит, а продолжает сидеть, сохраняя хотя бы подобие дистанции.

— Знаешь, со временем мне все проще предугадать твои поступки. Ты не очень то умная, да?

Отворачиваюсь, уставившись в окно. Мне больно и неприятно, я не хочу видеть его лицо, а за такой шантаж никогда не прощу. Он только добавляет себе в копилку эти «никогда не прощу», как монетки, хотя ему, наверно, и неважно это. Кому нужно прощение шлюхи, в самом то деле? Никому, и ему не нужно. Максимилиан усмехается, а потом внезапно резко встает и отходит к окну, доставая мобильник и лишь через плечо бросает короткое наставление.

— Иди одевайся, мы кое куда съездим.

Когда мы спускались, я проклинала себя и свою невнимательность, потому что меня угораздило одеть юбку чуть выше колена с небольшим вырезом, а к ней выбрать кофту с глубоким вырезом на спине. Который я не заметила. До меня дошло слишком поздно, Максимилиан начал орать из гостиной, что мы опаздываем, и мне ничего не оставалось, как пойти так.

«Надеюсь, что мне не придётся снимать пальто, и он ничего не заметит...»

Ага. Как же. Мы ехали всего пятнадцать минут, пока не свернули на подземный паркинг, откуда попали в лифт. Там я хотела бы встать чуть поодаль, но на мои желания снова положили с прибором. Максимилиан потянул за пальто, а когда встретил сопротивление, цыкнул почти на ухо.

— Раздевайся, это больница, а не каток.

«Больница?!» — испуганно поднимаю на него взгляд, на что он дергает бровями и улыбается.

— А что ты думала? Не надо было сбегать в общагу к отбросам. Я хочу, чтобы тебя полностью обследовали.

Из-за моего недоумения за пальто я не борюсь, так что оно уже покоится на его согнутой в локте руке, а я снова туплю взгляд.

«Боже...какое унижение...» — «И что значит полностью?!»

Думаю-думаю-думаю, пока вдруг не понимаю, что он на меня пялится. Снова смотрю, слегка хмурюсь, но он фыркает, закатывает глаза и идет мимо, как раз когда створки разъезжаются, будто я стена.

«Похоже я зря переживала...» — опомнившись, касаюсь своей спины, которую немного поддувает легким ветерком, — «Вряд ли я его привлекаю на самом деле. Он скорее издевается, я же не его типаж...»

Меня это немного успокаивает, хотя я изо всех сил и пытаюсь проглотить горечь, которая сейчас у меня на кончике языка. Потому что задевает, твою мать...и это бесит, но я оставляю весь этот спектр чувств в лифте. Мне они не нужны.

Процедур куча. У меня берут кровь из пальца, потом из вены, делают снимки легких, хотя я и не понимаю зачем. Потом наступает пора самого унизительного и ужасного — гинеколог. Мне задают миллион интимных вопросов, на которые я не хочу отвечать,

поэтому выхватываю форму и заполняю все сама. Краснея все сильнее и сильнее забираюсь на стул. Я снова смотрю в окно и хочу оказаться где-то в другом месте, пока меня осматривает вполне себе нормальная женщина средних лет. Она очень тактична, но я все равно в диком дискомфорте, потому что в последний раз гинеколог у меня был просто ужасный. Хамовитая, старая селедка с ледяными плавниками, с которых даже огромные перстни поленились снять. В общем ад, а от ее намеков и взглядов, после приема я прорыдала почти два часа на груди у...

«Как мне его называть? Алекс? Максимилиан? Господин хозяин?» — в носу снова колет, и я прикрываю глаза. Не хочу думать о своей драме сейчас, у меня еще вся ночь впереди.

— Ну вот и всё, а вы волновались...

Врач улыбается мне так приветливо и буквально нежно, на что я отвечаю тем же невольно, скорее у меня и выбора не остается. Покидаю кабинет с надеждой, что это все, и это действительно все. Максимилиан ждет меня прямо напротив: спиной прижимается к стене, руки в карманах, сверлит взглядом, как будто я сделала что-то не так. На секунду замираю, но плетусь к нему и даже не сопротивляюсь, когда он молча разворачивает меня в сторону лифта. Я вижу его створки, рукой подать до выхода, но вдруг планы резко меняются. Максимилиан ни с того ни с сего хватает меня за локоть и буквально впихивает в какую-то комнату.

Первая моя реакция очевидна: страх. Я взволновано озираюсь, потом смотрю на него в надежде услышать объяснения.

«Наверно что-то случилось?...» — думается, а память подбрасывает воспоминание, как до этого он шел по парковке и озирался, когда привез меня в свою квартиру впервые. Может не просто так?

Но то, что он говорит дальше, ставит меня в еще больший тупик...

— Ты без провокации не можешь, да?

«Что?!» — хочу переспросить, не успеваю.

Максимилиан грубо хватает меня за щеки и дергает на себя, впиваясь таким же жестким поцелуем. Он толкает меня вглубь комнаты, я невольно отступаю. В этой темноте так странно...как будто всё, что случилось и не случилось вовсе. Как будто это осталось за дверью, а между нами всё, как прежде...Я же отрываюсь. Чувствую, как тело наполняется хорошо знакомой истомой, как внутри скручиваются жгуты нетерпения. Пальцы подрагивают, когда я хватаюсь ими за ворот его пальто. Алекс рычит, приподнимает меня, сажает на что-то вертикальное и твердое, вклинивается между раскрытых бедер. Держит меня крепко, обнимая одной рукой за талию, а второй прижимая за затылок, чтобы я не отстранилась. Но я и не хочу...

Мы целуемся страстно, дико, я издаю тихий стон, который является чем-то вроде спускового крючка. Алекс стаскивает меня на землю, чтобы повернуть к себе спиной и уложить обратно. Я не сопротивляюсь, но держусь крепко, до белых костяшек, тяжело дышу. У меня коленки трясутся от нетерпения, и я закусываю губу, чтобы не заорать, когда он берется за края юбки и медленно ее поднимает. Это так сексуально, что в голове сплошная вата. Я слышу только его хриплое дыхание и свой пульс, а еще внутреннюю, сильную пульсацию, как мигание лампочки. Хочу, чтобы он меня коснулся и побыстрее.

Он тоже. Я знаю, что он играет, но ему быстро надоедает: на самом деле Алекс слишком нетерпеливый, хотя говорит, что это всё я. Неа, нифига. Он такой же, и он это

доказывает, когда буквально сдирает с меня толстые, капроновые колготки и трусики, а потом матерится, когда не может открыть презерватив. Я издаю тихий смешок, упервшись лбом в стол, который таки смогла идентифицировать.

— Что-то смешное произошло?

— Да. Ты.

— Вот как? — слышу, натягивает, спешит, улыбаюсь сильнее, — И что же смешное ты разглядела на этот раз?

— Говоришь, что я нетерпеливая, хотя сам не лучше.

— Это только с тобой так, котенок.

Он неожиданно и резко входит в меня, вырывая из груди крик, застывает. Алекс берет меня за волосы и поднимает голову, тяжело дышит пару мгновений, которые дает мне на адаптацию, потом шепчет.

— Ты слишком сладкая...

Он укладывает меня обратно на стол, расставив пятерню ровно на середине моей спины.

«Похоже вот что его так завело...» — отмечаю про себя, особенно ярко это понимая, когда он начинает покрывать поцелуями мою кожу в такт своему ритму.

Он медленный, протяжный, проникновенный... Так, чтобы я могла запомнить каждый его сантиметр внутри себя, и я запомню. Не уверена, что когда-нибудь смогу забыть каково это, чувствовать внутри того, кого так сильно любишь... Кусаю его пальцы, когда он закрывает мне рот, вырывая из Алекса стоны. Ему это нравится, и мне нравится. Каждое его движение, нота его запаха и голоса, хрип, стон толкает меня ближе к оргазму. Я его слишком сильно люблю, чтобы сдерживаться... и не сдерживаюсь. Меня накрывает мощной, сильной волной, которая топит, не дает вдохнуть, не дает прийти в себя или хотя бы вспомнить, кто я такая вообще. Он стирает все мысли, смывает их — все, что важно: мне невероятно.

Но как часто бывает с волной, она отходит в море и снова накрывает, возвращая все на свои места. Я осознаю произошедшее не сразу, лишь когда могу успокоить дыхание, лежа на столе под ним. Он — не Алекс, а Максимилиан. Тот, что использовал меня, предал, унизил, угрожал и шантажировал, а кто я тогда?

«Неужели у него действительно получилось превратить меня в ту, на кого они спорили? Неужели «ген шлюхи» действительно существует?...»

Максимилиан медленно встает с меня, упирает руку в стол, выдыхает и покидает мое тело. Я не шевелюсь. Кажется, если сделаю хоть одно движение, то больше не соберусь обратно в кучу: позор, унижение и боль окончательно уничтожат то, что осталось.

— Я уже успел забыть, какая ты отзывчивая, котёнок, — посмеивается, а мне убить себя хочется.

Слёзы срываются с глаз, и я тоже поднимаюсь, неловко натягивая свитер на плечи. Надеюсь, что не заметит, но это я зря — наследный принц рывком поворачивает на себя, брови его тут же падают на глаза, а он, словив еще одну слезу, чеканит.

— Теперь будешь притворяться, что тебе не понравилось? Даже не пытайся, твою мать, потому что ты осталась на моих брюках, дорогая.

Это звучит так грязно, пошло, что я краснею, отвожу взгляд, пытаюсь отойти, за что получаю встряску. Максимилиан буквально трясет меня, как тряпичную куклу, да настолько сильно, что у меня в голове что-то как будто падает. Смотрю на него, и вижу очередную порцию злости, которую он и не думает прятать — приближается наоборот ближе, чтобы я

все рассмотрела, а потом цедит сквозь зубы.

— Если ты думаешь, что секс поможет тебе на меня воздействовать, а твои стенания это только укрепят — забудь, твою мать. *Я тебя не отпущу.*

Мы приезжаем и заходим в квартиру, не сказав друг другу ни слова. Я почти бегу в светлую спальню, где сразу скидываю одежду и залезаю под одеяло, закутавшись с головой. Что он делает — без понятия. Теперь я хочу заснуть и никогда не просыпаться, потому что всё действительно стало хуже.

«У него все получилось...я не просто девочка без будущего, одинокая, тупая, малолетняя сучка. Я — шлюха. Его шлюха...»

Мне теперь еще страшнее от мыслей о дальнейшем. Вдруг он будет звать сюда своих друзей, а я, так крепко в нем погрязшая, буду исполнять любой каприз?

«Это же возможно. Судя по тому, что было...»

Плотнее закрываю глаза и с силой отпихиваю все мерзкие образы и мысли, к которым не готова, пока не засыпаю. Пока мне не удастся сбежать хотя бы в своей голове...

Сначала я не понимаю, где нахожусь и что происходит. Без понятия сколько времени. Солнце бьет в глаза, а где-то в отдалении я слышу крики...

— ...Ты сам в это ввязался, Макс! Это не шутки!

— Она ничего нормального не жрала почти месяц! Это просто... — рычит наследный принц, но второй, незнакомый голос резко перебивает.

— Твою мать! Ты себя вообще слышишь?! Черным по белому написано: а-не-мия! И это не все! Мои врачи заметили, что с ней что-то не так!

— Закрой рот!

— Она истощена!

— Я же сказал почему!

— Ты можешь засовывать голову в песок сколько тебе угодно — дело твое, ты взрослый, но ты взял на себя ответственность, когда связался с ребенком, так неси ее! Девчонке нужна помощь!

Слышится резки, сбитый звук, а потом глухой удар. Тяжелое дыхание. Молчание. Еще пару мгновений и второй голос тихо, но предупреждающе цедит.

— Макс, отпусти меня.

— Что еще хочешь добавить про то, как мне себя вести, а?

— Я твой друг и пытаюсь помочь...

— С ней все нормально.

— Нет, ненормально, — еще один звук, похожий на толчок, еще одна пауза, и снова второй голос говорит, но уже с более спокойной интонацией, — Ты прекрасно знаешь, что у меня работают профессионалы. Они заметили признаки депрессии, ей нужна помощь. Она ничего не ест, потому что в депрессии. Она очень худая. Бледная. Не хочет идти на контакт. Она слова никому не сказала!

— Да она это делает специально!

— Нет, не специально. Видимо вся эта история на нее сильно повлияла и...короче, я оставлю тебе контакты врача. Он крутой специалист, другого бы я тебе не посоветовал, —

опять пауза, после которой слышится отчетливый цык, — Он — лучший. Засунь свои закидоны подальше, если не хочешь однажды прийти домой и найти ее труп с перерезанными венами.

Отворачиваюсь и опять закутываюсь в кокон, чтобы сбежать от действительности. Мне неинтересно, что они там решают и о чем говорят — плевать. Я просто хочу, чтобы все кончилось.

Но все только началось. Вечером пришла какая-то женщина, которая сделала мне пару уколов. Я не спрашивала, что это, возможно действительно от столбняка, плевать. Просто легла обратно и заснула. Ненадолго. Вторым гостем в моей темнице стал сам наследный принц! Он заставил меня поесть, сказал, что нужно «поговорить», но когда ушел с грязной посудой, меня снова выключило.

На следующее утро к списку добавился еще и незнакомый мужчина. Он зашел аккуратно, постучался три раза, сел на кресло напротив, после того, как спросил разрешения, а я кивнула. Это был психолог, сразу стало понятно. Молодой, может лет тридцать-тридцать три, в очках с пронзительными, умными глазами. Блондин. Волосы его были зачесаны назад, одет строго, но не по-деловому. Он все пытался со мной говорить, рассказывал что-то о себе, задавал вопросы, но я смотрела только в окно. Я не шла на контакт тогда и не собиралась идти сейчас, когда он снова сидит напротив, как и всю неделю до этого момента. Говорит. Пытается выстроить мостик, но я не хочу объединять две разные части земли — в этом нет никакого смысла. Поглядываю на часы...

— Вы смотрите на часы, Амелия?

Теперь я смотрю на него. Тяжело, но он улыбается и, наклонив корпус вперед, сцепляет руки в замок.

— Я вам не враг. Вы все время молчите и думаете, что так сможете решить свои проблемы, но это детский подход к делу. Чтобы вас *услышали*, вы должны быть *слышны*. Диалог — это двигатель, а его отсутствие — стагнация.

«Будь ты на моем месте, понимал бы, что все это — херня... Говори, не говори, меня никто не услышит все равно. Потому что всем плевать на меня, я всего лишь жертвенный материал...»

Из глаз срываются слезы, которые я быстро вытираю и коротко говорю:

— Уходите.

— Вы наконец-то заговорили? Это...

— Уходите. Я не стану с вами разговаривать, потому что не хочу, а значит не буду и точка. Не тратьте время и деньги этого обмудка. Мне только счёта за ваши услуги не хватало.

— Обмудка? Это вы...

— Вы прекрасно знаете, о ком я говорю, обойдемся без театрального этюда. Уходите сейчас же, или я действительно вскрою себе вены сегодня ночью, лишь бы не слышать звука вашего голоса.

— Амелия...

— Я не пушу вас в свою душу и голову! — ору, твердо уставившись ему в глаза, — Я не пойду на контакт. Принципиально. Это мое окончательное решение. Пошел вон.

Здесь ничего не попишешь. Говорят, что невозможно помочь кому-то, кто этого не хочет, а я не хочу. Мне не нужна помощь «принять» новые правила игры, которые я принимать не собираюсь. Наверно, психолог это считывает, кивает и уходит, а я наконец могу расслабиться. Честно сказать? Звук его голоса действительно сильно утомил...

С меня жестко, бескомпромиссно срывают одеяло, и я резко вскакиваю в попытках сморгнуть сон. Снова не знаю сколько времени, где я и какое сегодня число, но мне не дают и минутки прийти в себя. Максимилиан жестко хватает меня выше локтя, приближая к себе и своим глазам, что метают молнии:

— Не хочешь и точка, значит?! Тогда будем считать, что с тобой все нормально твою мать! Пошла собираться!

Он буквально сдирает меня с кровати и толкает в сторону ванны, но так как я только проснулась и не совсем нормально контролирую вестибулярный аппарат, падаю. Его это, кажется, злит только сильнее. Четким шагом он пересекает расстояние между нами, нагибается и, раздув ноздри, снова говорит. Нет! Цедит сквозь плотно сжатые зубы.

— Мы уезжаем загород на встречу с моей семьей, на сборы час, не успеешь — поедешь голая.

Не дожидаясь ответа, он разворачивается и быстро идет в сторону двери, напоследок кидая через плечо и снова ором:

— И прими ванну, твою мать, от тебя воняет!

Вот так меня «приглашают» во дворец. Наверно, все думают, что это происходит иначе? Увы и ах, королевские особы не считают нужным рассыпаться в реверансах перед отбросами.

18; Ноябрь

Стоит мне залезть в ванну, как я чувствую, что не одна. Максимилиан стоит в излюбленной позе, прижавшись плечом к дверному косяку и сложив руки на груди. Он плавно ведет взглядом по моему телу и злится, а я прикрываюсь, как могу. Руки в замок под подбородок, ноги близко-близко друг к другу, но бежать и не думаю — просто застываю, как застывает котёнок при виде чего-то опасного. *Кого-то*, в моем случае.

— Нравится? — наконец смотрит в глаза с ядовитой усмешкой.

Молчу. Что мне должно нравиться, а что не положено, я без понятия, поэтому даже если представить, что я могла бы с ним заговорить, я все равно стояла также, как сейчас. В непонятках.

— Попробуешь что-нибудь выкинуть, каждый раз будешь мыться, как на сцене. Уяснила?

Слегка киваю.

«Неужели мне повезет, и он уйдет? Издевательства кончатся простым предупреждением?» — но похоже так и есть.

— Вещи твои я собрал, одежда лежит на кровати. Не задерживайся.

И он уходит! Я своему счастью не верю, выдыхаю с облегчением, прикрыв глаза.

«У меня есть хотя бы немного приватности...» — но это скорее крупный вдох перед серьезным погружением. Или последний вдох перед утоплением? У меня плохое предчувствие, что скорее второе...

На кровати я нахожу платье цвета пыльной розы и длинные сапоги в той же гамме на шпильке. Комплект белья — кружевной. Естественно. Устало осматриваю «свой туалет», вздыхаю, но делать мне нечего — я одеваюсь. Платье ниже колена, закрытое с горлом-бадлоном, шпильки вполне приемлемые, ничего вызывающего, а мне все равно некомфортно. Оно слишком облегающее, в нем негде *спрятаться*, сколько не пытайся. У меня снова нет выбора...

Когда я захожу в гостиную сразу натыкаюсь взглядом на один пренеприятный факт. В комнате не одна внушительная фигура, а две: Алексей вместе с Максимилианом стоят плечом к плечу и смотрят вдаль. Видимо они говорили о чем-то непростом, от чего по коже бегут неприятные мурашки и, если честно, мне натурально страшно.

«Что в головах у этих двоих знает только дьявол...»

На звук предательских шпилек они оборачиваются, как один, и я по очереди смотрю на вроде и знакомые лица, но вдруг такие «нет». Как я раньше этого не замечала без понятия, но они похожи. Не внешне, конечно же, внешне они абсолютно разные, как огонь и лед... Алексей это скорее второе. Он в деловом костюме с галстуком, застегнутый на все пуговицы, аккуратный и идеальный настолько, что аж зубы сводит, а Максимилиан более взбалмошный. На нем тоже белая рубашка, но она расстегнута сверху, открывая вид на ключицы. Они оба уверены в себе тоже по-разному, и видно невооруженным взглядом, что Максимилиан чувствует себя более свободно. Алексей скован, но это скорее всего какие-то его личные установки, потому что я не чувствую в нем какого-то напряжения.

Педантичность, организованность и дисциплина — да, но какое-то недовольство? Нет. Это скорее его личный выбор. Еще они оба не сильно похожи на своего отца, разве что размерами. Алексей это скорее Настя, а вот Максимилиан, скорее всего, его мать Мария. У них даже глаза разные: у одного зеленые, у другого голубые, правда это лишь оттенок. Вот в чем они так похожи — взгляд одинаковый. Посыл, энергия, подача. Оба надменные, холодные, властные — вот их суть и она, как на ладони.

«Интересно, они ладят или наоборот?» — пробегает в голове, правда Алексей убивает все зачатки анализа, приторно-сладко улыбаясь.

— Амелия...рад тебя снова видеть. Выглядишь превосходно.

Мне неприятны эти слова, ровно как и то, как он меня осматривает, поэтому я сжимаю руки на груди и отворачиваюсь в сторону. Я без понятия, чего они от меня хотят, но эти двою не та компания, с которой можно расслабиться и надеяться на лучшее. О нет. Тут скорее наоборот: готовься к самому жесткому, что только можешь вообразить, подруга, и будешь права.

— Закончили обмен любезностями? — цедит Максимилиан, отрываясь от своего места, — Поехали.

Он идет в мою сторону, по пути подхватывая черную, кожаную сумку. Подходит, но не останавливается, а кладет руку на талию и подталкивает на выход. Я иду, хотя больше всего на свете мне хочется бежать: чувствую себя отвратительно. Особенно сильно бьет, когда я понимаю, что за моей спиной еще один брат, по силе и изворотливости равный, ну или почти равный, первому. В лифте снова молчим, но Алексей не дает продохнуть. Он как будто поставил себе цель меня достать, а сейчас медленно и планомерно идет к ее исполнению. Облокотился на стенку лифта и пялится на меня с ухмылкой, как заправский сутенер.

— Прекрати, — следя за циферблатом над створками, Максимилиан подает голос, но я не уверена к кому именно обращается.

Зато Алексей уверен. Он коротко смеется, а потом отрывается от своего места, что на меня действует повально. Я резко отстраняюсь и вдавливаю в стену, Алексей замирает, Максимилиан смотрит на меня, как на дуру, потом первый медленно переводит взгляд на своего брата, а через секунду они начинают ржать. Боже, я чувствую себя так глупо, смотрю в пол и ругаюсь, а Алексей тянет.

— М-да-а-а...

— Без комментариев.

— Что ты с ней делал?

— Закрой рот.

— Нет, серьезно. Что? Просто любопытно.

— Ничего.

— Ага, я вижу. В последний раз, когда мы виделись, она была такой дерзкой, что мне хотелось достать свой ремень и пару раз пройтись им по этой сладкой заднице.

Краснею, сжимаю себя руками стократ сильнее, чем до этого, пытаюсь закрыться. Мне снова кажется, что я голая. Стою здесь перед ними, как шлюха, и это чувство убивает, благо увеселительная поездка подходит к концу. Звенит звоночек, створки открываются, и мы выходим.

Странно, они оба ведут себя как-то странно. Идем быстро, я еле успеваю, наследники вдруг стали серьезными, оглядываются. Я хмурюсь, разглядывая спины, но молчу — вряд ли

меня поставят в известность, я ведь никто, и мнение мое ничего не стоит, как в прочем я сама.

Об этом мне не дают забыть ни на секунду.

Максимилиан кидает сумку в багажник большого, черного джипа, потом разворачивает меня к себе спиной, а потом...мне ко рту придавливается чуть влажная тряпка со сладковатым, резким и неприятным запахом. До меня доходит не сразу, но когда я понимаю, что это скорее всего хлороформ, которым меня пытаются усыпить, становится просто панически страшно, и я начинаю вырываться. Ну как? Трепыхаться в сильных руках сильного мужчины, для которого я — котенок, не способный причинить больше вреда, чем подранный диван.

Сознание ускользает. Я пытаюсь изо всех сил бороться, держаться за него, но ничего не получается — темнота.

Макс

Она достаточно быстро прекращает всякую борьбу и повисает на моих руках, и я спокойно укладываю ее на заднее сидение. Когда Амелия спит, я забываю, на что на самом деле способна эта девчонка и какая адская смесь кроется за этим милым личиком. Смотрю на нее пару мгновений, и мне становится стыдно. Может быть и можно было поступить иначе?

«Нет, нельзя. Она взбалмошная идиотка, чье поведение я никак не могу просчитать. Это слишком опасно...»

Накрываю ее пледом. Мне не нравится даже мысль, что Лекс снова будет на нее пялиться, и так бесит мое же любопытство.

«Надо было выбрать другое платье, а еще лучше джинсы! Хотел посмотреть на нее?! Наслаждайся, твою мать...»

А брат не дает мне поблажек. Мне не нравится, как он на нее смотрит, и он это знает, но все равно делает. Провоцирует. Смотрю на столб дыма со стороны водителя, и прекрасно это понимаю, но только цыкаю и сажусь на пассажирское место. Бросаю:

— Поехали уже, по дороге покуришь.

— А можно открыть окно? — «невинно» протягивает и хлопает глазками, — Принцесса не замерзнет?

— Садись.

Цежу сквозь зубы и раздуваю ноздри, но Лекс меня не боится и никогда не боялся. Он усмехается, залезает в свой любимый гелик, пристегивается. Этот святоша никогда не ездит без ремня, даже в восемнадцать таким не баловался и всем вокруг запрещал.

«Чертов любитель правил...» — усмехаюсь сам, положив руку на раму двери, смотрю в окно, машина трогается.

До выезда из парковки мы едем в тишине, но каждый думает об одном и том же. Мне ни к чему спрашивать, ему тоже — мы оба это знаем.

— Твой сраный гелик — говно, — фыркаю, но сам пристально вглядываюсь в окружающую обстановку, на что получаю такой же «фырк».

— Заткнись.

Алекс делает тоже самое, что и я. Увидь нас кто со стороны, и не понял бы, но мы напряжены до предела. Болтовня лишь повод отвлечься...

— Мы на нем не уедем, если что-то случится.

— Это ты не уедешь.

— На моей было бы лучше.

— Но ты на моей, так что закрой рот, будь любезен.

«Повод» не работает, а разговор не клеится. Вообще это странно для нас: мы с Лексом пусть и не родные братья, но с ним мне проще, чем с Мишей. Он меня хорошо понимает, и, не смотря на то, что мы достаточно разные, с ним я могу говорить долго, буквально до утра. Я даже не знаю в какой момент это случилось, что мы так сблизились, потому что когда-то давно друг друга ненавидели. Сейчас я с уверенностью могу назвать его своим лучшим другом. Он меня. Я знаю, что он не притворяется и не юлит, вижу, когда он это делает. Для меня Лекс — прозрачен, а я прозрачен для него, поэтому я не удивлен, что когда ситуация немного полегчала, и мы выехали из города, тема заходит о ней.

— Что тебе сказал Илья?

— Анемия, потому что она нихера не жрет.

— Похудела...

— А ты все подметил, я смотрю?

— Ну я же не слепой, — слегка улыбается, а потом смотрит в зеркало заднего вида и хмурит брови, — Может и не надо было так жестко? Хлороформ и все такое...

— Она дура. Надо.

— Бесишься?

— Она меня бесит, так что да.

— Ну и я немного, м?

— Нет.

— О, правда? — усмехается, бросает короткий взгляд, от которого внутри меня разгорается пожар.

Знаю я какие приемы пойдут в ход еще раньше, чем они действительно начинают идти. Меня несколько не удивляет его следующая реплика...

— Она очень красивая. Знаешь, я тебя даже не могу осудить: она действительно красивая, к тому же умная, веселая, верная, что так важно...И черт, какие у нее классный сиськи...

— ЗАТКНИСЬ!

Что и требовалось доказать — вот что читается в самодовольной ухмылке Лекса, а я себя убить готов. Ну вот вроде знал, собирал себя в кулак, готовился и думал, что готов услышать такое, а вон оно как оказалось. Каждое слово о ней приводит к маленькому землетрясению, пока не выливается в цунами. Я чувствую, что внутри меня десятибалльный ураган. Чертова Катрина...

— Успокойся.

— На кой хер ты это делаешь? — резко смотрю на его профиль, а тот, как обычно спокойный, как танк, жмет плечами.

— Хочу понять насколько сильно ты на ней завис.

Отворачиваюсь к окну, потому что не хочу, чтобы он знал ответ на этот вопрос. Я сам не уверен, но отрицать не буду: завис очень серьезно. Если бы в меня выстрелил кто-нибудь другой, его бы сожрали волки в лесу, куда бы я этого «кого-то» вывез. Возможно к расплате приложила бы руку моя старшая сестрица — та точно также скоро на расправу. Но я уж точно не стал бы этого «кого-то» защищать, даже более того: я не дал бы ему времени на

исполнения того, что так для него важно.

Для нее был важен дебильный концерт в ее шаражке. Конечно я знал, где она. Я узнал где она, в тот же вечер. Прямо на столе Ильи, еще одного моего близкого друга, врача из династии врачей, кому принадлежит клиника, в которую мы ездили. Дал ей время, решил, что пока трогать ее нельзя, чтобы не нервничала перед выступлением. Его я стараюсь не вспоминать, но когда закрываю глаза, каждый раз оно нахально вмешивается в мою реальность. Слишком трогательное, слишком...болезненное. Моя вина. Это я сделал ей больно, знаю, поэтому снова простил ей произошедшее на набережной. Черт, даже если бы она еще раз в меня выстрелила — я бы ее простил и защищал бы ото всех своих родственников также бескомпромиссно, как в первый раз.

— Не отрицаешь.

— Есть смысл?

— Нет. Я вижу, что ты подвис. Понял это, когда ты не предоставил подтверждение. «Телефон отключился», — передразнивает, а я закатываю глаза, — И в самый неподходящий момент...

— А ты мне так не веришь? Или это неочевидно?

— Ты подвис уже тогда, — констатирует, не спрашивает, но я и не собираюсь отвечать.

Для Лекса это очевидно, он не настаивает, но улыбается более уверенно, пока вдруг не перестает, а через миг не задает другой вопрос, который бесит меня еще больше.

— Скажи мне, ты думал о последствиях?

— В смысле?

Я притворяюсь, потому что понимаю, к чему он клонит. Думал и не раз, но хочу это признавать и обсуждать, но у Лекса другие планы.

— Ты понял о чем я.

— Она ничего не знает.

— А ты в этом уверен? Макс, посмотри на ситуацию объективно...

— Я смотрю объективно, — рычу, бросив предупреждающий взгляд на Лекса, — Она не знает, просто бесится, что я ей соврал.

И вру себе прямо сейчас. Я прямо читаю эту фразу в глазах брата, который предусмотрительно решает не развивать диалог дальше, потому что понимает: меня дико пугает ее слишком бурная реакция. Да, я ей соврал, да, нас кое что связывало с ее сестрой, о чем эта крыса Оксана рассказала в красках. Да-да-да, тысячу раз да к пункту о том, что я — мудак, но...разве этого достаточно, чтобы привести ее в такое состояние? Я изо всех сил стараюсь оправдать поведение Амелии ее ненавистью ко лжи, которую она даже на своего любимого Хана вылила с избытком, но у меня плохо выходит.

«Лекс прав, она слишком умна...» — снова звучит в голове хладнокровный голос разума, от которого я отрециваюсь.

— Думаю, что даже если она и в курсе, простит. Я видел вас летом, она тебя любит.

— Давай сменим тему?

— Что так?

— Меня напрягает сколько внимания ты ей уделяешь, — цежу сквозь зубы, не в силах себя сдержать.

Хотя должен. Знаю, что эта фраза сильно обидит брата, что и происходит, но я просто не могу себя контролировать. Ревность застилает глаза, как красная пелена, заставляет чувствовать себя малолеткой и придурком, но не дает и шанса вести себя иначе. Мне *не*

нравится, как он на нее смотрит, как улыбается, что постоянно говорит — меня это дико бесит.

— Ты серьезно сейчас? — спрашивает тихо, но я не отвечаю.

Глазами слежу за дорогой вдоль заснеженного коридора из многовековых сосен. Никуда не смотрю больше, только перед собой.

«Да, Лекс, я серьезно. Если бы ты знал насколько я серьезно, твою мать, и каких усилий мне стоит сдержаться и не разбить тебе морду...»

— Серьезно. Ну спасибо...

— Прости, у меня слишком дерьмовый опыт...

— Я не отец, — вдруг перебивает, и тон его заставляет меня таки оторваться и посмотреть ему в глаза.

В них обида. И твердость. А еще чертово сожаление, которое я просто ненавижу. Конечно, после истории с Лилианой, которая ушла к моему отцу (ха-ха, как звучит!), на меня так смотрят часто. Это тоже дико бесит, Лекс знает, поэтому быстро убирает последнее из списка и слегка улыбается.

— Она *твоя* женщина, значит для меня не существует. Я к ней и близко не подойду.

Я слегка улыбаюсь в ответ, также слегка киваю.

«Благодарен, конечно, дорогой мой братишка, но боюсь, что даже если бы ты захотел — не получилось. Ее я точно не отдам!»

Лекс решает сменить слишком острую тему.

— Амелия, конечно, со своей вендеттой не вовремя... Совершенно не вовремя...

— Ты прав, надо было ей подождать, — саркастично огрызаюсь, на что Лекс устало посмеивается.

— Господи, о ней и сказать нельзя уже?

— Ты не видел того, что видел я, — больше никакого сарказма, я серьезен, что передается брату, который замолкает, как по щелчку пальцев, — Младший Ревцов заслужил.

— Я знаю, просто для нас это не очень хорошо.

— Пока все идет нормально, а дальше видно будет.

— Отец взволнован.

— Да. Его впервые так жестко нагнули.

— Вот именно, а зная Ревцова старшего, вдруг наш папаша запаникует? Приставит к нам охрану? Слежку? Макс, у нас всего один шанс.

— И мы им воспользуемся, я разве иду на попятную?!

Молчит, но молчит недолго. Аккуратно выворачивая руль, Лекс останавливается у высокого, темного забора, после чего поворачивается ко мне и хмурится.

— Не идешь, но подумай вот о чем. Если за нами будут следить и увидят рядом с тобой Амелию...будут вопросы. Отец не дурак, он быстро обо всем догадается и перестанет доверять Лилиане, а значит всё зря.

— К чему ты клонишь?!

— К тому...что может быть лучше, если Амелия...исчезнет?

— Нет.

— На время.

— Я сказал — нет! Этого не будет! Из всех нас я больше всех сделал и пожертвовал! — повышаю голос, бескомпромиссно идя вперед, — Амелия остается! Точка!

Лекс смотрит на меня удивлено и растеряно, а я устало выдыхаю и потираю глаза. Эта

мелкая сучка высосала из меня все соки своими выкрутасами, и меня все легче и легче вывести из равновесия.

«Как же меня это бесит...и она бесит!» — но вместо этого, я тихо говорю другую, более очевидную действительность.

— Я еле нашел ее в Химках, если дам уйти сейчас, она скроется, и я никогда ее больше не найду.

— Макс...ты ее...любишь?

И снова я не знаю, что сказать. Она меня определенно волнует, я хочу ее до дрожи где-то внизу животе, иногда мне даже нравится ее заскоки, но еще Амелия меня дико раздражает. Она прямо бесит. Один взгляд — и я готов ее убить.

— Нет, — цежу сквозь зубы, в ответ получая смешок Лекс.

— Что-то непохоже.

— Чаще всего она меня бесит, но я ее хочу. Это не любовь, а чисто физика. Меня к ней дико тянет.

— Может это психологическое? Ты у нее первый и единственный, что-то на подкорке срабатывает, включается собственнический режим и...

— Прости, ты, кажется, закончил менеджмент, а не психологию? — фыркаю, открывая дверь машины и бросая напоследок, — Пошли в дом.

И все же я беру ее на руки бережно, в пледе, чтобы случайно ее не заморозить — это Лекса веселит пуще прежнего. Он наблюдает за нами со стороны, а я только сильнее злюсь. Ему очень крупно везет, что он не открывает рот, а так бы в раз узнал, как сильно на самом деле мне некомфортно в сложившейся ситуации. Я даже не могу нормально себе объяснить, что чувствую к этой непокорной девчонке, и зачем она так нужна мне рядом. Может быть все дело действительно в собственническом инстинкте? Без понятия. У меня нет ответов, а значит ни у кого их нет.

— Адель со своим футболистом приедут завтра, — доносится со спины голос Лекса, на что я киваю.

— Знаю, она писала. Марина прилетит только через три дня — у нее в Париже какие-то проблемы со зданием.

— Я ее предупреждал...

— Все ее предупреждали, но ты ведь понимаешь — без толку.

— А Миша?

— Он, как Марина.

— Ему все еще не нравится наш план?

— На Мишу больше не влияют обстоятельства. Он живет в своем красивом замке со своей нежной принцессой, и ему на все насрать.

— Но он будет участвовать?

— Он уже участвует. Заднюю тоже давать не собирается. Все-таки и ему есть за что ненавидеть нашего отца.

— Макс, ты собираешься все обсуждать при ней?

Замираю у лестницы, после пары мгновений медленно оборачиваюсь. Лекс, убрав руки в карман, на этот раз отвечает прямо и четко, холодно. Он это умеет, особенно если ему что-то не нравится. Амелия ему не то, чтобы не нравилась, она его скорее забавляла, как экзотическая зверушка, но это не значит, что он был сильно рад тому факту, что эту экзотическую зверушку станут посвящать в темы настолько опасные. И я его понимал. Мне

бы тоже не хотелось, особенно не знай я, что у кого-то есть настолько прочный поводок, способный сдержать любого зверя, тем более котёнка.

— Да.

— Мне это не нравится.

«Что и требовалось доказать...»

— Знаю, но будет так.

— Если она сбежит...

— Она не сбежит, Лекс, поверь мне. Она у меня под контролем.

— Я это уже где-то слышал и не один раз.

— Все изменилось.

— Дело ведь не в сексе и не в любви. Может быть поделишься?

— Нет.

— Нет?

— Здесь эхо?

— Не саркази, я ведь серьезно...

— Ты мне веришь?

Он устало вздыхает, но, помедлив лишь миг, коротко кивает.

— Тогда расслабь галстук и выдохни. У меня все под контролем, на этот раз железобетонно.

А-га...

18; Декабрь

Я медленно открываю глаза и слегка касаюсь лба — голова просто гудит, а во рту так сухо, что язык прилипает к нёбу. Что произошло — не помню. Где я — не понимаю. Мой мир кружит и швыряет из стороны в сторону, как я когда-то швыряла свои коллекционные мячики, и это меня не радует. Слабость просто дикая, и мне требуется пару минут, чтобы хотя бы немного собраться в кучу, но потом память возвращается, и ни о каких "сборах" и речи идти не может. Я вспоминаю все: Максимилиан, «поездка», странное поведение в гостиной, наличие в этой самой гостиной еще одного дьявола, только ледяного, потом лифт, парковка и...

«Твою мать!»

Резко сажусь и осматриваюсь, но мало что понимаю. Это комната — очевидно. Я на огромной постели — тоже очевидно. По правую руку, полагаю, окна, по крайней мере судя по шторам до пола. Комната, кстати, просто огромная. Она лишь малым меньше гостиной в моей клетке-52, и здесь есть камин... Огонь там зажжен, рядом кресло. Оно повернуто в мою сторону, слева столик, на котором стоит макбук с ярким яблоком на корпусе, рядом граненный стакан с остатками чего-то на дне. Из-за полумрака и своего плачевного состояния, я не вижу чего именно, как не вижу цвета стен или пола, да и некогда мне разглядывать. За спиной звучит голос моего палача...

— Проснулась наконец?

Мне не хочется поворачиваться, но я это делаю и сразу натываюсь взглядом на внушительную фигуру своего тюремщика. Максимилиан стоит в черной футболке и в мягких спортивных тапочках, потирает руки. Нет, не так, как делают злодеи в старых, диснеевских мультиках, а будто вытирает их после того, как помыл. Хотя прообраз подходит, как нельзя кстати.

«Он меня усыпил!»

Злюсь, но всего пару мгновений, пока до меня не доходит кое что еще: зачем? С какой целью? И где я, мать твою, нахожусь?!

«А вдруг я в притоне?!» — снова неожиданно накрывает страх, который появился еще на пятьдесят втором этаже, — «Вдруг они собираются...расширять границы?»

Голос в моей голове звучит жалобно, еле слышно, а сердце бьется медленно, но гулко. Я чувствую его в горле, на кончиках пальцев, в ушах, висках, да что там? Во всем теле. Сейчас мне очень страшно, и нет удивительного в том, что когда он делает шаг ко мне, я отскакиваю, вжимаясь в мягкое основание, и шепчу.

— Пожалуйста...не надо.

Максимилиана это удивляет. Он фигурно выгибает бровь, пару раз хлопает глазами, а потом все же подходит, но медленно, и садиться на край кровати, тоже медленно. Молчит, разглядывает, все еще молчит, из-за чего я еле дышу. Силюсь понять этот взгляд, но из-за паники не выходит, и все, что мне кажется — он смотрит на меня, как на дуру.

«Мол, что? Умолять будешь? Мне плевать. Мы пустим тебя по кругу и...»

— О чем ты просишь, котенок?

Я в таком ужасе, что даже не реагирую на дебильную, ненавистную кличку, сжимаюсь.

Инстинктивно мне хочется закрыться от него, поэтому я тяну руки к груди, чтобы обнять себя за плечи, и тут же понимаю, что на мне шелковая ночнушка, как в порнофильмах.

Это. Просто. Кошмар.

Я не могу выдавать даже звук, и сколько бы Мистер-Голубая-Кровь меня не гипнотизировал взглядом, не смогу и дальше. Он это понимает достаточно быстро, отстраняется, потирает глаза и даже издаёт почти не злой смешок, после которого резко встает на ноги.

— Вставай. Тебе надо поесть.

«Поесть?! Перед оргией едят?!»

Луп-луп глазами на протянутую мне руку, совершенно сбита с толку. На этот раз нет никакого давления, он просто стоит и ждет, что, наверно, меня и подкупает. Я, конечно, прикрываюсь мыслями, что лучше мне его не злить, раз я нахожусь в шаге от того, чтобы быть расписанной на десятерых, но дело то в другом. Мое сердце буквально орет:

«ТЫ МОЖЕШЬ ЕМУ ВЕРИТЬ, ОН ТЕБЯ НЕ ОБИДИТ! ОН ВСЕ ЕЩЕ ТОТ, КОГДА ЗНАЛА!»

Холодный рассудок понимает, что все это чушь полная. Максимилиан Александровский станет тем, кто приведет меня на костер, привяжет к столбу и кинет спичку.

«Ему нельзя верить. Он это уже доказал. Он с тобой все это и сотворил...»

Правда вот разум гораздо тише, но я и это никогда не признаю.

«Да. Просто лучше его не злить...»

Неуверенно вкладываю свою ладонь в его, принц мягко тянет меня наверх. Я покорно встаю, ежусь от несуществующего ветерка, и это его улыбает. Максимилиан указывает мне на дверь, на которую я пару мгновений тупо смотрю, но понимаю быстро: глупо чего-то ждать, у меня все равно нет выбора. Бежать? Некуда. Умолять? Не за чем. Да и чувствую я себя не очень, что сказывается сразу: стоит мне шагнуть, как я пошатываюсь. Голова начинает дико кружиться, и я бы непременно упала, но Максимилиан подхватывает...

«Как раньше...»

— Это из-за хлороформа... — шепчет на ухо, я сразу же злобно на него смотрю, мол, правда?! Но его это только улыбается сильнее, — Прости, так было нужно: нас не должны видеть, а ты любишь исполнять. Я не могу тебя прорасчитать...

Не дает мне даже попытки ответить, вместо того подхватывает на руки, вырывая из груди писк. Я инстинктивно хватаюсь за его плечи, на что Максимилиан неожиданно шипит, потом смотрит на меня и усмехается.

— С плечом полегче, котенок. Швы разойдутся.

Отстраняюсь, как ошпаренная сразу от всего его корпуса, потому что так и не знаю, куда именно попала.

— Левое плечо. Кажется ты целилась в сердце?

«Я только целилась, а ты мое уничтожил...» — думаю с грустью, отвожусь взгляд, но все равно стараюсь его не касаться. И не потому что неприятно или больно мне, а чтобы не сделать больно ему, и это осознание меня убивает...

Слава богу от таких скверных мыслей меня отвлекает тот факт, что мы выходим из комнаты, а меня снова накрывает страх. Конечно он сказал про еду и все такое, но кто знает, что там скрывается за дверью на самом деле? Вдруг это какой-то притон? Бордель с уродливыми и вульгарными, красными стенами? Но нет, кажется никаких красных стен на горизонте не наблюдается. Мы попадаем во вполне приличный, спокойный коридор, где

стены спокойные, цвета слоновой кости, а на полу мягкое, шоколадное дерево. Я смотрю назад, и одного взгляда мне хватает, чтобы оценить масштабы: где бы я не находилось, это «где бы» очень и очень большое.

— Это дом моей семьи.

Снова он это делает! Читает мысли так просто, чему я уже, правда, и не удивляюсь совсем. К тому же тот факт, что это их семейный особняк, означает отсутствие здесь любых намеков на бордель, а значит, что можно расслабиться. Это я и делаю, но лишь на миг, потому что потом понимаю еще кое что: его отец может быть тоже здесь. Неосознанно цепляюсь за его футболку и озираюсь, получая еще один веселый смешок.

— Нет, *его* здесь нет.

Я резко смотрю на Максимилиана, который в свою очередь мне не отвечает намерено. Он издевается, недолго, но все же издевается, пока мы спускаемся по лестнице. Тогда мне приходит идея надавать на левое плечо, чтобы уколоть в ответ, но падения с высоты его роста на ступеньки не кажется такой уж заманчивой идеей. Я только тихо цыкаю и смотрю на огромную, хрустальную люстру, которая свисает аж с третьего этажа! Она похожа на водопад, а на кончиках «струек» подсвеченные, маленькие цветочки. Это выглядит очень красиво, потрясающе и элегантно, как будто живые светлячки.

— Мама заказала эту люстру во Франции, когда мне было пять.

«Кажется, меня поймали...» — смущенно отвожусь взгляд, уставившись на свои ногти, получаю еще один смешок.

— Это, кстати, вторая. Первую я...эм...случайно разбил.

«А-га, охотно верю, что «случайно»...»

— Он сюда не ездит, — снова возвращается к теме, чем заставляет меня коротко, но взглянуть на себя.

Максимилиан отвечает также, потому что, кажется, ему и самому не нравится говорить на эту тему.

— Этот дом он построил для нее на первую, крупную выручку. Теперь он его ненавидит, а для нас это что-то вроде укрытия. *От него.*

Мы заходим на просторную кухню. Нет, не так. Кухня просто огромная! По-хорошему, такие бывают только в ресторанах, потому что здесь могут готовить сразу человек двадцать!

«Ну или в домах миллиардера, судя по всему...»

Наверно днем она выглядит еще лучше, но и сейчас очень красивая в теплом свете настенных бра. Я сразу подмечаю кое что — как будто меня перенесло в маленькую Италию. Вроде и нет ничего характерного, а у меня именно такое стойкое ощущение. Фасады светлые, с фигурными, резными деталями. Стены белые, но лишь у потолка, потому что дальше характерная плитка с итальянским узором. В углу самая настоящая печь, выложенная кирпичом и со стопкой дров под стеклянным экраном. Мне вдруг дико захотелось пасту, что тут же подтвердил живот, стоило только представить, как тянется моцарелла.

Спасибо, что ему хватает такта не комментировать. Максимилиан усаживает меня на стул, и пусть я вижу только слабую улыбку, все равно краснею и прячу глаза. Это остается не замеченным и снова без колких комментариев, вместо того он уходит вглубь кухни, а возвращается через пять минут, когда я уже справилась со смущением. Передо мной появляется огромная тарелка с ароматной пастой, и я даже не хочу это комментировать. Он, конечно же, снова блистает своей проницательностью, к тому же прекрасно знает, как я

люблю макароны и креветки...

— Мне надо отойти и позвонить. На случай, если захочешь что-то еще, холодильник в твоём распоряжении. Если закончишь раньше, подожди меня здесь.

Я слегка киваю, наверно меня подкупает, что говорит он тихо, словно боится разрушить такой хрупкий мир. Максимилиан стоит ещё пару мгновений, уперев пальцы в стол, и, кажется, хочет ещё что-то добавить, но вместо того разворачивается и уходит. Странно, но я чувствую разочарование, а не облегчение. Наверно, я просто сама слишком устала от постоянного стресса и войны, тем дороже эта ночь с коротким, но блаженным спокойствием...

К своему стыду я проглотила порцию будто одним махом, чего мне действительно оказалось мало, не смотря на её внушительность. Пошла за добавкой — два бутерброда и сок. Теперь сижу уже минут сорок, смотрю в окно, а его все нет и нет. Погода буйствует — самая, настоящая метель! Крупные, пушистые снежинки летят и летят, накапливая сугробы, а я, к своему удивлению, накапливаю спокойствие. Ниоткуда не слышны стоны или крики, тишина такая же, как и была, но не оглушающая. Нет дискомфорта, наоборот — мне тепло.

«Это очень странно...» — и мне это не нравится.

Я веду плечами, чтобы скинуть ментальную шаль, в которую меня завернула маленькая Италия, встаю, подхожу к серванту. Там рядами стоят расписные тарелки с красными цветочками, также похожие по стилю миски на самой верхней полке, ниже глиняные горшки, вазы, кружки — полагаю из одного сервиза.

«Красивые...хранятся с любовью. Наверно для хозяйки дома они имели огромное значение...» — думаю, поэтому решаю отойти в сторону.

На всякий случай. Все-таки мой брат — катастрофа, громящая все вокруг, и вдруг мой ген, до сих пор крепко спящий, сейчас решит внезапно проснуться? Лучше перебдеть.

Возвращаюсь к небольшому, круглому столу и беру свою тарелку. Я хотела спросить, что с ней делать дальше, ведь действительно рассчитывала, что он придет достаточно быстро, но теперь, когда немного освоилась, могу справиться и сама. Включаю воду в огромной, медной раковине, настраиваю её до комфортной и начинаю мыть.

— Прости, что долго.

Я не вздрагиваю, слышала его шаги, поэтому только слегка пожимаю плечами и даже не поворачиваюсь, когда он подходит сзади. Чувствую его тело, тепло, твердость, когда оно приближается, и я касаюсь его лопатками, но снова не стараюсь отстраниться.

«В этом нет смысла, нет смысла, его нет!» — вру сама себе, повторяя, как мантру эту хорошо отрететированную ложь, потому что не готова признать: я хочу быть ближе.

У меня нет слов и отсутствуют всякие, разумные объяснения, я ведь и сама не понимаю, что изменилось всего за несколько часов? Буквально недавно я была готова его убить, потом дико ненавидела, а сейчас что? Что изменилось? Тишина. Я могу лишь догадываться, что меня подкупает: теплота. Не огонь, который жарит до костей, а именно теплота, исходящая от Максимилиана. Сегодня в нём её в избытке, как в наши три летних месяца...еще много усталости. Для того, чтобы это увидеть, мне не нужно даже напрягаться — для меня все очевидно.

— У нас есть горничная, малыш, — шепчет на ухо, — Нет нужды...

Перебиваю резким отключением воды — я все, так что нужды нет в поучениях, это точно. Максимилиан усмехается, упирая ладони в кухонную тумбу из кофейной мозаики, становится еще ближе, но и я не отскакиваю. Полностью отдаю себе отчет, что это не сон, реальность, что он — Максимилиан, а не Алекс. Помню все, что он со мной сделал и в чем передо мной виноват, но...сейчас всё почему-то иначе. Может быть дело в самом доме дома? Может быть в том, что за окном ночь, топящая нас в снегах? А может в том, что я чувствую, как он уязвим? Максимилиан сейчас настоящий. Без масок, без мерзкого сарказма, без притворства. В этой тишине он — настоящий...

— Давай сегодня притворимся, что ничего не было? — хрипло шепчет на ухо, а сам плавно водит щекой по моим волосам, — Не будем ссориться, орать и пытаться друг друга уколоть.

— Что случилось? — также тихо спрашиваю, не открывая глаз, и в ответ не получаю долгожданного смешка.

Максимилиан молчит какое-то время, продолжая меня гладить, стоит близко, тяжело дышит. Я уже думаю, что он ничего и не скажет, но также неожиданно тяжело вздыхает и говорит...

— У меня проблемы.

— Серьезные?

— Все идет не так, как я думал. Возникли сложности...

— Какие конкретно?

— Это сейчас неважно, на днях ты все узнаешь сама. Сейчас я не хочу говорить на эту тему...

— А чего ты хочешь?

— Тебя, — лбом утыкается мне в затылок, а руки перекладывает на мои ладони, переплетая пальцы, — Не отталкивай меня хотя бы сегодня, Амелия, ты очень нужна мне.

Мой разум велит мне бежать и держаться от него, как можно дальше.

«Повернись и врежь ему по наглой морде! Давай!» — орет и пытается подбросить картинки прошлого, но сердце все блокирует.

Оно слышит его голос, чувствует, что сейчас он действительно во мне нуждается. А я разве нет? Он же все также много значит для меня, я все также его люблю, и не могу игнорировать это именно сейчас. У меня неплохо получается в остальное время, но эта ночь что-то сделала с моими классными способностями... Знаю, что завтра все будет также, как было на пятьдесят втором этаже, может даже хуже. Мы притворимся, что этой ночи и вовсе не было, потому что как только взойдет солнце, я очнусь от морока и снова буду его ненавидеть, а ему снова будет на меня плевать.

Поворачиваюсь и смотрю ему в глаза, он делает тоже. Отвечает все также твердо, властно, но при этом нет его любимого «будет-так-как-я-хочу», Максимилиан ждет. Он меня не касается, не пытается прижать или принудить, он просто ждет моего решение — самое ценное, что я могу получить.

Я смотрю на его губы, снова в глаза, снова на губы, не могу решиться, но потом прикрываюсь мыслью о том, «что его лучше не злить», встаю на полупальчики и целую. Максимилиан отвечает сразу, обнимает за талию, прижимает. Он пытается контролировать свой напор, чтобы меня не спугнуть, и я улыбаюсь, слегка прикусывая его губу, чтобы дать понять — я не сбегаю. Он сразу понимает, подхватывает меня под бедра и сажает на кухонную

тумбу. Здесь в полумраке нет ничего, кроме нас. Снова это чувство «вакуума», которое я думала больше никогда не испытать рядом с ним, но оно живо. Ярко. Полностью.

Максимилиан смотрит мне в глаза, проводит кончиками пальцев по щеке, задевает волосы, слегка хмурится, ведет дальше. Я не шевелюсь, а разглядываю его в ответ и поражаюсь тому, какой он на самом деле красивый. Каждая черта его лица, так тщательно подобрана к другой, будто кто-то наверху собирал мозаику из «идеальностей». А еще он так сосредоточен — это даже забавно. Мне нравится за ним наблюдать, читать, изучать. Находить то, что я уже знаю: например небольшую морщинку между бровями, которая появляется, когда он увлечен настолько сильно, как сейчас. И то, чего я себе и не представляла: слегка касаюсь его волос. Они такие короткие, и это так непривычно.

«Интересно, зачем он это сделал? Проколол ухо, подделал татуировки, прическу... Если глаза я и могла бы понять, то это? Совершенно точно нет. Хотя что глаза? Они у него не такие, как у Петра Геннадьевича...»

— Зачем это нужно было? — вопрос таки срывается с губ, и Максимилиан становится еще серьезней.

Он пристально смотрит на меня, словно взвешивая допустимость правды на внутренних, невидимых весах, но потом слегка улыбается и пожимает плечами.

— Что конкретно? Постричь или отрастить?

— Всё.

— Я не могу ходить с длинными, отец против. Он консерватор.

— Он тебя с ними не видел?

— Видел, но на тот момент это еще было допустимо.

— В смысле «на тот момент»?

— Я не выходил в свет.

— А сейчас выходишь?

— Пока нет, но я гораздо ближе к этому, чем был год назад. Мне почти двадцать шесть.

— То есть не двадцать четыре?

— Прости, — снова смотрит твердо, но с опаской, будто так и ждет, что я сбегу.

Конечно, это могло бы быть в моем списке, только не сегодня. Ночь творит чудеса, к тому же я давно смирилась с тем, как всё было, и как всё обстоит. Сейчас я хочу понять «зачем»? Поэтому жду продолжения, и когда он это тоже понимает, продолжает.

— Отрастил, чтобы... ты меня не узнала.

Эм... Смотрю на него, нахмутив брови.

«В смысле?! Я его никогда не видела, чтобы "узнать" и... А-а-а... Наверно он намекает на свою схожесть с Властелином мира. Поняла...»

Пару раз киваю и веду кончиками пальцев ниже, к щеке. Она слегка колет меня из-за щетины, но я улыбаюсь — мне нравится это чувство. Особенно нравится, когда он берет меня за запястье и целует в ладонь так интимно и нежно, что я перестаю дышать. Сердце быстро-быстро бьется, когда он приближается и осторожно целует в губы, отводит руку, упирая ее в столешницу, где сплетает пальцы в замок.

Я растворяюсь, пусть щеки и пылают, когда пальцы второй руки доходят до тонких лямок ночнушки, и он опускает взгляд. Плавно, еле касаясь, шелк скользит по моей коже ниже, ниже и еще ниже, оставляя меня полностью безоружной. Но страха нет. Его просто нет! Раньше я сгорала от стыда и неловкости, а сейчас кажется, что этого либо вообще не было, либо было так давно, что и не вспомнишь. Мне наоборот нравится, потому что

нравится его реакция... Максимилиан снова смотрит мне в глаза, и в них нет ничего, кроме желания. Я хорошо знаю этот взгляд, который заволокла «дымка», он часто на меня так смотрел, и это тоже никуда не делось. Я знаю, что он хочет меня, мне даже не нужно его касаться, чтобы это понять, и я не удивляюсь силе его эрекции, когда он подходит ближе и упирается ей мне во внутреннюю часть бедра. Через мягкую ткань спортивных я чувствую каждый миллиметр, а потом представляю, что совсем скоро буду чувствовать их в себе, и бегут мурашки.

Дальше все происходит быстро, словно больше нет сил тянуть. Он покрывает мою шею поцелуями, параллельно стягивая с себя спортивные, за которыми стягивает мои трусики. Они летят в неизвестном направлении, а подол ночнушки и вовсе постигает «порванная» участь. Я тихо смеюсь, он цыкает, коротко смотрит в глаза, словно спрашивает разрешения, и я приближаюсь, чтобы поцеловать, давая его. Выходит страстно настолько, что я задыхаюсь, а внутри так сильно бьет пульсация, что уверена, я снова кончу, стоит мне начать.

Так и выходит. Стремительно ворвавшись в меня, он дает пару мгновений привыкнуть, начинает двигаться, и через пару минут меня бьют конвульсии. Я прижимаюсь к нему сильнее, задыхаюсь, цепляюсь. Я хочу быть *ближе*, чтобы он был *глубже*, и если с последним нет проблем, в первом мне мешает его чертова футболка. Стягиваю ее, потому что хочу чувствовать его кожу, а не дебилную ткань, но замираю. Прихожу в себя резко, увидев белый, большой пластырь на левом плече, хмурюсь.

— Что случилось? — выпаливает, не понимает, но когда я слегка касаюсь сетчатой ткани, тихо цыкает, — Амелия...

— Было больно?

Смотрю в глаза, потому что он молчит. Понимаю, что глупый вопрос, но мне так вдруг страшно стало, что я могла действительно его убить...

«И его бы не было. Нигде. Никогда. Его бы больше не было, и я бы его не увидела...»

Две крупные слезинки скатываются по щекам, будто наперегонки друг с другом, я опускаю глаза.

— Малыш... — я только мотаю головой, стараюсь дышать, чтобы успокоится, но не получается.

Закрываю глаза руками. Максимилиан быстро разводит ладони и поднимает мое лицо за подбородок, мягко улыбается.

— Со мной все нормально, малыш, успокойся. Да, было больно, но я заслужил. Один: один.

Это не сильно помогает, и тогда он приближается и оставляет на губах короткий поцелуй с шепотом.

— Пуля прошла навывлет, не было никакой серьезной угрозы. Все нормально, не думай об этом, все почти зажило. И я это действительно заслужил сам.

— Мне так жаль...

— Мне тоже.

Он сказал, что не станет извиняться, но делает это прямо сейчас. Я знаю, чувствую и вижу, понимаю весь подтекст, для меня это не проблема понимать его, поэтому позволяю углубить поцелуй. Сама все еще всхлипываю в его руках, но прижимаюсь всем телом, слегка качнув его бедра, чтобы дать понять: продолжай. И он продолжает, но теперь нет места чему-то дикому и животному, вместо страсти лишь безграничная нежность...

Странная штука ночь. Она может перевернуть все с ног на голову, но часто лишь на мгновение. Наше разрушилось по возвращению в комнату. Максимилиан подошел к столику и повернул экран своего компьютера на себя, как по щелчку становясь тем, кто разрушил мою жизнь, а я становлюсь тем, кто я есть. Касаясь кулона на шеи, мне приходится признать: я всего лишь его шлюха и заложница, и сейчас, чтобы не быть окончательно стертой, мне нужна моя броня. Кстати, забавно, но я так ни разу и не рассмотрела свой ошейник, потому что не хочу, но благодаря ему всегда буду помнить свое место.

Стягиваю подушку, беру плед и иду к похожему креслу-лежаку, какое стоит в моей клетке-52. Чувствую, как за спиной назревает ураган: я буквально кожей ощущаю волны и пульсацию его злости, но не оборачиваюсь. Зачем? Я все уже видела и ко всему готова, вместо того, чтобы смотреть фильм-апокалипсис в сотый раз, устраиваю себе постель. Единственное, что меня сейчас может удивить — это отсутствие скандала, и именно это происходит. Я слышу сильный хлопок дверью, правда опять не оборачиваюсь, потому что не хочу увидеть за своей спиной «ничего». Слезы скатываются с глаз, а я на трясущихся ногах залезаю в свой кокон, как после американских горок. Но почему как? Только что я именно на них и прокатилась. Сначала резкий подъем, а потом глубокое падение...

18; Декабрь

Очередное утро началось с клацанье клавиш ноутбука. Максимилиан сидел за столом и усердно что-то печатал, давая тем самым возможность нормально осмотреться. Во-первых, его комната действительно необъятная и здесь есть, наверно, все, чего может пожелать душа. Огромная кровать и над ней вместо развратного потолка, окно под уклоном, которое сейчас наполовину белое от снега. С правой стороны окна в пол, как я и думала в принципе. Панорама сейчас не закрыта тяжелыми гардинами, но я по прежнему не сильно концентрируюсь — на улице все тоже белое от снега, и ничего особо невидно. По левую сторону от кровати слегка приоткрытая дверь, и логика подсказывает, что она ведет в ванную комнату. Чуть подальше стоит мягкий на вид диван, напротив которого располагается камин, над которым висит огромный телек, а по бокам две высокие и внушительные полки с книгами. Рядом с моим креслом мини бар с кучей бутылок, даже со специальными отверстиями под вино, которые заполнены полностью. Разные стаканы стоят на отдельном, специальном месте, но самое смешное, что, кажется, здесь есть даже мини-холодильник. Видимо, чтобы не особо напрягаться и тратить королевское время на такие мелочи, как спуститься по лестнице вниз. Конечно же здесь был шкаф. Я еле сдерживаюсь, чтобы не фыркать и не закатывать глаза, когда смотрю на прозрачные двери, за которыми вижу очередные ряды с рубашками, пиджаками, свитерами и прочей атрибутикой.

«Кажется у него шмоток больше, чем у меня было за всю мою жизнь...»

Все таки немного закатываю глаза и перевожу взгляд на него самого. В самом углу есть еще одна «зона», где и находится Максимилиан Александровский. Массивный, рабочий стол, кресло «хозяина мира» из черной кожи, посередине ноутбук. Он продолжает быстро печатать и хмуриться, не обращая на меня внимания, а я, черт возьми, не могу не отметить — цвет комнаты шоколадный, и он просто прекрасно подчеркивает его смугловатую кожу.

«Черт бы его побрал...»

— Если закончила разглядывать меня и притворяться спящей, топай в ванну. Открытая дверь. Твоя одежда в шкафу.

Голос звучит холодно и безучастно, а его хозяин даже головы не поднял. Все так и есть: я ни на что другое не рассчитывала. Вчера — это лишь мираж. Я поднимаюсь с постели, поправляю ее, а потом поправляю ошейник. На самом деле из-за него я и проснулась, цепочка сильно передавила горло, даже прилипла к коже, и отдирать ее стало не самым прикольным приключением. Меня радует лишь возможность побыть в одиночестве в ванной, которая ничуть меня не разочаровывает. Очередная огромная комната в агрессивном и порочном стиле — его стиле. Черный мрамор, золото и роскошь. Здесь есть и душевая кабина с тропическим душем за прозрачным стеклом, и две мойки для рук в современном стиле, даже есть огромная, и я серьезно сейчас, просто огромная джакузи. Обычно они мне не нравились, но эта исключение: утопленная в черном, деревянном полу находится на возвышении и точно по центру комнаты. К ней ведут две ступеньки, и когда я стараюсь разглядеть ее через отражение в зеркале, понимаю, что туда могут с легкостью поместиться и три человека, даже четыре.

«М-да...это точно что-то на богатом...Наверно вообще по эксклюзивному дизайну делали...»

Джакузи я ставлю пять.

— Понравилось?

Звучит неожиданно, не то что вчера — ему с легкостью удается заставить меня вздрогнуть, и это жутко веселит наследного принца. Хотя...он вот вроде улыбается, а я все равно вижу злость на дне зелёных глаз, от которых у меня мурашки бегут по спине. Молчу. Даже отворачиваюсь, неловко поправляя ляжку ночной сорочки, и снова привлекаю ненужное внимание. Максимилиан следит за мной, точно кондор в ожидании, пока его жертва помрет, что дико напрягает. Приказываю себе опустить руку — получаю тихий цык и закатывание глаз.

— Я столько раз видел тебя голой, что...

— Ты можешь уйти? — перебиваю, краснея, на что Максимилиан растягивается в своей фирменной улыбочке Чеширского кота.

Опирается на дверь. Нет, даже не так, он притворно-театрально на нее «падает», плавно складывая руки на груди, и, облизав нижнюю губу, мотает головой.

— Не-а. Мне слишком приятно слышать твой голос.

Опускаю глаза в раковину, резко и как-то рвано, что даже я заметила, поправляю прядку волос. Молчу. Я снова молчу, потому что мне нечего ему ответить, да и нет желания — я не хочу, а значит не буду. Сегодня так, морок действительно пал, магия дома развеялась, и ничего не изменилось. Я его ненавижу, ему на меня плевать. Он мой тюремщик, а я заключенная. Пусть так и будет, мне большего уже давно не надо. Максимилиан усмехается, пару раз кивает и отталкивается от своего места, принимая вертикальное положение, потом разворачивается обратно в комнату, лишь через плечо кидает:

— Когда станешь выбирать одежду, возьми что-нибудь с горлом. У тебя засос, и будет очень непросто притворятся и дальше, если его кто-нибудь увидит.

Резко прикладываю руку к участку, который определяю не глядя. Он пульсирует и печет, и когда я смотрю в зеркало, лишь убеждаюсь. Там действительно засос размером, наверно, с абрикос.

«Твою мать!»

В результате совету я следую, натягивая бежевый, свободный свитер с горлом и лосины, а когда заканчиваю, неловко сжимаю ладони и снова захожу в спальню. Максимилиан так и сидит за столом, только теперь не печатает, а долго, пристально смотрит в экран ноутбука, делаю маленькие глотки очередной порции виски. Вообще, даже странно, как он не загорается еще, когда чиркает зажигалкой и подносит ее к лицу, чтобы прикурить сигарету. Я замечала и раньше, что он много пьет, но летом этого почти не было, зато теперь, кажется, он наверстывает упущенное. Мне даже на секунду становится интересно, что так сильно его беспокоит, раз он не представляет свою жизнь без бухла, но я во время прикусываю язык.

«Не мое это дело...»

— Пошли.

Говорит коротко, залпом осушая стакан и со стуком оставляя его на столе.

«Ну вот и все...мы спускаемся в ад...» — так я думаю, пока мы идем по коридору, который действительно очень и очень внушительный.

Вчера мне не показалось, что размеры дома впечатляют, потому что когда я оборачиваюсь и бегло осматриваюсь, вижу, что дверей помимо его комнаты, еще как

минимум шесть с одной стороны и три с другой.

«Интересно, сколько здесь комнат и почему мне нельзя отдельную, раз их не впритык на всех?!» — вопрос задавать даже не думаю, это ведь роскошь, которая слугам и заложницам недоступна.

Столовая этого замка точно ему под стать: такая же огромная, с все теми же панорамными окнами в пол, светлая и теплая. Здоровенный дубовый стол стоит точно по середине с рядом стульев, над ним еще одна очень красивая люстра, похожая на ту, что есть у лестницы, только вместо цветочков на концах шарики. Еще здесь есть камин у южной стены, где мерно потрескивают дрова, и, само собой, бар. Алкоголя даже больше, чем у Максимилиана в комнате: разные бутылки, разных форм, стран, с разными этикетками, на любой вкус короче. Здесь нас ждет всего один человек — Алексей, — который приветствует со мной, и которому я, естественно, не отвечаю.

Даже не жалею. Обо мне быстро забывают, и я могу спокойно сидеть на другом конце стола, смотреть в окно и абстрагироваться, пока они обсуждают биржу, ценные бумаги, какие-то инвестиции. Для меня это птичий язык, я вообще ничего не понимаю, так что даже не пытаюсь вникнуть — мне плевать. Гораздо важнее смотреть на взбитые, пушистые снежинки, которые как будто маленькие машины-времени переносят меня *домой*...

6; Январь

Я стою одна посреди просторного, заснеженного двора и ковыряю носком валенка ямку в сугробе. Всхлипываю, вытирая пушистой розовой варежкой под цвет пышного платья горькие-горькие слезы.

— Амелия?

Поворачиваюсь на звук хорошо знакомого голоса и вижу Хана. Он нёс в дом дрова, но как только замечает меня в слезах, сразу же их роняет и идет ко мне. Я недолго медлю, срываюсь с места и врезаюсь ему в ноги, обхватив их насколько хватает длины рук, утыкаюсь в полог его куртки, и начинаю рыдать. А еще жаловаться...по крайней мере очень стараюсь это делать, потому что не могу нормально разговаривать из-за нехватки воздуха — всё уходит в слезы. Хан молчит, позволяет мне выговориться, гладит по пятнистой шубке, и только через полчаса спрашивает, когда удастся хотя бы немного успокоить.

— Ну и что же случилось?

— Элай — дурак! И Костя тоже!

— Та-а-к...

— Они сказали, что мне нельзя с ними в их форд на дереве!

Хмурюсь, сложа руки на груди, исподлобья поглядывая в сторону яблони, где и располагается этот дурацкий форд. Они построили его летом с Ханом, и представлял он из себя красно-синий домик с двумя окнами и веревочной лестницей.

— Мне нельзя было тогда, потому что мне было пять, но сейчас мне уже шесть, и я взрослая! Мама разрешила! — громко, драматично всхлипываю, хмурясь сильнее, — Они специально сломали лестницу!

Хан подавляет улыбку, пряча ее за кашлем, а потом «серьезно» кивает.

— Правда?

— Да! Это чтобы повесить дурацкую из веревки и ее поднимать! Они не хотят меня пускать потому что я — девчонка! А знаешь почему?!

Заговорщически приближаюсь, шурю, чтобы он понимал — я серьезно настроена, и он понимает. Хан поджимает губы и мотает головой,

— Нет, почему?

— Они смотрят там взрослые журналы с тетями!

Хан не выдерживает и прячет смех в кулаке, но я не обращаю внимание, уставившись на свои расшитые красными цветами валенки, пока не поднимаю взгляд на крик.

— Нет, это ты меня послушай!

Мама злится. Я вижу, как она ходит туда-сюда на нашей стеклянной веранде, уперев руки в бока, и говорит по телефону. Слежу за ней почти минуту, Хан делает тоже самое, но ничего не говорит. Это делаю я...

— Мама чем-то расстроена, да?

— Не переживай, мой маленький цветочек, — он оставляет поцелуй на макушке, но я не перестаю смотреть на то, как она откидывает телефон и грузно опускается на стул.

— Пойду к ней схожу.

— Сходи. А я схожу к нашим хулиганам и проверю информацию.

— Ага-ага...они прячут их под доской в полу.

Хан уже не скрывает смеха, но я не поворачиваюсь на него, а иду по чищенной дорожке. В прихожей снимаю валенки, шубку, все кладу на скамейку, потому что не могу достать до крючка, ну и потому что никогда и не вешаю одежду даже в комнате. Глупая, дурная привычка...

Мама сидит на том же месте, облокотившись одной стороной тела на стол и прикрыв рукой глаза. Ее плечи сотрясаются, и я сразу понимаю, что она плачет, поэтому у меня в носу начинает печь.

— Мамочка?

Зову ее тихо, но она все равно вздрагивает, резко оборачивается, правда сразу же отворачивается, чтобы спрятать слезы.

— Мамочка, ты плачешь?

— Нет... — выдавливает смешок, но я даже в голосе слышу правду, так что у меня начинает дрожать подбородок.

— Мамочка, пожалуйста, не плачь...

— Иди ко мне, девочка моя.

Я бегу быстро, врезаюсь в ее живот, крепко обнимаю. Мама обнимает меня в ответ, положила голову на мою, а потом поднимает к себе на руки и сажает на колени. Снова обнимает крепко, утыкаясь в меня лбом, и начинает покачивать. Успокаивать. Даже тихо поет хорошо знакомую колыбельную — и все отступает...через какое-то время я и не помню, что плакала.

Смотрю на бархатную, черную коробку, по которой провожу пальцем, а потом смотрю на нее через плечо.

— Что там?

— Подарок.

— А можно посмотреть?

— Конечно можно, душа моя.

Открываю и вижу невероятно красивый цветок — Ирис. Его лепестки переливаются при даже самом, казалось, незначительном попадании света, а сам он представляет собой тончайшую, филигранную работу. Даже в этом возрасте, я поражаюсь таланту того, кто это

сотворил, плавно, аккуратно, покручивая в пальцах за тонкий стебелек.

— Какой красивый...

— Будь осторожна, Амелия, — шепчет на ухо тепло мама, — Украшения нужно принимать с умом.

— Что?

— Никогда не принимай ничего у того, кому не можешь доверять. Запомни, что мужчины так создают ловушки, и никогда не попадайся в расставленный капкан.

Я непонимающе смотрю на нее, мама лишь слегка улыбается, забирает цветок и кладет его на место, а потом указывает головой в сторону лестницы.

— Пойдем, я покажу тебе кое что.

Мне всегда казалось, что я знаю ее комнату наизусть, так как достаточно часто играю здесь, наряжаясь в ее красивые платья и рассматривая косметику, особенно пузырьки с духами. Часто они у нее были чем-то украшены и имели такую забавную «подушку» круглой формы, которая так и напрашивалась на «нажатие». Но оказалось, что в ее комнате была скрыта тайна, под ковром, на котором я так часто сидела. Мама снимает его ловко, отгибая на правую сторону, и я вижу кучу табличек с какими-то словами, выведенными ровным почерком. Для своего возраста я читаю просто отлично, даже обгоняю сверстников на два года, но все равно не успеваю прочитать все. Мама наживает какую-то комбинацию и таблички резко втягиваются в пол, после чего отъезжает верхняя деревяшка, за которой скрываются две небольшие дверцы с кодовым замочком. Снова те же манипуляции, после которых раздается глухой хлопок.

— Вау-у-у...

Реагирую бурно, открыв рот, расширенными глазами наблюдаю за тем, как мама открывает свой тайник. Улыбается...

— Запомни навсегда: если хочешь что-то спрятать, ставь шифр, который поймешь только ты. Ну или кто-то, кто *должен* его угадать. Никогда не ставь цифры, даты, дни рождения — их взламывают первыми.

— Но ты вводила цифры...

— Не совсем.

— А что ты вводила?

— Номера букв, с которых начинаются наши имена. Твое, мое, твоего брата и твоего папы.

— А в первый раз?

Мама на секунду замирает, потом смотрит на меня, снова вглубь своего ящика, грустно улыбается и укладывают коробку, тихо отвечая на мой вопрос.

— Радуга моего сердца.

— Что?! — кривлюсь, мама это замечает и начинает смеяться, а потом подзывает к себе.

— Так твой папа говорил про меня.

— Почему?

Конечно мне интересно это, но гораздо более интересно посмотреть, что же она там прячет? Я встаю рядом, старательно разглядывая темноту, но вижу только корешки похожих коробок, а дальше мама и вовсе меня отвлекает, шепча на ушко.

— Потому что Ирис означает «радуга» с греческого.

Морщусь носик и трусь ушком о плечо, потому что щекотно. Мама начинает звонко

смеяться, а потом выуживает из недр своей сокровищницы зеленую, внушительную коробку. Она такая же бархатная, как та, что я видела внизу, но больше похожа на чемоданчик, и я сгораю от любопытства увидеть, что внутри.

На такой же зеленой подушке крест на крест лежат две золотые палочки, похожие на ветки дерева, на концах которых тоненькие цепочки-висюльки, украшенные красивыми, красными камнями. Повыше них находится еще одна вещь, которая отдаленно похожа на тиару, только меньше, но она — это самое настоящее произведение искусства. Золотые завитки, листья из того же металла и море красных, ярких камней.

— Это принадлежит тебе, радость моя...

Я не сразу понимаю, но когда поворачиваюсь к ней, громко проглатываю слюну и переспрашиваю.

— Мне?

— Это называется «кандзаси»^[2], — произношу незнакомое слово одними губами, что маму заставляет только шире улыбаться, — В стране твоего отца женщины предпочитают минимализм в вопросе украшений, если это не украшение для волос.

— Это...

— Это две заколки, — по очереди указывает на веточки, а потом дает еще одну визуализацию, как бы вставляя две невидимые палочки в свою прическу по бокам, — Их носят так.

— А это?

— Это гребень. Его можно носить по-разному, зависит от прически. Видишь круг у него внутри?

— Да.

— Это знак семьи твоего отца, а камни их визитная карточка. Это рубин. Каждому ребенку, рожденному в семье твоего отца, полагается дар, чтобы вы никогда не забывали откуда родом.

— У Элая тоже есть заколки? Ему бы подошло...

Раздается тихий смешок, и мама слегка пихает меня в плечо.

— Нет, Элаю даровали кое что другое.

— Что?

— Какая разница? Ни он, ни ты не получите эти подарки, пока не станете совершеннолетними.

— Почему?! Я хочу носить эти заколки в школу!

Мама звонко смеется и собирается что-то еще ответить, но...

18; Декабрь

...На стол резко, громко и хлестко бухается толстенный том. Я вздрагиваю и теряю нить со своим прошлым, вместо того так нагло и дерзко возвращаясь в плачевное настоящее.

— Класс, я привлек твое внимание, — холодно чеканит Алексей, на которого я смотрю удивленно хлопая глазами, — Если не хочешь попасть впросак, советую изучить. Настоятельно советую.

Он поворачивается ко мне спиной и идет к выходу из столовой, а за ним поднимается и Максимилиан. Он даже взглядом меня не удостоивает, присоседившись к этому холодному куску льда. Это меня удивляет? Нет. Я предпочитаю не заикливаться, вместо того читаю

название "настоятельно" рекомендованной книги.

«Энциклопедия этикета».

«Неожиданно...» — еще пару раз хлопая глазами, как вдруг раздается еще один, хорошо знакомый голос.

— Леша!

Даже не так, это визг.

«Адель...»

За ним еще один голос, принадлежащий...

«Роме...»

Боже. Фыркаю и отталкиваю книгу, обняв себя руками и уставившись на заснеженные холмики за окном. Видеть их желания нет от слова «совсем», и одно только радует: если они здесь, оргия отменяется. Он мне не соврал...

— Амелия?!

Слегка прикрываю глаза, но потом смотрю в сторону входа в столовую. Там находится вся компания: Алексей, Адель, Рома и Максимилиан. Поседений стоит дальше всех, на меня не смотрит, снова что-то печатает в телефоне, а вот взгляд Адель я чувствую, даже когда отворачиваюсь.

Раньше я никогда этого не понимала, но теперь все встает на свои места: вот почему ее так ненавидели «обычные» ученицы нашей Академии, из смертных так сказать. Она окатывает меня такой порцией своей надменности, в которой буквально сиреной орало: ты ничто-ты ничто-ты ничто. Моя бывшая подруга меня за что-то сильно ненавидит, вот только я в толк взять не могу: за что? Это я должна была ее ненавидеть...но получается в результате несколько иначе.

— Что она здесь делает?! — пренебрежительно, но требовательно спросила у кого-то из братьев, только вот я не видела у кого именно.

Потому что снова не смотрела — мне плевать. Я даже головы не повернула, считая количество этих самых холмиков.

— Макс, ты слышишь?! — поднялась аж до ультразвука, и очевидно это не понравилось наследному принцу.

— Не ори, малышка.

— Я спросила...

— Я слышал.

— Тогда ответь!

— Сидит. Довольна?

— Ты понял, что я имею ввиду! Что. Она. Здесь. Делает?!

— Даже если ты будешь делать более активные паузы между словами, это ничего не поменяет: сидит.

— Леша! Скажи ему!

— Адель, успоко...

— Я не успокоюсь! Требую объяснений! Почему она здесь?! Ее здесь быть не должно, у нас важное дело! Посторонним...

— Она остается.

— Макс!

— Разговор окончен. Ори сколько влезет, но будет так, как я сказал!

Нет. Не будет. Я то знаю Адель очень и очень хорошо, так что понимаю, что это только

начало скандала, который мне совершенно ни к чему слушать. Встаю, пока ор только разгоняется и просачиваюсь на кухню, остаюсь незамеченной. Знаю, что так и будет, они слишком увлечены друг другом, а значит я смогу выйти из этого дома, чтобы подышать.

Дверь на задний двор найти не составляет труда. Я ее заметила еще вчера ночью, вместе с вешалкой с куртками, полагаю, работников. Выбираю поменьше, но когда одеваю, буквально тону в рукавах и вообще, поэтому плюю с любыми попытками подобрать что-то комфортное, засовываю ноги в огромные валенки и толкаю дверь. На морозе дышится свободней, а еще становится понятно, что здесь просто огромная площадь. Не разбираюсь в сотках, конечно, но размах впечатляет, и самое смешное, что вокруг один только лес с высоченными соснами. Конечно я оборачиваюсь, чтобы посмотреть и на дом, который так будоражил воображение — это самый настоящий дворец! Три этажа, где-то два, а где-то и вовсе один (кажется, это называется «многоуровневый») и все в английском стиле. Мне так по крайней мере думается, глядя на красновато-коричневый кирпич вместе с белым, острые крыши и широкие дымоходы.

«Красиво...но здесь вряд ли постоянно живут...»

Потому что территория не очищена, не ухожена, да и я не видела ни одного человека из обслуживающего персонала. Наверно их совсем мало, человека два или три. Они делают максимум, но, естественно, чтобы ухаживать за таким огромным домом, нужно гораздо больше работников.

«Почему-то королевская семья этого не хочет...Очевидно, они могут себе позволить, но что-то их останавливает. Интересно...что?»

— Амелия?

Оборачиваюсь по наитию, но сразу отворачиваюсь — это Рома, а он уж точно не стоит на первом месте в моем топе людей, с кем я хотела бы говорить. Если честно, то он скорее на первом месте в обратном списке, ведь его предательство страшнее предательства остальных. Он был мне как брат, видел, как я расту, рос вместе со мной, наконец, а потом так просто воткнул мне нож в спину. Он даже не Кристина, чьи мотивы для меня так и остаются самой большой загадкой...

— Не хочешь со мной разговаривать? Понимаю.

Слышу, как тем не менее идет в мою сторону, останавливаясь за шаг. Мне не нравится быть к нему спиной, поэтому я поворачиваюсь и смотрю в когда-то любимые, родные глаза человека, которого я думала, что знаю. По факту нет, конечно, и это понимать большее всего...

— Как ты?

Молчу. Слегка выгибаю бровь, но молчу, он опускает взгляд на свои ботинки и кивает пару раз.

— Я знаю, что... — неуверенно начинает, жметесь, но потом словно берет себя в руки и смотрит точно в глаза, — Я все понимаю, правда, я поступил, как гандон, но ты не знаешь... Твою мать, Амелия...У нас были причины так поступить.

Мне хочется спросить, какие причины подтолкнули его предать меня, но я этого не делаю. Мне, на самом то деле, неинтересно слушать его нытье, вместо того, я собираюсь уйти. Хочу обогнуть его справа, он тут же перехватывает за локоть и горячо шепчет на ухо.

— У меня не было другого выбора, мне его просто не оставили! Они все хотят одного и...

— Убрал от нее руки!

Голос звучит так громко, что кажется, будто сразу отовсюду. Мы с Ромой резко переводим взгляд в одну сторону и видим Максимилиана. Он быстро приближается, Рома даже не успевает отойти на шаг, как он отталкивает его, а меня рывком ставит рядом. Даже немного позади. Только после этого я понимаю, что Рома не удержался на ногах и шлёпнулся в сугроб, а что самое неприятное: моим первым порывом даже сейчас осталось желание ему помочь. Я делаю неосознанный шаг, но всего один взгляд Максимилиана ставит точку на всех намерениях, а еще через миг к нему подбегает Адель.

— Какого хрена, Макс?! — смотрит на своего брата злобно, потом также злобно на меня.

Она явно хочет что-то сказать, но Максимилиан ее перебивает твердо и холодно.

— Еще раз он к ней подойдет, я разобью ему рожу и сломаю колени, чтобы твой сладкий мальчик больше никогда не мог заниматься единственным, для чего годиться. Вставать на них перед тобой.

Разговор окончен. Меня грубо хватают за руку и волокут в дом, а по дороге наследник не ленится, нагибается и шипит на ухо:

— Я сказал тебе «не сбегать». Когда ты научишься понимать с первого раза, твою мать?!

Меня вталкивают в дом, срывают куртку под холодным, изучающим взглядом Алексея, а потом снова тащат, но теперь в гостиную. Там я занимаю место в кресле, не по своей воле, конечно, меня в него просто запихивают, а на колени кидают толстую энциклопедию.

— Изучай. Последуй хотя бы одному совету, а не создавай проблемы. Хотя бы, сука, один раз!

Не понимаю, почему он так взбесился, но предпочитаю не провоцировать дальше. Мне не нравится, как он на меня смотрит — слишком зло, и внутри просыпается страх.

«Наверно это инстинкт самосохранения...»

Я открываю книгу, чтобы просто была причина не поднимать глаз, которая мне очень понадобилась через пятнадцать минут. Семья собирается в гостиной и так, будто ничего и не было вовсе. Они смеются, делятся последними новостями, что-то рассказывают друг другу. Адель смеется звонко, так что зубы сводит, и в конце концов я не выдерживаю и пересаживаюсь подальше от них, к окну. Там стоит небольшой столик с какой-то статуей голого мужика, а рядом два стула. Я заняла правый, чтобы спрятать спину и быть к ним лицом... чтобы все видеть.

Ближе к вечеру фасад дома освещают фары, от которых я морщусь, а внутренне понимаю — будет еще одна встреча, которая не принесет мне ничего хорошего. Так и вышло. Арай и Кристина выходят из дорого внедорожника и следуют до двери, а когда видят внутри меня, после обмена любезностями, рукопожатиями и поцелуями, Арай тоже закатывает скандал. Кристина даже ни разу не взглянула в мою сторону, но и я не ищу с ней встречи — мне она ни к чему. Я прикладываюсь на одну руку, медленно перелистывая страницы, но не читая, и снова пытаюсь абстрагироваться, потому что все странно... Они улыбаются, шутят, на следующий день прямо с утра, Адель с Крис вообще прутся делать снеговик, как заправские подружки. Но я чувствую, что все они что-то скрывают, а еще чувствую, как медленно, но верно, нарастает напряжение... Следующие гости его только добавляют.

Михаил и Женя. Они паркуются у машины Арая, но долго не выходят. В итоге сначала дверь открывается со стороны Жени, которая просто пулей вылетает на улицу, а потом

бежит до дома и, ни с кем не здороваясь, будто в слезах уносится наверх, как ураган. Михаил залетает следом и также оперевшись на перила орет ей в спину:

— Женя, да подожди ты!..

Хлопок дверью. Михаил с громким выдохом утыкается в свою внушительную руку, и даже не отвлекается от своих душевных страданий, когда слышит смешок Максимилиана. Тот встает рядом, и я снова хочу себя убить: вот они просто невероятно похожи...

«Господи, ты просто идиотка...»

— Все настолько скверно?

— Заткнись, твою мать, это все ваша вина... — бубнит, от чего и Алексей давит улыбку, не отрываясь от книги, которую он как раз *читает*.

— Да брось...

— Заткнись! — спихивает руку младшего брата, а потом злобно смотрит ему в глаза, — Я так и знал, что этим все кончится!

— У нас был другой выбор?

— Был! Не вмешивать девчонку!

— Кстати, о котятках. Поздоровайся.

Краснею моментально, так как Михаил резко поворачивается и безошибочно находит меня взглядом, а я буквально вижу, как он от «медленной» скорости закипания, резко прыгает на «супер-космическую».

— Ты притащил ее сюда?! Ты совсем больной что ли?!

— А куда мне было ее девать? — снисходительно-саркастично интересуется, пока я мечтаю вновь исчезнуть.

Они говорят обо мне, как о вещи, при том очень и очень неудобной. Это уже не «неприятно», а просто кошмар какой-то. Ощущения утрирует факт нахождения в комнате просто кучи людей, которые: а) видели меня голой; б) знаю и всегда знали гораздо больше моей скромной персоны; в) ненавидят меня. Я чувствую, как по мне, словно острыми бритвами, проходятся взглядами все они, но решаю не отвечать. Ни на кого не смотрю, утыкаюсь в книгу, лишь когда Михаил по-настоящему взрывается и разворачивается в глубь дома, коротко провожаю его спину, и то потому что он начинает орать что-то на итальянском. Максимилиан смотрит туда же, куда я секунду назад, тихо посмеивается, а потом цыкает и идет за ним.

«Просто класс...»

Плюс всего этого в том, что ужина, как вчера не будет. Вчера был просто кошмар — я сидела за столом с этими людьми и мечтала сдохнуть. Адель пару раз прошлась по мне «незаметно», Кристина продолжала игнорировать, зато Арай поддерживал шуточки смехом, а Максимилиан прожигал во мне дыры, будто я что-то плохое ему сделала. Так что да, я была рада, что на сегодня мои полномочия «всё». Ушла в комнату, где заняла свое место на кресле, подтянула ноги к груди и смотрела в окно, а потом не заметила, как заснула.

Чувствую легкое прикосновение к плечу, и не реагирую, тогда прикосновение становится тверже. Трясет. Я почему-то пугаюсь и резко распахиваю глаза, отпрянув от источника моего «волнения», но это Женя. Она сидит передо мной на корточках, воровато оглядывается, а потом вдруг горячо шепчет.

— Привет, Амелия...

Сначала я в тупике, хлопаю глазами и силюсь до конца проснуться, но, кажется, она торопится...

— Прости, что так тебя бужу, но нам надо поговорить. Сейчас — не вариант. Мужчины обсуждают кое что внизу, да и народу слишком много и... В час ночи спустись на кухню, я буду тебя ждать. Это очень важно.

— Я не смогу выйти...

— Почему?

— Максимилиан не разрешает.

Женя на секунду застывает, смотрит на меня как-то странно, неуверенно, но потом я вижу, как в глубине ее глаз вспыхивает злость, и она цедит сквозь зубы.

— Не волнуйся. Сегодня он вырубится достаточно быстро.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что сейчас они будут много пить, а до часу много времени. Приходи, пожалуйста...

Не знаю почему, но я решаю ей довериться. Так странно это, она — дочь врага, сестра самого ненавистного ублюдка, жена человека, чей брат держит меня в заложниках, а я ей верю... Ну и, справедливости ради, Женя оказывается права. Максимилиан приходит где-то в половину первого и сразу заваливается на кровать, а через десять минут глубоко засыпает. Я проверяю.

Подхожу ближе — ничего. Долго смотрю — ничего. Пихаю — и снова ничего! Он в отрубе, и тогда я решаюсь. Крадучись подхожу к двери, очень аккуратно ее открываю и выскальзываю в коридор. Дом погружен в тишину. Я не знаю, что меня ждет внизу, и что скажет Женя, но почему-то мне кажется, что она единственная, кому я на самом деле могу верить.

Девушка уже ждет меня на месте, а как только видит, хватая меня за руку и быстро ведет в дальнюю сторону кухни, где открывает дверь и заводит в темное, холодное помещение.

— Осторожно, здесь ступеньки.

— Куда мы идем?

— Не волнуйся, это винный погреб.

Свет включается, а я понимаю, что если поджечь этот дом, он будет гореть ярче новогодней елки, потому что бутылок здесь просто миллион. Несколько рядов высоченных, деревянных стеллажей, заполненных от потолка до пола, и Женя, видя мой открытый рот, тихо посмеивается.

— Удивлена?

— Это целый магазин! К магазину шмотья я как бы привыкла, но это...

— Они наполовину итальянцы, — пожимает плечами и снова берет меня за руку, уводя вглубь погреба, — Вино у них в крови, да и Мария его очень...

— Женя, куда мы идем?!

Перебиваю и вырываюсь, резко торможу в одном из проходов, и жду, когда она повернется. Женя делает это не сразу, лишь через мгновение вздохнув, кивает и смотрит наконец мне в глаза.

— Я хотела поговорить.

— О чем?

— Когда ты была в нашем доме, я думала, что ты все понимаешь.

Это не новость, я и без признания догадалась, но была польщена. Слегка киваю, опуская глаза в пол, и тогда Евгения подходит ближе, бережно взяв мою руку.

— Мне так жаль, что с тобой это все произошло... Ты не заслужила...

— Да... спасибо.

— Я и подумать не могла, что они пойдут на такую глупость!

— А что ты знаешь? — она вздыхает и отпускает меня, отходит на шаг и обнимает себя руками, как я, словно хочет защититься, а потом шепчет.

— Ты скоро сама все услышишь, я не могу... Амелия, я не могу сказать, что происходит, потому что не знаю, что тебе можно слышать, а что нет.

— Не поняла.

— Завтра приедет Марина... — она слегка ежится, не смотрит мне в глаза, и от этого я напрягаюсь сильнее, — И ты все узнаешь.

— Почему ты так странно себя ведешь?

Снова вздыхает, а потом медленно поднимает глаза и еще тише произносит.

— Потому что Марина — это кошмар. В твоём случае.

— Я ее видела всего раз...

— Не имеет значения. Твоя сестра... все дело в Лилиане. Она много чего натворила, а Марина не из тех, кто прощает, особенно когда дело касается ее младших братьев.

«Эм...» — все, что происходит в моей голове, а от следующего признания и вовсе становится страшно.

— Она тебя уничтожит. Я хотела тебя предупредить об этом — держись от нее, как можно дальше. Не реагируй на провокации, старайся вообще ее не слушать. Лучше не смотри в глаза. Ты подстрелила ее любимого, младшего братика у нее на глазах... Она устроит тебе ад на земле, ты очень многое услышишь и узнаешь, но... умоляю, будь умнее.

— Я...

— И еще... в этом доме у тебя нет друзей. Забудь обо всем, что ты знала раньше. Их нет. Все эти люди ненавидят тебя не меньше, и если у них будет возможность, они только присоединятся к Марине...

— Кристина тоже?

— Да.

— Но почему? — почти плачу, цепляясь за мягких, шоколадный свитер, — Я думала, что она любит мою сестру...

— Ты ошибаешься, Амелия. Я точно не знаю, клянусь, но по-моему там дело в Арае и...

— Если ты так хочешь что-то узнать, котенок...

«ТВОЮ МАТЬ!!!»

Я застываю буквально как статуя, расширив глаза. Сердце бьется где-то в пятках, а сама я чувствую, как медленно кровь отливает от лица, когда я слышу шаги за своей спиной. Мерные, спокойные, но такие опасные...

— ...Ты могла спросить лично.

Голос останавливается точно за моей спиной вместе с теплом его тела, и по взгляду Евгении, которая точно также притихла, я понимаю — мне конец.

18; Декабрь

Женя приходит в себя первая, пока я даже обернуться боюсь.

— Макс, мы просто говорили и...

— Не лезь.

— Макс...

— Женя, ты мне нравишься, правда, но я предупреждаю тебя в последний раз: не лезь.

Дальше происходит какой-то сумбур. Максимилиан хватается за руку и тащит за собой да так резко, что я не успеваю повернуться и падаю. В ответ на это Женя, которая показалась мне божьим одуванчиком, принимает образ фурии и кидается за нами следом. Она виснет на его руке и орет во все горло:

— Отпусти ее! Не смей ее трогать! Пусти!

За всем этим хаосом я наблюдаю с земли. Не сказала бы, что мне было больно, разве что в руке простреливало, но больше я действительно шокирована. Не ожидала от этой миниатюрной девчонки такой прыти.

— Женя, пошла вон! — воет раненным зверем наследный принц, но та не отступает.

Колотит его по спине, голове, рукам, и я получаю долгожданную свободу. Он сжимал меня все это время, но теперь отпускает, и я отползаю подальше, подтягивая ноги к груди, утыкаю в них лицо и наблюдаю. Скажу честно, побоище почище Ледового^[3], которое естественно привлекает зрителей. Слышу, как сверху топчут, бегут, а через миг резко распахивается дверь. Снова топот, теперь по лестнице, и в комнату вваливается Алексей. Сейчас он не такой холодный, застегнутый на все пуговицы мальчик, скорее полная противоположность. В руках у него бита, зрение очень плохо ловит фокус, рубашка шиворот навыворот — зрелище просто класс. Я бы даже посмеялась, если бы могла отлипнуть, особенно над тем, как он пару мгновений смотрит на всю эту кашу-малашу, но не может срастить визуальный ряд и логическое объяснение.

— Твою мать, что ты стоишь?! — орет в голос Максимилиан, — Убери ее на хер!

Алексея толкает Арай, который тоже подрос, но в более адекватном состоянии. От «пиха» Алексей не может устоять и валится на пол, попутно задевая сразу три бутылки, которые точно также падают и разбиваются, заливая пол темно-бардовым. Лужа такой величины, что доходит до моего угла, и я чувствую, что все ноги мокрые.

Полный. Треш.

Араю только сейчас удается оттащить Женю, которую он прижимает к стене и орет в голос:

— Да что тут у вас происходит?!

Максимилиан не отвечает, вместо того медленно поворачивается на меня. У него на щеке длинная царапина от Жениных ногтей, а еще он очень-очень зол, и как символично, что я фактически сижу в луже крови. Это словно знак, который видит мое напуганное, больное воображение, и я вжимаю голову в плечи, боясь даже пошевелиться.

«Кажется, он меня точно убьет...» — думаю, пока все не пропадает, превращаясь в белый, гудящий шум — Максимилиан наступает.

— Макс, не смей ее трогать! — орет Женя где-то дальним фоном, но он ее не слышит.

Фактически подлетает ко мне, хватая за локоть и так сильно дергает, что я невольно издаю писк от боли, на который никто не обращает внимания. Кроме Жени.

— Макс, не смей ее трогать, твою мать! НЕ СМЕЙ! Или я все расскажу Мише!

— Удачи, — цедит сквозь зубы, а сам буквально сверлит меня глазами, не отпуская ни на секунду, — Сколько раз тебе надо повторить...

— Я хочу в другую комнату, — вдруг выпаливаю, еле дыша, и он стопорится.

Да все замирают, даже Алексей, который все это время барахтался на полу, пытаюсь подняться на ноги. Тишина нарастает, оглушает, звенит, сама я не отвожу взгляда от бешено пульсирующего желвака наследного принца, которая пугает до чертиков.

— Макс... — снова начинает Женя, но на этот раз тише, будто пытаюсь убаюкать взбесившегося зверя, — Отпусти ее. Если ты ее не отпустишь, я заставлю Мишу ее забрать и увести. Ты слышишь?

— Я СКАЗАЛ ТЕБЕ — НЕ ЛЕЗЬ! — неожиданно орет так, что аж уши закладывает, и сжимаюсь еще меньше, надеясь потерять в размерах процентов сто...

Женя тоже такого не ожидает. Она замирает, расширяет глаза, а Максимилиан, не отпуская меня, делает к ней шаг и тычет пальцем.

— Когда ты появилась, в ваши отношения никто не лез, твою мать! С какого хера ты решила, что имеешь право указывать мне, как жить и как поступать?! Кого трогать, а кого нет?!

— Макс...

— Закрой рот! Я все еще не выкинул тебя на улицу, только потому что ты жена моего брата! Это все! Не накидывай себе регалий, потому что все они — херь и дерьмо, которое не стоит ровным счетом ничего!

Женя почти плачет, и мне становится так ее жалко, что в носу снова печет. Я хочу сделать к ней шаг, попытаться как-то успокоить, но тут раздается еще один голос.

— Какого хера здесь происходит?!

Мы все оборачиваемся и видим картину маслом: Михаил стоит полуголый, зажимая полотенце одной рукой, второй придерживая мокрые волосы. Не сложно догадаться, откуда он выбежал, а вот как в принципе услышал крики — это история умалчивает. Он медленно проходится по всем нам взглядом, но бегло, останавливается только на Евгении, видит, что ее держит Арай, и гремит похлеще брата.

— Отошел от моей жены!

Я вижу наглядно, как из доброго человека, он превращается в своего брата и того, кто сейчас меня держит, прижимая к стене, только на пару лет старше. На этом все сравнение к сожалению заканчивается насильно: мое лицо попадает в плен хорошо знакомой пятерни. Максимилиан поворачивает его на себя, вынуждая смотреть в зеленые топи его глаз, которые меня непреодолимо засасывают. Единственное, что мне удастся уловить из того, что происходит за их пределами и то благодаря боковому зрению, как Арай резко отстраняется и выставляет руки ладонями вверх. Как бы примиряясь. Только после этого Михаил немного успокаивается, но по-прежнему серьезно повторяет вопрос:

— Что здесь происходит?

— Миша, посмотри, что он делает! — слышу слезы Жени, но не могу пошевелиться...

В голове набатом звучит его голос:

«Ты мне за это ответишь...»

Невольно строю бровки домиком, пытаюсь извиниться? Или что я пытаюсь сделать? Не уверена точно.

— Макс...

— Твоя жена сует нос не в свое дело, — цедит сквозь зубы младший, шумно выдыхая, как будто чтобы взять себя в руки, — Угомони ее, Миша. Я сейчас серьезно.

Пауза возникает, но почти сразу рушится четким, суровым голосом Миши.

— Женя, пойдём.

— Нет! Я не оставлю ее с ним наедине! Я...

— Женя! — прикрикивает, правда сразу мягко добавляет, — Пойдем со мной, они сами разберутся...

— Но...

— Женя, иди, — выдыхаю еле слышно, чем заставляю Максимилиана слегка прищуриться, — Все нормально.

— Амелия...

— Женя, пожалуйста! Просто уходи.

Еще пару мгновений, и она все таки срывается с места, быстро проходит мимо Миши, но никак на него не реагирует, и тот громко цыкает.

— Ну спасибо, братишка...

Максимилиан даже не смотрит на него, усмехается, конечно, но явно мне, потому что дальше шепчет.

— Какое благородство...

— Мне больно.

— Мне насрать.

В принципе очевидно.

Словно куклу он тягает меня, встряхивает и снова тащит в сторону лестницы. Я еле поспеваю, замечаю испуганный взгляд Кристины и Адель, но лишь на миг — меня продолжают волочить по первому этажу, как половую тряпку. Я цепляюсь за его плотно сжатый кулак, в панике упираюсь ногами, но это не имеет никакого эффекта — все, чего я добиваюсь, это карикатурного изображения катания на водных лыжах. Все. Соппротивление мое все равно, что война против ветряных мельниц, право слово...

— Я не хочу туда, ты слышишь?! Я хочу в другую комнату и...

— О, ты получишь *другую комнату*.

Не нравится мне, как это звучит. Саркастично, ядовито, неприятно. Естественно, я начинаю бояться сильнее, а когда он распахивает дверь с ноги, в глазах от ужаса начинают бить черные круги.

Меня кидают на постель, которая скрипит и пружинит, а потом еще жалобней стонет, когда Максимилиан садится на меня сверху, придавливая коленом к железным прутьям — здесь нет даже матраса.

— Сколько раз тебе надо повторить, чтобы ты поняла, а?!

Наверно я вдохновилась Женей, потому что на панике начинаю его колотить. Бью, сама не вижу куда, трепыхаюсь, как бабочка, попавшая в сети к пауку, но также, как с бабочкой и пауком, понятно, кто победит, и как быстро это случится. Он резко, сильно отбивает мои удары, перехватывает за запястья и прижимает к основе старой кровати.

— Хочешь знать правду, а?! — орет, а потом резко прижимается ко мне носом и понижает тон до шипения, — Думаешь, что Крис любит твою сестру? Черт, ты до смешного

наивна, детка.

Смотрю на него жалобно, стараюсь не дышать, когда он отстраняется, но вижу лишь мерзкую, пугающую улыбку, которая прячет за собой желание сделать мне как можно больнее...

И он делает. Смакуя каждое последующее слово...

— Возможно она любила ее...когда-то, но все меняется, радость моя. Знала ли ты о том, что когда твоя сестра приехала в Москву, она нацелилась на меня? Конечно ты это знала, эта сука Оксана тебе рассказала. Но рассказала ли она о том, что я не был единственной целью? У твоей сестры, как и у тебя, *всегда есть план*. Им стал мой лучший друг Арай. Знаешь почему? Потому что он тоже наследник. Не такой лакомый кусочек с точки зрения сраных содержанок, но тоже ничего. У его отца сеть европейских ресторанов, и каждый имеет хотя бы по одной Мишленовской звезде. Это он помог Мише открыть свой, он давал ему советы по устройству бизнеса и всяким нюансам, чтобы и тот получил свою. Но когда-то семья Арая жила здесь, и так совпало, что это было в одно и тоже время с планами твоей сраной сестры по «устройству себе тепленького местечка». А тут нарисовалась проблема — ее неприглядная соседка-подружка, которая ПОЧЕМУ-ТО понравилась наследнику настолько, что тот готов был забрать ее с собой в "сытый мир". Разве Лилиана могла такое допустить?! Нет. Она соврала ему. Ооо...это был ее личный бенефис лжи и двуличия, наговорила на несколько томов Камасутры, и он бросил Кристину без разговоров. Правда уже отпала вся нужда: я клюнул, а Арай улетел в Европу. Но знаешь что самое смешное?! Лилиана ее утешала. Как утешала тебя!

— Ну а я здесь при чем? Я ничего не сделала... — вырывается неожиданно, как и слезы, которые он игнорирует, усмехаясь.

— Извини, котенок, но так это не работает. Выскочила она — получишь ты, и отдуваться тоже будешь ты!

Резким движением Максимилиан отталкивается от кровати, быстрым шагом направляется к двери и напоследок, правда не оборачиваясь, кидает:

— Надеюсь, что здесь тебе понравится больше. Сладких снов, принцесса.

Хлопок дверью. За ним поворот ключа, и я остаюсь в крошечной тьме и холоде, вся мокрая и в слезах. Надо мной сжалились лишь в одном: минут через десять в комнату зашла грузная женщина в возрасте, которая кинула мне матрас, как собаке, развернулась и вышла.

«Ну класс...»

Обижаться я, конечно, не планировала, но все равно...матрас был достаточно тяжелый, чтобы попасть мне в верхнюю часть туловища и толкнуть так, что я врезалась головой о трубу кровати. Было больно. Горькие слезы и без того назревали, а теперь брызгают, как из лейки душа. Я закрываю глаза ладонями, потому что больше не могу сдерживаться, и даю себе немного времени выплеснуть все, что накопилось, потом встаю и заправляю кровать. Всхлипываю, но стараюсь делать это как можно тише, также аккуратно ложусь и поджимаю ноги к груди. Чтобы меня *вообще* не было слышно, чтобы и вовсе забыли о моем существовании. Пожалуйста...

Нет. Утро расставляет все на свои места. Я не успеваю проснуться, как дверь в комнату открывается, впуская наследного принца внутрь. Естественно я его не вижу, потому что все еще в коконе, но нутром чую — это он. Определяю его по шагам. Они плавные, размеренные, вроде спокойные, но снова таят за собой опасность, и снова я не ошибаюсь. Очередным рывком с меня сдирают одеяло, после чего холодно чеканят:

— Вставай и иди в душ. Сейчас.

То есть безотлагательно. Я кое как поднимаюсь на ноги, тру глаза, встаю, хочу уже обойти его, но Максимилиан перехватывает выше локтя, а потом приближается и шипит на ухо.

— Я очень надеюсь, что ты будешь наконец благоразумна. Прислушайся к Жене, раз ты не хочешь слушать меня, и не провоцируй мою сестру. Прекрати создавать мне проблемы.

Я смотрю на него без нотки злости, хотя по идеи и должна бы — не получается. Выходит как-то жалобно, но не смягчает Максимилиана. Он пихает меня в сторону двери и холодно чеканит.

— Платье на кровати, книга там же. Приведи себя в порядок и спускайся вниз, не заставляй подниматься за тобой, потому что тебе не понравится то, как я заставлю тебя спуститься. Марина приедет через два часа.

Я делаю, как мне велено. Принимаю душ, сушу волосы, собирая передние пряди в две небольшие косички, которые закалываю сзади, потом платье. Оно представляет собой... ничего особенного и не представляет. Обычное, черное платье, полностью закрытого фасона, то есть никакого декольте, но с голыми руками. Оно длинное, слегка пышное, и только нижняя юбка хоть немного, но радует — из бежевой ткани, в меру твердое и с узором-кружочками. Туфли тоже предусмотрены, и это обычные, черные лодочки с каблуком сантиметров десять.

Мне совершенно не хочется туда идти, и я, присев на край кресла, на котором спала, даю себе еще мгновение. Опираюсь на колени корпусом, закрываю лицо руками и стараюсь глубоко дышать.

«Зачем мне вообще встречаться с этой тупой Мариной?! Зачем я здесь нахожусь?! Что происходит?!»

Момент жалости к себе был прерван грубо открытой дверью. Я тут же вскакиваю, а заметив на пороге Максимилиана, неловко сжимаю руки внизу живота. Он зол, рот уже открыл, чтобы что-то сказать, но не говорит. Замечает другое:

— А. Ты готова.

Слегка пожимаю плечами, и стойко наблюдаю за тем, как он приближается, потом тщательно осматривает меня. Это неприятно, как будто оценивает лошадь перед покупкой, но я терплю и это.

— Не трогай больше свои волосы, — наконец говорит, а потом берет за тонкую цепочку и тянет на свет из под одежды, — Если будешь такой же тихой при Марине, возможно все кончится неплохо, м?

Кулон занимает законное место у меня на груди, как знак отличия: все сразу поймут, чья я собственность — вот что это за «медаль». Отворачиваюсь, смотрю в никуда, но мне и это недозволено. Наследник берет за подбородок и поворачивает голову на себя и с легкой улыбкой говорит:

— Ты так ничего и не сказала про него. Тебе нравится?

«Я его ненавижу!» — молчу, но слегка киваю.

Вижу в его глазах всполох злости, который правда быстро тушится хладнокровием. Максимилиан приближается, продолжая удерживать голову, касается моего носа своим и шепчет.

— Никогда не крути ничего у меня за спиной, Амелия. Не смей строить заговоры, врать мне и изворачиваться. Я серьезно сейчас, предупреждаю в первый и последний раз, потому

что так просто, как вчера, это для тебя не кончится...

Принц собирается меня поцеловать, но я вовремя вырываюсь и отворачиваюсь, получая еще одну «печать» в щеку. Не знаю ожидал ли он этого, и по далее следующему смеху не могу определить, но прикрывая глаза, внутри готовясь ко всему.

— О, ты ранила меня в самое сердце.

Отстраняется спокойно, смотрит на меня снова холодно, а потом берет под руку и направляет к двери, как бы говоря: вперед. И я иду...как на плаху, но не отступаю.

«Некуда отступить, позади Москва...»

Напряжение дошло до той отметки, когда никто уже не пытается притворяться. Гостиную наполняет молчание и редкое звяканье стекла. Я совсем не понимаю, что происходит, но понимаю определенно точно, что что-то грянет. Естественно я не задаю никаких вопросов, сижу в углу и отдалении ото всех, но так, чтобы всех их видеть. Крис сидит на краешке дивана, тербит пальцы и хмурится — волнуется и очень сильно, а еще чувствует себя некомфортно, словно не в своей тарелке. Адель и Рома сидят в обнимку рядом с ней, и даже не сидят, а почти лежат. Рома у подлокотника, по которому стучит пальцами и тоже хмурит брови — он о чем-то старательно думает.

«Выбивает битлов. Yesterday ^[4] ? Интересно, что тебя так волнует, милый?»

Хотя нет, мне неинтересно. Перевожу аккуратный взгляд на Адель, и почему-то мне кажется, что она единственная, кто так сильно ждет последнюю гостью. Смотрит на дверь, вся подобралась, как будто на низком старте. Оставляю это на потом, отмечаю на в подсознании, и перевожу взгляд дальше. Максимилиан и Алексей стоят у самого камина. Первый облокотился на него одной рукой, смотрит в огонь не мигая и цедит уже третий стакан виски, а второй задумчиво разглядывает ровный ряд книг, делая медленные затяжки. На самом деле они оба как будто не здесь, летают где-то далеко, и это мне лично очевидно, как и то, что они достаточно близки. Я все думала, гадала, а теперь точно это вижу:

«Наверно они даже ближе, чем с Мишей...»

Арай отвлекает меня, да и многих заставляет встрепенуться и посмотреть в его сторону, когда роняет стеклянную крышку графина на железный поднос. Крис зло выдыхает, особенно когда «ее наследник» неловко улыбается и жмет плечами:

— Простите...

Вижу в его глазах веселье, а в голосе слышу хитрость, и понимаю: он рад тому, что происходит. Его все устраивает, он не напряжен, как почти все здесь, кроме Адель, он не боится встречи с Мариной, как я — у него все просто прекрасно.

— Извините, что опоздали.

Михаил и Евгения заходят последними. Не могу не отметить, что вместе они смотрятся просто прекрасно, как будто были созданы друг для друга. Он — крупный, большой мужчина, похожий чем-то на медведя, но спокойный и добрый. Она — хрупкая, маленькая женщина, которая в нужный момент может стать бесстрашной фурией. Она действительно нравится мне больше остальных, особенно ее смелость. Я это знаю не только по вчерашнему вечеру, но и по тому, как она пыталась заслонить собой своего мужчину, когда пришел Костя. Вижу, как Михаил тоже ее защищает, даже сейчас оберегает. Они идут, а он

неосознанно, думаю, что именно так, ограждает ее, прикрывая своей рукой даже от косяка двери...

«Они по-настоящему друг друга...» — в этот момент я начинаю верить, что и договорные браки действительно бывают счастливыми.

— Привет, — шепчет Женя, садясь рядом со мной на мягкий диван, на что я слегка киваю, — Как ты?

— Все нормально, спасибо. А ты? — неловко поднимаю глаза, но сразу же их опускаю и еще тише добавляю, — У тебя же не было проблем из-за того, что случилось вчера?

— О, нет, брось. За меня не переживай, Миша не даст меня в обиду...

— Я знаю.

— Правда? — улыбается открыто, слегка краснеет, но продолжает смотреть мне в глаза, — Откуда?

— Вижу, что он тебя очень сильно любит. Вы очень красивая пара.

— Ох, спасибо, конечно, но поверь... так было далеко не всегда.

Я удивленно смотрю на нее, а Женя вдруг тянет руку, с нежностью глядя мне за спину, и когда я оборачиваюсь, резко краснею — Михаил стоит прямо за мной.

«Так неловко...» — Евгения еще и накидывает...

— О да... по началу нам тоже было сложно.

— О чем речь?

Молюсь, чтобы она не отвечала на этот вопрос, чтобы не усложняла и не утрировала мое состояние, но она и не слышит вовсе. Женя смотрит только на мужа, глазами полными любви, уважения и страсти?

«О боже...» — краснею сильнее, потому что понимаю, что это я точно видеть не должна, — «Это абсолютно понятно, что не для моих глаз...»

— О нас с тобой. Амелия не верит, что по началу нам было сложно вместе...

Жмурюсь и слегка мотаю головой, надеясь, что Михаил пропустит мимо ушей, но он улыбается. Я точно знаю, хоть и не вижу, зато слышу. В его голосе фонит именно улыбка...

— Амелия, все стоящее дается очень непросто...

— Это что Боб Келсо^[5]? — вырывается раньше, чем я это понимаю, и через мгновение комната заполняется смехом этой парочки.

Особенно Жениным. Она так хохочет, что я чувствую себя неловко, смотрю на Мишу. Он слегка пожимает плечами, потом переводит влюбленный взгляд на жену и отвечает.

— Это наш любимый сериал. Можно сказать, что именно он лежит в основе наших отношений.

— Эээ...

— Как-нибудь я тебе все расскажу, — вмешивается Женя, махая руками, — Но если кратко: когда Миша только привез меня к себе домой, нам было сложно общаться, но я смотрела этот сериал, и ему приходилось тоже. Так мы становились ближе.

— Амелия, может тебе тоже налить немного? У нас есть отличное...

— Она не пьет, Миша, — раздается холодный рокот, который тут же сворачивает все веселье, и мы медленно переводим взгляд на его источник.

Максимилиан стоит рядом, его снова что-то бесит, а точнее я — смотрит то он именно на меня, не мигая, и я отворачиваюсь к окну. Не хочу даже так отвечать, нет в этом никакого смысла.

— Ей уже есть восемнадцать и...

— Мне только не хватает пьяного, малолетнего трипа перед Мариной. Все итак сложно, давай ты не будешь ухудшать положение? Вроде старший, должен быть разумным.

— Я разумный, — цедит сквозь зубы Михаил, — Может это ты включишь разум? Марина не монстр, не стращай девочку.

— Мы оба знаем какая наша сестра. Я ее не стращаю, а готовлю.

«Так вот что он делал?! И книга...» — кошу взгляд на том с правилами этикета, — «Он пытается не дать своей сестре поводов до меня докопаться?!»

Резко поднимаю глаза и тут же сталкиваюсь ими с Максимилианом. Он не ухмыляется, даже намёка нет на веселье и, кажется, он...волнуется?

«За меня?...»

— Она приехала!

Адель рушит момент, вскакивает и бежит в сторону двери, и всё тут же приходят в движение. Напряжение, кажется, буквально долбит в маленький гонг, который предвещает взрыв.

«Еще один таймер обратного отсчета, который показывает, что осталось совсем немного...»

Я напрягаюсь, а когда слышу приятный, глубокий голос, у меня внутри все исходит на вибрацию.

— Привет, малышка...Я тоже рада тебя видеть.

— Тебя так долго не было!

— Всего месяц, — устало отмахивается Марина, — Не такой большой срок.

— И все равно, я скучала. Как ты долетела?

— Нормально, правда в с нами летел ребенок, и это просто кошмар. Он всю поездку то смеялся, то рыдал.

Адель начинает хохотать, и я невольно хмурюсь, ведь смех ее настолько наигранный, что хочется номинировать ее на "Золотую малину"^[6].

«Я одна это слышу?!» — нет, не одна.

Почти все в зале, включая Алексея и Рому, невербально, но выражают мои мысли, а когда я перевожу глаза на Настю, та свои закатывает. Ей все это совсем не нравится, но, камон, подруга, вставай в очередь, потому что мне это не нравится еще больше.

Тонкий звук шпилек о плитку снова действует повсеместно: каждый вытягивается по струнке, напрягается и гипнотизирует взглядом арку, где через миг появляется прекрасная, молодая женщина.

«Че-е-е-рт...какая же она красивая, твою мать...» — возможно, мне бы и хотелось сказать что-то другое, но Мира просто великолепна.

Стройная, высокая, с длинными волосами примерно по лопатки, идеальной осанкой и невероятно притягательной улыбкой. Она совершенно точно умеет держать себя и правильно подать, потому что не смотря на все, что мне тут о ней наговорили, я не могу отвести от нее взгляда.

— Ну и? Так и будете стоять или поздороваетесь с сестрой? Не виделись же...

Обращаясь к братьям, она пока не видела меня, но наконец ее взгляд цепляется за мою персону и тут же меняется. Он холодеет ментально, словно отгораживает за собой огонь, который я вижу все равно: правду сказала Женья, эта женщина меня ненавидит до кончиков волос. Я вижу это, как и чувствую мощную, неконтролируемую волну черной, дикой ярости, направленный точно в мою сторону.

— Вы, кажется, знакомы, но освежу твою память... — говорит наконец Максимилиан, вежливо улыбаясь, — Это...

— О, я прекрасно знаю, кто это такая. Что она здесь делает?!

Ну вот и все. Маски пали. Марина по щелчку пальцев скидывает всё притворство, делает шаг на брата, гневно раздувая ноздри, а Адель только подкидывает дров, шепча ей в спину.

— Макс хочет, чтобы она присутствовала *езде*.

— Что?!

— Адель, твою мать! — рычит Алексей, на что она тут же взбрыкивает, дергая плечами.

— А что?! Марина должна знать! Я считаю...

— Не лезь!

— Но...

— Я сказал — не лезь!

Пока громко пререкаются один брат с сестрой, другие долбят друг друга ментально. Марина и Максимилиан не говорят ни слова, и все равно ведут не шуточную войну, даже, скорее всего, пострашнее той, что мы слышим. Только вот в отличии от первых, они не собираются нас посвящать в детали, потому что они слишком разные. Я это вижу: Адель и Алексей отличаются от них, пусть в каждом и течет кровь, что их роднит, они — разные.

— Я жду тебя в кабинете. Вас обоих!

Все, что говорит Марина перед тем, как развернуться и направиться вглубь дома, куда приглашены, как я понимаю, только Максимилиан и Михаил. Они то и отделяются от группы, переглянувшись друг с другом, уходят, и это лишь подчеркивает их различия со сводными родственниками.

— Не волнуйся... — шепчет на ухо Евгения, усаживая меня обратно на диван, — Они поговорят, Миша ее убедит сбавить обороты. Он у них в паре разум, у него получится...

«Кажется, она и сама не верит в то, что говорит...»

Макс

Вот уже пятнадцать минут я наблюдаю за тем, как Марина ходит из стороны в сторону и орет. В ход идет не только русский, но и французский, немецкий и, конечно же, итальянский. Ей все это не нравится, а мне не нравится знать, что Амелия сейчас где-то там. Без меня. Но с Лексом.

«Черт, да прекрати ты уже, твою мать!»

— Ты меня слушаешь вообще?!

Пару раз моргаю, перевожу взгляд на сестру. Она останавливается прямо передо мной, и пусть я выше ее ростом, но сейчас из-за того, что сижу на столе, сложа руки на груди, она на одном со мной уровне.

— У тебя громкий голос, Марина, а когда ты орешь тем более, так что да. Я тебя слышу.

— Обойдемся без твоего сарказма сейчас! Я против, чтобы эта...

— Ее зовут Амелия.

— Да насрать мне, как ее зовут! Она не будет присутствовать, ей нельзя верить! Или ты забыл, кто ее сестра?!

— Помню.

— Раз ты помнишь, какого хера притащил ее в дом нашей матери?! Она оскверняет...

— Это и мой дом тоже, — чеканю, еле сдерживаясь.

Мне совсем не нравится, что она говорит *ней*, как говорит и на что намекает. Я, если честно, еле держусь, чтобы не начать орать в ответ. Это вообще поразительно, чего мне стоит просто сидеть — так сложно не было никогда даже с отцом...

«Твою мать, что с тобой?!»

— Я решил ее привести, значит так и будет.

— Ты охренел?!

— Она не представляет угрозы! Она. У. Меня. Под. Контролем. Сколько раз мне это повторить?!

— Под контролем?! Эта сука тебя подстрелила и...

— Марина, — предупреждающе шепчу, раздув ноздри, — Полегче.

Зря. Очень зря. Марина замирает и смотрит на меня так, будто никогда раньше не видела, что-то ищет в моих глазах и, кажется, находит.

— Нет...

Сестра тихо выдыхает, мотая головой, отступает на шаг, но сразу же срывается с места и буквально подсакивает ко мне. Ее горячие руки ложатся мне на щеки, и как бы я не хотел не встречаться с ней взглядом, она отсекает все возможные лазейки...

— Не может быть...

— Что ты делаешь? Отпу...

— Ты что... влюблен в эту девчонку?!

Миша издает смешок откуда-то сбоку, я было и кошусь на него, даже хочу показать ему средний палец, но Марина пресекает и это. Она требовательно подходит еще ближе и повышает голос, слегка сдавив мое лицо.

— Ну?!

— Нет! С чего ты это взяла?!

— А я что слепая?! — орет уже в голос, и так бесит, что я вырываюсь, цыкая, — Ты совсем спятил?! Ты в нее влюбился?! В *ее* сестру?!

— Я в нее не влюблен!

— Ты смеешь мне врать?!

— Я НЕ ВРУ!

Ору уже сам, тяжело дышу, и снова мы схлестываемся, как на шпагах, только вместо них наши острые взгляды. Молчим. Долго молчим. Я не хочу нарушать эту тишину, потому что не хочу слушать ее треп, но Марина хочет трепаться, поэтому делает это сама.

— Эта девчонка опасна...

— Пф...

Пытаюсь отвернуться, и Марина это предугадывает, снова перехватывая мое лицо в свои ладони. Не дает потерять зрительный контакт...

— Послушай меня сейчас очень внимательно, Макс. Она не Лиля.

— Я знаю это и без тебя. Отпусти.

— И это по-твоему хорошо?!

— А плохо?!

— Да! Лиляна — дура. Ее легко просчитать! Ты всегда знаешь, о чем она думает, что подумает дальше, что скажет, а вот ее сестра... Эта девчонка — бомба замедленного действия.

— Ты ее совсем не знаешь.

— И ты, судя по всему, тоже! Ты же не рассчитывал, что она тебя подстрелит!

«И то верно... этого я никак не ожидал...»

— Мне хватило того краткого знакомства, чтобы понять, кто она на самом деле.

— И кто же она? — усмехаюсь, а у самого сердце так и долбит в груди от волнения.

Потому что я знаю, что она скажет. Я сам это часто верчу в мыслях, а слышать от кого-то другого не желаю. Меня это пугает...

— Серый кардинал^[7].

Но это звучит, и мне приходится столкнуться с правдой, которую я так упорно стараюсь не замечать. Амелия сплошное «непредсказуемое», слишком умная для своего возраста, слишком расчётливая. Она — манипулятор, который скрывает в своих недрах слишком многое, и даже мне сложно представить, что именно.

Это вижу не только я.

— Она умная, хитрая и расчётливая. Наблюдает за всем исподтишка, подмечает. То, что она молчит, не значит, что она ангел, Макс, — продолжает Марина, серьезно глядя в глаза, — Если Лилиану легко раскусить, эту — нет. Она...

— Прекратите.

Миша перебивает, но я продолжаю мысль сестры у себя в голове: она — «слишком», и меня это цепляет, влечет, тянет. Мне это нравится... Амелия мне слишком нравится. Настолько, что при одной мысли о ней, по телу прокатывает дрожь. Я снова ее хочу.

От похотливых образов, благо, отвлекают. Миша становится рядом, мягко убирает руки Марины и занимает место точно посередине, как делал всегда, когда мы ссорились. Он то нас и мирил, как самый старший, спокойный и разумный... вон улыбается даже, сам, наверно, думает об этом, и я слегка закатываю глаза, но отвечаю.

— Марина, не драматизируй. Амелия неплохая девчонка и...

— То, что...

— Я не закончил, — прибавляет голосу стали, и пусть Мара фыркает, но замолкает.

Да, она всегда была более эмоциональная, взрывоопасна и далее по списку, включая ее непокорность и тяжелый характер, все равно Мишу слушала. Не всегда, конечно, но он единственный был максимально близок к тому, чтобы ее затормозить. В груди теплеет от воспоминаний детства, когда происходило тоже самое: приходил более мудрый брат, раскладывал по полочкам и раскручивал конфликт. Примерно так, как сейчас...

— Да, она непростая, я с этим полностью согласен, как, думаю, и Макс?

— Да.

— Но он говорит, что она у него под контролем.

Марина открывает рот, чтобы парировать, но замолкает сразу, как Миша поднимает руку, давая ему продолжить.

— Вопрос в доверии. Мы верим Макс?

— Естественно, но... твою мать, слишком многое на кону! Если она расскажет...

— Она никому не расскажет.

— Ты не можешь этого знать, Макс!

— Она не выходит из моей квартиры, так что могу.

— В смысле?! Ты что ее похитил?!

— Считай так.

— А если она сбежит?

— Не сбежит.

— Да ну?!

— У меня есть козырь, я не дурак, Марина. Я крепко ее держу, а ты должна мне доверять.

Молчит. Взвешивает. Разглядывает мое лицо, но наконец тихо переспрашивает:

— Ты абсолютно уверен?

— Да.

— Хорошо.

— И все?

— А я могу что-то изменить?

— Нет.

— Тогда все.

— Вот и отлично, разобрались, — тянет Миша, а потом указывает на дверь, — Пошлите уже, мы тут целый час сидим и пора бы поужинать.

— Последнее, — говорю, когда Мара соглашается и поворачивает на выход, — Не начинай.

— О чем ты? — притворяется, и я устало смотрю ей в глаза, кивая.

— Ты знаешь о чем я. Не цепляй ее.

— О, ну я очень постараюсь...

— Мара...

— Макс, я согласилась на твои условия, но не соглашалась быть хорошей девочкой. Я постараюсь, не получится? Что ж. Увы и ах!

Тяжело вздыхаю, на секунду прикрыв глаза — ужин будет катастрофой. Слишком хорошо я знаю свою сестру и прекрасно вижу ее настрой.

«Это точно будет фиаско...»

18; Декабрь

В столовой царит музыка. Здесь не произносят ни слова, но я слышу ее в ровном, четком ритме вилок, стучащих по тарелкам. Это почти Бетховен, которого я ненавижу, как бы забавно не звучало, особенно если учитывать тот факт, кем я собиралась стать. Но у меня есть причины на такое отношение, правда-правда, честно-честно. Тогда с Розой в наушниках у меня играл именно Бетховен — единственное, что было на моем первом, цифровом плеере. Именно поэтому я знаю точное время, сколько это длилось, вплоть до секунд.

Сам Бетховен говорил о главном мотиве первой части пятой симфонии: «Так судьба стучится в дверь». Какое забавное совпадение. Сейчас я как будто слышу ее снова, «мотив судьбы» набирает обороты пусть музыки то и нет вовсе. Один напруг и безнадега...

«Черт, это просто какой-то кошмар. И здесь так жарко, а еще эти дурацкие свечи...»

Кошусь на них, про себя матерюсь, и так смачно, что не успеваю осознать, что ко мне подошли. Это снова та самая грузная женщина, которая швырнула в меня матрас. Как оказалось, ее звали Марта, и она была кем-то вроде «управдома». На самом деле, думаю, что она была здесь все эти дни, но я ее не замечала, ведь вообще не особо акцентировала внимание на чем-то. Теперь у меня и выбора особого нет, она уж слишком агрессивно ко мне настроена...это тоже вполне прозрачно, особенно, когда дама наступает мне на ногу. Я резко дергаюсь от боли, обращая на себя внимание присутствующих, смотрю на ее морду, но та лишь слегка улыбается, будто ничего не было, и ставит передо мной тарелку.

«Вот сто процентов она сделала это специально, но кто мне поверит?!»

Отвожу взгляд, незаметно касаясь шишки, которая в такт той, кто меня ей и наградила, начинает пульсировать, давая о себе знать.

«Просто смешно...ей то я что сделала?! Или Лиля тоже увела у нее мужика?!» — расширяю глаза с диким желанием их закатыть, делаю глоток воды, чтобы успокоится, слегка мотаю головой, — *«Ну какой-то бред...»*

Мои внутренние монологи единственное развлечение, здесь вряд ли кому-то интересно, что я скажу, да и вряд ли кто-то захочет со мной говорить в принципе. Кроме Жени, конечно, но она сидит далеко. Меня как будто специально отсадили в самый дальний угол стола, чтобы я максимально сильно прочувствовала, насколько здесь чужая.

«Да я и не претендую!» — вздыхаю, разглядывая то, что мне принесли с горечью, — *«Еще и рыба...чтоб меня во все дыры! Это единственная вилка, которую я не помню, потому что ненавижу эту идиотскую рыбу!!!»*

Озадачено смотрю на приборы и хмурюсь, легко касаясь серебряной, начищенной до блеска ручки.

«Сколько там должно быть зубчиков?! Да хрен его знает! Мама учила, но это было так давно, что я и не вспомню при всем желании...»

К тому же на этих ее уроках, мы с Элаем в основном пинались и дергали друг друга, почти ее не слушая.

«О чем я сейчас дико жалею...О боже, и что мне выбрать?!»

Сейчас я даже благодарна, что сижу, как отщепенец — меня же реально будто отделили

от королевского семейства, выпихнув на расстояние. Нет, я изначально вздохнула с облегчением...ладно, это было немного неприятно, но в конце концов данный факт играет мне на руку: на меня никто не смотрит, а значит не видит тягот выбора.

«Зубчики...сколько их там было?! Три...четыре...ну...эм...наверно эта?»

Беру вилку с ровным рядом из четырёх зубчиков, которая, как по мне, и является «рыбной», но сразу слышу громкий, показательный цык.

«Твою мать...»

Еще раньше, чем я поднимаю глаза, знаю: облажалась. И еще кое что знаю: это видели все. Убеждаюсь, отрываясь от тарелки, и вижу, как вся королевская чета смотрит на меня. Не успеваю выхватить реакцию, кроме одной: Марина. Она прямо смакует мой провал, поднося бокал к губам, и перед глотком тянет:

— *Che peccato. E lei ci ha provato così tanto... (Какая жалость. А она так старалась... — итал.)*

Чувствую себя душой, а тот факт, что я не понимаю ни слова, утрирует ощущение полного социального отрыва, коим меня изо всех сил стараются попрекнуть. Итальянский не входит в список языков, которых я знаю, что в этом доме явно считается моветоном. Адель то вон подтверждает, я ведь прекрасно слышу ее не очень то и старательно подавленный смешок, из-за которого краснею только сильнее. Не хочу, но все равно бегло цепляюсь за Максимилиана, будто он сможет мне помочь, право слово. Нет, не сможет, да и какое ему дело? Он уставился в сторону, поджав губы, бесится.

«Наверно считает, что я в очередной раз его опозорила...»

Это неприятно, но мне остается только наблюдать за тем, как он переводит взгляд на сестру и отвечает ей также загадочно:

— *Smettila, Mara. Adesso. (Прекрати, Мара. Сейчас — итал.)*

«Вообще-то, как бы не очень вежливо говорить на другом языке, если хотя бы один человек за столом его не понимает. Или это правило этикета они игнорируют?! Как удобно...»

Складываю вилку и нож на тарелку, как учила мама, крест на крест, что означает: блюдо мне не понравилось. И снова вызываю смешок...

— Чтобы выказывать свое «фи», надо для начала выбрать правильные приборы, милая. Или это "просто так", а может от скуки? Нечем заняться?

«А тебе нечем заняться, старая морда, кроме как следить за мной коршуном?!» — очень хотелось ответить, но я не делаю этого.

Привычно отворачиваюсь к прозрачным дверям, ведущим во внутренний дворик, где искрит зима. Не провоцирую, не ведусь, но на самом деле ей не нужно это. Марина уже нашла повод, и теперь уцепилась за него так крепче бультерьера, который уж точно не разожмет челюсти...

— Макс, милый, она у тебя немая что ли? Или ты так жестко трахнул ее в рот, что повредил голосовые связки? Поаккуратней надо с игрушками...

Слова попадают в цель, я ведь чувствую эти ровные линии порезов на своем сердце. Мне больно и ужасно неприятно, как будто облили чем-то вонючим на глазах у целой толпы, которая только и ждет, требует зрелище и крови. При том исключительно моей.

— Прекрати, — вмешивается Михаил, но Марина усмехается.

— Что такого? Макс ведь действительно никогда не был бережным ребенком...да и разве я сказала что-то обидное? Судя по ее сестре, быть шлюхой в ее крови. Это скорее...

Звучит жесткий удар, от которого даже приборы подпрыгивают, но я не оборачиваюсь и не смотрю. Мне нельзя. Если я перестану фокусировать взгляд на сугробах, точно разревусь.

«Наверно и она все знает...Ген шлюхи, звучит знакомо. Ха! Нет...не смей рыдать, не смей! Только не здесь. Не перед ней. Не перед ними всеми!»

— ...Констатация факта, — все равно оканчивает свою мысль, а потом издает смешок, — Поспокойнее.

— Мы собрались здесь обсуждать Лилиану? Сомневаюсь. Давайте перейдем к делу наконец.

— Ладно, — неохотно соглашается Марина после паузы, а потом ее голос теряет всякую игривость, — Что сейчас происходит? Какие у нас результаты?

— Я столкнулся с парочкой весомых препятствий.

— Какого рода?

— У меня не получается незаметно встретиться с Георгием и Малиновским, а это сделать нужно, если мы действительно хотим уничтожить нашего отца.

«ЧТО?!»

Я резко оборачиваюсь, расширив глаза, и сразу сталкиваюсь взглядом с Максимилианом, будто он только того и ждал. Хмурюсь, потому что так, походу дела, и есть.

«Вот зачем я здесь!» — пазлы встают на свои места, — «Вот почему он хочет, чтобы я это услышала! Он хочет, чтобы я знала! Хочет, чтобы я увидела причину!»

Его взгляд все подтверждает. Он молчит, но я вижу: так и есть.

«Вот что они все задумали...»

— Боже, может хватит? — Марине все неймётся, — Если ты не в состоянии провести без этой задницы ни один разговор, может посадишь ее себе на колени, чтобы она тебя обслужила и...

Максимилиан резко вскакивает, раздувает ноздри, но...если честно, то я уже не здесь. Уставившись в тарелку, я начинаю действительно складывать все пазлы воедино.

«Они хотят содействия Лили, но знали так же хорошо, как я, что просто так она не пойдет на заговор, потому что трусиха. Тогда они решили использовать меня, как гарант, чтобы контролировать ее, давать задания "внутри" и направлять...Твою мать, а самый треш в том, что...это я все начала...»

Меня накрывает с головой осознание, что все это — моя игра, моя партия, на моей доске и с моей подачи.

Я не могу дышать.

Вокруг, как сквозь толстенный слой ваты, слышу оры, боковым зрением вижу, как махают руками Александровские, но мне так насрать — я действительно не могу сделать ни одного вдоха. В груди сдавливают, руки трясутся, меня бросает то в холод, то в жар. Накатывает тошнота...

«Мне нужно на...нужно...нужно...срочно...»

Встаю, как в бреду, хватаюсь холодными, мокрыми пальцами за ручку, выскакиваю на улицу. Поскальзываюсь. Сердце так долбит в груди, я буквально чувствую, что оно сейчас взорвется, а в голове, как картинки старого кинофильма, возникает наше прощание с Костей и Ханом...

Мы спустились с Ханом и Костей вниз, а теперь стоим у их машины. Хан абсолютно серьезен, чего от него ожидаешь редко, долго смотрит мне в глаза, но потом срывается и дергает головой.

— Ну и?! Долго будешь издеваться?!

Я усмехаюсь — нет, недолго. Разговор, который мы начали о разрушении еще одном империи у меня дома, как раз подоспел к своему логическому продолжению.

— Всегда нужно бить по слабым местам. У Петеньки...

— Не называй его так, — кривится Хан, а Костя со смешком кивает.

— Точно. Звучит просто жутко...

— ...Это эго, — с нажимом перебиваю, расправив плечи, чтобы придать себе важности, — Его я использовала против Ревцовых, но есть еще кое что. Его самая любимая жемчужинка — Адель.

— Что ты сделала? — тихо переспрашивает Костя, на которого я перевожу взгляд и пожимаю плечами.

— Я уже очень долго капаю ей на мозг, чтобы настроить против отца. По каждой ситуации, когда они ссорятся, даже подпихиваю ей разные исторические издержки, где дети объединяются против родителя с целью получить свободу от его безумных решений.

— Прости...что? — заикаясь переспрашивает Хан, а я жму плечами.

— А что? Их намного больше, все они — личности состоявшиеся, и вряд ли их устраивает этот дикий, безумный контроль. Думаю, что они его ненавидят. Адель в принципе ни на что сама неспособна, но в ней души не чаёт Алексей, а она умеет получать желаемое. Думаю, что в скором времени начнутся разговоры...

— Амелия...

— Империя лучше всего рушится изнутри, мои дорогие, а не снаружи.

18; Декабрь

В ушах все еще звенит эта фраза: «Империя лучше всего рушится изнутри, мои дорогие, а не снаружи...»

«Господи, какой же я была душой...во что я влезла?!» — не оценила все риски, не рассмотрела обстоятельства, перспективы, при которых меня вытащат из тени против воли... — «Прав был Хан, когда говорил, что я еще слишком юна и слишком спесива...Я все это заварила сама...»

А потом меня тошнит...

Я хватаюсь за забор, немного отхожу в сторону, присаживаюсь на корточки, потому что еле дышу. Стараюсь изо всех сил, плююсь на белый снег в надежде, что он поможет, как вдруг чувствую, что меня обхватывают руки со спины. Меня пытаются поднять, но я намертво вцепляюсь в забор и пишу что-то нечленораздельное. Оказалось, что плачу. Ха! Я даже этого не заметила, но на мои ладони ложатся хорошо знакомые руки, и теперь это уже неважно. Максимилиан буквально отдирает меня от моего якоря, резко разворачивает на себя и орет, встряхнув от души.

— Ты совсем больная что ли?! На улице минус и...

— Отпусти!

Я не в адеквате, предупреждаю сразу. Начинаю извиваться, вырываться, но все зря, и

тогда я иду на крайность. Место, куда ему попала пуля, помню отлично, поэтому безжалостно, со всей силы, вонзаю туда палец. Работает! Максимилиан взывает от боли, с силой отталкивает меня, и я падаю в снег, но это куда лучше, чем чувствовать его рядом. Я не готова сейчас чувствовать вообще никого, потому что хочу убежать от разочарования — это какая-то большая агония, не иначе как.

К сожалению, данный трюк спасает ненадолго. Скорее даже наоборот, едва ли это похоже на спасение, скорее стрельба по медведю: я только сильнее его выбесила. Максимилиан резко поворачивается на меня, в глазах у него ярость, а шаги, которыми он преодолевает расстояния, огромные и бескомпромиссные. Он меня пугает, какой-то иррациональный страх завладевает телом, и я хватаюсь за ближайший булыжник, который вижу, чтобы защититься. Даже замахиваюсь, но он жестко пресекает все попытки себе навредить, хватая за запястье, которое сдавливает с такой силой, что я вскрикиваю и отпускаю свое оружие.

Ну все. Приплыли.

Одним рывком он поднимает меня на ноги, потом хватает за загривок, снова сдавливая до боли, и тянет в дом, куда заходит и швыряет меня на пол, как тряпичную куклу.

— Макс! — взвизгивает...Кристина?

«Нет, я, наверно, ошиблась...это была Женя...»

Да и какая разница? Максимилиан держится за плечо и тяжело дышит, слегка согнувшись, а Женя, которая подскочила почти сразу, помогает подняться молча. И снова ненадолго. Сегодня у меня какой-то калейдоскоп падений, потому что стоит мне встать на ноги, как меня снова сносит, но на этот раз сильная пощечина Марины. Прямо вот от души с душой.

В детстве я обожала фильм «Мумия»^[8], где Рэйчел Вайс и Брендон Фрейзер бегают по пескам и пытаются спасти мир. После него я очень сильно прониклась Древним Египтом, у меня даже было несколько толстенных энциклопедий. Конечно, в моем увлечении играло роль и безумная любовь египтян к кошкам...

«— Египтяне, кстати, кошкам поклонялись...

— Ага, и навозным жукам!»^[9]

Так, что-то не туда, о чем это я? Ах да! Я очень увлеклась Древним Египтом, включая и выделяя их знаменитые пирамиды. Удивительный факт, но внутри пирамид никогда не находили черных следов копоты, и тогда возникает закономерный вопрос: как освещали эти самые пирамиды? Существует много безумных теорий, например инопланетяне или электричество, но есть и вполне себе нормальные. Одна из самых популярных — это система бронзовых зеркал. Что это такое? Сейчас объясню. Когда процесс возведения пирамид шел своим ходом, параллельно строили и специальные шахты, что-то вроде современных систем коммуникаций, но вместо проводов и труб, туда помещали до блеска отполированные бронзовые плиты или зеркала, что в нашем понимании гораздо яснее. Их располагали так, чтобы они могли уловить солнечные лучи, рассеивать их и освещать пространство. Дальше мнение археологов расходятся. Одни говорят, что так освещение поступало исключительно в выборочные помещения, например для торжеств или по

желанию самого фараона. Другие утверждают, что существовал обученный человек, который при помощи нескольких зеркал снаружи, перенаправлял свет от специально разведенного огня так, чтобы освещать пирамиду хоть круглосуточно. Я не знаю, как было, все это загадки прошлого, но вот что я точно знаю: у меня тоже есть система бронзовых зеркал. Они расставлены под специальным углом так, чтобы осветить все, что со мной произошло одним всполохом света, который наконец попадает на первое, а дальше все происходит само, как в домино. Роняешь одну фишку, за которой падают все, и я наконец вижу целую картину.

В шахматах ловушка — это попытка спровоцировать соперника на вроде и выгодное продолжение, которое на самом деле оказывается лишь иллюзией. Проще можно сказать словами Якова Нейштадта^[10]: ловушка — любой хитрый ход, содержащий скрытую угрозу и рассчитанный на промах противника. Я расставляла ловушки ловко, но, как говорится, не знаешь броду, не лезь в воду. Если погуглить эту пословицу, она объясняется до смешного просто: без достаточных знаний и опыта не следует предпринимать что-либо, т. к. из-за своей неосведомленности можно потерпеть неудачу или даже попасть в беду. У меня не было ни достаточного опыта, ни знаний, ни осведомленности, и я не заметила, как попала в еще большую ловушку. Я просто ее не видела, потому что не была способна оценить весь масштаб...

«Надо было гуглить раньше...» — проноситься в голове бред, и я слегка прикрываю на секунду глаза.

Уже сорок минут я сижу на холодном полу и в мокром платье у окна, прижав ноги к груди — смотрю на зиму. Ко мне никто не подходит, да и зачем? Я не представляю угрозы, не реагирую и ничего не говорю, да и обстановка так себе. Снова напряг, тишина, которую нарушает только тихий разговор Максимилиана и Марины на итальянском. Они иногда нарушают шумовой диапазон, вскрикивая, но в основном это только их диалог. Все остальные не лезут. Молча наблюдают, как она обрабатывает ему рану, которая из-за меня снова открылась.

«Наверно, они все меня убить готовы...» — судя по злобным взглядам Марины, она точно, — «И что я тут делаю?! Я, как слепой котенок, снова! Это не мой уровень, я до такого еще не доросла, объективно. Мне поставили гамбит даже раньше, чем я вообще одуплила о начале партии. Куда я лезу?! Зачем это все мне нужно?!..» — «Они прекрасно справятся сами, я тут вообще лишний человек! Я хочу уйти, мне нужно уйти! Но я залог? Так он сказал? Тогда я знаю, как получить то, что я хочу...»

— Она знает? — тихо спрашиваю, не поворачивая головы, но чувствую, что ее на меня повернули все.

Вопрос адресован только одному из королевской четы: Максимилиану. Наверно, он это понимает, но может не понимает, о чем я конкретно говорю? Решаю уточнить.

— Моя сестра знает?

Хмыкает и игнорирует. Меня это бесит, так что я резко поворачиваюсь, повышая голос.

— Лилиана знает, что моя мать жива?!

— Что?! — выдыхает Крис, но я на нее даже не смотрю, лишь на него.

Максимилиан злится, его челюсть опять начинает свои пляски, которые сейчас не пугают. Я уже ору, оперевшись на одну руку и подавшись на него.

— Ты оглох, твою мать?! Она знает?!

— Нет, — цедит сквозь зубы, а потом усмехается, — Но теперь знают все остальные. Поздравляю, идиотка тупорылая.

— Думаешь, я поверю, что они не знали?

— Думаешь, мне не насрать, во что ты веришь?

«Знаю, что насрать...» — решительно встаю на ноги.

Он на меня не смотрит, только перед собой, попивая очередную порцию бухла. Видимо я сильно его взбесила, ничего страшного, потерпит еще немного. Я твердо заявляю.

— Дай свой телефон.

— Пошла на хер.

Жестом он указывает сестре, мол хватит, и она отходит в сторону. Действительно все: на его плече чистая повязка, а это означает, что он готов к переговорам. Не истекает кровью, и все такое...

— Ты сказал, что я — залог того, что моя сестра будет делать то, что вам надо. Думаю, ты столкнулся с проблемой, раз я еще здесь.

Молчит. Снова игнорит, и, черт! Как же это бесит. Я стремительно приближаюсь, не обращая внимания ни на кого, и выбиваю его дебилский стакан из рук. Сильно так, с размахом. Он летит в сторону, а через миг с грохотом разбивается о стену, и только после этого меня удостаивают взглядом. Пусть я стою, а он развалился на стуле, но даже так, я будто ниже, чем он. Снова это чувство его превосходства и доминации, которое провоцирует на желание снова ему вмазать, но я сдерживаюсь. Важнее сейчас я, чем глупые порывы. Даю себе пару секунд на "успокоение души", прикрыв глаза, потом коротко выдыхаю и снова сталкиваюсь с его топями, на этот раз отважно и стойко, не давая им себя затянуть.

— Я смогу заставить ее пойти на твои условия.

— Твоя сестра — сраная трусиха, — усмехается за спиной Марина, на что в ответ я цежу сквозь зубы не оборачиваясь.

— Я гораздо лучше вас знаю, кто моя сестра, Марина Петровна, но спасибо за ваше ценнейшее, экспертное мнение.

— Охо-хо...

«Заткнись, злобная сука...» — перебиваю раньше, чем она еще накинёт, обращаясь исключительно к Максимилиану.

— Я смогу ее заставить. После нашего разговора, она сделает все, что ты хочешь, включая глубокий горловой из позиции «мостик». Гарантирую.

С боку слышится смешок, который я сразу узнаю — это Арай. Мне даже не нужно смотреть, слишком хорошо я его запомнила за столько то часов, проведенных в его компании. Его я тоже игнорирую, не удостаиваю и толикой внимания, потому что все, что важно — ответ этого козла, который разве что не причмокивает, смакуя свою власть над ситуацией, и, как бы мне не было противно, надо мной.

«Ублюдок... Решай ты наконец!»

Он специально тянет, я это знаю, но не даю ему еще больше возможностей побаловать себя "сладеньким", а тупо молчу. Его это улыбает все равно, но Максимилиан наконец слегка кивает, доставая из брюк телефон.

— Твой папаша слушает ее мобилу.

— Я гораздо лучше тебя знаю, кто мой папаша, Амелия, но спасибо за твое ценнейшее...

— Мне не до шуток.

— Тогда бери и звони. Говорить будешь на громкой связи.

«Да пожалуйста...» — фыркаю, беру мобильный и присаживаюсь на край стула рядом

с ним.

Я даже не успеваю задаться вопросом, а какой номер вообще набирать? Когда открываю телефонную книгу, вижу, что он там один.

«Моя сучка □» — бросаю короткий взгляд на него, вижу ухмылку.

«Интересно, а кем я была в его телефоне? Моя шлюха □?» — слегка мотаю головой, чтобы избавиться от того, как снова колет изнутри, слышу предупреждение:

— Без фокусов.

Хочется показать средний палец, но вместо того я нажимаю на имя.

Гудок-гудок-гудок.

Я уже думаю, что она и не возьмет трубку, но на четвертом слышу шипение.

— Твою мать, я сказала тебе, не звони мне сам! Я...

— Извини, я тебя расстрою, — ровно отвечаю, нагибаясь ближе к экрану, — Это не твой бывший-психопат, а всего лишь я.

Тишина, которую нарушает только смешок Максимилиана, и который благополучно проигнорирован. Я спокойно жду, пока она не придет в себя, пока наконец не слышу ее обеспокоенный голос.

— Амелия?! Это ты?

— Нет, это призрак прошлого рождества.^[11] Хочешь посмотреть, как ты стала горьким...

— Что ты делаешь рядом с ним?! — перебивает, и я вздыхаю, подперев голову рукой.

— Неправильные вопросы задаешь. Гораздо интереснее узнать, что будешь делать ты и совсем скоро.

— В смысле?!

— Он сказал, что ты должна кое что сделать, но судя по всему, ты с этим не спешишь.

Он держит меня в заложниках, пока это не случится.

— ЧТО?!

— Я вызвалась тебе помочь. Мы же все-таки сестры, а сестры должны друг другу помогать, да?

— Амелия, послушай...

— Нет, сейчас слушать будешь ты. Приготовилась? Села поудобней? Тогда погнали. Ты сделаешь все, что он тебе сказал, потому что в противном случае я тебя уничтожу. Начнем с самого простого: я вытащу на свет все твое дерьмо, начиная со школы. Найду каждого человека, кому ты насрала в душу, запишу каждое его слово, а потом пойду во все газеты и телеканалы, куда меня только пустят, и дам такое интервью, от которого ты полысеешь на нервной почве. Со слезами, грустными, большими глазами и прочей атрибутикой бедной, несчастной сиротки. Я буду говорить, пока язык не сотру до костей, а еще играть лучше Мерил Стрип. Ради такого постараюсь, даже возьму пару уроков...

— Петя не позволит тебе...

— О, ты погоди, до твоего *Петти* мы еще доберемся.

— Не поняла...

— Сейчас поймешь. Я знаю, что ты на самом деле делала в Милане.

Бам! Я буквально вижу, как она резко бледнеет, и слышу, как сильно колотится ее сердце, поэтому улыбаюсь.

— О да... ты понимаешь, к чему я клоню... — протягиваю, играючи, а через миг она аж подрывается.

— Ты что подослала ко мне эту...

— Именно это я и сделала. Ты же помнишь, что она может пролезть в любую дырку без мыла, да?

— Ты не посмела бы!

— Да что ты? Поговаривают, что тот лысый итальяшка поет гимн себе под нос, каждый раз когда перелистывает бумажки...

Она теряет дар речи, а я прикрываю глаза и смакую момент, как самый вкусный десерт. Плевать, что вокруг рушится мир — сейчас это неважно. Пусть я просрала по всем фронтам, но хоть где-то выиграть все равно приятно. И добивать тоже.

— Я поменяла все твои пароли и кодовые слова.

— ТЫ ЧТО?!

— Ага, именно так. Перед этим я сделала скрин с банковским счетом на твое единственное, фальшивое имя. Ты же никогда не запарываешься, и что-то мне подсказывает, твой *Петенька* знает, о чем идет речь.

— Я...

— Что сделает твой Властелин мира с отвисшими яйцами, когда я приду к нему и предоставлю доказательства того, что ты его обворовывала годами? Как это делал господин Ревцов... Хм... — театрально постукиваю по нижней губе, — Думаю, что тебе не жить. Что-то мне подсказывает, он не поможет тебе, а только добавит. Считай, что ты лишилась репутации и денег, что дальше, Лиля? Что будешь делать, искусствовед ты мой родной? На трассу идти?...

— Хватит! Как ты смеешь мне угрожать?! Ты совсем что ли?! Мы сестры!

— Знаешь, мне тут сказали, что раз ты выскочила, за твое дерьмо расплачиваться буду я, но это не входит в мои планы, извини. Ты сделаешь все, что он тебе скажет, и я получу свою свободу, а не буду сраным гарантом! Усекла?! — ору уже в голос, и также повторяю, когда она не отвечает, — Да или нет?! Тик-так, время идет!

— Да, — глухо соглашается, и тогда я толкаю телефон Максимилиану.

— Она твоя.

Он не спешит вступать, а смотрит на меня, как придурок, и улыбается. Это бесит, но я снова предпочитаю не реагировать, а складываю руки на груди и отворачиваюсь в сторону окна, где гораздо лучше, чем в теплом доме.

— Потрясающе... — со смехом протягивает он, не убирая с громкой связи, так что я слышу каждое слово Лилианы, сказанное дальше.

— Заткнись. Это все твоя вина! Мы договорились, а ты...

— Аккуратней на поворотах, милая, твоя маленькая сестренка сидит рядом со мной.

Еще одна пауза, которую она прерывает быстро и бесцветно.

— Что я должна сделать?

— Поставить прослушку на его телефон.

— ЧТО?! Ты спятил?!

— Без истерик и эксцессов, дорогая.

— Как я это сделаю?! Я что хакер?!

— Тебе всего лишь нужно будет открыть ссылку на его мобиле. Даю тебе времени до утра.

Он сбрасывает звонок, и только тогда я поворачиваю голову, приподнимая брови.

— Всё?

— Посмотрим, как она справится с первым заданием.

— Круто. Я спать, у меня болит голова.

Обхожу его и уже целюсь в ту комнату, где ночевала сегодня, но в спину мне прилетает довольное:

— Наверх.

«Ага, сейчас!»

— Пошел на хер.

Я хлопаю дверью, но все равно слышу снаружи его сраный смех.

Чертов смех...

Здравствуй, как-я-хочу, я так «скучала».

Когда я открываю глаза, то не сразу понимаю, что нахожусь совсем не там, где засыпала. Понимание приходит быстро, и я резко сажусь, прижимая атласное одеяло к груди.

Голой груди.

«Этот ублюдок перенес меня к себе!» — ору внутри своей черепной коробки, — «Еще и раздел!»

Злюсь — и это мягко сказано, пока не замечаю на своей тумбочке вдвое сложенный листок со своими именем. Хватаю его и разворачиваю, не ожидая ничего хорошего, но содержание удивляет.

«Проснешься и спускайся вниз, есть разговор. М»

Не знаю, зачем он подписывался, но мне плевать на это — главное, что скорее всего что-то прояснилось по моей ситуации, и я спорю на что угодно, в мою пользу. Это перекрывает все на свете, и я буквально вываливаюсь из кровати и бегу к шкафу.

Такой воодушевленной, даже окрыленной я не была давно. Молниеносно одеваюсь, умываюсь, чищу зубы, а потом сбегая вниз по ступенькам. Нахожу его без проблем, он в кругу своей чертовой семьи сидит в гостиной. Марина играет во что-то с Мишей, за чем наблюдает Женя и смеется. Другие делают что-то еще, но я не смотрю. Только на него, потому что от него зависит моя судьба, и я не дожидаюсь его первенства, перехватываю. Мне сейчас не до игр.

— Ну и?

Максимилиан отставляет в сторону стакан и улыбается хитрой, дьяволькой улыбкой, приподнимая брови.

— Как спалось?

Игнорирую.

— Она звонила?!

— Нет.

— Нет?

— О чем мне с ней разговаривать?

— Давай без игр.

— А что? Больше не хочется играть? Например в молчанку.

— Она сделала или нет?! — теряю терпение и делаю маленький шаг ему на встречу.

Еще один, когда он начинает свое излюбленное «растягивание резины». Бесит меня страх, видит это и получает свою порцию удовлетворения, но сегодня я слишком взволнована, чтобы держать мину.

— НУ! Говори! Хватит уже страдать херней! Да или нет?!

— Да.

Сначала я даже не верю в свое счастье. Выдыхаю, пару раз моргаю, хмурюсь, он же изучает мою реакцию, наклонив голову на бок...и мне не нравится, как он меня разглядывает. Слишком как-то...странно.

— Почему ты так пялишься?

— Рад, что ты довольна моей победой, но не понимаю почему ты ей так довольна.

— В смысле?!

— Тебе с этого что?

— Я...не поняла, — внутри толкает страх, а по спине бегут мурашки.

Вдруг понимаю, что в комнате все замолчали и наблюдают за нами, и это мне не нравится вдвойне, особенно, когда я смотрю на Женю и вижу в ее глазах сочувствие.

«Какого хрена?!»

Тем временем Максимилиан плавно поднимается, расправляет плечи, будто ему мало, что он итак занимает почти все пространство своим эго и ублюдской усмешкой...

— Ну и? Долго ждать ответа?

— Она все сделала, и это значит...

— Что мы на шаг ближе к свержению нашего отца. Что это значит для тебя?

До меня доходит медленно, но наповал. Руки начинают трястись, и я сжимаю пальцы, жалобно смотрю на него и еле слышно шепчу.

— Мы договорились...

— Мы с тобой ни о чем не договаривались. Спасибо за содействие, но для тебя это ничего не меняет. Ты остаешься.

Кажется только что слой пыли и грязи отпал с еще одного бронзового зеркала, которое осветило то, что я так наивно не учла: Максимилиан Александровский самый настоящий кошмар, и я что действительно думала, что это будет так просто?

18; Декабрь

У меня как будто выбили пол из под ног на эшафоте. Задыхаюсь, перед глазами бьют черные круги, в ушах звенит, и я открываю рот, как рыба, выброшенная из океана на сушу.

«Так, стоп, не паникуй. Не паникуй! Возьми себя в руки, черт тебя дернул! Он переживает за свой «план», но ты можешь убедить его в том, что ты не угроза! Давай! Давай! Давай!!!»

Опускаю глаза в пол, прикрываю их, глубоко вдыхаю и снова смотрю на Максимилиана, который с интересом разглядывает меня, слегка наклонив голову на бок. Стараюсь не акцентировать на этом внимание, особенно на чувстве, будто я интересный аттракцион для него и вообще всех здесь присутствующих. Плевать. Мне не привыкать, а на кону стоит моя свобода, чтобы так заикливаться на том, что обо мне подумают эти люди.

— Ты прекрасно знаешь, что я не стану трепаться, — хрипло выдавливаю из себя, на что Максимилиан неожиданно начинает... смеяться?

Не такой реакции я ожидала, это уж точно. Смотрю на него, а наследный принц ржет, точно как местный дурачок. Конечно нет, я от злости так, на самом деле ситуация диаметрально противоположна: он здесь царь и Бог, а я шут, которого вывели на арену повеселить королевское семейство. Это даже не обсуждается, напротив настойчиво подчеркивается поведением наследника. Он лениво и спокойно занимает свое прежнее место, плавно снимает стакан со столика и, чинно закинув ногу на ногу в привычной, мужской манере, то есть щиколоткой на колено, приподнимает брови.

— Ну? Тебе нужно особое приглашение, чтобы продолжить, *котенок*? Я весь во внимании.

Звучит достаточно унижительно, и моя гордость уже готова броситься на него и расцарапать рожу, но мне удаётся удержать порыв и ее под замком. Снова выдыхаю, пару мгновений даю себе на то, чтобы хоть немного успокоить kloкочущий ураган внутри, после чего киваю.

— Нет, не нужно. Тебе известно, как я отношусь к твоему папаше...

— Властелину мира с отвисшими яйцами? — злобно раздуваю ноздри, что только сильнее веселит принца.

Да и не только его. Все его дети улыбаются, я это точно знаю, пусть и вижу только Алексея, который сидит чуть дальше Максимилиана на подлокотнике кресла. Он отворачивается к окну, правда от меня не уходит улыбка, которая вот-вот станет громким, раскатистым смехом.

«Они надо мной издеваются...» — пробегает в голове неприятный итог всему увиденному, а следующая скабрёзность Максимилиана только его укрепляет.

— А можно узнать... откуда такие познания?

— Прости?!

— Про его яйца.

«Он что специально?! Я же ему сейчас морду разобью!» — сжимаю кулаки со всей силы, и пока я еле дышу, Максимилиан плавно проходит по мне взглядом.

— Даже не вздумай...

— Я его ненавижу, — выпаливаю, отсекая ухмылки, подколы и унижения, чтобы сосредоточиться на главном — своей цели, — Мне нет дела до того, что с ним будет и как закончится его сранная жизнь — делайте, что хотите! Даже если вы решите по очереди трахнуть его, а потом выпустить всю кровь и купаться в ней под звуки каких-нибудь итальянских молитв — плевать! Если устроите оргию после этого в тесном кругу вашей конченной, ублюдской семейки — насрать и на это! Мне абсолютно по хер, даже если вы в итоге перегрызете глотки друг дружке внутри вашей собачьей своры!

Перегнула. Знаю. Чувствую, как воздух потяжелел и зарядился, как улыбки померкли. В глазах Максимилиана отражение общего настроения — злости и обещаний скорейшей расправы. И я знаю, что надо было заткнуться раньше, а лучше выбирать выражения в принципе, но стоп-кран дал капитальный сбой, и остановить свой словесный понос просто не представлялось возможным. Я тяжело дышу, все это понимаю, и смотрю точно ему в глаза, пока Максимилиан молчит. Это плохо. Что-то в голове щелкает, и мне вдруг ясно совершенно точно, что я снова угодила в какой-то капкан, который не смогла разглядеть. Он понимает, что я это только что осознала, поэтому давит свою мерзкую усмешку с новыми силами, так сказать. А я хочу его убить. Такая злость внутри, и всё это кажется таким сюрмом, что я берусь за голову и шепчу.

— Это какой-то сюр...

— Разве?

— Ты знаешь, что я против него! Я не собираюсь вас сдавать, это не в моих интересах!

— И где гарантии?

— Ты что совсем придурок что ли?!

— Ну ты, видимо, в этом убеждена, раз рассчитываешь уйти, после такого горячего монолога.

— При чем...

— На кону стоит слишком многое! — Максимилиан резко вскакивает и повышает голос так, что, кажется, даже стекла в окнах дрожат, — Ты думаешь, что я поставлю под угрозу свою семью из-за какой-то малолетки?!

— Я уже сказала...!

— Я все слышал! Где гарантии, что как только ты выйдешь из этого дома, не побежишь к нему и не сдашь нас, а?! Судя по всему, ты ненавидишь не только его...

— Я только что тебе их предоставила! — ору в ответ, бесстрашно глядя точно в его глаза, — Мне до вас дела нет, это ваши разборки! Лиля сделает все, что ты скажешь, она твоя! Получай и распишись, а меня отпусти!

— У меня нет гарантий, что твоя сестра снова не пойдет на попятную...

— Да она сделает все, что ты хочешь! У нее нет выбора!

— Как и у тебя. Ты остаешься, я так сказал, а значит...

— Ты не имеешь никакого права! Я не твоя собственность и не твоя вещь, чтобы ты решал, куда меня поставить!

— Правильно, котенок, ты...

— Пошел ты! — со всей силы пихаю его в грудь, но потом сразу же подлетаю и сурово смотрю точно в эту наглую морду, — Ты лжец и надменный ублюдок!

— Ты сама придумала сделку, которой не было, а теперь обвиняешь меня? Самой не смешно?

— Зачем я тебе?!

— Я уже сказал!

— Это херня! Ты врешь!

— И зачем тогда по-твоему ты можешь быть мне нужна?!

— Я НЕ ЗНАЮ! — ору до боли в связках, сжимая кулаки, тяжело дышу.

Меня начинает крыть. Разговор, который должен был пойти вообще иначе, заводит меня в новый тупик, и это дико...дико! бесит. Я просто не могу вести с ним беспристрастные переговоры!

— Может, чтобы заставить Лилю не только следить за твоим папашей, но и...

— Не-а, — отрицает четко, перебивая, — Можешь даже не продолжать. Вот это самая настоящая херь, моя милая.

— Да ну?!

— Да. Развесила уши? Все "разузнала"? Молодец, но Оксана понятия не имеет, о чем говорит. Мы с...

— Мне насрать на "вас с..."! Я не хочу ничего слышать!

— Если так, какого хрена потащила к этой крысе, м? Не проще ли спросить у первоисточника?

— Я узнала все, что мне было нужно, а дальше уже "с горкой"! Оставь себе эту мерзость в личную коллекцию, а меня отпусти меня!

— Еще ножкой топни.

— Я хочу уйти!

— А я хочу минет...

Гостиную разрезает звук очередной, звонкой пощечины, от которой он отгибает голову в сторону. Слышу движение за спиной, уже даже готова отразить удар Марины, а я знаю точно, что это именно она, но Максимилиан резко возвращает взгляд и поднимает руку, мол, нет! Стоп! Я же чувствую слезы. Они катятся по щекам градом, вытираю рукавом кофты, всхлипываю, но продолжаю смотреть на него, и когда он наконец возвращает мне свое внимание, шепчу.

— Ты не имеешь права...я хочу уйти...

— Все останется, как было, так что лучше побыстрее привыкай, котенок.

— Ты пожалеешь. Когда моя мама узнает, что ты со мной сделал, она тебя убьет!

— Посмотрим еще, кто кого.

— Что ты сейчас сказал?!

— Я не боюсь твою мать. Если ее заставил бежать и прятаться мой папаша, мне нечего бояться. Я лучше, чем он.

— Лиля считает иначе.

— Осторожней на поворотах, милая... — тянет со спины Марина, но я ее игнорирую, глядя на Макса с прищуром.

— Отпусти меня. По-хорошему. Иначе ты очень крупно пожалеешь.

— Котенок, прежде чем пугать меня, отрасти "не молочные" зубки.

— Ты...

— Я все сказал, разговор закончен.

— Я тебя ненавижу! — всхлипываю громко, вытирая глаза кулаком, как ребенок, на что получаю сухой, холодный ответ надменного ублюдка в надменно-ублюдочном стиле.

— Взаимно.

— Лучше бы ты сдох!

Его лицо натягивается, как маска, глаза холодеют, словно их окунули в жидкий азот, но меня это не останавливает. Я снова вытираю новую порцию слез и выплевываю новую порцию яда.

— Я тебя ненавижу! Жалею, что ты не сдох в том дворе! Я жалею, что промахнулась и не убила тебя, ублюдок!

— Тогда надо было целиться лучше.

Мной завладевает какое-то отчаяние вперемешку с болью, обидой, негодованием, яростью, и я...плюю ему в лицо. Не могу это объяснить, мне, наверно, слишком хорошо ясно — все остальное ему, как мертвому припарка. Это, очевидно, тоже, но это происходит как-то само, словно что-то внутри требует хоть какой-то сатисфакции. Спойлер, я ее не получила, глядя на эту харю, поэтому просто разворачиваюсь и почти бегом выхожу из гостиной. Нет больше смысла там оставаться, он и не собирался меня отпускать...

«С чего я вообще решила, что будет иначе?!»

Почти в истерике я добираюсь до комнаты на первом этаже, а точнее до конуры, где меня хотя бы никто не будет трогать, и дергаю за ручку. Закрыто. Дергаю еще — ничего. Он отрезал мне пути, я это где-то на подсознательном уровне понимаю, но продолжаю дергать за ручку и жалобно всхлипывать, пока меня вдруг резко не дергают от двери. За секунду я оказываюсь оторвана от земли и закинута на плечо, которое, конечно же, сразу узнаю. Это он — мой ночной кошмар, ставший явью, который тащит меня в свое логово...

Яростно бью его по спине, ору раненым зверем, извиваюсь, отталкиваюсь — всё бестолку. Максимилиан этого будто и не замечает вовсе, не реагируют, ничего не говорит, а прет дальше, как танк. Единственное, что выдает его ярость, как он с ноги вышибает свою дверь, и мне становится страшно. Я не знаю, чем грозит моя выходка, и когда он швыряет меня на кровать, отползаю, тяжело дыша. Воображение уже нарисовало страшные картины, и каково же было удивление, когда я слышу его четкий шаг в сторону выхода, а оборачиваясь вижу, как захлопывается дверь? Ответ: огромное. Оно было просто огромное, и настолько сильное, что даже тот факт, что он закрыл меня на ключ, не сильно волнует. Главное, что его здесь нет...

Тук-тук-тук.

Три тихих стука, после открытия замка, точно дают понять, что это пришел не он. Этот козел точно не стал бы стучаться в свою комнату, а вынес бы дверь с ноги, очевидно, но я все равно не отвечаю. Смотрю в окно, закутавшись в плед на своем кресле, которое теперь вообще отодвинула в самый угол на максимальное расстояние от этой чертовой кровати.

— Я найду?

Женя аккуратно заглядывает, и когда я, так как не могу ее игнорировать, слегка киваю, заносит первым поднос с едой. Мне становится стыдно на мгновение:

«Заставляю ее таскать себе еду, как ребенок...» — но это быстро дают другие чувства, и я отворачиваюсь к окну.

Вряд ли она ждет чего-то иного, да и в принципе вряд ли станет требовать по своей сути, поэтому просто подходит и садится на край, опустив поднос между нами.

— Я принесла тебе поесть, ты не завтракала, и обед уже давно прошел...

— Не хочу.

— Амелия, морить себя голодом не выход.

— Я не морю себя голодом, — глухо отвечаю, обняв колени теснее, — Просто не хочу.

— Хорошо...но я оставлю это здесь на случай, если ты передумаешь.

— Как знаешь.

«Это вряд ли...»

Мы замолкаем. Мне говорить нечего, да и совсем не хочется, а Евгения, судя по всему, не знает с какого конца подойти ко мне.

«Интересно, зачем она пришла?»

— Я понимаю, что ситуация...неприятная, но...

Издаю смешок.

«Не-при-ят-ная. Все понятно. Ее подослали меня приструнить...» — смотрю на лицо Жени, полное непонимания, а потом слегка наклоняю голову на бок.

— Вот для чего ты здесь, да? Объяснить мне, что все не так плохо?

— Я просто хотела поговорить.

— Ты сможешь мне сбежать?

Евгения тупит взгляд, крутя на пальце обручальное кольцо размером с булыжник, на которое я теперь смотрю с презрением. Вдруг она начинает меня так раздражать, что я буквально представляю, как хватаю ее за этот самый палец и выкручиваю, ломаю его, потому что по факту то она с ними заодно.

«Я так хотела найти во всем этом дерьмо хотя бы одно светлое пятно, но кого я обманываю? Она на стороне своего мужа, то есть не на моей. Конечно она мне не поможет...глупая-глупая Амелия...»

— Понятно, — холодно киваю и тут же ядовито усмехаюсь, — О чем тогда поболтаем? О том, как меня насильно удерживают в доме, где я быть не хочу, среди людей, от которых меня тошнит?

— Амелия...

— Знаешь, а ты не так и отличаешься от своих конченных родственничков...

Буквально чувствуя, как мои слова попадают в цель и попадают точно в сердце, ломая его изнутри. Но мне не жаль. Меня никто не пожалел и даже не подумал об этом, с чего мне это делать? Усмехаюсь, слегка щурюсь, а вид ее подступающих слез только подстегивает.

— О, Женечка, не притворяйся белой и пушистой...Ты соучастница похищения, поздно хвататься за Библию и...

Меня перебивает суровый, твердый голос наследного принца, который тоже решил посетить мои казематы так вовремя.

— Женя, иди к мужу.

Она не торопится вставать, смотрит мне в глаза с такой надеждой, мольбой, которые, к большому сожалению для нее, разбиваются уже о мою ледяную стену. Не доходят даже эхом, потому что мне ее действительно не жаль.

— Женя, иди, — мягче, тише повторяет Максимилиан, и тогда она срывается и убегает, а я снова отворачиваюсь к окну, но не перестаю ухмыляться.

— У-упс, кажется я ее обидела. Очень жаль.

— Прекрати.

Со мной он говорит без толики мягкости, а скорее наоборот. Голос его прямо искрит

раздражением и злостью, но меня это никак не тормозит. Я так злюсь, что тону в вязкой пучине ярости, и кроме нее ничего не чувствую.

— *Прикрыть*, — передразниваю, откидывая на спинку кресла и разглядывая его с отвращением и явным желанием спровоцировать, — Или что?

— Тебе лучше не знать «или что».

— М, как интересно. Угрозы. А если я хочу...*проверить твои границы?*

Намеренно использую формулировку, но до него не доходит, судя по смеху и тому, как он трет свои глаза.

«*Он до сих пор ничего не понял... тупой ублюдок!*»

— Можешь кусаться сколько угодно, Амелия, но у тебя нет выхода, кроме подчинения.

Твоя жизнь в моих руках.

— Отсоси.

— Это моя реплика, — дергает бровями, думает, что победил, но и я же не лыком шитая.

— От папули наслышался?

— У сестры своей спроси.

— А ты у нее спрашивал, пока имел ее параллельно со своим папашей? И каково это, ваше благородие? Быть там, где был член, из которого ты сам вышел? Огонь?

— Закрой рот.

Говорит тихо, но настолько опасно, настолько предостерегающе, что внутри начинает жестко вибрировать какой-то датчик оповещения угрозы. Сто процентов именно благодаря ему и срабатывает инстинкт самосохранения, но я так зла, что с легкостью его подавляю, приподнимая брови.

— Ой, кажется я ступила на запретную территорию? Обсуждать, как тебя бросила телка, которую ты так любил, ради твоего папаши...

Договорить не успеваю. Он подлетает ко мне так быстро, я даже не понимаю, как он уже передо мной, хватает за волосы и жестко дергает так, чтобы я смотрела ему в глаза. Полные ярости...

— Ты хочешь поиграть, а?! Хочешь потрепаться?! Хочешь проверить мои границы?! Сейчас ты ходишь по тонкому льду, Амелия. Все это время я был к тебе слишком добр, и ты решила, что так будет дальше?! Я могу с легкостью превратить твою в жизнь в сраный ад, мне это ничего не стоит!

— А я по-твоему не в аду? — шепотом спрашиваю, чувствуя как слезы-предатели собираются в уголках глаз, и знаю, что он это видит.

А еще, что ему плевать. Все, что для него важно — это его чертов план, и он не поставит его под угрозу, особенно ради меня. Я это знаю...

— Пока нет, — хмыкает, потом неожиданно приближается и легко касается губ, шепчет, — Но это очень легко исправить. Не зли меня.

Отпихивает грубо, так что я падаю назад, еле успев удержать равновесие, подставив руки, а сам разгибается. Я чувствую его. Энергетику, запах, доминацию, но не могу поднять глаз. Не потому что я его боюсь или подчиняюсь, а потому что настолько сильно злюсь, насколько глубоко мое отчаяние и иступление. Наверно только в этот момент я окончательно понимаю, что он меня *действительно* не отпустит...

— Поешь, тебе понадобятся силы также страстно орать и драться, котенок.

Передергивает от клички, и я со всех сил сжимаю обивку кресла, что не остается

незамеченным, но очень веселит этого мудака. Ему нравится наблюдать за моим бессилием, я это даже с расстояния и не глядя определяю. А еще я вдруг понимаю, что там внизу он специально меня спровоцировал на все то, что я сказала, будто ему был нужен логичный повод оставить меня при себе, как какого-то ручного зверька...а я поддалась. Я ему позволила играть с собой, даже подмахивала с полной отдачей, и это бесит вдвойне сильнее. Меня бесит, что он такой хитрый, умный и продуманный манипулятор, и что он меня обходит. В сухую.

— Ешь и готовься к ужину самой. Советую спуститься самой, потому что ты все равно туда явишься, вопрос лишь в том как ты это сделаешь, и где будешь сидеть. За столом или на полу, как собака, раз тебе так нравится сидеть на полу, как собаке.

Разворачивается, не давая мне даже придумать остроумный ответ, но меня то это не устраивает, естественно. Этот надменный гандон думает, что победил! Как я могу такое позволить? Правильный ответ: никак. Никак не могу, поэтому резко дергаю ногой и сталкиваю поднос с едой на пол, создавая жуткий грохот и звон разбитого стекла. Суп расплзается лужей, смешивается с соком, все это дополняет пюре и котлета — отличный коктейль под названием «Отсоси, ублюдок!». Советую попробовать, если вам также не повезло, как мне.

Максимилиан резко тормозит, а я не могу сдержаться и улыбаюсь, откидываясь уже свободно на руки и положив ногу на ногу с тихим:

— У-упс.

Он плавно разгибает спину, расправляет плечи, а я неосознанно ищу глазами оружие для защиты. Единственный вариант, который приходит в голову — это бутылки, и в моя фантазия уже рисуется траекторию и скорость, с которой мне нужно будет рвануть, чтобы успеть ее схватить. Вот только в этом нет нужды. Аналитику прерывает гортанный, бархатный смех, и он, не поворачиваясь, но улыбаясь, протягивает:

— Ужин в восемь. Ты меня услышала. Не опаздывай.

Выходит спокойно, даже дверью не бьет, и это бесит. Не знаю насколько притворство царствовало баллом, но обещаю себе, что еще не вечер. Мне все равно уже терять особо нечего, что он еще может мне сделать? Александровский, конечно, может многое, особенно исходя из брошенных угроз, но...мне просто надоело. Жить с ножом у горла, молчать, трястись.

«Что ж, если мне суждено быть пущенной по кругу, так тому и быть, но пусть это произойдет по моим правилам, а не по его...»

Я смотрю на время. До восьми у меня есть три совершенно свободных часа, которые я могу использовать во благо себе. Хватит уже исходить на жалость к своей горькой судьбе и лелеять в душе печаль и свою депрессию. Факты таковы:

а) Меня использовали и трахнули на камеру, как порнозвезду. Смирись — ставлю галочку.

б) Меня лишили моей мечты, потому что теперь я не могу открывать душу без страха получить туда еще один плевок. Смирись — ставлю галочку.

в) Меня похитили и угрозами заставили сидеть смирно. Смирись...не ставлю галочку. Я мысленно бешено черкаю по этой строчке буквально до рваного листа, потому что с этим я никогда не смирюсь. Никогда!

«Мне нужен план. Думай, Амелия, думай, что ты видела?»

Истерично копаюсь в памяти в поисках хоть какой-то зацепки, но ничего не нахожу. Из-

за своего «овощного» состояния, я почти никуда не смотрела, ничего не подчеркивала, а все проносила «мимо кассы». На грани отчаяния хмурю брови все сильнее, до боли в висках пытаюсь найти хоть что-то и не свалиться снова «за грань», и уже когда почти подхожу к краю, меня осеняет.

«ЭВРИКА!» — забавная деталь вылезает в самый последний, нужный момент, и я улыбаюсь, — «Эта злобная сука не расстается с ключами от своей тачки! Она постоянно их крутит, словно это что-то нервное, а может просто привычка? Но она реально с ними ни на секунду не расстается, как больная какая-то! Это мой шанс. Но как мне их получить?»

Хм...есть пицца для размышления. Надо хорошенько продумать все, что я собираюсь выкинуть сегодня на ужине...

18; Декабрь

Без пятнадцати восемь, как раз когда я стою в ванной и старательно крашу губы в ярко-красный, раздаётся аккуратный стук в дверь. Кошусь в её сторону, вижу небольшую часть через зеркало, и уже жду, что сейчас ручка дернется и...И Женя столкнется с непреодолимой трудностью в виде замка, на который я закрылась. Улыбаюсь от маленькой мерзости, пусть и нет ничего гениального в том, что я повернула щеколду, а все равно приятно обломать хоть кого-то хоть в чем-то. Вот только когда все действительно происходит, и я уже думаю вернуться с чувством превосходства и триумфа к своему занятию, слышу тихий голос...Кристины.

— Амелия?

Резко поворачиваюсь, я ведь и не ожидала ее услышать. Она так старательно избегала даже взглядом со мной встретиться, а сейчас пришла сама?! С чего вдруг? На полупальчиках, чтобы не выдать себя шпильками, подхожу ближе, останавливаюсь, приложив руку к дверному косяку. Не знаю, чего она хочет, и с одной стороны не хочу знать, но с другой...хочу. Вторая моя половина мечтает разобраться, задать ей все вопросы, которые у меня накопились, узнать ее точку зрения, поговорить наконец, ведь она так близка мне...

«Была! Она БЫЛА тебе близка, не тупи!» — замираю у ручки, а потом прячу руку за спину и утыкаюсь лбом в холодное полотно дерева, — «Нет никакого смысла, только хуже себе сделаю. Нас больше ничего не связывает...Она меня предала!»

— Я знаю, что ты слышишь... — все равно шепчет, глухо, но да, она права, я отчетливо слышу тон ее голоса, который мне не нравится.

Я всегда ненавидела, когда Кристина плакала. Эта чертова спичка стала для меня почти сестрой, и я каждый раз переживала с ней ее взлеты и падения. Я смеялась вместе с ней, плакала, грустила, шла на компромиссы, защищала ее...мне даже сейчас больно слышать в ее голосе эти сраные слезы, которые заставляют и мои глаза гореть.

— Амелия, пожалуйста, прекрати сопротивляться, — всхлипывает, а я жмурюсь, — Поверь мне, у него есть повод делать то, что он делает. Понимаю, что тебя это не касается, что ты считаешь, что с тобой поступили несправедливо, и ты права, но...Все так сложно, Мел. Все очень-очень сложно, и ты многого не знаешь, но Макс...он неплохой человек, и он не навредит тебе, клянусь. Если ты прекратишь его провоцировать, все будет хорошо и...

Я стою, слушаю и бешено моргаю, потому что стараюсь как-то срастить все это и то, что помню о Кристине, которая всегда меня защищала.

«А сейчас что? Когда все успело так поменяться? Когда она перестала быть «моей» и стала «их»? И почему я этого не заметила?»

Я же вообще ничего не замечала, как будто все было, как раньше, но это же не так. В какой-то момент произошел разлом, а я его так и не увидела. Даже сейчас не вижу. Отстраняюсь от двери и делаю маленький шаг назад, потому что не хочу больше слушать. Все, что она скажет — очевидно, а мне это больше неинтересно. Она променяла меня, хотя обещала, что всегда будет *видеть* меня, а не Лилю. И соврала.

Шаг. Второй. Третий. Четвертый. И...ген «случилось потому что» просыпается, *потому*

что дверь вырастает на моем пути, как по волшебству, и я врезаюсь в нее, оступаюсь и стучаюсь о косяк.

— Амелия?

«Я поверить не могу, что спалилась так фантастически глупо! Как это вообще возможно? Что за бред? ОТКУДА ЗДЕСЬ ДВЕРЬ?! НЕНАВИЖУ ДВЕРИ!» — недоумеваю ругаюсь про себя, но все равно молчу.

До последнего буду молчать, будто меня и нет здесь вовсе, что Крис сразу понимает. Она то знает, что если я встала в позу, это навсегда, поэтому тяжело вздыхает, пару секунд молчит, а потом словно подается вперед и горячо продолжает.

— Пожалуйста, я тебя умоляю, не делай глупостей. Просто спустись вниз через десять минут... Амелия, прошу тебя ради твоего же блага. Он все равно заставит тебя прийти, он такой же принципиальный, как ты, и теперь это принципиально.

Слышу, как стучат ее шпильки по паркету, а сама перевожу взгляд на себя в зеркале, которое висит в ванной.

«О, Кристина, я обязательно спущусь, даже не сомневайся...» — потому что я подготовилась. Во всех смыслах.

На мне его пиджак, который я затянула на талии черным ремнем с золотой пряжкой, что вытащила из одного из платьев, и босоножки на тонкой шпильке сантиметров одиннадцать-двенадцать.

«Когда-нибудь это будет модно...» — оцениваю селфи на свое отражение, дохожу до босоножек.

Они черные, с тонкими ремешками и бантами из мягкой, но «стоячей» ткани. Красивые, не могу отрицать этого, и того, что вкус у него все-таки есть. Потом возвращаюсь к лицу, на которое я нанесла яркий макияж: большие, выразительные стрелки и красная помада. Волосы уложены назад, как будто мокрые, и этот последний нюанс придает образу агрессивности.

«Так...» — киваю себе, — *«Твоя цель проста. Устроить сцену и вывести Марину из себя. Она должна попытаться тебе врезать, и, судя по всему, ей особого повода и не нужно. Просто. Спровоцируй. Эту. Чертову. Суку. Все! Пошла!»*

Большой плоток вина, которое я благополучно украла у Максимилиана, в моем случае что-то вроде «посидеть на дорожку», но перед тем, как выйти, я делаю кое-что еще. Вытаскиваю кулон и кладу его так, чтобы все видели, и я точно не знаю зачем я это делаю. В голове лишь пробегает...

«Кажется, ты собираешься устроить настоящее шоу, малышка? Не просто же так выбрала черное, кружевное и максимально развратное белье, а? Это будет жестко...»

Вполне возможно, но что я теряю?

«Пошла!»

Намерено иду тихо, чтобы...да нет никакой причины, на самом то деле, я тупо хочу его побесить и пощекотать нервы. На часах то уже 20:05, я не выполнила приказ, и чувствую, что это его уже бесит, а мне хорошо. Я улыбаюсь, держась за стеночку, и когда подхожу к столовой, где слышны тихие разговоры, на секунду замираю. Громкий, хлесткий удар по

столу, шумный выдох, смешок Алексея и ровный тон Миши — прямое подтверждение всем моим надеждам.

— Успокойся.

— Она, сука, издевается надо мной! — рычит мой тюремщик и, судя по скрипу стула, вскакивает.

Алексей уже ржет в голос, его поддерживает Арай, но Женя обеспокоено шипит:

— Останови его!

— Макс, сядь и выдохни. Она придет.

— Ага, — рычит точно сквозь зубы, — Конечно придет, я...

Резко распахиваю двухстворчатые двери и наслаждаюсь эффектом неожиданности, который пугает Адель с Кристиной, даже Марину заставляет дернуться. Второе «счастье» приходит при виде их лиц, а точнее того, как они меня рассматривают. Арай откровенно открывает рот, Алексей поднимает брови, Михаил улыбается, прикрыв глаза, да боже! Все они водят по мне взглядами и молчат — королевская чета в ауте, а я пребываю в состоянии экстаза, плавно ведя руками по дверным косякам, пока не повисаю на них и не протягиваю.

— Здравствуйте-е-е...кажется, вы пришли раньше?

Меня устраивает абсолютно все. Каждое выражение лица я кладу в свою копилку, чтобы холить и лелеять их ночами, а особенное место будет занимать *он*. Максимилиан смотрит на меня настолько удивлено, что, кажется, даже потерял дар речи. Моргает, как придурок, слегка открыл рот, да и маска на его морде натянулась ту же обычного, будто кто-то вставил ему в задницу огромную, длинную палку.

Ха! — кажется это вырывается из меня против воли, потому что Рома прячет смешок в кулаке, которым прикрывает губы, но и я не теряюсь. Расправляю плечи и подхожу к столу, где ногой отодвигаю стул и усаживаюсь на него, как королева.

— Ты что... — хрипло шепчет мой тюремщик, но вовремя вспоминает, где находится, откашливается и резко хмурится, — Это что мой пиджак?

— Не знаю. *Ты* мне скажи. Твой или *чей-то* еще?

Снова делаю намек на свои «границы», который скорее делаю даже не я, а половина бутылки вина, что я выпила, пока «готовилась к выходу», но он опять его не слышит. Вместо того щурится, плавно садится и ставит локти на стол, сцепляя пальцы в замок — я тут же нахожусь.

— Нельзя ставить локти на стол, милый, это моветон.

— Шлюха будет учить кого-то этикету? — тут же отзывается Марина, на которую зыркает Миша, а та отбивает легким пожатием плечами, — А что? Она похожа на шлюху.

— А ты похожа на фригидную суку, но я же молчу.

Марина плавно, слишком медленно, переводит на меня взгляд, а после также плавно переспрашивает.

— Прости, что ты сказала?

— Хочу выпить.

Ловко стягиваю свой бокал вина, который осушаю до конца. Хмурю носик, пробуя напиток «на зубок» — вяжет рот, но неплохо, должна признать, вот только не признаю. Вместо того отбрасываю бокал себе за спину, высовываю язык и театрально передергиваюсь.

— Не мой напиток.

— Ты... — снова вступает Марина, но я снова ее перебиваю и ору во все горло в сторону кухни.

— МА-А-А-РТА!

Столовая в шоке. Кроме Ромы. Этот козел весь красный от смеха, утыкается в стол и прижимает основания ладоней к глазам, уже не скрывая ржача. Я хочу как-то и его уколоть, но не успеваю — в столовую вваливается эта старая перечница, грузно вдыхая и выдыхая, как паровоз.

— Я хочу текилы, Марта. Принеси.

Естественно на мой выпад она никак не реагирует, ее, кажется, оскорбляет даже взгляд в мою сторону, а может она просто ищет одобрения? Смотрит на Марину в ожидании приказа, ну а я снова радуюсь своему гению — все пока идет так, как я задумала. Плавно перевожу взгляд на Александровскую и мерзко улыбаюсь, откидываясь на спинку стула.

— Фригидная сука, прежде чем давать кому-то советы по этикету, обучи нормально прислугу. Еще один моветон — не обслужить гостя так, как он того хочет. Увы и ах, ты снова теряешь баллы.

Ее аж передергивает. Конечно, очевидно, что она очень самовлюбленная, как и очевидно то, что выслушивать любые замечания и оказываться в проигрышной позиции *со мной* (конкретно и несколько раз обведено красным) для нее, как кость в горле. Я же сестра Лили, ей такое сложно пережить — еще одна очевидность, — поэтому я получаю, что хочу. Коротким кивком Марту разворачивают в сторону гостиной мне за напитком, а я вдруг резко придвигаюсь к столу, почти на него ложусь и вырываю бокал с вином у Ромы из рук. Тот так и застывает в комичной позе, а я сажусь обратно на место и снова делаю большой глоток.

— Хватит бухать!

— Ты развлекаешься, а другим не даешь? Максюша, так нельзя.

«Уменьшительно-ласкательное» смешит уже Алексея. Он угорает отчетливо, а у второго дьявола за столом так сильно вытягивается лицо, что уши назад отходят, и это почти смешно. Только я не смеюсь, а снова резко смотрю в сторону и ору во все горло.

— МА-А-АРТА!

Прибавляет веселея тот факт, что из гостиной слышится звук разбитого стекла. Угорают уже почти все, кроме Марины, которая долбит меня злым взглядом, и Адель, которая долбит похожим своего парня. Я же закидываю на стол ноги, сложа одну на другую, и смотрю на темно-бордовую жидкость, которую плавно раскачиваю с ухмылкой.

— Знаешь, фригидная-сука-Марина, у меня есть для тебя забавный факт.

— Какой же, маленькая-шлюха-Амелия?

— За такое пару веков назад, я могла бы снять тебе голову с плеч.

Она ловит ступор, и тогда я резко поднимаю взгляд, вежливо улыбаюсь и тихо, играючи протягиваю.

— Потому что моя кровь голубее твоей, дорогая.

Прыскает. Конечно очевидно, что так и будет — она непременно сделала бы именно это, потому что ни за что не покажет, как ее задело: быть ниже меня даже в теории. Но это не теория, на самом то деле. Делаю еще один глоток и откидываю пустой бокал за спину, после чего чинно укладываю руки на подлокотники и, смотря ей в глаза, пожимаю плечами.

— Ты, судя по всему, не веришь.

— О, прости, а ты рассчитывала на это?

— На самом деле нет. Люди вроде тебя, убежденные в своем мнимом превосходстве, всегда считают, что выше них никого нет. Тем более какие-то маленькие заложницы.

— Шлюхи.

— Тебе бы потрахать, дорогая, раз одни шлюхи на уме.

Парирую ловко, снова задевая больные струны души. Огонь то разгорается, и я усмехаюсь, но потом закатываю глаза и смотрю в потолок, устало вздыхая.

— Так жаль рушить твои фригидные, розовые замки, но...

— Какая ты смелая, я смотрю, что же до этого молчала, как забитая собака?

— Не видела в конфронтации смысла, а сейчас желание заткнуть твой фригидный рот перевесил голос разума. Кстати, перебивать — это еще один моветон. Осторожней, так и в минус уйти недолго.

— Я...

Марта наконец появляется в столовой, перебивая свою «госпожу», и замирает. Ее явно шокирует факт «что-я-себе-позволяю-вообще», но я улыбаюсь «открыто» и «вежливо», указываю на стол и киваю.

— Проходи, дорогая, ставь и вали, но предупреждаю: посмеешь меня еще раз тронуть, я сломаю тебе нос. Надеюсь, я понятно выражаюсь? Не нужно ходить за словариком и переводить все это на вашу итальянскую абракадабру?

Женщина поджимает губы. Вообще, я не очень люблю хамить «старшим», но простите меня, она сама отхватила свою часть «пирога», то бишь сама напросилась и плевать сколько ей лет. Никто не будет бить меня. Я не позволю.

Слежу за ней, как орел за своей жертвой, молчу до тех пор пока она не удаляется от меня на допустимое расстояние, после чего сразу же перевожу взгляд на Марину и улыбаюсь.

— Так вот, забавный факт. Мне известно, что ваша мама кто-то там из аристократии.

— Она из древнего рода, графиня, — не без гордости парирует Марина, на что я скучающе болтаю рукой, даже слегка закатываю глаза.

— Да мне пофиг.

«Клянусь, я слышала, как она сжала вилку аж до скрипа... Не УЛЫБАЙСЯ!»

— Ваш папаша то ничтожество, как ни крути. Он сын обычного солдафона без особого титула и происхождения.

— А ты что ли у нас титулованная?!

— Вообще-то да. Моя мать — норвежская графиня, а мой отец английский лорд. Один плюс один равняется двум, даже ты должна это понимать, так что если мы сейчас разрежем наши руки, моя кровь голубее будет. Я выиграла, а ты отсосала.

Марина наконец молчит, скрежещет зубами, но молчит, видимо подбирает ответ поостроумней, а может мечтает воткнуть мне вилку в глаз, которую мнет до белых костяшек — без понятия. Адель с целью исправить ситуацию и добавить сестре плюсов к карме, смотрит с надеждой на Рому, но тот никак не реагирует. Он то знает, что это правда, и, на великую печаль для своей крошки, наконец поворачивает на нее голову и слегка кивает. Подтверждает мою правоту, не спасает, и ее это дико бесит. Я же чувствую, что Мариночка почти готова, дарю улыбку, но эта сука вдруг берет и рушит мои надежды на скорое окончание, беря себя еще и в руки.

— И что с того? — усмехается, отпивая вина, — Пусть так, но твое происхождение не дает тебе защиты. Ты находишься в заложниках и в моих руках, а не наоборот, малышка. И кто теперь выиграл, а кто отсосал? Кстати, работай получше, с твоей сестрой мой брат не был таким нервным.

Внутри все долбит. Я знаю, что это видно, знаю, что не могу это скрыть, потому что, твою мать, не могу! Она точно также прекрасно чувствует, куда надо бить и как сильно,

чтобы вывести меня из равновесия, и, клянусь, я знаю, что и она как будто делает это намерено.

«Марина ищет повода, чтобы мне врезать, но только спровоцировать на первый шаг хочет сама. Кажется, она ведет перекрёстный огонь, ее цель точно такая же, как моя...»

— Надеюсь, что вы закончили, девочки? — усмехается Максимилиан, приподнимая брови, — Можем начинать есть?

— Это хорошо, что ты вспомнила о моей сестре. Она тоже тебя бьет по происхождению.

— О, ну конечно...Ты серьезно думаешь, что это так важно? Ты настолько поверхностна?

— Я то как раз так не думаю, но и не я разыгрываю тут маски-шоу с королевскими коронами, а ты. Думаю, что при таком раскладе тебе будет интересно узнать, что Лилиана...

— Нет ничего, что мне интересно узнать о Лилиане.

— А мне кажется, что ее персона не дает тебе покоя, Мариночка. Не просто же так ты постоянно о ней вспоминаешь. Или стой? Может быть ты тоже влюбилась в нее, как твой недалекий братец?

— Недалекий? — усмехается, — Макс закончил лучший университет в мире с отличием и...

— А кто сказал, что я говорю о нем?

Взгляд моментально тяжелеет стократно, а за столом возникает такая тишина, будто я на небесах сказала, что Бога нет и вообще на мне футболка «Я мечтаю трахнуть Люцифера». Чую, что попала в точку, улыбаюсь шире и, опустив ноги, придвигаюсь к столу.

— Ооо...кажется малыша зовут Мат-вей?

— Заткнись... — предупреждающе шепчет Марина, а следом высказывается и Максимилиан.

— Амелия, тебе лучше закрыть рот.

Показываю ему средний палец, не отрываясь от его сестры, которую так и толкаю вперед. Возможно она это понимала "до", но не теперь — теперь ее кроет. Эмоции взяли вверх, а эмоции что? Залог проигрыша.

— Говорят, что он был влюблен в нее, это правда? Спорю на что угодно, да. Лилиана может быть какой угодно, но мужики от нее просто с ума сходят, а что говорить о юных умах? У дурачка не было и шанса.

Вскакивает, тяжело дыша и краснея. Максимилиан не пытается ее остановить, он примерно также смотрит сейчас на меня, да и никто не пытается. Я снова не веселю, а заставляю ненавидеть себя, и это не сказать, что сильно приятное чувство. Быть «инородным» предметом никогда не может быть приятно, но я стараюсь не акцентировать внимания на этом, лишь на своей цели.

— Что такое, Ма-ри-но-чка? Ты так остро реагируешь на правду. Что? Мама не научила тебя принимать ее смело и хладнокровно? Или она сдохла раньше, чем ты начала складывать такие простые числа?

Ее срывает. Меня бы тоже сорвало, если честно, так что я ее даже понимаю в какой-то степени. Где-то далеко на подсознательном уровне точно, потому что остальное место в моей голове занимает дикая злость. Как в замедленной пленке Марина несется на меня, уже даже замахивается, чтобы раздать мне коробку свиздюлей, но на этот раз то я готова. Резко вскакиваю со стула и врезаюсь плечом ей в солнечное сплетение, подхватываю под бедра и с глухим ударом заваливаю на пол. Точно, как учил Элай. От такого приема она не может и

вздыхнуть — так ведь нормально можно приложить, — но это не все, что меня сейчас волнует. Параллельно я умудряюсь залезть ей в карман и вытащить ключи от машины, пропустить его в рукав и наклонить руку так, чтобы он проскользнул точно в дырку подкладки и упал во внутренний карман. Не знаю получилось или нет, потому что меня кроет окончательно. Я залезаю сверху и заношу кулак над ее мордой, чтобы забрать свое, но, к сожалению, не успеваю. Меня стаскивают с нее, резко дернув наверх, как игрушечного зверька, а потом относят в сторону. Только разделив нас по разным частям комнаты, ставят на пол, точнее ставит, я же опять знаю, кто это, и этот «кто-то», хватая за предплечья и встряхивает.

— Ты что творишь?!

— Убери руки! — отталкиваю его и отхожу на расстояние, не отрывая взгляда от Марины, которую окружили родственники, — Ха! Жаль я тебе нос не успела разбить, было бы куда лучше! Лишила бы возможности лицезреть твои морщины и долгое отсутствие секса!

Марина порывается снова подбежать ко мне, но ее отталкивает Миша. Орет что-то на итальянском и указывает в сторону двери, ну а я упираю руки в бока и прохожусь вдоль стола. Тяжело дышу, а злость выражаю в глухом, тихом смехе. В этот момент я даже забываю о том, что у меня была какая-то цель, все что я чувствую — это глубокое удовлетворение. Кровь за кровь. Ну или почти, и все равно греет. Только когда это чувство победы отступает, я легко касаюсь своего правого кармана и нахожу там желанный предмет, а это значит...

«НЕЖЕЛИ ПОЛУЧИЛОСЬ?!»

ХА! ХА-ХА-ХА! Получилось еще как! Сегодня реально сплошной день удовлетворений и это просто прекрасно! Останавливаюсь, отгибаю голову назад и вдыхаю, выдыхаю, снова повторяю процедуру, и, казалось, можно было бы и уйти, но...мне мало. Я плавно поворачиваю голову на двух стоящих на ногах братьев, а потом слегка жму плечами.

— Что не так? В моем мире вопросы решаются просто: кровь за кровь. А теперь я готова поесть.

Обхожу стол с остальными присутствующими, которые вскочили — да, но подбежать так и не успели, плюхаюсь на свое место. Они за моей спиной, два урагана, чью сладкую сестричку только что жестко спустили на землю, но мне плевать. Ядвигаю тарелку к себе, беру первую, попавшуюся ложку и отправляю в рот остывший суп — на это мне тоже плевать. Я просто хочу, чтобы они сели, потому что я еще не закончила.

Они стоят недолго, а возвращаются втроем. Видимо переживали, что мы с Мариной снова подеремся, и явно не зря. Когда она занимает свое место, ее взгляд такой гневный и тяжелый, будто бетонная плита. Я поднимаю свой игривый, подмигиваю ей, что снова рвет эту суку с места, но Максимилиан жесткой хваткой на плечах сажает ее обратно и рычит:

— Села, твою мать. Прекрати заниматься херней.

Марина дергается и скидывает его хватку, а потом сдирает со стола за бокал и делает огромный, полный злости глоток. Все заняли свои места, словно ничего и не было, но еще как было. Им не удастся полностью замять неприятные воспоминания, на что я усмехаюсь, а потом отгибаюсь, смотрю на Максимилиана и толкаю тарелку со стола. Его брови моментально падают на глаза, а я жму плечами и шепотом тяну.

— У-упс.

Он резко, сильно бьет по столу, так что некоторые, пустые бокалы падают и разбиваются, а Адель, как представитель класса «нежных принцесс» даже вздрагивает. Но я

то не нежная принцесса, мне все равно — я улыбаюсь.

— Хочу выпить за вас, королевское семейство...

— Клянусь богом, Амелия, если ты сейчас не заткнешься, я за себя не ручаюсь, — хрипло, тихо произносит мой тюремщик, но я забиваю болт, берусь за горлышко бутылки с текилой и цыкаю.

— Страшно. Правда.

Наследный принц вскакивает. Думаю, что еще секунда, и его высочество побежит ко мне, роняя тапки, чтобы снова схватить и отволочь в комнату, поэтому я резко смотрю на него, так получается, что исподлобья, и угрожающе цежу сквозь зубы.

— Посади жопу на стул, господин Александровский, мой тост тебе очень понравится. Гарантирую. Он принесет тебе... *научное удовлетворение.*

Пыл Максимилиана утихает, конечно не до конца, я ведь все еще вижу языки пламени на дне зеленых глаз, но любопытство пересиливает. Он щурится, не двигается, но и не садится, да я и не рассчитывала на это — никогда хороший бизнесмен не пойдет на поводу своей инвестиции, так ведь? Но мне и этого достаточно. Я улыбаюсь широко, от злости, конечно же, а не от большой искренности, стягиваю бокал с водой, резко его опустошаю, вылив содержимое через плечо. Отвинчиваю крышку, разглядывая каждого по очереди, а потом резко смотрю на Рому и издаю смешок.

— Ты будешь первым, мой дорогой друг.

«Мой дорогой друг» смотрит на меня повинно, его голубые глаза так и искрят сожалением, которое меня только сильнее бесит. Я наклоняю голову на бок вместе с бутылкой, из которой наливаю в бокал навскидку первые пятьдесят грамм водки из кактуса.

— Я хочу выпить за человека, которого считала своим братом. Того, кто видел, как я росла и рос вместе со мной, кто был вхож в мою семью и фактически ей же и считался. И единственного человека, который спросил моего мнения перед тем, как меня же и предать...

Рома опускает глаза в тарелку, краснеет, его правый желвак начинает играть, ну а я приближаюсь и усмехаюсь, кивая.

— Помню, как в детстве ты сделал мне предложение выйти за тебя...

Резко смотрит на меня, чувствую что Адель негодует, требовательно ожидая объяснений, но сейчас она не «королева бала», потому что ни он, ни я не обращаем на ее персону и толики внимания. Все оно сейчас направлено друг на друга, и я придвигаюсь ближе, тихо добавляя:

— Знаешь о чем я очень сильно жалею? Что встала между тобой и Элаем. Надо было позволить ему сломать тебе колени, как он давно мечтал. Ты ему никогда не нравился, он всегда говорил, что рожа у тебя крысиная, так что извини, но я бы за тебя не вышла.

Рома прикрывает на секунду глаза, понимает, как сильно потом ему влетит от его чудной девушки, и если когда-то меня волновало это, сейчас абсолютно нет. Я лишь добавляю.

— Мне вот интересно, ты воткнул мне в спину нож, потому что я сожрала твое кольцо за три дня, а ты свое хранил еще год? Тогда ты прав, я заслужила чего и похуже.

Отстраняюсь также стремительно, как приблизилась и улыбаюсь, а потом перевожу стальной взгляд на Кристину, слегка пожимая плечами.

— Раз уж речь зашла за семью, настала твоя очередь быть упомянутой, моя дорогая подруга.

Арай чуть подается вперед, словно желая защитить Крис, которая опускает глаза и

слегка закусывает губу. Обычно она так делала, когда вот-вот должна была разрыдаться, и меня бы это тоже остановило...раньше. Раньше вообще многое было по-другому, потому что сейчас нет абсолютно ничего, что сдержит меня и заставит «не хотеть» причинить ей боль.

— Хочу выпить за твои прекрасные, актерские способности, Кристина. Ты играла просто превосходно, я даже не знала, что живу с кем-то, кто вполне мог бы отхватить Оскар за лучшую женскую роль второго плана. Поздравляю! И спасибо тебе за то, что выполнила свое обещание — *видела* меня, а не мою сестру.

Наливаю еще пятьдесят грамм, смотря ей в глаза, которые «подруга» не выдержала и подняла. Вижу в них те самые слезы, но ничего не чувствую, усмехаюсь и смотрю на Адель.

— И за тебя я тоже хочу выпить, дорогая.

Адель не разделяет настояния Рома и Кристина, она настроена решительно. Зло. С ненавистью. Меня это забавляет еще больше. Я смотрю на нее почти минуту, потом медленно наклоняю горлышко бутылки, но сразу же отклоняю его обратно и слегка мотаю головой.

— Хотя знаешь? Ты этого не стоишь.

— Очень обидно.

— Пока нет, но сейчас будет действительно очень обидно. Ты пустышка, Адель, и из себя ничего не представляешь. Все, на что ты способна — это махать ногами и красиво улыбаться. Твоя сестра пусть и фригидная, злобная сука, но она хотя бы сильная, ты же — ничтожество. Тупая, поверхностная блондинка, потолок которой быть женой, светить лицом, раздвигать ноги и рожать. Единственное, в чем был прав ваш папаша — в этом. Он то прекрасно видит, что его любимая жемчужинка на самом деле...

— Я пустышка?! — перебивает, повышая голос, а потом резко придвигается и шипит точно змея, — Да будет тебе известно, все это — мой план. Это я их всех объединила и...

— Мне это известно, — спокойно перебиваю ее в ответ и улыбаюсь уголком губ, — Я же так долго тебя к этому подталкивала.

— Что?!

Она негодует, раздувает ноздри, а я тихо смеюсь и плавно оглядываю ее старших братьев и сестру, после чего пожимаю плечами.

— Да бросьте, ваша сестра — тупая сука в квадрате, и вы действительно думали, что она могла сама додуматься до «объединения»? Ха! Тогда у меня для вас плохие новости, вы никогда не победите своего папашу, потому что ума не хватит. Как у этой...

— Давай-ка полегче, твою мать, — рычит Алексей, который, видимо, дошел до кондиции, даже передоза «оскорблениями» в адрес любимой сестренки.

— Лешенька, ты подожди, дорогой, дойдем и до тебя.

— Не называй меня так, для тебя я...

— Расскажешь попозже, — махаю рукой в его сторону, а сама перевожу внимание на Арая и киваю, — Конечно же ты.

Бутылка уже под наклоном, и в бокал льется новая порция алкоголя, а я усмехаюсь и пожимаю плечами.

— Твой вклад в науку невосполним, дорогой мой человек, а в судеюстве тебе и вовсе нет равных...

Арай хмурится. Он явно не понимает, что я несу, но я знаю, что это только пока.

«Сейчас ты все поймешь...и ты поймешь наконец, если сам так и не догадался, господин Александровский...»

— Думаю, что если бы существовала премия в области подстрекательства и дружеской поддержки, ты бы ее непременно взял. Как хорошо, наверно, иметь такого чудного товарища, который и в халупе с тобой поживет, и в заговор влезет, и разрубит стороны одного договора. Выступит в роли рефери, а потом будет всеми силами помогать достигнуть цели... эксперимента.

Вот он этот прекрасный момент. Арай плавно отгибает голову назад, в его глазах появляется малая толика прозрения, он быстро смотрит в сторону. И я знаю на кого, на кого же еще то? Но я усмехаюсь, продолжая вкручивать взгляд именно в него, киваю.

— Я оценила твои познания в области биологии, а твое желание *зафиксировать* результаты достойны величайших почестей. Спасибо за такое рвение.

Краем глаза вижу, что Кристина смотрит на него также требовательно, как Адель, ждет объяснений, но он лишь мельком касается ее взглядом, после чего опускает его в тарелку, как Рома.

«Неужели стыдно? Не, это вряд ли...» — снова возвращаюсь к Алексею, который отвечает мне стойко, хотя я и вижу тень страха на дне голубых глаз, — *«Ты боишься? Интересно чего?»*

Хмыкаю. Наклоняю бутылку.

— Ты мне ничего не должен, конечно же, ты мне не друг и даже не приятель, но я не могу обойти стороной вторую сторону этой чудной сделки, а точнее противоборствующую сторону эксперимента. Спасибо, что поддержал его, это так...по-человечески. Настя может гордиться сыном, которого воспитала. Знаешь? Забавно, но она всегда боялась, что ты станешь похожим на вашего отца. Наверно ей приятно было узнать, что по итогу так и вышло. Как там говорят? От осинки не родятся апельсинки и бла-бла-бла. Но я сочувствую твоему проигрышу, извини меня, не оправдала твоего доверия.

Я его почти не знаю, поэтому мне сложно сказать, о чем он думает и что чувствует, но я точно вижу, как напоминания о матери попадают в цель. Ему это неприятно, пусть он и пытается держаться стойко, как скала. Да и какая разница? Я наконец дошла до главного.

Перевожу взгляд на Максимилиана, который наконец-то все осознал и понял. Его то я читаю, как открытую книгу, и вижу это. Принц удивлен, немного напуган даже, ему дико неприятно, но он пытается держать лицо. А еще он пытается говорить со мной взглядом, но я отбиваю эту попытку, потому что не хочу, а значит не буду. Все, чего я сейчас хочу — это ударить его также сильно, как он меня, пусть и знаю, что мне так никогда не удастся.

Плавно поднимаюсь на ноги и в последний раз наклоняю горлышко бутылки над бокалом, и пока льется алкоголь, я за этим наблюдаю и усмехаюсь.

— Забавно получается то, да, Максимилиан Петрович? Вас оставили на сладкое, и пусть Вы последний, но Вам я выкажу гораздо больше почестей, так что не печальтесь. Очередность тут не главное...

Резко поднимаю взгляд, откидываю бутылку на пол, а потом берусь за бокал и поднимаю его. Вышло чуть больше половины, и я собираюсь выпить все до капли, но сначала скажу пару слов, которые сейчас подбираю, глядя ему в глаза. Чувствую слезу, но ее я быстро стираю и улыбаюсь, наклоняю голову на бок, изучаю его еще немного, а потом тихо заканчиваю этот балаган.

— Вас я хочу поблагодарить за многое. За то, что Вы потратили на мою скромную персону целый год, за то, что так ловко сочиняли столько тонн лжи. За то, что *расширили мои границы* отдельное спасибо с низким поклоном. Спасибо Вам за то, что переступали

через себя, общаясь со мной, за то, что пошли на такие жертвы, как игнорирования своего типажа в пользу тупой, малолетней сучки. Наверно это было очень сложно, представляю, как сильно Вам приходилось напрягаться ради дела, так что минимум, что я могу сделать — это сказать еще одно «спасибо». Но...

— Прекрати.

— ...Но больше всего я хочу поблагодарить Вас за то, что вы поспорили с вашими друзьями на мою ничтожную задницу, лишили меня девственности и записали это все на видео, которое после отправили всем своим высокоморальным и благородным друзьям.

Краем глаза вижу, как Марина плавно переводит взгляд на своего брата, как Миша делает тоже, и, наверно, они не были в курсе...

«Или просто не ожидали, что я подниму эту тему за столом...Камон, ты действительно думаешь, что кто-то здесь был не в курсе? Ха!»

Действительно... «ха». Приподнимаю бокал, как бы говоря «вздвогнем», и начинаю пить. Текила обжигает горло, вообще напиток так себе, но это дело принципа добить до конца, что мне, само собой, не позволяют сделать. Точнее явно не хотят этого, ведь я вижу, как ко мне стремительно приближается мой тюремщик. Бунт на корабле, понятное дело, надо прекратить и прекратить жестко, только такое положение дел меня не устраивает.

Швыряю бокал в его сторону и попадаю в ноги, точнее под них. Хрусталь бьется звонко, обливая штанины господина фонтаном брызг, на что он не обращает внимания. Мне удастся выиграть лишь секунду, движение снова набирает обороты, и тогда я толкаю в его сторону стул, поставив на него ногу и приложив максимум своих сил. Резная мебель попадает точно ему в колено, Максимилиан спотыкается, и я отхожу на безопасное расстояние, так что теперь нас разделяет стол.

— Господин Александровский, вам необязательно подходить, чтобы я поняла ваш приказ. Самые грязные шлюхи Москвы читают его по глазам.

Берусь за кожаный ремень и усмехаюсь, начиная его расстегивать.

— Ну и? Кого мне обслужить сначала? Может быть Ромочку? Трахнет для разнообразия «не-бревно», вы же многому меня научили, чтобы я им не была.

Максимилиан молчит, тяжело дышит и смотрит исключительно на мои руки. Желваки танцуют ча-ча-ча, я даже вижу венку на его шеи и лбу, улыбаюсь сильнее, откидывая в сторону первую часть своей одежды, берусь за пуговицы.

— Может быть Арая? Кристина, как тварь дрожащая и безропотная, простит ему и это. Простила же, что он поверил в наличие и у нее «гена шлюхи». Поплачет конечно, но ей не привыкать плакать и прощать.

— Только попробуй, — хрипло выдыхает почти неслышно, но я слышу каждое слово и жму плечами.

— А может быть сразу Вашего брата, хозяин? Ну...чтобы он точно понял, кто здесь победитель и кому достанется главный приз.

Скидываю с плеч его пиджак и разворачиваюсь в сторону Алексея, который сидит через стул от моего нового местоположения.

«Какое... совпадение...» — мерзко улыбаюсь про себя и снаружи, подхожу ближе, так как он упорно на меня не смотрит.

И продолжает «не смотреть». Алексей, прижав кулак к губам и облокотившись на один подлокотник, не поднимает глаз. Он смотрит куда угодно, но не на меня, и это даже забавно. Я тихо смеюсь, делаю еще один шаг, встаю точно перед ним и наклоняю голову на бок.

— Что такое, Алексей Петрович? Ваш брат сказал, что я вам очень даже «приглянулась». Ну и? Теперь я готова послушать, как вы хотите, чтобы я вас называла, а главное, что вы хотите, чтобы я делала.

Резко поднимает голубые глаза, но смотрит не на очевидное, а в мои, тихо предупреждая.

— Советую тебе остановиться сейчас, Амелия. Не продолжай. Тебе очень не понравится то, что будет, если ты не прекратишь.

«Какие высокопарные речи...» — издаю еще один злой смешок и заводжу руки за спину и касаюсь застежки бюстгальтера, но не успеваю даже подумать, чтобы его расстегнуть.

Меня очень сильно дергают за руку, жестко сжимают, намного жестче, чем до, и куда как больнее, и с силой буквально вбивают в стену. Я ударяюсь затылком, чувствую давление на своей шеи, а также характерный, опасный аромат этого самого давления, смешанный с запахом зеленых яблок. Не удивлена нисколько. Медленно поворачиваю голову и сталкиваюсь взглядом с самым настоящим разъяренным хищником, но не боюсь. Мне вообще не страшно, я так дико злюсь, что даже намек на вибрации внутреннего датчика не чувствую. Вместо того собираюсь и плюю в лицо наследному принцу и начинаю тихо смеяться, наблюдая за тем, как ему опускает забрало.

«Мне конец...» — пищит что-то рациональное внутри меня, но дикая, горделивая половина хлопает в ладоши и ликует в ответ, — «Плевать! Это того стоило!»

Глава 14. Призраки прошлого

18; Декабрь

Максимилиан дышит медленно, глубоко, выдыхает хрипло. Все его тело напряжено до безумия, а хватка мощная, даже болевая. Он сжимает мне горло, вонзая пальцы, и я догадываюсь, что завтра на этом месте останутся синяки, но это разве имеет значение? Точно не для меня. Моя ярость не уступает в объеме, полностью задавливает все инстинкты, звоночки, страхи — мне плевать. Я даже не до конца понимаю в какой непростой ситуации оказалась — мне плевать и на это, как и на то, что он гораздо сильнее меня. Во всех смыслах этого слова. Я собираюсь продолжать, даже рот открываю, чтобы сказать что-то мерзкое сверху, на что Максимилиан реагирует тут же.

Удар. Резко он меняет положение своей руки и теперь прижимает меня к стене предплечьем, а когда я кошусь вправо от своей головы, вижу, что его кулак пробивает стену в каких-то паре сантиметров от моей головы.

Пробивает. Стену.

Нет, ну конечно "не пробивает", он все-таки не Халк, хотя вмятина значительная. Тут то что-то внутри меня и начинает ворочаться и соображать, правда поздновато как-то. Он также резко прижимается ко мне лбом и начинает орать, что, конечно, стремно, но тот факт, что он лупит по стенке кулаком снова и снова, куда стремнее.

Я холодею, смотрю на него во все глаза, стараюсь не дышать, но меня уже не спасут простые уловки из животного мира. Не в этот раз! Внезапно отстранившись, он снова хватает меня за руку и тащит к лестнице. Скажу честно, что сейчас я понимаю всю разницу, потому что после «заговора в погребке» он скорее провожал меня до комнаты, а вот теперь это совершенно точно «тащит». Из-за каблуков я не успеваю, падаю, Максимилиан не замечает будто, продолжает нестись к лестнице. Поднимает очередным рывком, пихает к ступенькам, когда я снова падаю, поднимает жестко и совершенно не заботясь о том, что я почувствую — ему плевать на это. Когда наконец надоедает «груз» в виде моей персоны, он и вовсе закидывает меня себе на плечо. Я пытаюсь отпихиваться, что-то вроде «отбиваться», но мне реально страшно, и что-то внутри как будто шепчет — лучше ничего не делай. Лучше просто молчи. Лучше не провоцируй. Будет хуже. Хуже. Хуже. А куда хуже то? Сердце жестко стучится в груди, и я совершенно точно не знаю, как в итоге все будет, но снова наивно надеюсь, что как днем он просто уйдет. Очень зря. Очень-очень зря. Наивно и глупо, я бы даже сказала.

Дверь Максимилиан выносит с ноги, закрывает за нами с размахом и таким хлопком, что его картина в рамке рядом с косяком падает и разбивается. Ему насрать, а я плыву. Кажется из-за адреналина, выпитая текила подействовала как-то слишком быстро и странно, так что я, если честно, мало что понимаю. До сих пор вроде пытаюсь его отпихнуть внезапно ослабевшими руками, и не сразу осознаю, что уже на земле и даже больше: мы в оба в душевой кабине. В следующий миг меня ошпаривает ледяная вода, и я начинаю визжать и рваться наружу, куда, естественно, никто и не собирается меня отпускать. Максимилиан с силой прижимает меня к стене так, чтобы я находилась точно под потоком воды, который кусает, жжет и пробирает до костей. Это дико, ужасно, но и в этом есть свой

плюс — ватность уходит, а я начинаю соображать. Луплю его по мокрым рукам, груди, пару раз даже вроде как достаю до лица, но это не дает мне никаких возможностей вырваться, потому что хватка его не ослабевает ни на секунду.

Весь этот ужас продолжается, наверно, вечность, если не две, но наконец вода выключается, и я могу дышать. Делаю это часто, мелко дрожу, и снова не получаю и секундочки на то, чтобы прийти в себя. Каменные лапы вырывают из кабины и снова куда-то тащат, и уже в комнате жестко толкают. Я падаю на пол, на мягкий ковер, ударяюсь плечом об основание кровати и шиплю от боли, правда сразу же о ней и забываю, когда вижу *его*.

Максимилиан стоит точно передо мной, и вид его пугает. Не знаю, чем я думала внизу, теперь я просто в ужасе. Глаза стали темными, и это никакой не предрассветный лес с дымкой густого тумана, а самый настоящий ночной. Опасный. Ноздри раздуты, на шее вена пульсирует так сильно, что я даже с такого расстояния это вижу. Его и самого как будто немного раздуло. Широкая грудь, облепленная мокрой рубашкой, часто вздымается, плечи стали шире, да и сам он явно больше. Но даже не это все пугает по-настоящему сильно, а взгляд. Он едва ли осознанный, скорее полностью отключенный от сознания, полный ненависти и ярости, огненный и наполненный до краев...похотью? Я не могу разобраться. Не понимаю, а тупо смотрю на него, не шевелясь. Только когда его руки опускаются к пряжке ремня, утверждаюсь.

«Именно так, родная, именно так...» — шепчет в голове, и вторит он сам, растягивая пряжку.

На панике срываюсь с места, забыв обо всех предупреждениях: двигаться нельзя, чтобы не спровоцировать еще сильнее — здравый смысл выходит из чата. Я пытаюсь сбежать, но попытка прервана почти сразу, при том по-прежнему жестко и бескомпромиссно. Максимилиан обхватывает меня вокруг талии, приподнимает, а потом швыряет на постель, где тут же садиться сверху и решительно вытягивает мои руки вперед. Я снова пытаюсь вырваться, на этот раз сильно насколько только могу. Кожу режут грубые прикосновения, и я точно буду вся в синяках, но сейчас это меня волнует гораздо меньше того, что будет, если я сдамся.

«Нет-нет-нет...»

Да. Ремень сильно затягивается на запястьях, другой конец он привязывает к основанию кровати, после чего я слышу звук рвущейся ткани. Слава богу, пока не моей. Пуговицы сыпятся на пол маленькими капельками барабнящего дождя, как знак, что надо стараться лучше — я начинаю барахтаться сильнее. В попытках вырвать хотя бы одну руку из оков, царапаю кожу о железную пряжку, но это все, чего мне удастся добиться. Вместо спасения, получаю погибель.

— Знаешь, на самом деле я ненавижу БДСМ, — хрипло шепчет на ухо, натягивая волосы до боли, — Но ради тебя снова сделаю исключение.

— Нет! Я не хочу!

На мой отказ слышу смешок. Максимилиан рвет с меня бюстгальтер, за ним трусики, снова причиняя боль, а потом просовывает руку под меня, через миг и в меня. Я резко вдыхаю и натягиваюсь по струнке, издаю писк, и выдыхаю, когда он покидает мое тело, но не мою зону комфорта. Напротив, Максимилиан подминает ее под себя самым грубым, вопиющим образом и издает еще один рваный смешок.

— Не хочешь, говоришь?

Тупо пялюсь на влажные подушечки его пальцев, задерживаю дыхание. Не могу

поверить, что мое тело предает меня, но в этот момент я понимаю, что оно действительно это делает. Только сознание его отторгает, а вот на физическом уровне даже в таком положении он дико заводит. Аж до дрожи...потому что телу нравится эта мощь и сила. И мне нравится, черт возьми, как мне это нравится...

«Я больная, совершенно точно свихнулась!»

Да, так и есть. Он тоже больной. Мы тут вместе в нашем безумии, и самое смешное, что ему даже не надо приложить усилий, чтобы это понять. Максимилиан считывает желание отлично, наверно у него вообще какой-то супер-радар есть, и через миг он перестает придавливать меня к матрасу, давая вдохнуть полной грудью. Я это и делаю, и вместе с кислородом, меня резко дергают и ставят на колени. Душевно мне это не нравится, и я пытаюсь выгнуться и лечь обратно, за что получаю сильный, хлесткий удар по ягодицам, взвизгиваю. Тело отдает рябью. Я вообще запуталась, в голове такой странный коктейль, что я теряюсь. Пульсация, возбуждение, возмущение, ярость, негодование, протест, подчинение — я совершенно не понимаю, что чувствую, но пытаюсь бороться, когда *он* упирается в *меня*. Вскрикиваю и снова выгибаюсь. Меня тут же прижимают к постели полубоком. Грудью я все еще на животе, а ноги направлены в защитную «чуть сторону», что полностью не вписывается в планы этого надменного козла. Максимилиан поворачивает меня так, как ему удобно, а потом врывается в меня мощным толчком, от которого я снова ору в голос.

На жалость и понимание рассчитывать не приходится. Он не просто трахает меня, это даже нельзя назвать словом «имеет», потому что сейчас Максимилиан жестко меня *ебет*. По-другому это нельзя описать. Никакой любви нет в помине, даже симпатии нет, он вдалбливается в меня на всю свою огромную величину, и самое мерзкое, что я...еле удерживаю себя от позорного оргазма.

«Принципиально не покажу ему, как мне хорошо даже так. Ни за что!» — пытаюсь думать, вонзая ногти себе в ладони и кусая губы.

Толчок-толчок-толчок. Черт...давление внутри так велико, а я ко всему прочему слышу его хриплые полурыки, полустоны, которые совершенно мне не помогают. Я задыхаюсь. Я напряжена. Утыкаюсь лбом в кулак, стараюсь думать о мертвых крысах, не думать о нем, абстрагироваться, и вроде как у меня даже получается, пока всё не рухнет одним его укусом в плечо и шлепком по заднице.

Я кончаю в этот же момент, как кожу прижигает. Громко, долго, так сильно, что просто не выдерживаю и пытаюсь отстраниться.

— Нет, нет, нет... — шепчу, воровато вдыхая, — Отпусти...отойди...не трогай меня...я не могу...

Толчки по-прежнему сносящие всё на своем пути, будто он и не слышит вовсе. Благо я нахожу его колено и со всех сил отталкиваюсь, используя свою ногу, и тут же получаю за это еще один сильный удар по заднице.

— Только что могла, так что терпи, сучка!

Максимилиан ложиться сверху, сгребает в охапку, прижимает к своему телу, фиксирует меня. Я не могу пошевелиться, а он продолжает вдалбливаться, и это все кончается вторым оргазмом подряд, от которого я, к своему стыду, плачу. Слезы обиды на саму себя за слабость, слезы чрезмерного количества ощущений, просто попытка организма хоть чуть-чуть ослабить весь тот ураган, который бушует внутри меня. Он снова смеется, отстраняется и резко переворачивает меня на спину.

Я все еще не пришла в себя, не могу дышать, а тело все еще бьет легкая конвульсия,

которая усиливается, стоит ему меня даже слегка коснуться.

— Не...трогай... меня, твою мать! — рычу, всхлипывая, закрываю лицо руками.

Мне не хватает воздуха, и хотя бы сейчас, но мне дается время. Немного. Ему быстро надоедает ждать. Максимилиан срывает с меня лифчик, который уже и не лифчик вовсе, а жалкая полосочка ткани, отшвыривает его куда-то в глубь своего логова, и, когда я собираюсь снова вступить в конфронтацию, сильно сдавливает горло. Снова чувствую давление — пытка еще не закончена, даже не надейся! — только теперь все хуже в разы, ведь оно не там, где я уже знаю, чего ожидать. Оно там, где я совершенно не согласна его чувствовать.

Максимилиан смотрит на меня, пока паника в груди разрастается, потом приоткрывает рот и с его языка падает капля слюны.

«Боже, это просто дико порочно...» — страшно и одновременно любопытно. Хотя гораздо больше первого, чем второго, поэтому я резко свожу ноги и мотаю головой.

— Нет.

— Разведи колени.

— Я не хочу.

— Я сказал, разведи, — хрипит, насильно сам это делает, потом бросает на меня взгляд, покрытый толстым слоем похоти, — Я не буду трахать тебя, ты не выдержишь. Палец. Для начала.

— Нет.

— Да, — грубо отсекает, а когда я пытаюсь его отпихнуть, еще сильнее сдавливает горло и предостерегающе рычит, — Угомонись, твою мать. Я все равно это сделаю, но будешь бесить меня и дальше, я сразу засуну в тебя член. Ты же объявила голодовку? Как кстати, а? Ходить потом не сможешь месяц. Хочешь?!

— Нет...

— Тогда лежи смирно.

— Но...

— Это мой дом, и все в этом доме, включая тебя, принадлежит мне, — выплевывает жестко, до боли сжимая ягодицы, — Твоя задница не исключение. И если я хочу ее, я возьму ее. Понятно изъясняюсь?!

— Пожалуйста, не надо... — шепчу еле слышно, крепко держась за ту руку, которая до сих пор сжимает мое горло — Пожалуйста...

— Забавно. Внизу ты не была...

— Мне страшно, Макс...Пожалуйста, не делай этого...Я боюсь...

Я впервые произношу его имя в слух. Без кличек, без саркастичной формальности — просто четыре буквы. Они жгут губы, а может это и слезы? Я не знаю. Но он не двигается, смотрит на меня пронзительно, долго, а потом ложиться сверху и опять заполняет собой до предела. Я ору в страхе, и только через миг понимаю, что он не сделал со мной того, чего явно хотел, а я явно нет. Макс отстраняется, смотрит мне в глаза, не шевелится, вместо того тянется к ремню и отстегивает его. Как только он освобождает меня от кровати, а ремень перестает сдавливать и запястья, и я опускаю руки ему на спину. Чувствую мышцы, жар его тела, пот. Вижу его глаза даже в темноте. Макс убирает волосы с моего лица, разглядывает, как я его, а потом вдруг именно *страстно* целует, и я отвечаю...

Мы лежим и смотрим, как окно заполняют пушистые снежинки. Тяжело дышим оба, друг друга не касаемся. Только что мы были одним целым, а сейчас снова будто между нами пропасть — и это так странно. Я вижу, как ярко горят звезды, но, если честно, мне до них ближе, чем до него...

— Так ты все знала? — хрипло спрашивает, не поворачивая головы, и я также отвечаю.

— Да.

— Давно?

— С того вечера во дворе дома.

— Откуда?

— Это так важно?

Хмыкает. Молчит, но снова спрашивает.

— Есть смысл что-то объяснять?

— Нет.

— Хорошо.

Снова молчит. На этот раз пауза дольше предыдущей, и то, что он говорит, удивляет меня гораздо больше, чем то, что я уже слышала...

— Отец бил мою маму.

Недоверчиво хмурюсь и поворачиваю голову на него, но Макс не отвечает. Он тоже хмурится, словно выдумывая причины для самого себя, зачем говорит это все, и судя по всему находит ответы. Потому что продолжает...

— Я все детство это видел. Он бил ее жестко, сильно, не щадил. Мама часто плакала и постоянно ходила вся в синяках. Я ненавижу, когда меня с ним сравнивают и говорят, что я похож на него больше всех. Я *не позволю* себе быть на него похожим, Амелия.

Признаюсь честно, неожиданное откровение при том на такую странную тему, которая совершенно не касалась того, что происходит «здесь и сейчас». Выбивает из колеи ненадолго, потому что на самом деле я достаточно быстро понимаю к чему весь этот разговор.

— Ты хочешь меня ударить?

Максимилиан медленно поворачивает на меня голову и холодно, сухо чеканит.

— Я хочу тебя убить.

Вижу, что действительно хочет. По глазам вижу. Это здорово пугает, да настолько, что я хочу отстраниться, но он делает это раньше. Макс садиться на кровати дает себе пару мгновений, встает. Я невольно краснею от вида голой, крепкой задницы, как идиотка, отвожу взгляд, да и вообще... Ситуация максимально неоднозначная. Его слова, хочу я того или нет, заставляет мелко дрожать и сжиматься, но он не смотрит в мою сторону, будто меня и нет тут вовсе. Макс одевает свои черные спортивные, стягивает бутылку виски со стеклянного столика и все также же не глядя снова чеканит. Еще холоднее, еще четче, еще суровее, чем до этого, хотя я и не думала, что это вообще возможно...

— Собирайся. Ты уезжаешь обратно в город. Миша отвезет тебя.

Я сажусь, прикрывая грудь атласным одеялом, и шурюсь, потому что знаю, что это не конец. Он сказал еще не все, и я права. Не все...

— Мы больше не увидимся.

— Что? — тихо переспрашиваю, но он как будто и не слышит вовсе, изучая наклейку на бутылке.

— Я оставлю тебе карту, трать с нее на что хочешь.

— Мне не нужна твоя карта!

— Я знаю, что тебе нужно, но этого ты не получишь.

— Ты просто запрешь меня одну в этой клетке?!

— Да.

— Я сойду там с ума!

— Поздновато спохватилась, когда ты уже сумасшедшая.

— Отпусти меня!

— Это не обсуждается. Собирайся.

Макс разворачивается, и я понимаю, что если он сейчас выйдет за дверь, то все. Это будет фатальный конец всему, поэтому я вскакиваю с кровати, путаясь в одеяле, но благо не валюсь, и добегаю до середины комнаты вовремя.

— Макс!

Замирает. Я тоже. Его имя звучит из моих уст слишком уж странно, и мне требуется немного усилий, чтобы отодвинуть эти мысли и сконцентрироваться на важном. Тем более, что он ждет, что я скажу...

— Макс, пожалуйста. Отпусти меня. Ты же понимаешь, что я не стану...

— Я все сказал, — отрезает хрипло, — Будет так и никак иначе.

— Но ты хочешь запереть меня в четырех стенах одну! — быстро стираю слезы, стараясь удержать голос от провалов, которые все равно есть.

Выдыхаю, собираюсь. Не хочу, чтобы он думал, что я пытаюсь им манипулировать.

— Я сойду с ума. Сколько это будет продолжаться? Вдруг воплощение твоего плана займет...

— Ты просидишь там столько, сколько потребуется.

— Но...

— Амелия... — в голосе прибавляет рычания, а ручку двери его рука сдавливает до скрипа, — Не доводи до греха. Ты же этого хотела?

— По-твоему я хотела сидеть в золотой клетке и...

— Вот именно, — с давлением произносит, — Она золотая, будь благодарна, что я не запер тебя в каком-нибудь подвале, который ты заслужила на все сто процентов. Разговор окончен. Собирайся.

Дверь хлопает сильно, но не так, как уже хлопала сегодня, а я вдруг закрываю лицо руками и начинаю тихо плакать. Самое гадкое, что я прекрасно осознаю — это не только потому что меня приговорили к тюремному сроку, а потому что он сказал, что мы больше не увидимся...

«Что со мной не так?!»

Макс

Из окон кабинета открывается целая панорама на двор перед домом, и я наблюдаю за тем, как она идет к машине моего старшего брата, сжимает ладони. Оглядывается. В тайне я надеюсь, что она посмотрит на меня, найдет глазами, и одновременно молюсь, чтобы этого не произошло, потому что понимаю: если так случится, я не смогу ее отпустить. А надо...

Амелия вызывает во мне нездоровые чувства и дикие желания, которые мне самому не нравятся. Из-за нее я не могу себя контролировать, все выходит и течет, как бурная река, то есть бессистемно и хаотично.

«*Это совершенно неприемлемо!*»

Наконец ее фигура пропадает в салоне, Миша захлопывает дверь, тоже оборачивается. Мне чудится, что он прекрасно видит меня, поэтому усмехается, но возможно это лишь воображение. Уже плевать. Утыкаюсь лбом в ледяное окно, медленно кручу головой, чтобы охватить всю его площадь и хоть немного остудить пыл, потому что, клянусь, еще секунда и я сорвусь в след за ними. Особенно явно чувство проявляет себя в момент, когда загораются задние габариты и тачка медленно стартует — я чуть ли не зубами готов уцепиться за что угодно, лишь бы не бежать следом, как гончий, безмозглый пес.

— Тебе настолько сложно ее отпустить? — усмехается за спиной Марина, на которую я даже не оборачиваюсь.

Не хочу отвечать на этот тупой вопрос, хотя он своей надменностью делает скорее доброе дело, нежели наоборот. Моя гордость поднимает голову, а вместе с ней уходят давящие чувства, рвущие жилы — она их грубо отрезает и пинками загоняет куда-то глубоко-глубоко, чтобы больше не видеть. Я за это благодарен. Отпиваю из стакана свой любимый виски и коротко смотрю на Марину, цыкаю.

— Не придумывай. Свалила — туда ей и дорога.

— Смеешь врать мне? Это даже не смешно.

— Закончили.

— Я тебя предупреждала, Макс.

— Я сказал — закончили! — повышаю голос, одариваю ее злым взглядом и добиваю порцию виски до конца, после чего отхожу от окна за новой.

Марина наблюдает тихо, но цепко, подмечая все детали в моем поведении. Старшая сестра в какой-то момент заменила мне маму, так что кто-кто, а она знает меня наизусть. Так и сейчас, она анализирует, копается, и это мне дико не нравится, потому что я не хочу слышать то, что итак давно знаю. В надежде избежать разговора, я сажусь за стол и открываю компьютер, но Марина была бы не Мариной, если бы ее это остановило. Обойдя стол, она встает за моей спиной, наклоняется и обнимает, утыкая голову в волосы, после тихо усмехается.

— Ты такой дурной, *Максюша*.

— Не смей меня так называть.

Огрызаюсь, но Марину это только веселит, и даже мои слабые попытки убрать ее руки со своей шеи не останавливают посмеивания. Благо она отходит сама, встает у бара, берет бутылку с вином и наполняет бокал. Я отгибаюсь на спинку кожаного кресла и смотрю в потолок: нет никакого смысла притворяться. Марина действительно видит меня насквозь, так что я предпочитаю не тратить силы, которых у меня и без того слишком мало, после дикого секса, на жалкие попытки сокрытия истины.

— Рядом с ней я напрочь лишаюсь контроля и способности думать, — неожиданно даже для себя говорю, но Марину это не удивляет.

Сестра смотрит в мою сторону коротко, снова опускает взгляд на бар, откуда вынимает бутылку с виски и наполняет стакан для меня.

— Чистый, как ты *любишь*.

— Давай только без наравоучений, ладно? — хмыкаю, стягивая стакан и делая глоток.

— Ты стал слишком много пить, Макс.

— У меня много головняков, а алкоголь помогает снять стресс.

— Есть способы получше.

Марина садиться на подоконник, кладет ногу на ногу и смотрит в окно. Я смотрю на нее. Знаю, что ей хочется поговорить, поэтому знаю, что это непременно будет, так что готовлюсь морально и физически: затягиваю канаты на чувствах и делаю еще один глоток Macallan^[12]. Горло жжет, ее взгляд переходит на меня, тоже жжет.

«Она видит меня насквозь...» — и я сдаюсь.

— В последнее время их нет.

— В смысле? В Москве закончились задницы?

— Я их не хочу.

— Не говори только, что эта девчонка так вскружила тебе голову.

— Секс не поможет.

Марина усмехается, тоже делает глоток, а потом пожимает плечами.

— Окей. И что ты хочешь сказать, что вы там наверху кроссворды разгадывали?

— Я ее не касался.

— Да ну?

— Сегодня исключение.

— А говоришь, что секс не помогает...

— Это был не секс. Мы *трахались*.

— О, какие высокие отношения.

— То, что было сегодня, нельзя обозначить иначе. Это был не секс, а ебля. Я ее *ебал*, потому что в противном случае...

Замолкаю. Мне сложно в таком признаться, ведь я страшно боюсь увидеть разочарования в глазах своей старшей сестры, как бы глупо не звучало. Хотя и нет в этом ничего глупого: Марина видела гораздо больше, чем я, она была старше и больше запомнила. И что сейчас? Мне надо признаться в том, что то, за что она так ненавидит нашего отца, передалось и мне? Что я действительно похож на него? Нет. Я не могу. Но это и не требуется — Мара все поняла сама.

— Я думала, что ты ее ударишь сегодня за то, что было.

— Я очень этого хотел, — тихо говорю, жду, что она отстранится и жду разочарования, но Марина пару раз кивает и смотрит в свой бокал.

— Понимаю. Она перегнула конкретно. Хотя ты виноват сам.

Я знаю, что виноват сам. Знаю! То, чего я так боялся, свершилось — Амелия в курсе, и я без понятия как это исправить. Как мне ей объяснить, что все давно не так, как было изначально? Что тот спор ничего не значит теперь... Она мне ни за что не поверит!

— Зачем ты это сделал? — спрашивает тихо Мара, словно читает мысли, а я хмурясь смотрю на виски в стакане, который слегка болтаю.

Залпом выпиваю все, что осталось, оставляю стакан и нагибаюсь чуть вперед, уперев голову в основания ладоней. Сестра не мешает мне собираться с мыслями, тихо ждет, и когда я снова отклоняюсь и поднимаю глаза, говорю истинную причину зачем нужен был этот сраный спор.

— Потому что в тот день, когда мы заключили этот спор, я приехал домой по просьбе отца, а он трахал *ее* на своем столе. Он знал, что я приеду, и делал это *специально*.

— Я думала, что ты переболел *ей*.

— Я разозлился, и так родился спор.

— Ты не ответил о Ли...

— Не произноси ее имя, — грубо отрезаю, хмурюсь, — Я не хочу его слышать.

— Ты ее до сих пор любишь что ли?! Серьезно?!

— Мара, я только что сказал...

— А кто ее сестра тогда? — перебивает также грубо, дернув плечами, — Замена?

— Ты ее защищаешь что ли?!

— Она меня ударила, еще чего!

Фыркает, но я вижу в глубине глаз намек на уважение, и приподнимаю брови — это очень неожиданно, мягко говоря.

— Вот что нужно, чтобы тебе понравится? — усмехаюсь, — Ударить тебя?

— Один: один, но я вообще-то не об этом говорила.

— А о чем?

— В чем смысл держать ее рядом, Макс? — наклонив голову на бок, Мара щурится сильнее, — Мне казалось, что ты на ней подвис, поэтому она здесь. Мы же оба понимаем, что она ничего не сделает. Амелия слишком сильно ненавидит нашего отца, к тому же там замешена ее мать и...

— Только недавно ты утверждала, что ее невозможно прочитать.

— Но это лежит на поверхности. Его она презирает гораздо больше тебя.

— Очень мило.

— Хочешь милостей? Амелия любит тебя. Это тоже лежит на поверхности.

— Она никогда меня не простит.

— Простит, если ты этого захочешь. Но если ты этого действительно хочешь, отсылать ее обратно в город худший способ...

— Если она будет рядом, я ее убью.

Марина замолкает резко, а я перевожу взгляд на улицу и хмурюсь. Пытаюсь подобрать слова, чтобы объяснить, что я чувствую, но не могу их найти. Словно ничего не осталось, кроме ее чертовых глаз. Тру свои, чтобы избавиться от картинок, и тогда Марина делает ко мне аккуратный шаг, шепча.

— Макс, ты не навредишь ей, я почему-то уверена.

— Тогда ты ошибаешься, — прерываю жестко, — Сегодня я был на грани от того, чтобы ее ударить. По-настоящему ударить.

— Бред...

— Я ее толкнул. Сильно. Ты видела ее, она меньше меня раза в три, и меня это не остановило. Бред ли? Хм, не думаю.

— Справедливости ради, Амелия сама тебя выводила и делала это намерено.

— Она хотела сделать мне больно, потому что я сделал.

— Да.

— Вот именно, Мара...да. Я должен был держать это в голове, но когда она разделась перед Лексом, все просто растворилось. Меня так повело, что я не помню, как тащил ее до комнаты. Ты понимаешь это?

— Будешь дальше говорить, что не влюблен в нее? Просто смешно... — пытается пошутить, слабо улыбаясь, но я отбиваю и это.

Снова перевожу взгляд на улицу, глубоко вдыхаю, а потом тише продолжаю.

— Она меня дико раздражает, а когда начинает исполнять...Я думаю, что могу не

сдержаться в какой-то момент. Рядом с ней я полностью теряю над собой контроль, не могу думать, действовать рационально — одни эмоции.

— С Ли... с ней было также.

— Нет, не также. Я всегда знал, что остановлюсь. Амелия же вызывает во мне желания и чувства, которые мне не нравятся. Она делает меня похожим на него.

— Ты говоришь, что тебя кроет, но, Макс, тем не менее ты ничего ей не сделал.

— Уверен, что после секса, все ее тело было сплошным синяком. Я себя не контролировал.

— Ты их видел?

— Кого?

— Синяки.

— Я на нее не смотрел.

— Значит ты не можешь этого знать...

— Мара, да брось...

— Это ты брось, Макс. То, что все говорят о вашей схожести, не значит, что она действительно есть. Как по мне, ты больше всех похож не на него, а на маму...

Фыркаю, хотя на душе тепло, пусть одновременно и больно. Я хорошо помню маму, особенно ее мягкость и нежность, трепет, хоть и не люблю о ней думать. Мара это знает, она чувствует тоже, поэтому смягчается. Вообще, увидеть мою сестру мягкой, надо сильно постараться — она давно перестала такой быть. Для нее мягкость значит слабость. Для меня тоже, да и для всех остальных. В нашей семье мягким быть нельзя, с таким то отцом это чревато пожизненными кандалами...

— Ты ее не ударил, Макс, даже в том состоянии бешенства, до которого она тебя довела. Думаю, что Амелия в силу своего возраста не до конца понимает...

— Она гораздо умнее своего возраста, и она все прекрасно понимает.

— Девчонка не дура, но я говорю не об этом. Она неопытна и слишком юна, чтобы знать, когда еще можно дергать льва за усы, а когда нужно затормозить. Ты был в бешенстве, тебя конкретно накрыло, но ты ее не ударил. Отец бы поступил иначе, поверь мне.

— Сегодня я ее не ударил, а что будет завтра никому неизвестно. Нам лучше держать дистанцию.

— И что ты будешь делать дальше, а? Запрешь ее в квартире?

— Именно это я и сделал.

— Ты слышал, что она сказала о своей матери. Если все так, как ты рассказывал — ее угрозы реальны.

— Я разберусь.

— Мне это не нравится.

— Что поделаешь?

— Может есть смысл отпустить ее?

Застываю. Челюсти моментально сжимаются, а сердце ухает в груди. Марина молча изучает мою реакцию, потом слегка улыбается и пожимает плечами.

— Сам подумай. Если ты не можешь находиться рядом с ней, то какой в ней вообще смысл? Договоримся, может дадим денег...

— Она не возьмет деньги.

— Посмотрим.

— Не на что смотреть. Амелия не возьмет деньги.

— Можно договориться как-то иначе...

— Нет.

— Макс, милый, да. Всегда можно договориться, разве что есть другая причина, по которой ты не готов ее отпустить?

Я молчу. Потому что, сука, есть! Я просто не могу этого сделать! Знаю, что если отпущу ее, она может навсегда пропасть с моих радаров, и от одной только мысли, что я ее больше никогда не увижу — внутренности скручивает. Мара все это, естественно, видит. Улыбается шире, делает глоток из своего бокала, провоцирует молчанием, и я наконец сдаюсь.

— Ну хорошо! Они есть! Ты довольна?!

— Орать необязательно. И давай разберемся, окей? Ты не хочешь ее видеть, потому что она доводит тебя до бешенства, но не можешь отпустить ее, потому что...?

Марина разводит руки, давая мне возможность окончить фразу, но я не хочу этого делать. Отворачиваюсь к экрану ноутбука и открываю свои графики, а еще тянусь к стакану, чтобы снова притупить все, что сестра разворошила внутри.

— Это типа «разговор окончен»?

— Именно так. Все останется так, как я сказал.

— О, какой серьезный...

— Иди, я не хочу обсуждать больше эту тему. Амелия не угрожает нашему плану, а в остальном я разберусь сам.

Сестра тихо смеется, но ставит пустой бокал мне на стол, потом снова обнимает со спины и шепчет на ухо тихо-тихо:

— Разберешься конечно, *Максюша*, я знаю, что у тебя получится. Но помни: ты не наш отец, ты намного лучше, чем он. А она простит...если ты позволишь ей увидеть себя настоящего.

Амелия

Отъезжая от дома, я не могу сдержаться, чтобы не бросить последний взгляд на замок через боковое зеркало. Не знаю, что я там рассчитываю увидеть, как Максимилиан драматично бежит в след машине?

«Ха! Была бы я Лилей, бежал бы еще как...» — тихо цыкаю и перевожу взгляд на лобовое стекло, — «Не хочу об этом думать...Прекрати себя с ней сравнивать!!!»

— Все нормально? — тихо спрашивает Михаил, на которого я бросаю саркастичный взгляд, но не отвечаю.

Наверно он того и не ждет, улыбается ведь, вижу, пусть и не смотрю напрямую — гордость не позволяет. Я еду обратно в клетку с высоко поднятым носом, расплавив плечи, потому что не позволю никому из них увидеть, как на самом деле мне больно.

«Он даже не захотел со мной поговорить...» — все крутится-крутится-крутится в голове, — «Он просто сказал «хорошо». Хорошо, твою мать?! Какая разница, что я болтаю?! Почему ты сам не захотел мне объяснить?!?!»

Вздыхаю и откидываюсь на спинку пассажирского кресла, а Михаил тут же выдает.

— Нам ехать минут двадцать до города. Скоро отдохнешь.

— Спасибо, я не устала, — цежу сквозь зубы, получая в ответ смешок.

— Не устала бить мою сестру?

— Ой, так вышло. Надеюсь, что ты не ждешь извинений, потому что их не будет.

— Не ври, что так вышло. Ты сделала это специально.

— Она первая меня ударила, и нет. С чего такие мысли?

— Амелия, мы нашли ключи от ее машины в твоём...кхм, в пиджаке Макса.

«Твою мать...» — не поверите, но я о них напрочь забыла, поэтому клянусь свое желание уязвить Максимилиана, вместе с яростью и вообще всеми чувствами, что он во мне вызывает, — «Я реально не могу рядом с ним думать нормально! Как идиотка, чесслово...»

— Похоже меня поймали.

— Надо было уходить сразу, а не продолжать.

— Не смогла удержаться, чтобы не пнуть твоего ублюдка-братца по яйцам.

— Красочно.

— Ага.

Замолкаем, но ненадолго, потому что Миша тихо нарушает паузу, бросив на меня короткий взгляд.

— Знаю, что ты сейчас не готова это слышать...

— Если ты собираешься говорить, что твой брат не такой мудака, как мне кажется, то можешь даже не стараться.

— То, что он сделал — плохо.

— Плохо?! Как забавно. Может в угол его поставишь?

— Ты не совсем понимаешь масштаба того, что сделал наш отец.

— Ой, он отбил у него девчонку. Какая жалость.

— Макс ее любил.

Сжимаю пальцы, потому что мне неприятно это слышать, и, к сожалению, попадаюсь на горячем. Михаил снисходительно улыбается, пусть я даже резко и расцепила их — уже попалась, так что клянусь себя по чем зря, отворачиваясь к окну.

— Очень жаль.

— Тебе неприятно это слышать?

— Что ты, я бьюсь в экстазе. Знать, что тебя трахнул бывший твоей сестры — то, о чем я мечтала всю жизнь.

— Макс...

— Остановимся сейчас, — перебиваю и смотрю теперь точно на него, четко обозначая все, что я об этом думаю, — Я не хочу ничего слышать о том, что их связывало, мне достаточно того, что у меня уже есть. И мне не нужно объяснять, что он ее любил, потому что я лучше остальных знаю, что так и было. С Лилианой раз поведешься и назад не вернешься, поэтому избавь меня от подробностей. Также я не хочу слышать жалости и чего-то в этом духе, потому что мне давно ясно кто я в этой истории, и что виновата сама в том, кто я в этой истории.

— И кто ты в этой истории по-твоему?

— Наивная дура, — злобно бурчу себе под нос, сжав руками и опять отвернувшись к окну, — Которая поверила человеку, которого не знала, потому что видела в нем то, чего нет. Я всего лишь глупый ребенок и оружие в войне с моей сестрой, попутно захватившей и вашего папашу. Счастливая случайность.

— «Война с твоей сестрой», как ты выразилась, не является ни для кого приоритетом. Ты смотришь на ситуацию не с того угла, Амелия.

— А с какого же мне надо смотреть?

— Все, что нас волнует — это отец. Твоя сестра лишь способ получить желаемое.

— А я тогда кто? Способ получить желаемое от способа получить желаемое?

— Типа того.

— И? Мне поблагодарить, что меня трахнули ради великой цели?

— Этого не планировалось.

— И что же «планировалось»?

— Надо было просто втереться к тебе в доверие, подружиться, чтобы выудить информацию, которой можно было бы воздействовать на Лилиану. Я взрослый человек, Амелия, ты действительно считаешь, что я стал бы участвовать в этой глупости? Никто бы не согласился.

— Ну по факту согласились...

— Ты злишься, но отбрось эмоции и сама подумай: Кристина бы на такое пошла? Рома? «Пф...»

— Если не веришь, твое право. Парни поступили глупо...

— Подло. Это подлость, а не глупость.

— Ты права, но твоя сестра тоже поступала подло.

— Я здесь не при чем! — повышаю голос, правда не произвожу никакого эффекта.

Михаил только слегка улыбается и кивает.

— Знаю.

— Ты точно их родственник? Слишком спокойный.

Теперь смех становится отчетливее, он кивает и, бросив на меня хитрый взгляд, парирует.

— Я могу быть и беспокойным, но капризный ребенок не сможет вывести меня из себя. У меня трое дочерей, Амелия, не забывай.

— Пф!

Насупившись, как ребенок, отворачиваюсь к окну, молчу-молчу-молчу, но быстро сдаюсь. Любопытство слишком велико, и я теперь сама воровато бросаю на него своей взгляд и щурюсь.

— Все равно нет таких мотивов, которые я могла бы понять.

— Потому что ты очень многого не знаешь.

— А что тут знать?

— Даже не пытайся.

— О чем ты?

— Не пытайся развести меня намеками на «золотую молодежь». Мне известно, что ты знаешь, как сложно нам на самом деле приходится.

— О, да ну? Вы можете делать все, что хотите. Я тому прямое подтверждение. Злитесь, что папочка вас контролирует? Ох, какая сложная судьба...

Михаил вдруг резко тормозит, и я было думаю: всё, договорилась! Но ничего не происходит, кроме того, что он разворачивается. Резко, остро, я даже встряхиваюсь, а, схватившись за торпеду, озираюсь.

— Ты что творишь?!

— Прокатимся кое куда.

— Куда?! Если ты собираешься меня грохнуть...

Салон разрезает бархатный, низкий смех, так похожий на смех младшего, только взрослее и как будто мягче. Михаил стреляет в меня глазами и улыбается от уха до уха, кивая.

— Дай угадаю: ты не сдашься без боя? Расслабься, Амелия. Я хочу показать тебе кое что.

— И что же?

— Увидишь.

«Любопытно...»

Мы едем уже сорок минут, а ничего не меняется, кроме разве что атмосферы в салоне машины. Михаил больше не разменивается на беседы, он напряжен и всматривается в темноту ночи, что делаю и я. Но если он прекрасно знает, куда направляется, я стараюсь выцепить хоть что-то, чтобы это понять. Правда все зря: вокруг лишь лес и снег. Наконец я не выдерживаю и поворачиваюсь к нему, чтобы вставить свои пять копеек негодования, и снова опаздываю — Михаил притормаживает, после чего съезжает с трассы на ее ответвление.

«Куда он меня везет все-таки?!» — усердно думаю, но не боюсь.

Да, я абсолютно не доверяю Александровским, но Михаил не вызывает во мне ощущения, что он способен причинить вред. Не знаю, конечно, насколько права, но, кажется, с ним я точно в безопасности.

«Как глупо... что ты несешь?! Он — враг!» — ясен-красен думаю так, а все равно в это не верю.

Ну не вяжется, и в кои то веки я оказываюсь права. Через пять минут моему взору предстает красивый, современный коттедж, подсвеченный со всех углов. Это дом-минимализм, состоящий из двух здоровенных квадратов и окруженный длинным, забором. С фасада дома он достаточно низкий, чтобы рассмотреть еще кучу коттеджей на огромной территории, которая в свою очередь окружена уже достаточно высоким, чтобы и неба было не видать.

Мне здесь не нравится. Что-то есть в этом месте страшно отталкивающее, и я плавно перевожу взгляд на Михаила, который глушит машину и смотрит будто в никуда.

— Что это за место?

— Лечебница.

— Ле...чебница?

— Именно так, Амелия. Психоневрологический диспансер, но по факту в основном здесь живут люди, чьи родственники от них устали.

— Я не...

«Понимаю.» — я понимаю, действительно все осознаю, проглотив огромную таблетку и снова переводя взгляд на здание, откуда выходит высокий мужчина, — «Вот где Матвей...»

— Пригнись, тебя не должны заметить. Лучше вообще сядь на пол и не шевелись.

— Ээ...

— Амелия, пожалуйста, сделай, как я прошу.

В его тоне есть строгость, но больше там мольбы, которую я не могу игнорировать. К тому же, честно признаюсь, мне любопытно, поэтому съезжаю на пол, а он накрывает меня своей курткой. Слышу свой пульс, чувствую себя вором, но покорно молчу, а через миг

слышу, как отъезжает стекло с водительской стороны.

— Михаил Петрович? Какими судьбами в такой поздний час?

— Я хочу увидеть брата.

— Конечно, проезжайте. Матвей не спит.

Стекло закрывается, а машина трогается с места, но Михаил молчит, а я не рискую пошевелиться, пока мне не позволят. Судя по всему это важно.

— Спасибо, что молчала.

— Я могу вылезти?

— Пока нет. Я скажу, когда будет безопасно.

— Безопасно?

— Все сотрудники куплены моим отцом — ему непременно доложат.

— А о твоём ночном визите нет?

— Да.

— И это нормально?

— Нет ограничений. Для нас.

— Не понимаю...

— Все предельно ясно, Амелия. Отец позволяет нам видеться с Матвеем в любое время дня и ночи, чтобы мы всегда могли наглядно видеть, что с нами будет за неподчинение. Приехали. Вылезай.

Аккуратно, медленно отодвигаю куртку и выныриваю, чтобы осмотреться. Мы стоим внутри гаража, и я боязливо смотрю на Михаила, но тот больше не улыбается, пусть мое поведение и достаточно забавное. Его выражение лица из разряда «будто на похоронах», он открывает дверь и, не дожидаясь меня, выходит. Его шаги отдаются эхом, как и хлопок его двери, но я слышу звуки музыки и, как бы я не хотела оставаться «холодной», вылезая следом. Снова осматриваюсь. Это точно гараж — серый, безликий. Здесь стоит еще одна машина — гоночный мерседес, от вида которого я хмурюсь сильнее.

«Зачем здесь нужна машина, если Матвею нельзя покидать это место? Ему очевидно нельзя! Что за глупости?! Или может тут есть кто-то еще? ...»

Меня подмывает спросить, но я снова все прошляпила — слышу шаги по лестнице со стороны всего одной-единственной белой двери, которая тут же и отворяется.

— Братец? Что-то ты поздно...

Я смотрю и глазам не верю: передо мной стоит молодая версия Максимилиана и Михаила, немного Марины. Это точно Матвей, тут не может быть других вариантов. На вид ему примерно, как мне, ну чуть постарше. Наверно лет девятнадцать? Он высокий, но достаточно худой. Нет широких плеч, как у Макса, нет мышц, как у Михаила. Он скорее щупленький, но видно крепкий, а еще очень красивый. Кучерявые волосы, темные глаза, смуглая кожа и... парочка длинных шрамов на правой щеке, как от ожогов...

— Привет, Матвей, — мягко, даже нежно здоровается Михаил, крепко обнимая своего младшего брата.

Тот улыбается. Он так открыто улыбается, что у меня сердце ёкает, и я про себя думаю: *«За что его наказали? ...»*

В этот момент он переводит взгляд на меня. Отстраняется от брата, но не отпускает, а усмехается и указывает подбородком.

— А это кто?

— Амелия.

— Охо-хо... — протягивает со смешком, благодаря которому я понимаю, что и он в курсе кто я.

От этого неловко. Сжимаю руки, хмурюсь, Матвей в ответ щурится и, слегка наклонив голову, протягивает.

— Ну понятно... Что, малышка, пялишься на мои шрамы, которые мне оставила твоя сестра?

«Моя сестра что?! Стоп! Не теряйся! Не показывай слабость!»

— А ты пялишься на мои, которые оставил твой брат?

Огрызаюсь в ответ, да, но скорее с желанием защититься от явного, фамильного сходства.

«А-га, он точно их брат...» — ядовитость, видимо, передается по наследству вместе с сарказмом и любовью к играм в гляделки.

Этим то Матвей и занимается. Оценивает меня, пробегается взглядом от макушки до пальцев, но потом вдруг начинает смеяться и указывает головой в сторону двери.

— Ты мне уже нравишься... Ну проходите, чего встали то?

Вздыхаю, но иду вслед за двумя братьями, которые обмениваются репликами на итальянском. Бесит, что я ни слова не понимаю, поэтому ставлю себе галочку подучить хотя бы пару фраз, чтобы не плавать в неведении. Мы недолго поднимаемся по ступенькам, и через пролет попадаем в светлую, теплую гостиную. Это небольшой коттедж с двумя этажами плюс «зона парковки». Внутри все из дерева, есть уголок с диваном и теликом, небольшая кухня, но основную территорию занимают картины. Их здесь, наверно, миллион, и я жадно разглядываю их, пока разглядывают меня.

— Я ожидал чего-то другого.

Не сразу понимаю, что это реплика по мою душу, но когда перевожу взгляд из-за внезапно повисшей паузы, приподнимаю брови. Матвей сидит в спортивках и обычной футболке на барном стуле, курит, подоткнув рукой голову, а Михаил что-то делает на кухне, но улыбается.

— Кого-то. У тебя проблемы с правильным выбором местоимений?

— О, она острит, ты посмотри.

— Это она еще не острит.

— Как прошло знакомство с Мариной?

— Сказочно. Сначала она ее ударила...

— Ну, это в стиле Марины.

— ...А потом Амелия ударила ее.

Матвей резко переводит на меня взгляд, ну а я фыркаю и слегка закатываю глаза, разворачиваясь в сторону картин, правда через плечо все равно бросаю замечание.

— Невежливо говорить о ком-то в его присутствии так, как будто его и вовсе нет. Это моветон.

— Учишь, как мне общаться со своим братом?

— Твоя сестра же учила меня, как мне общаться с твоим братом.

Парирую тихо, теряя интерес ко всему происходящему за моей спиной — мне больше интересно наблюдать за тем, что происходит передо мной.

«Это прекрасно...» — изучая летний пейзаж, отмечаю про себя, даже нагибаясь чуть ближе к полотну, чтобы рассмотреть детали получше, — «Как будто фотография, а не картина...»

Так и есть. Издалека и не отличишь, если честно, лишь вблизи можно заметить ровные мазки. Матвей очень талантливый...

— Я отойду. Мне надо позвонить жене.

— Второй этаж в твоём распоряжении. Жене привет.

Слышу шаги, но предпочитаю не смотреть вовсе, проходя дальше. Там другая картина, в ней больше злости и отчаяния. Черные, грубые, хаотичные маски, много красного — я не очень сильна в живописи, но похоже, что это абстракция. Решаю уточнить...

— Это абстракция?

— Технически это скорее абстрактный экспрессионизм^[13]. Интересуешься?

— Не особо, если честно. Я не разбираюсь в живописи, мне больше нравится...

— ...Музыка.

Резко поворачиваюсь на него и хмурюсь.

— Откуда знаешь?

— Лиля рассказывала.

— Понятно, — хмыкаю, гася внутри разочарование.

«Черт, я что действительно надеялась, что это он говорил обо мне...?»

Слегка мотаю головой и подхожу к следующей картине. На ней изображена девушка на мрачном, сером фоне. Вся ее одежда яркая, красивая, но глаза очень-очень маленькие — и это довольно жутко.

— Это сюрреализм^[14].

— Да, я догадалась. Почему ее глаза такие маленькие? Это же какой-то символизм?

— Зришь в корень. Глаза — это душа. У красивых кукол души вовсе нет, либо она очень-очень маленькая.

«Почему я вижу здесь отсылку к Лиле?!» — решаю не задавать этот вопрос, вместо него озвучиваю другой.

— Это твои картины?

— А чьи ж еще?

— Очень красиво, — тихо говорю, бросив на него короткий взгляд, — Ты талантливый.

Матвей только фыркает, хотя я и успеваю подметить неподдельный интерес к своей персоне, прежде чем отвернуться и подойти к окну, где стопкой лежат еще рисунки. Они выполнены карандашом, ручкой, мелом, да чем угодно, но не красками.

— Ты всегда роешься в чужих вещах без спроса?

— Когда меня похищают и запирают в клетке — да, — ядовито хамлю, открывая первую попавшуюся папку, чтобы через миг застыть.

«Это же...Лиля?» — действительно она. Перелистываю, чтобы найти и на следующем листе свою сестру. И на следующем. И еще на другом...

Пока я истерично перелистываю бумагу, Матвей подходит ближе и тихо почти шепчет, но я все равно слышу каждое слово.

— Что ты знаешь о клетке?

— Это моя сестра, — смотрю на него, он усмехается и встает рядом, забирая у меня кожаную папку.

— Сложно ее не узнать, да?

— Ты сказал, что это она...сделала с тобой?

— Ты тоже.

Секунду молчу, потом хмыкаю и киваю, даже слегка улыбаюсь, вновь находя фамильное

сходство.

— Правда за правду?

— М, как интересно, — протягивает Матвей, заговорщически подмигивая, — Любишь поиграть?

— Что-то мне подсказывает не я одна.

— Что же тебе это подсказывает?

— Твой брат. Ну так как?

Он медлит, разглядывает меня с еще большим любопытством, снова наклоняет голову чуть на бок. Забавно вообще, как так получается — его шрамы достаточно большие, чтобы быть заметными, но его ничуть не портят.

«Вот это генетика...» — думаю вскользь, изучая его в ответ, пока Матвей не кивает.

— Ну давай сыграем. Уступаю первенство даме.

— Твой брат лишил меня девственности и записал это на камеру, чтобы потом предоставить доказательство подтверждения своей теории.

— Какой? — со смешком, поднятыми бровями, спрашивает, но забавно и то, что его смешок меня не оскорбляет.

Он это делает не потому что хочет меня поддеть или унижить, это скорее акт удивления — Матвей никак не ожидал этого услышать.

«Может и зря я это?...» — снова думаю вскользь, но отметаю мысли в сторону, пожав плечами.

— Он считает, что существует ген шлюхи. Хотел это доказать. Эксперимент.

— Жестоко.

— Подло.

— Твоя правда. И как? Доказал?

— А-га. Я та еще потаскуха, трахаюсь с ним по щелчку пальцев.

Недоверчиво щурится, на что я опускаю взгляд обратно на папку, которую нагло забираю из его рук и снова открываю на той же странице, где и раньше. Матвей коротко смеется, оценивая мои фокусы, я вторю улыбкой и слегка киваю.

— Твоя очередь. Или зассал?

— Еще чего! — фыркает, — Твоя сестра использовала меня, а потом сдала отцу, из-за чего я сбежал из дома. Шрамы от аварии, в которую я попал.

Смотрю на него в упор и понимаю, что это далеко не все. Как и я, Матвей скрыл свою историю, а мое природное любопытство такого не приемлет.

— Ты рассказал не все.

— Ты тоже.

— Попытка номер два?

— Настолько любопытно?

— Да. Только ты начнешь, это будет честно.

Не думаю, что согласиться, но Матвей усмехается и кивает.

— И то верно, хорошо.

«Серьезно?» — да, серьезно. Матвей усмехается и двигает рисунки ближе к себе, перелистывая их, словно что-то ища.

И находит же, скотина. Там изображены они: Макс и Лилиана. Они обнимаются нежно, он позади, она прикрыв глаза. Позиция «влюбленные номер три», то есть полулежа.

«Уа-ях! Дайте мне тазик, сейчас блевану!» — думаю, а сама чуть ли не зеленею,

отмечая, что вместе они смотрятся просто потрясающе. И счастливыми. Даже на рисунке карандашом...

— Твоя сестра придумала план по завоеванию Макса, и я в нем играл не последнюю роль. Все знают, что он меня очень любит и вечно защищает. Я был одиноким ребенком, у меня почти не было друзей, ну и когда появилась Лилиана, я ей быстро поверил. Она знала обо мне все, потому что была *чем-то* вроде лучшего друга, пока не вонзила мне нож в спину.

— Как?...

— Она знала, что я гей, и рассказала все отцу.

— Эм...и?

Матвей откладывает рисунки и теперь смотрит на меня в упор, как на дуру, от чего я краснею, точно как та самая дура. Выгибает бровь, я краснею упорней, и наконец он хмыкает и наклоняет голову на бок.

— Ты вообще хоть что-то знаешь о моем отце?

— Достаточно, чтобы считать, что этого много.

— Тогда ты, видимо, любишь глупые вопросы?

— Репутация?

— В точку, дорогая. За это он меня сильно избил, я вылез в окно и угнал его тачку, чтобы поехать в город к Мише или Марине. Не доехал. Попал в серьезное ДТП. Это было семь лет назад, и с тех пор я здесь.

Смотрю на него во все глаза, хлопаю ими и не могу пошевелиться.

«Каким надо быть гандоном, чтобы запрятать своего ребенка сюда из-за...такого? К тому же...»

— У тебя красивые глаза, — вдруг выдает, но я по привычке отсекаю комплимент наскоро.

— Гетерохромия. Стоп, ты не гей.

Матвей издает смешок, саркастично кивает и расширяет глаза, протягивая.

— Не за что.

— Я серьезно.

— Ты знаешь меня пятнадцать минут и делаешь выводы по поводу моей ориентации? Это сильно.

— За те пятнадцать минут, что я тебя знаю, ты раз "миллион" посмотрел на мои сиськи, а сколько на задницу я вообще молчу. К тому же здесь полно рисунков голых девиц. Какой ты гей?!

«Кажется, я его развеселила...» — сарказм и яд ушел, на место ему пришло искреннее веселье и открытый взгляд, — «М-да, дружище, маски ты носишь в сто миллионов раз хуже, чем твой братец...»

— Может быть сюда пускают только голых девиц, м?

— Ага, то-то ты с такой любовью к деталям вырисовываешь их прелести.

— Прелести? Так еще говорят?

— Я из аристократов, мне можно.

Начинает смеяться, и я понимаю, что точно слышала такой смех от *него*. Искренний, добрый, мягкий...

«Черт, как же они похожи...»

— А ты забавная. Твоя очередь.

Опускаю глаза к рисункам, перебирая их бездумно, потому что не очень хочу

использовать свою очередь, но все равно не отпираюсь и не юлю... Это было бы нечестно.

— Твой брат притворился далеким от этого мира парнем, который приехал из Франции и которого зовут Алекс. Поселился со мной на Кутузовском в квартире моей подруги, которая встречалась с его «братом» Араем. Он врал мне целый год, влюбил меня в себя и заставил поверить в то, что это взаимно. Мы провстречались какое-то время, а потом я узнала, что все это вранье. Кто он, откуда, кто его отец, но самое ужасное, что он врал не только об этом, но и о своих мотивах.

— И какие же они были?

Слегка жму плечами, улыбаюсь притворно, но не поднимаю глаз.

— Он на меня поспорил. Это был эксперимент по выявлению гена шлюхи, видимо с отсылкой на Лилиану. Чтобы это доказать, они придумали веселую игру «Расширение границ» называется. Он спал со мной, как хотел, а я делала, что он хотел, потому что...

— Потому что? — тихо переспросил, подталкивая разбить паузу, и я ее разбиваю холодно и четко.

Нет смысла скрывать.

— Потому что я в него влюбилась по уши и верила ему, как себе.

Отхожу от подоконника, сжимаю себя руками и снова притворяюсь, что мне очень интересно посмотреть и другие картины, но тут же оступаюсь и сбиваю какое-то ведро.

— Черт! Прости!

Матвей быстро поднимает его, мотает головой, бросая что-то типа «не парься», и бежит в сторону ванной, которая находится под лестницей. Я смотрю ему в спину и в голове зажигается лампочка: «**Тачка → Ключи → Свобода!**»

Дальше действую по наитию и как-то совершенно бездумно, автоматически, что ли. Иду следом за ним и захлопываю дверь прямо перед носом. Благо мне страшно повезло, что она открывалась наружу, так что я подставляю под ручку стул и поворачиваюсь к кухне. Ключи я подметила сразу, как сюда зашла, да и камон — их очень сложно не заметить. Они висят в большом, красном квадрате, и это лучше, чем пытаться забрать у Михаила его.

Уже делаю шаг к заветной свободе, пока истерически дергается ручка, как вдруг все прекращается, и слышится глухой, тихий и... напуганный? голос.

— Ты же хочешь сбежать, да? Макс говорил, что ты любительница побегать.

— Он обо мне говорил?

— А ты как думала? — усмехается, но снова тон становится серьезным, — Пожалуйста, только не бери эти ключи из красной рамки. Хочешь бежать? Беги. Выйдешь из дома и поверни налево, там до забора рукой подать и прореха в безопасности. Выйдешь, пройдешь минут десять и будет остановка — в Москве будешь через два часа. Деньги на холодильнике.

— Если я так поступлю, твой брат гарантировано меня поймает.

— Только не тачка, умоляю!

— Волнуешься, что я ее разобью? Расслабься...

— Дело не в этом! — криком перебивает, а потом будто подходит ближе и взволновано тараторит, — Если тачка покинет это место, отец сразу узнает! На ней стоит маяк, ему приходят смс, а это означает, что он еще что-нибудь у меня отнимет. Прошлым летом я пытался сбежать, и когда он меня поймал, отнял гитару. Я любил играть, теперь у меня ее нет!

— Машина стоит у тебя в свободном доступе с ключами! Хочешь чтобы я поверила?! Думаешь, что я настолько дура?!

— Амелия, умоляю... — бесцветно шепчет, — Ты же знаешь, кто мой отец. Ты должна понимать, что тачка там стоит не просто так.

— И зачем же, позволь узнать?

— Это наказание.

«Наказание — спортивный Мерседес?! Что-то на богатом...»

— ...У меня вроде есть свобода, руку протяни, но если я ей воспользуюсь, он ужмет рамки. Я итак еле дышу! Амелия, твою мать, я не покидал это место уже полтора года! Тогда, когда я бежал, не успел отъехать и на десять километров, меня тут же поймали. Пожалуйста...не поступай так со мной.

Отступаю на шаг, и боже, у меня слов нет, чтобы описать, как мне его жалко.

«Это не жизнь, а самая настоящая клетка...»

— Амелия? Амелия, ты здесь? Твою мать, Макс говорил, что ты не такая, как она! — орет в голос с отчаянием, — Он снова все прохлопал!

Удар. Потом тихий писк. Видимо Матвей ударил дверь кулаком, но из-за отсутствия опыта и тренировок, а еще при полном наборе НЕ умения, повредил костяшку. Судя по ругательствам, так оно и есть. Я прикрываю глаза на миг, потом выдыхаю, чтобы справиться со слезами, и поворачиваюсь, чтобы дойти до дивана и плюхнуться на него.

«Что ты творишь?! Вон ключи! Бери и беги, дура! Они бы о тебе не думали, ты что Мать Тереза?! БЕГИ!»

Но я не шевелюсь, потому что знаю, что все равно не смогу этого сделать. Просто не могу. Не мое это подставлять.

Да и поздно пить боржоми, если печень отказала.

Слышу быстрые, спешные шаги, сбегаящие по лестнице, а через миг вижу и того, кому они принадлежат. Видимо Михаил услышал шум и сразу бросился на выручку, но он не успевает ничего сказать — Матвей начинает тараторить.

— Мих, это ты? Черт! Она закрыла меня в ванной! Пнула и...твою мать, я такого не ожидал, прости!

Михаил щурится, правда снова не может и пяти копеек вставить, так как его брат, вобрав в грудь побольше воздуха, продолжает покаяние.

— Она взяла мою тачку! Твою мать, по-любому! И сбежала! Миша, прости, я...Я не... твою мать...

Старший наклоняет голову на бок и явно ждет от меня объяснений, а я иду наперекор. Фыркаю, сжимаю руки на груди сильнее и отворачиваюсь к окну, не желая участвовать в любом диалоге. Абсолютно. Меня дико бесит моя дурость, какая-то больная сердобольность и вообще...

«Надо было бежать! Какая тебе разница до этого дурака?!»

Да большая, на самом деле. Мне его очень жалко, потому что я не понимаю, как можно держать человека в психушке совершенно ни за что.

«Он — не сумасшедший, просто ребенок, которому нужно было внимание. Это его вина?!»

Я этого не принимаю, пусть и не покажу ни за что. Даже не оборачиваюсь и не смотрю, как Михаил спокойно подходит к двери, пока его младший брат продолжает оправдываться — меня это тоже дико бесит.

«С чего он вообще взял, что должен оправдываться, если это был бы мой выбор и мое решение?!»

— ...Я пытался ее остановить, но...

Дверь открывается, Матвей тяжело вздыхает и винится еще раз.

— Прости, я правда не ожидал, и...О.

«Заметил меня, чувствую, как пялится, клянусь, даже с открытым ртом это делает!

Ну что за наивная простота? ...»

— Эм...ты не свалила.

Не отвечаю ему, потому что бесит меня тот факт, что его персона меняет мое отношение к ситуации, будто я ведусь на эту сраную манипуляцию, как дура.

«А я же дура и есть, как еще то меня назвать? Свобода была фактически в руках, и я пожертвовала ей ради кого? Ради их брата?! Просто смешно...»

Смотрю на Михаила серьезно и без улыбки, поднимаюсь на ноги и бросаю взгляд на дверь, ведущую в гараж.

— Верни меня в мою клетку, я устала и хочу спать.

Проделав ту же процедуру с прятками под курткой, наконец мы покидаем это ужасное место, наполненное безнадегой и отчаянием, снова едем в тишине. Вокруг ни души, да и света нигде нет. Только лес, снег и тихая, нейтральная музыка. Каждый, казалось, думает о своем, и не о чем больше разговаривать. Я сжимаю себя руками и корю за глупость, Михаил, возможно, и себя корит по этому же поводу — глупо было оставлять нас тет-а-тет. Я его понимаю, за что тоже шиплю на свою дурную голову:

«Понимающая какая, ты посмотри. Нет, звание Мисс-Мать-Тереза- столетия точно твое по праву!»

— Почему ты не сбежала? — вдруг спрашивает, я даже вздрагиваю от неожиданности, смотрю коротко, но снова отворачиваюсь, кутаясь в свою куртку теснее.

— Не было смысла.

— Да ну?

— Ты бы поймал меня, и я решила не играть с удачей. Не хочу, чтобы меня заперли в подвале.

— Трогательное вранье, Амелия.

— Зачем ты привез меня туда? — игнорирую его вопрос, горячо задавая свой, — На кой хер?! Чтобы вызвать жалость?!

— Чтобы показать, кто наш отец на самом деле.

— А я этого по-твоему не знаю что ли?!

— Ты мне ответь? — усмехается, и бровью не ведя, — Если ты серьезно думаешь, что твоя сестра приоритет, — значит не понимаешь насколько все серьезно на самом деле.

— А вы не пробовали... — ядовито начинаю, но Михаил сразу отсекает это, слегка сдавливая руль.

— Пробовали все, что тебе может прийти в голову — без толку. Нас воспитывали очень жестко и сурово, за любое неподчинение отец серьезно наказывает.

— Тебе тридцать лет, *Михаил Петрович*.

Выделяю голосом его отчество намерено, чтобы подчеркнуть формальное, полное имя, которое, спорю на что угодно, он слышит часто, как «Большой босс». Его слова потому и

кажутся мне дико несерьезными и даже смешными — бояться пойти против родителя в таком возрасте и в качества состоявшегося человека.

— Вы могли бы его вытащить, если бы хотели.

— Не могли.

— Почему? Бойтесь...

— Ты обратила внимания на комнату Макса? — вдруг его голос прибавляет стали и жара, он бросает на меня гневный взгляд, снова сжимая руль только сильнее, — Ну? Что молчишь?

— Что мне ответить? Комната, как комната.

— Ты серьезно ничего не заметила?

— А что там замечать?! Логово...

— В ней есть все.

Хмурюсь. Да, это действительно так, но...при чем здесь это?!

— Не думала почему?!

— Потому что ему лень поднять задницу...

— Ты просто идиотка.

— Спасибо, что заметил, — ядовито отбиваю оскорбление, сказано не менее токсично, на что получаю тихий цык.

Дальше его голос теряет весь свой огонь, становится тихим и каким-то...стыдливым?

— Когда мы были маленькими, а отец бил мать, мы закрывались в комнатах. Он часто был пьяным, и мама буквально заставляла нас это делать, чтобы и нам не прилетало, потому что он никого не жалел. Иногда ей удавалось закрыться с нами, и...сколько времени мы там просидели бы на этот раз — тайна, покрытая мраком.

Тут то до меня медленно доходит...

«Они привыкли так жить...с запасом на всякий случай...Если придется закрыться у себя на неопределенное количество времени, у них будет все, что нужно...Боже...какой кошмар...»

— Тебе только так кажется, что все очень просто. Мы богатые детки...самые богатые! Но все далеко не так радужно. Выступить против отца нас заставило многое из прошлого, многое из настоящего. Матвей, конечно, последняя капля. Он не может покинуть эту чертову деревушку! Он не может учиться нормально! Он должен сейчас гулять, узнавать этот мир, трахаться наконец! И с кем он хочет, а не с кем «разрешено»! Заводить друзей, строить будущее, ходить в универ...Вместо этого что?! Он сидит за высоким забором среди людей, который просто больше не нужны, а мы не можем его вытащить! Отец просто не допустит этого! Он способен на вещи, которые ты себе даже представить не можешь!

Дает себе передышку — кислород кончился. Сказанное почти на одном дыхании, забрало все и, кажется, решимость включительно, потому что продолжает Михаил еще более тихо, чем говорил до того, как взорвался.

— Когда мне было девятнадцать, я, как и все нормальные люди, влюбился в одну девушку. Она работала в кофейне нашего университета и была очень милой. Простой. Я таких, как она, никогда и не видел. Меня всю жизнь окружали пустоголовые барби, а она... полная...противоположность, — задумчиво протягивает, замолкает, словно погрузившись в тени прошлого, но мне слишком любопытно, чтобы дать ему время вспомнить былое.

— Полная противоположность...?

Михаил пару раз моргает, потом быстро смотрит на меня и кивает, переведя взгляд на

дорогу. Вроде и спокойный, а руки на руле аж до белых костяшек сжаты, и чую я, что ничем хорошим эта история не кончится.

— Женя не моя первая жена.

«И снова оказываюсь права... черт!» — шокировано хлопаю глазами, но он не смотрит на меня, только слегка дергает плечами. Видно, что ему не комфортно рассказывать эту историю, а продолжает... — «Зачем?...»

— Я женился на ней тайно, тоже взбрыкнул. Отец то подбирает каждому пару самостоятельно, и такая вольность и бунт — это что-то из разряда...

— «Полный фарш»?

— Точно, — коротко усмехается, — Полный... фарш.

— И чем кончилось? Он и ее трахнул?

— Почти. Он ее купил.

— В смысле «купил»?

— Заплатил ей денег, чтобы она меня бросила, ввел ее в общество, продвинул по карьерной лестнице. Элиза любила моду, мечтала стать дизайнером... и стала. Ее мечту оплатила моя мечта о нормальной семье, доме... и мой ребенок.

— Что? — еле слышно выдыхаю, он как-то до безумия грустно усмехается, от чего мое сердце сжимается стократно.

— Она была беременна, но сделала аборт в обмен на карьеру. Отец мне все это рассказал лично.

— Может он...

— Хотел сделать больно? Я бы тоже так подумал, но нет. Это была правда, потому что я знал об этом. Она мне сказала до предложения моего отца.

— Мне...

— Знаю. Мне тоже.

Я смотрю на свои руки и не знаю, что еще добавить — это не просто «полный фарш», это какой-то новый уровень адского ада, если честно.

«Как так можно поступить со своим ребенком?...»

— Мое наказание — наблюдать за тем, как она благодаря *тайной* сделке, строит карьеру.

— Отсылка к тайной свадьбе?

— Именно. Как видишь, отец пускает в ход фантазию.

— Машина для Матвея...

— Именно, так что все дело не только в контроле, Амелия, хотя и он тоже играет свою роль. Только представь, что всю твою жизнь кто-то будет решать за тебя, что тебе говорить, как думать, даже что носить! Ты бы и сама не выдержала.

— Это точно...

— Знаю, что тебе сложно понять, но он каждому из нас воткнул нож в спину. Матвей — закрыт за забором, и мы не можем его вытащить, потому что без понятия, что отец сделает в ответ и кто за это ответит. Марина... у нее своя история, которую может быть ты узнаешь, но узнаешь сама и от нее.

— Ага, скорее я от нее получу еще одну пощечину.

— Марина эмоциональна, а ты снова пустила кровь нашему младшему брату у нас на глазах. Мы привыкли их защищать.

— Сама виновата?

— В каком-то смысле да.

— Я не хотела этого.

— И все же так вышло. Что касается Макса...

— У него отняли девочку. Я помню.

— Ты говоришь об этом с таким сарказмом, но, Амелия, он ее действительно любил. Даже больше тебе скажу: она была его первой любовью, до нее никого не было. Нет, у него были женщины...

— Естественно.

— Но таких чувств и вообще чувств нет, — отбивает мой яд очередным игнором, хмыкает, — И как ты думаешь, каково это однажды прийти к ней на работу и застать, как она делает минет твоему отцу?

— Но я здесь по-прежнему не при чем.

— И тебя по-прежнему никто не винит, но и ты должна понять почему оказалась в такой ситуации.

«Да, я всех должна понять, а меня то кто поймет?...» — хочется жалобно спросить, но я не делаю этого, а отворачиваюсь к окну, заканчивая этот разговор с послевкусием горького пепла на языке.

Очень сложно игнорировать то, что я слышала, а тем более то, что чувствую... К сожалению для меня, я действительно проникаюсь к ним всем сочувствием и большим пониманием, как бы не упиралась, не могу иначе.

«Точно дура...»

В итоге в квартиру я возвращаюсь в тяжелых раздумьях, с чувством, которое так и ворочается внутри — может быть у них действительно были мотивы? Мне все еще больно оттого, кем я стала в этой партии, это по-прежнему несправедливо и жестоко, подло, но теперь не так однозначно. И это бесит. Я смотрю в темноту перед собой, медленно снимаю куртку, и на меня наваливаются новые мысли, а точнее возвращаются старые.

«Я здесь, твою мать, не при чем! Почему я должна расплачиваться за свою сестру, за их отца-ублюдка?! Почему я должна страдать?!»

— Знаешь... ты много говоришь, и я не могу отрицать, что говоришь складно, но... — перевожу на него взгляд и, хмурясь, тихо, без сарказма, а скорее с грустью, спрашиваю, — Скажи мне, *Михаил Петрович*, а чем вы отличаетесь от него, а я от Матвея?

Михаил Петрович молчит. У Михаила Петровича нет ответа на этот вопрос, а я и не жду его вовсе. Ступаю на холодный пол, сжимая руки, потом убираю волосы, набираюсь духа, так сказать, чтобы зайти в свою клетку на неопределенное срок...

Макс

Кажется, меня вырубил от неограниченного количества стаканов и скучных графиков, потому что когда я очухиваюсь, шея дико ноет. Меня слепят фары, пусть сначала я этого и не понимаю, но протерев глаза, осознаю.

«Это Миша вернулся... Стоп! В смысле?! Он только вернулся?!»

Резко встаю, мир начинает вращаться, поэтому на секунду прикрываю глаза руками, еще раз протираю их снова, даю всем вертолетам спуститься на площадку. Ладно, мне требуется чуть больше минуты, но я все таки разворачиваюсь и иду в гостиную.

«Плечо еще ноет...» — хмурюсь, крутя им по часовой стрелки, — «Чертова сучка...» —

на секунду мне хочется подняться наверх прямо сейчас, чтобы снова ее поддеть, вызвать реакцию, а потом я вспоминаю: некого поддевать, Амелии там нет. Внутри стягивается канат, злость опять накатывает, и я ускоряюсь, завидев спину брата.

В гостиной не так много народа, и немудрено. После спектакля моей прекрасной пленницы, Арай с Кристиной ссорятся, Рома с Адель тоже. Здесь только Марина, Миша и Лекс, и они о чем-то тихо разговаривают, когда я захожу.

— Ты только вернулся?

Миша оборачивается. Сразу вижу, что что-то не так, и мне это «что-то» очень не нравится. Моментально напрягаюсь и делаю на него шаг, угрожающе шепча.

— Не говори только, что ты решил поиграть в благородие, твою мать.

— Прости? — усмехается брат, но я отбрываю все его улыбочки решительно.

— Где она?!

Молчит. Смотрит, оценивает, как Марина, которая делает это и сейчас. И Лекс делает. Он с интересом разглядывает меня, улыбается, что я вижу краем глаза, но не реагирую. Меня волнует только Миша.

«Чертов добряк, твою мать, если ты ее отпустил...»

— Она там, куда ты мне сказал ее отвести.

— Почему так долго?!

— Ты в чем-то меня подозреваешь? — приподнимает брови, а потом бросает взгляд на Лекса, — Поговаривают, что да.

— Ты не видишь никого, кроме своей жены, так что нет, но я все еще не услышал ответа на свой вопрос. Почему. Так. Долго?!

— Потому что я возил ее к Матвею.

Удар.

«ЧТО, ТВОЮ МАТЬ?!» — Марина орет мой же внутренний посыл, резко повернув брата на себя.

— Ты что?! Повтори!

— Я не попугай, чтобы повторять, — цыкает, убирая ее руку со своей, — Ты все прекрасно слышала.

— На кой хер?! — влезаю сам, делая на него шаг, — Я просил тебя это делать?!

— Она заслуживает знать.

— Знать что?!

— Наши мотивы.

Как мне хочется ему врезать, знает один лишь Господь Бог. Смотрю на него и еле сдерживаюсь, чтобы не накинуться, но Миша спокоен, как в танке. Отпивает свою порцию виски, пожимает плечами и смотрит в огонь с легкой улыбкой.

— Она ему понравилась. Сказал: привози еще.

— Не верю, что все прошло гладко... — Лекс вступает в разговор со смешком, на что Миша тут же кивает.

— Правильно делаешь. Она его в ванной на первом этаже закрыла, хотела сбежать...

— Я тебя сейчас убью.

— Макс, успокойся, — устало произносит, потирая глаза, — Я сказал, что она в квартире.

— И...

— Она передумала...

После я слышу потрясающую историю о том, как моего младшего брата закрыли в туалете, и как она «передумала». Меня кроет. Опять. И я не знаю почему: потому что все пошло не так, как я просил сделать? Или потому что ее нет здесь, а я безумно хочу ее увидеть? Особенно после этой треклятой истории...

— М-да... Они с Лилианой точно родственники? — усмехается Лекс, но Марина, все это время молчавшая, что для нее было странно, щурится сильнее.

— Но ты расстроен. И не ври, что нет.

— Даже не собирался, это бессмысленно.

— Почему?

— Когда я уезжал, она кое что сказала. Теперь это не дает покоя.

— И что же она сказала? — ядовито спрашиваю, опрокидывая сотую порцию виски.

Мне не нравится это настроение, а еще больше моя реакция. Я волнуюсь, сердце стучит, как бешеное, да что там? У меня даже ладони вспотели, а от взгляда Миши все только хуже становится.

— Ну?! Что за драматичная пауза?

— Она спросила, в чем разница между нами и нашим отцом, если она в такой же ситуации, как Матвей?

Звучит мерзко. Гадко. Мне это дико неприятно, и ожидаемо, злость только сильнее накатывает. Смотрю в сторону, пока остальные молчат и думают над услышанным, цыркаю языком.

«Эта сучка специально что ли?!»

Выхватываю свой мобильный. Сентиментальная глупость, которую я сделал сразу, как спустился вниз сегодня вечером, больше не кажется мне хорошей идеей, и раз так, надо это исправлять.

— Поднимись в квартиру, — четко командую, стоит абоненту на том конце сказать «алло», — И забери кота.

— Но...

Придурок с ресепшена моего дома блеет, как овца, что меня бесит только сильнее.

— Сейчас, твою мать! И не вешай трубку, я хочу слышать, как ты это сделаешь!

Отворачиваюсь, чтобы не видеть улыбочки семейства, от которых знаю, психану еще больше. Я прямо слышу, как Мара протягивает в свойственной ей игривой манере что-то типа: «Ага, ага, хочет он слышать... Ты ее хочешь слышать, признайся!»

«Ни за что! Хочу ее слышать?! Да чтоб ее и вовсе не было!»

Считаю секунды пока, судя по дыханию на том конце, паренек скоренько бежит в точку назначения. Делаю это, чтобы хоть немного успокоиться — не выходит. Меня реально начинает крыть, руки аж чешутся пару раз шлепнуть по этой непокорной заднице, и, твою мать, я так жалею, что отпустил ее...

— Извините за поздний визит, — наконец слышу нужные мне слова, и сердце замирает, потому что я знаю — сейчас я услышу и ее.

— Что-то случилось?

Сжимаю трубку сильнее. Ее голос сонный, так что воображение подбрасывает картину ночи, когда я принес ее в свою комнату, раздел и положил рядом. В свете Луны Амелия была сказочно соблазнительная, но больше этого зацепило то, как в какой-то момент она перелегла на бок, подвинулась ближе и обняла меня. Закинула ногу сверху. Уткнулась в бок. Как летом. Как все чертовы наши ночи, которые не выходят у меня из головы.

Мне огромным усилием воли удается отодвинуть воспоминания, чтобы слушать реальность...

— Кота надо отдать обратно, — неловко жметя, на что получает этот дебильный, саркастичный смешок.

— Это кошка.

— И все же.

— Кто это сказал?

— Максимилиан Петрович... — после короткой паузы говорит, она вдруг усмехается.

— Я так понимаю, что на телефоне его святейшество? — молчание, через миг еще смешок, — Понятно. Могу я взять трубку?

— Нет, — отрезаю, раньше чем мне зададут вопрос, после ядовито и саркастично добавляю, — Передай ей, чтобы шла на хер.

Паренек громко проглатываю слюну. Мне его почти жалко, оказаться в такой непростой ситуации между двух огней неприятное обстоятельство, но плевать. Я смотрю в одну точку с усмешкой на губах, которая полностью отражает всю злость, что сейчас испытываю.

«Сравнила меня с ним?! Сука. И после мне будут говорить, что она делает что-то не специально?!»

— Максим Петрович...эм...он не хочет разговаривать.

— Я сказал не так, — цежу сквозь зубы, — Передай дословно!

Снова пауза. Еще один панический «глоток», а потом я слышу заикания.

— Я...мне...он...эээ...Извини-те з-за грубо-сть, н-но...

— Давай быстрее соображай!

— Он просил передать, чтобы вы шли на хер, — выпаливает, как на духу, не дышит. Ждет.

Естественно он ждет реакции, понимает, как рискует. Она явно значит для меня много, и я могу послать ее куда угодно, но откуда ему взять гарантии, что если он пошлет ее туда же, пусть и от моего имени, за это не будет уволен? Как говорится, в разборки влюбленных лучше никогда не влезать, чтобы крайним не оказаться.

«Ты сказал влюбленных?!»

— Что ж, ясно, — изрекает холодно моя маленькая пленница, после и сама не отстает, — Тогда передайте Петру Геннадьевичу...

«Сука...»

— ...Ой, простите, ошиблась. Они ведь так похожи...

«Какая же ты сука...»

— ...Максимилиану Петровичу, что если он хочет *что-то* или *кого-то* забрать, пусть приходит лично. До этого момента, он может встать на колени и отсосать мой огромный член!

В конце своего зажигательного спича^[15] Амелия повышает голос до максимума, за чем следует оглушительный хлопок дверью. Я же еле дышу, сильно, до боли в пальцах сжимаю телефон, который больше всего сейчас хочу разбить о стену. Мне кое как удается этого избежать, сбросить звонок, как только паренек открывает рот, чтобы как-то объясниться. Телефон я спасаю, конечно, но злость снова накатывает, стоит только вспомнить ее мерзкий голос и не менее мерзкие, колкие слова, сказанные этим самым чертовым голосом. Да, накрывает так сильно, что я уже себя не контролирую. Со всех сил швыряю стакан в стену над камином, осколки взрываются салютом, вызывая негодования у моих сестры и братьев,

но я их не слышу вовсе. Кровь шумит в ушах, я упираюсь руками в стол и отгибаю корпус чуть назад. Стараюсь дышать. Жмурюсь.

«Как она это делает, твою мать?! Ее нет рядом, а все равно умудрилась вывести меня из себя, сука!» — «Ну нет! Сколько это будет продолжаться?! Возьми себя в руки, твою мать, как щенок! Сколько ты будешь позволять ей крутить тобой, а?!»

Резко выпрямляюсь и смотрю на Лекса, который в свою очередь еле сдерживает смех.

— Собирайся, поедem в клуб.

— Охо-хо... — встречает Марина, приподняв брови, — Ты же говорил, что секс не помогает?

— Я ошибался, твою мать.

— Вера как раз...

— Знаю я все! — огрызаюсь и разворачиваюсь в сторону лестницы, — Буду через пятнадцать минут!

Я иду медленно, засунув руки в карманы черного пальто, и так хорошо знаю эту дорогу, что даже с закрытыми глазами нашел бы ее, пусть это не очень то и сложно. Дом на Мосфильмовской, конечно, выделяется из городского ансамбля низких на его фоне построек не только своей высотой, но и стилем. Честно? Как бельмо на глазу, и будь у меня возможность, я бы выбрал не его, разумеется, но возможности не было. Всего в десяти минутах ходьбы находится квартира Кристина, а для поддержания имиджа и «лица» перед отцом, на случай, если он спалит меня за пределами университета раньше моего официального окончания, нужно было прикрытие. Да и отдых был нужен. Как ни крути, но постоянное притворство на протяжении стольких месяцев, высасывало все соки.

Поднимаю голову к небу, с которого сыпятся крупные, взбитые снежинки, и наблюдаю за их полетом.

«Красиво...»

Помню, как в первую нашу с Амелией ночь они тоже так вот медленно кружились, когда я точно знал, что она придет именно сегодня. Это как знать, что снежинки непременно упадут на землю — я видел в ее глазах уже принятое решение.

«Это был отличный подарок на день рождение...» — усмехаюсь про себя, выдыхая полупрозрачное облако пара изо рта, игнорируя настойчивый голос, поправляющий, — «Это был лучший подарок на день рождение. Не ври хотя бы себе!»

Алкоголь делает свое дело, расслабляет, и я могу отпустить себя хотя бы на короткое время, поддаться действительности, которую я так упорно не хочу признавать. Та ночь стала одной из самых лучших, а все изменилось задолго до того, как все произошло. Плавно, медленно, непонятно как, но изменилось...

— Если ты хотел подглядывать в окна, купил бы квартиру на первом этаже.

Кошусь в сторону и сразу подмечаю знакомую фигуру Лекса, отделившегося от своего черного Астона Мартина. Он усмехается — я закатываю глаза и возвращаю их к фасаду.

— Ты за мной следил?

— Несложно догадаться, куда ты направишься, так что скорее я просто прибыл на место встречи.

Лекс встает рядом, тоже смотрит в сторону дома, на меня нет. Не хочет нервировать, потому что знает, как это будет нервировать. Ни он, ни я не любим быть в уязвимом положении, а как назвать мое теперешнее, если не так? Я же здесь...

— Думал, что ты решил держаться от нее подальше?

— Я же не зашел, — улыбаюсь притворно, но сам не вижу ничего смешного в том, что сейчас происходит, поэтому, выдохнув на этот раз облако сигаретного дыма, прикрываю глаза, — Не понимаю почему меня к ней так тянет.

— Могу выдвинуть теорию?

«Нет, я знаю, что ты скажешь, так что лучше просто, твою мать, молчи!» — но он меня удивляет.

— Может быть потому что она — ее сестра?

Резко перевожу взгляд на брата, который свое внимание дарит мне медленно, плавно повернув голову. Щурюсь.

«Это что какая-то глупая игра или он серьезно?!»

— Ты серьезно?

— Лилиана твой чертов Эверест, ты сам так говорил, но она сука, признаем правду.

— На что ты намекаешь?!

— На то, что Амелия более мягкая, приятная ее версия. Скажем так, прошедшая тестирование и с устройением очевидных багов.

— Что за наклон в программирование и с каких пор тебе это интересно?

— Просто метафора для наглядного демонстрирования, но я имею ввиду, что Амелия более безопасный вариант. Ты знаешь, что эта девчонка так с тобой не поступит. Амелия тебя любит, Лилиана — нет.

Хватаю его за ворот пальто, злюсь, и сам не понимаю почему.

«Что меня так задевает?! Правда?! Что Лилиана — это чертова черная дыра?! Так я давно это знаю! Или меня задевает, что Лекс в слух озвучил о ее ко мне отношении?!»

Вопрос остается без ответа. Брат кладет мне руку на запястье и с силой отцепляет ее от себя. Я отпускаю без попыток противостать, он хмыкает.

— Это лишь предположение, брат, но я думаю, ты сам поймешь в один прекрасный момент, что происходит на самом деле. Ты найдешь ответ на этот вопрос.

Снова смотрю на фасад, но заходить не собираюсь. Я даже не уверен, что вообще собирался это делать, как и зачем в принципе сюда притащился. Это просто какой-то бред, а может слишком много виски? Без понятия, да и думать я об этом совсем не хочу. Лекс помогает и в этом.

— Верочка сильно расстроилась, — я тихо усмехаюсь, он поддерживает, продолжая смещать векторы внимания — Не могу поверить, что ты ее бортанул. Я думал, что ты хотел секса?

— Хотел, но не с ней. Она мне надоела.

«К тому же от нее воняло сигаретами и бухлом — не моя это история. Я люблю заниматься сексом с теми, кто понимает, что происходит, а не пребывает в любом, допинговом трипе!»

— Окей. Можем тогда сгонять в другой клуб. Более направленный...

— Ты меня достал. Сколько раз я говорил, что меня не интересует твоя «Тема» и твое чертово «БДСМ»! — усмехаюсь вновь, Лекс вторит.

— Ну вдруг у тебя появился вкус?

— Не мое это. Мне нужна полная свобода хотя бы в постели.

— Забавно, как так получается, да? Отец наградил тебя презрением ко всем рамкам, меня манией к жесткому, тотальному контролю.

— Он многим нас наградил, Лекс. Скоро все кончится.

— А ты уверен, что новые обстоятельства позволят этому случиться?

Лекс отвечает прямо и четко, не таясь. Знаю, что его все еще волнует наличие Амелии в этой истории, и понимаю даже — будь я на его месте, тоже бы дергался. На кону то стоит слишком многое, каждый из нас сильно рискует. Отец всегда воздаст за проступки на все миллион процентов, и, как правило, мстит и наказывает не напрямую, а через кого-то. У каждого есть, что терять. Та же Настя — она под угрозой поболее всех остальных, потому что обладает тем, чего нет ни у кого другого: нашим уважением и любовью. Это даже грустно, если честно, потому что отец то в чем-то и был прав в перерывах между телесным воспитанием. Любовь — это самая большая, ветвистая слабость, прорастающая внутри каждой твоей клеточки и ставящая на колени похлеще хорошо знакомых ежовых рукавиц.

— Я знаю, что ты волнуешься...

— Нет, Макс, я просто в панике, — перебивает, делая глубокую затяжку, — Потому что многое идет не так, как мы планировали. Амелия серьезная угроза, и Адель психует не просто так. Она ее хорошо знает.

— Я тоже достаточно, чтобы понимать — она не станет мешать нам.

— Она нас ненавидит, ты сам слышал. Каждого из нас.

— Ее мать вынуждена скрываться из-за него, Лекс. Ты думаешь, что она поставит под угрозу ее ради мести? Ты бы поставил?

— Я уже поставил свою мать под угрозу, когда вписался в этот заговор.

— Знаю.

— Если мы прогорим, он отомстит ее страданиями. Наш промах оплатит она...

— Я знаю! — грубо прерываю, а потом шурюсь, — Ты за этим здесь?! Чтобы надавить на меня?! Объяснить «политику партии»?!

— Вообще-то я здесь, чтобы за тобой присмотреть, потому что ты в говно. Но спасибо за такое красочное мнение, мне очень приятно.

— Ты сам начал этот разговор, а я уже не ребенок, чтобы за мной присматривали.

— Я просто хотел убедиться, что ты все еще в полной мере понимаешь, как сильно мы рискуем, и не будешь ставить все на кон, ради какой-то девчонки.

Цыкаю, отворачиваюсь. Я не хочу смотреть ему в глаза, потому что знаю, что по факту то он прав. Мне надо было отослать ее, отпустить, договориться наконец, что угодно, но не держать ее рядом. Каждый ее день, проведенный в моей квартире, угроза. Невозможно же спрогнозировать все, всегда есть место случайностям, а Амелия только увеличивает их количество, как количество проигрышных номеров на шариках в прозрачном квадрате телелотереи.

— Я не могу ее отпустить.

— Я это уже понял, — устало вздыхает, потирая глаза, — Пообещай мне только одно: если она станет угрожать нашему плану, ты сделаешь над собой усилие и снимешь ее с доски. Все слишком далеко зашло, чтобы так глупо подставляться, Макс.

«Обдумай, верно ли и возможно ли то, что ты обещаешь, ибо обещание — есть долг.» — так говорил Конфуций, и я согласен с ним. Я не хочу давать обещаний, в которых не уверен, потому что знаю, что мне будет достаточно непросто их не сдержать. Отец наградил меня не

только презрением к любым рамкам и огромной любовью к свободе, но и «чувством долга». Маме он обещал весь мир в свое время, сделать ее счастливой был его долг, как мужа, но он не сдержал ни одного обещание. Вместо мира она получила войну, а вместо счастья бесконечные страдания, и я снова возвращаюсь к тому, что уже говорил.

Я не могу позволить себе быть на него похожим, а значит не могу позвонить себе не исполнить своего обещания и своего долга.

Лекс это слишком хорошо знает, поэтому расценивает мое молчание правильно, что его не может оставить в прекрасном расположении духа.

Его это злит. Читаю по усмешке и парочке кивков, а также во взгляде, который он поднимает на меня резко и остро.

— Ты не станешь этого обещать, я прав?

«Нет, брат, неправ, потому что есть во мне еще кое что: семья превыше всего...»

Потому что я так привык. Потому что сидя в маминой спальне, где было все, кроме спокойствия и свободы, под замком, который неизвестно когда откроется, мы жались друг к другу в страхе, что он откроется слишком рано. Семья превыше всего — тогда я это понял, ведь точно знаю, что если бы у меня не было моих брата и сестры, я бы не смог выжить. Такое детство научило ставить семью выше любых других желаний и слабостей...

— Я обещаю.

Лекс наклоняет голову на бок, но мне больше не хочется говорить. Последний раз смотрю на дом, потом разворачиваюсь в сторону его машины, слыша в спину справедливый вопрос.

— Ты что не зайдешь?

— Поехали домой, я устал и хочу спать.

«Нет, не зайду, потому что если я ее увижу, я нарушу все свои обещания...»

Неделю спустя

За завтраком я сижу и улыбаюсь, уставившись в свой телефон в компании двух женщин: Марины и Жени. Так как вчера я допоздна работал, сегодня вышел только когда все разбрелись по дому кто куда. Да меня и не волнует это вовсе. Пролистываю уведомления с каким-то внутренним мондражем и неким упоением, тихо цыкаю, потом издаю смешок. Уже неделю мы с Амелией играем в очень веселую игру, которая называется «Потрать все мои деньги». Она это делает стабильно. Три раза в день мне приходят сообщения со списанием кругленькой суммы, и я, клянусь, никогда не думал, что меня будет радовать такое варварское отношение к своим сбережениям.

— Что ты ухмыляешься? — невзначай спрашивает Марина, а потом добавляет, — На бирже происходит что-то веселое?

На самом деле она знает, почему я ухмыляюсь, но не позволит себе открыто спросить об Амелии. Точнее гордость не позволит. Слишком она ее зацепила, так что сестра и вовсе предпочитает делать вид, будто ее нет, да и не хочет, наверно, нервировать меня. Мара отлично знает, как я отношусь к любому виду контроля, как и к попытке лезть в мою жизнь, но просто не может промолчать. Наверно ей слишком интересно, что эта чокнутая девчонка выкинет дальше. Я честно думал, что ничего, но вот уже неделю она настойчиво пытается привлечь мое внимание, вытряхивая мою платиновую карту.

«Думает, что я психану из-за денег и приеду разбираться?» — слегка закатываю глаза

своим мыслям, — «Глупый, маленький котенок...»

— Ты меня слышишь? — Мара пару раз щелкает пальцами перед носом, и я отвлекаюсь от экрана.

— Слышу, что ты хочешь узнать?

Я так спокоен, что это даже удивляет. Внутренне нет никаких взрывов или скачков, я расслаблен и собран, мне на удивление хорошо. Я не нервничаю, только разве что...

«Нет, даже не вздумай сказать, что ты скучаешь, придурок!» — взвиваюсь на миг, но потом снова смотрю в свой телефон, так как пришла еще одна смс-ка.

Прикрываю глаза с блаженной улыбкой, сегодня Амелия разошлась куда больше обычного. Явно теряет терпение, и как же я смакую это воспоминание ее хмурых бровей и злости, отраженной в глубине незабываемых глаз — сказка. Мне до омерзения приятно видеть и чувствовать ее эмоции, они слишком вкусные.

— Что она еще купила? — тихо интересуется Женя, которой ничего не мешает интересоваться, и я открыто улыбаюсь, смотрю на нее и слегка жму плечами.

— Она в этом вопросе не удивляет. Шмотки.

— И сколько сегодня? — как бы невзначай все таки не выдерживает и Марина, на что я поворачиваю экран своего телефона.

Сообщения идут гуськом, стабильно три раза в день, с жирно-выделенной суммой, в ответ на которую у Марины расширяются глаза.

— Она решила скупить весь бутик Шанель?

— Мне плевать...

Я говорю это тихо, снова опускаю глаза к сообщениям и слегка улыбаюсь, потому что мне действительно плевать. Платиновая карта моя, на ней лежат деньги, которые принадлежат только мне и отец к ним отношения не имеет — это слишком приятно, и насрать на тот факт, что это мои последние деньги.

«Пусть тратит сколько хочет, хоть все забирает, лишь бы...»

Что «лишь бы» не успеваю закончить даже для себя, так как экран телефона неожиданно оживает, но не благодаря еще одной весточки от моего дикого котенка. Настроение тут же падает ниже плинтуса.

«Отец»

Я смотрю на Марину, которая хмурится, мельком показываю ей свой входящий, намекая на тишину, и только после этого стягиваю ползунок вправо.

— Да?

— Макс, ты где?!

Голос взволнованный, что напрягает еще больше. Я подаюсь вперед, Марина тоже, даже Женя напрягается и испуганно хлопает глазами, пусть и не понимает до конца, что происходит. Все напряжены, включая воздух в комнате, которым можно, клянусь, взорвать всю Москву при желании.

— МАКС, ТЫ ГДЕ?! — он повышает голос, из-за чего я ощущаю какой-то странный иррациональный страх и волнение.

Не из-за своего детства. Что-то в этой ситуации мне совсем-совсем не нравится...

— А что?!

— Ты на Мосфильмовской?!

«ОТКУДА ОН ЗНАЕТ?!» — сжимаю трубку сильнее, но отец не ждет больше ответа продолжает.

— Не отпирайся! Да, мне известно, что ты выкупил целый этаж, мы поговорим об этом потом, а сейчас говори: ты там или нет?!

— Что происходит?! — тяжелое дыхание, но никакого ответа, из-за чего я начинаю нервничать больше, даже повышаю голос, — Ты слышал меня?! ЧТО...

— Ревцов сбежал.

Застываю. Удар приходится прямо в затылок и такой силы, что перед глазами на секунду темнеет. Я не могу дышать и слышу, как через толщу воды, быстрые объяснения отца, которые и сам уже знаю...

— Макс, он поедет к тебе! Он думает, что это я убил его чертова сына, так что он поедет к тебе! Если я знаю, что ты выкупил этаж, он, поверь, тоже! Поэтому ХВАТИТ ЗАДАВАТЬ МНЕ ГЛУПЫЕ ВОПРОСЫ, ОТВЕЧАЙ! ТЫ ТАМ ИЛИ НЕТ?!

Но я не отвечаю. Сердце бешено стучит, а трубка уже валяется под ногами, откуда доносится мое имя, как на репите, но мне на это уже плевать. Я срываюсь с места и бегу в кабинет, попутно врезаюсь в стену большим плечом — не обращаю внимания. Из ящика, закрытого на ключ, достаю пистолет, заряжаю его и, схватив ключи от своей тачки, громко хлопаю дверь. Иду быстро, решительно, заряжая оружие попутно, вижу мельком Марину. Она что-то говорит, но я снова ничего не слышу — кровь шумит в висках, руки трясутся, а дыхание спирает, прыгает.

Мне по-настоящему страшно...

— Макс, твою мать! — сестра дергает меня за руку и разворачивает, но я откидываю ее хватку и хочу было повернуться к входной двери, когда замечаю Лекса.

Он спускается по лестнице голый по пояс, видимо только после тренировки, хмурится, не понимает, что происходит, но собирается спросить — я не даю.

— Отец звонил. Ревцов сбежал и едет на Мосфильмовскую.

Взгляд Лекса леденеет, а Жени издает то ли писк, то ли что-то типа него, закрывая рот руками, но это я замечаю так, на задворках сознания, потому что смотрю только на брата, которому дал обещание...

— Он убьет ее... — тихо произношу, а потом отступаю назад и хмурюсь, — Прости, Лекс... я не могу этого допустить. Прости меня.

Снова разворачиваюсь и, не давая никому и шанса меня остановить, выскакиваю на улицу, прыгаю в свою тачку и резко стартую. В этот момент, кажется, у меня есть ответ на мой собственный вопрос, почему меня так к ней тянет, и дело не в Лилиане. Я в *нее* влюблен. По уши. Она никогда не была никаким залогом, и никогда не было реальной необходимости держать ее рядом: Лилиану я бы легко прогнул, а Амелия никогда бы не рассказала ничего отцу — мне это все известно. Я хотел, чтобы она была рядом. Я не мог без нее. Она вызывает во мне такую бурю, которую я не могу контролировать, потому что я на ней завис по полной и абсолютно. Это так, мне не нужно никаких психоанализов, чтобы это понимать, хотя бы потому что мне плевать на все обещания и риски — если я не успею, мне на все уже будет насрать.

Амелия

Устало вздыхаю, осматривая гостиную, которая когда-то была просторной, а сейчас стала больше похожа на склад магазина. Везде коробки, пакеты с яркими названиями дорогущих брендов, которые я так и не открыла. Признаюсь честно, хотелось. Когда впервые

получила заказ, который изначально был способом отомстить, раз уж мне дали платиновую карту, наверно я даже поняла Лилю — выглядело это роскошно. Руки так и чесались, и, к своему стыду, дочесались до позорного «отказа всех моих принципиальных моментов» — я открыла коробку, где лежало потрясающее платье от Шанель.

«Черт...»

Ругала себя знатно, и так стыдно было. Эти деньги не были моими, и тот факт, что я могла ими распоряжаться, бесил. Крыл даже, поэтому больше я не поддавалась на провокации своей любопытной половины, а сжимала кулаки и отравляла коробки к стене. Сейчас их накопилось просто миллион, а никакой реакции так и не последовало. Месть не была моим основным приоритетом, я хотела, чтобы он приехал, хотела попытаться поговорить еще раз, а все мимо.

«Уже неделю я сижу в этой клетке и медленно схожу с ума...»

Единственным существом, с кем могу поговорить — это белый котенок, которого мне принесли, а потом фактически сразу пытались отнять. Естественно я не отдала, — принципиально! — хоть и не хотела ее оставлять. В этом жесте была некая насмешка и, получив переноску с ней, я оставила белый комочек в прихожей. Ненадолго. Девочке это не сильно понравилось, она стала пищать, съездившись от страха перед чем-то новым, и я, закатив глаза, все таки забрала ее с собой на диван, а потом назвала ее Луной. Сейчас она, не подчиненная никаким принципам, лазила в ярко-красном пакете из ЦУМа.

Закатываю глаза, когда она падает вместе с ним и удирает в сторону прихожей, усмехаюсь.

— Будто это и не ты, да?

В этот момент я слышу звук открывающейся двери, и не могу контролировать радость, которая накрывает волной. Сердце замирает, потом бешено начинает стучать, улыбка появляется на лице, и как будто ее кто-то приклеил! Мысленно я оправдываю себя тем, что просто соскучилась по кому-то из своего «вида», хотя не могу сказать, что чувствую сильное одиночество. С курьерами, которые привозят мне мои заказы, могу трепаться свободно и достаточно долго, но и это никогда не признаю.

«Я радуюсь исключительно сработанному плану, а не потому что я по нему скучала! Пф! Еще чего!» — иду в сторону коридора и фырчу на себя, а руки сжимаю с таким волнением, что мурашки идут.

Но замираю, стоит мне остановиться в начале коридора, потому что там не он. В квартире стоит какой-то грузный, огромный мужик, который тоже замирает, а через миг на его мерзкой роже появляется не менее мерзкая усмешка. Моя улыбка медленно тает...

— Так, так, так... У Максимилиана тут кое что спрятано? — тихо, заговорщически произносит, делая шаг в мою сторону.

Я же не могу пошевелиться, смотрю на него и не могу даже мысленно пошевелиться, потому что я узнаю эти глаза. Слишком уж часто видела их в кошмарах...

— Кто ты, малышка? — еще шаг, от которого в носу начинает дико щипать, — Ты его девочка, да?

Боже, как же это гадко звучит именно от него. Настолько гадко, что меня передергивает, он это замечает и ухмыляется только шире, демонстрируя золотой клык, как бы это не звучало странно.

«Ревцов старший...это он...» — звучит в голове приговор, который липким взглядом накладывается на все мое существо.

Так он привязывает меня теснее, присобачивает к месту, и я, как дура, подчиняюсь. Я. Просто. Не. Могу. Сдвинуться. С. Места.

Но так он действует только на меня. Моя отважная Лúна выпрыгивает, как самый опасный, верный защитник, прямо перед ним, выгибает спину, шипит. Ревцов опускает глаза на кошку всего на миг, после которого с силой пинает ее, откидывая в стену, по которой животное съезжает, обмякнув. Слезы скатываются с глаз, и я так боюсь, что он ее убил, но благодаря именно ей заклятие падает, и к телу возвращается способность двигаться, которой я пользуюсь, развернувшись вглубь квартиры.

«Бежать!!!»

— Не так быстро, девочка! — толстые пальцы хватают меня за волосы, рывком притягивают, и щеку опалает его мерзкое дыхание, посылающее ворохи колючих мурашек, — Разве так встречают дорогих гостей?

Макс

Маловероятно, что Ревцов приехал один, но я ставлю на то, что людей своих он оставил внизу, ждать моего отца, а на этаже, кроме него, дай бог будет еще человека два. Так и выходит. Когда открываются двери лифта, который поднимает исключительно с парковки, я сразу же вижу одного бугая. Он удивляется, не ожидал, наверно, но я не теряюсь. Бью его наотмашь прямо в лицо, сбивая с ног профессионально поставленным ударом, и он падает на спину, бьется затылком. Кровь медленно растекается по полу густой лужей, на второго, кого я замечаю не сразу, наставляю пистолет. Он поменьше, потрусливее, отступает в угол, правда это не помогает — я точно бью и его, наблюдая, как тело стекается на пол, как кисель.

Коридор пуст, а железная дверь открыта — как, дело понятное. Видимо они угрожали администратору, и тот, дабы спасти свою шкуру, отдал ключи.

«Если его не убили, это сделаю я...» — думаю, пока могу.

Мысли отключаются в следующую секунду, когда я слышу ее крик. Сердце пропускает удар, меня полностью отключает от реальности, потому что перед собой теперь я вижу только одну цель — полу-открытую дверь квартиры, где она живет.

Иду быстро, дышу часто, захожу внутрь. Слышу ее хрип, какой-то стук, котенок, которого я ей подарил, лежит без движения в прихожей, а меня пробивает холодный пот. Резко поднимаю глаза, когда Ревцов шепчет.

— Ну, сука, нравится?! Я тебя задушю, еще раз посмеешь меня укусить!

Тяжелый, шумный вдох, снова удар — я вздрагиваю сам, будто это сделали со мной, — слышу, как ее тащат. А она...плачет.

— Пожалуйста, не надо...пожалуйста...

Меня как будто парализует, пульс стучит теперь не в висках или горле, даже не во всем теле, а в самих глазах. Мир пульсирует. Я не могу пошевелиться, а только слышу...

— Надо, девочка, надо. Я трахну тебя, а потом буду медленно разрезать на части и снова трахать. Снова и снова. Снова и снова. Пока не закончу делать из тебя мозаику, которую отправлю твоему хозяину...

Ткань рвется, она снова кричит и плачет, а меня наконец срывает с места. Ярость, что копилась и не давала сделать и шага, вырывается, и все вокруг снова покрывается красной пеленой, сквозь которую я вижу, как в замедленной сцене из фильма, ее руки, колотящие по

массивной спине. Маленькие, сжатые кулачки. Колени. Тонкие лодыжки. Слышу словно через призму каждый ее всхлип и вздох, сдавленный страхом, который я чувствую стократно. Меня окончательно кроет.

Я срываю Ревцова с нее, как ничего не весящее ничто, кидаю на пол. Сажусь на него. Наношу удары. Бью-бью-бью. Еще. Еще. Ярость настолько сильная, что я не помню, кто я такой, в голове стоит ее крик и это важнее всего остального. Я даже не понимаю, что меня оттаскивают и орут:

— Макс, Макс, успокойся!

Смотрю на того, кто встал передо мной и тем, кого я хочу убить, и не узнаю его. Слышу хрип. Дальше всплеск — перевожу взгляд на тело, где вместо лица месиво. Оно выплёвывает кровь фонтаном, еле шевелит руками, но шевелит, и мне мало! Снова рвусь, но меня снова тормозят, вырастают прямо передо мной, хватают за предплечья и встряхивают.

— УСПОКОЙСЯ, ТВОЮ МАТЬ, ТЫ ЕГО УБЬЕШЬ!

Наконец до меня доходит, что это Лекс. Он напуган, взволнован, сам еле дышит, наверно, бежал, а может это из-за меня? Из-за того, что он не мог меня оттащить? Остановить? Я не знаю. Все вопросы отпадают, когда я слышу смех. Тело смеется хрипло, колюче, сдавленно, но громко.

«Почему он смеется?!»

Мне страшно узнать ответ. Медленно я поворачиваю голову к дивану, где в самом углу сидит она. Облегчение накрывает, я ведь на секунду подумал, что он смеется, потому что смог отнять у меня ее, но нет. Амелия жива. Она напугана больше всех, сжалась вся, подтянув ноги к груди, закрывает руками уши, смотрит точно на него. Ее одежда порвана, на запястьях глубокие синяки и...кровь.

«Нет...» — выдыхаю громко, — «Неужели я опоздал?!»

Она не шевелится, даже, кажется, не дышит, и я знаю, что она будет бояться до того момента, пока он дышит. Я это уже видел летом, потому что после всей той истории с ее сестрой, моей девочке часто снились кошмары.

Дальше это уже не эмоции, а холодный расчет. Мне ведь точно известно, что нужно, чтобы она никогда больше не боялась. Отталкиваю Лекса с силой, только так он не сможет мне помешать, подхожу к Ревцову и навожу на него курок, но не успеваю ничего сделать. Ревцов делает все сам.

Бам!

— Твою мать... — выдыхает Лекс, зажав руки в замок на затылке, — Какого...хрена?!..

Он не понимает, да и я тоже не понимаю, но это и неважно совсем. Разбираться с больной башкой этого чокнутого ублюдка не мое дело, а вот она...Амелия все также не шевелится, но когда я делаю на нее шаг, резко поднимает глаза. Теперь я могу различить на ее щеке красную ссадину видимо от удара, а еще бегло замечаю тонкий синяк на шее. Я не уверен, поэтому делаю еще один неосознанный шаг, и сразу в голову врезается мысль, что я могу ее напугать еще больше, но этого не происходит. Она не бежит, не отстраняется, а тупо смотрит, и я слегка улыбаюсь.

«С ней вообще все всегда иначе...»

Делаю еще один шаг, глазами умоляя не бояться, да она, кажется, и не собирается. В следующий миг Амелия подрывается с места, а еще через один я крепко обнимаю ее, закрывая руками, прижимая к себе, желая в принципе вжать ее в себя, чтобы защитить от всего. Закрываю глаза. Она плачет, и это бьет по мне настолько сильно, что в носу начинает

свербить. Утыкаюсь в волосы, когда она тихо-тихо шепчет.

— Я так испугалась...

— Я рядом, малыш, все кончилось. Он больше никогда тебе не навредит.

Глава 15. Инсценировка и последствия

Глажу ее по волосам, успокаиваю, чувствую, как ее маленькие пальчики впиваются, сжимают мою футболку, и сердце замирает.

— Тише, не плачь, все кончилось... — мягко шепчу в висок, она кивает.

— Спасибо...

Потом поднимает на меня глаза, так доверчиво смотрит, облизывает губы, и я замечаю ссадину. Хмурюсь, слегка касаюсь, она мотает головой.

— Все в порядке.

Ага. Как же. Я злюсь еще сильнее, когда спускаюсь ниже и провожу пальцами по глубокой вмятине на коже от цепочки — вот чем он ее душил и делал это так сильно, что уже сейчас синяк становится синим. Боюсь представить, каким он будет через пару часов, а еще больше боюсь представить, чтобы я сделал с ним, если бы он сам не сдох.

— Я не знала, как его снять...

«Это моя вина, твою мать...»

Нажимаю на внушительный камень, цепочка сразу раскрывается, и я отшвыриваю его так далеко, как только могу. Амелия слегка улыбается, продолжая смотреть мне в глаза.

— Так просто?

— Прости.

Касаюсь ее рук, на которых видны мерзкие разводы крови, она сжимает мои пальцы и тихо, словно успокаивая шепчет.

— Я порезалась сама. Готовила...

Как от сердца отлегло. Я даю себе этот момент, чтобы поймать спокойный ритм сердца, сжимая ее пальцы. Амелия мне его дарует, молчит, и спрашивает только тогда, когда уже можно, словно чувствует меня, как себя.

— Откуда ты узнал?

— Отец позвонил! — грубо прерывает нас Лекс, который стоит спиной.

Теперь я хмурюсь, потому что не понимаю, какого хрена он делает и почему, пока не вспоминаю — ее одежду порвали, а это знак уважения мне. Амелия, конечно, этого не понимает, но понимает, что почти голая, так что неловко прикрывается руками, краснеет и смотрит на меня так жалобно, испугано, что я невольно улыбаюсь вновь.

— В прошлый раз ты не была такой стеснительной, котенок.

— Макс, твою мать! — снова грубо влезает Лекс, — Хватит миловаться, он придет с минуты на минуту! Прикрой ее наконец, чтобы я мог повернуться, и мы нормально решили, что делать!

Понимаю, что он прав, но как же мне нравится этот огонь в ее необычайно красивых глазах... Я, как придурок, своих оторвать не могу. Смотрю, люблюсь, смакую...

— Всё?!

«Нет, сегодня нам не дадут побыть наедине!» — фыркаю про себя, после стягиваю плед и накидываю ей на плечи, а потом приближаюсь и на ухо шепчу.

— Иди оденься, только побыстрее, хорошо? Пожалуйста.

Амелия отстраняется, но, вроде как, не собирается спорить. Слегка кивает, неловко встает, идет на полупальчиках в сторону комнаты, но замирает. Я было думаю, что из-за

труп и море крови, но взгляд ее направлен в прихожую. Лекс резко поворачивается, я тоже, правда из-за угла моего обзора, мне видна только боковая стенка и все. Сердце на секунду останавливается, будто сейчас я услышу шаги отца — их нет. Амелия увидела свою кошку, которую Лекс бережно поднял, несколько мгновений прислушивался, а потом тихо сказал:

— Она жива, но, похоже, без сознания. Иди одевайся.

Милый жест, особенно учитывая тот факт, что Амелия по-прежнему не противится, а снова слегка кивает и быстренько убегает в сторону спальни. Я же наконец сбрасываю с себя все радости встречи, вспоминаю: угроза более, чем реальная.

Смотрю на брата. Тот укутывает кошку, косится на труп, потом касается мимоходом меня и снова опускает глаза на животное.

— Ты его чуть не убил.

— Да.

— Это все равно плохо.

Решаю не отвечать. Вместо того встаю и отхожу к окну, осматриваю гостиную — здесь полно ее вещей, вот что действительно очень плохо.

— Надо срочно придумать, как мы объясним все эти вещи.

— Макс, уже нет никакого смысла пытаться. Он придет через пятнадцать минут максимум и увидит ее. Я считаю, что раз мы оказались в этом положении, надо признаться, что вы встречаетесь.

Лекс укладывает животное на диван, за чем я пристально наблюдаю, чувствуя всполохи какой-то иррациональной ревности, потом встречаюсь с ним взглядами и отсекаю.

— Нет.

— Нет?! Что значит «нет»?!

— Это как «да», только наоборот.

— Оставь свой сарказм, это больше не вопрос выбора! — орет в голос, указывая на труп в середине гостиной, — Как ты объяснишь все это?!

— Выкручусь.

— Как ты выведешь ее?!

— Ты выведешь.

— КАК?! Может ты не знаешь, но внизу две машины его людей! Как я проскользну мимо них, мимо отца, мимо всей охраны и сотрудников здания незамеченным?! Амелия маленькая, но я не смогу спрятать ее в карман!

— Прекрати орать! — делаю на него шаг, тоже повышаю голос, но сразу сбавляю обороты, — Она итак напугана и...

— Да мне насрать! Я тебя предупреждал, чем все это может кончиться! Единственный вариант сказать, что вы встречаетесь! Другого выхода нет или все накроется медным тазом, и пострадает моя мать!

— Никто не пострадает! Ты выведешь ее через пожарную лестницу, а я останусь тут и скажу, что он на меня напал, а я защищался!

— Ты не заметил, что у тебя снова разошлись швы?! А?! — Лекс быстро подходит и резко тянет футболку, оголяя кровоточащую повязку, — Как ты объяснишь «ЭТО»?!

— Я выкручусь.

— Как. Ты. Объяснишь?! Я ХОЧУ УСЛЫШАТЬ! КАК.ТЫ.ЭТО.ОБЪЯСНИШЬ?!

— Скажу, что он в меня выстрелил!

— Видно, что твоя рана не сегодняшняя!

— Я выстрелю еще раз!

— Ты безумный?!

— Я СКАЗАЛ, ЧТО НЕ СТАНУ ГОВОРИТЬ ЕМУ О НЕЙ!

Мы тяжело дышим, стоим друг к другу почти нос к носу, и каждый, спорю на что угодно, каждый! мечтает врезать второму. Вряд ли это произошло бы, конечно, хотя и могло на таких эмоциях и с такими высокими ставками, но градус разряжает ее уверенный голос.

— Почему ты не станешь говорить обо мне?

Я резко поворачиваю голову, Амелия стоит в проходе, одетая в черный свитер и джинсы. Хмурится. Переводит взгляд на Лекса, когда тот цыкает и отходит от меня на пару шагов.

— Потому что... — начинает разгоняться, что я тут же жестко прерываю.

— Закрой рот! Ты просил защитить тылы, а теперь просишь меня их же и сдать?! Ты в своем уме?!

— Да признай, что ты просто боишься, что если он узнает...

Подлетаю и хватаю его за грудки, приближаюсь и хрипло шиплю, не сводя глаз с Лекса.

— Я серьезно. Закрой. Свой. Сраный. Рот.

— Отпусти меня, или клянусь, я тебе отвечу, не смотря на то, что у тебя всего одна рука рабочая.

— Прекратите!

Амелия втискивается между нами так ловко, что я и не успеваю сообразить, а уже и не держу Лекса. Она как-то умудряется нас расцепить, кладет руки мне на грудь и смотрит в глаза.

— Макс, отойди и успокойся.

«Как тут успокоишься, когда я вижу, как тесно она прижата задницей к его члену?!»

Дергаю ее за руку и отхожу, но крепко сжимая запястье, на что Лекс, конечно же, не может промолчать и издает злой, но вполне заслуженный смешок.

— Вы должны уйти, — говорю, когда мы на безопасном расстоянии от детородных органов моего родственника, и снова слышу смешок.

— Ты псих. Он ни за что не поверит! Тут вещей целый склад!

— Скажу, что они принадлежат Адель. У нее как раз ремонт.

— А рана твоя кому принадлежит, а?!

— Я еще раз повторяю: я выстрелю в себя снова.

— Макс... — вступается Амелия, но я тут же жестко смотрю на нее и пресекаю любой спор.

— Я все сказал, а значит так и будет. Нет времени на споры — уходите сейчас. Сейчас, Лекс!

Подхожу к телу и присаживаюсь на корточки, выуживаю пистолет, который, как оказалось, находится в его руке. Вот что он смеялся — пытался меня убить и, наверно, в бреду думал, что нажал на курок. Закатываю глаза и прикладываю дуло к плечу, примеряюсь, как вдруг чувствую маленькие пальцы на своем запястье.

— Амелия, уходи, — тихо говорю, смотря ей в глаза, — Ты должна уйти сейчас или будет слишком поздно, и все будет зря.

— Мы можем придумать легенду о наших отношениях. Я подыграю, но...

— Нет.

— Макс...

— Нет!

— Ты выберешь пулю?!

«*Чем позволю ему к тебе приблизиться?!*»

— Да!

Она смотрит долго, пронзительно, и, кажется, ее что-то оскорбляет? Но я не понимаю что, а спросить не успеваю. Лекс, который все это время смотрел в окно, резко поворачивает я и выпаливает.

— Клянусь, я слышу мигалки. Макс, он почти здесь...

— Уходите. АМЕЛИЯ, УХОДИ, НЕ ПОРТИ ВСЕ! ВАЛИ!

На секунду она опять стекленеет, но быстро берет себя в руки, приближается и забирает у меня пистолет, а когда я пытаюсь сопротивляться, мотает головой.

— Отдай. Ты не знаешь, что нужно делать, а я — да.

Почему-то я ей верю, отпускаю, и когда она берет в руку руку этого мудака, хмурюсь. Коротко посмотрев на меня, она слегка улыбается и тихо объясняет.

— Он может проверить порох на руках, и тогда ты провалишься. Но стрелять необязательно. Твоя рана почти зажила, так что достаточно будет немного тебя пырнуть. Так безопасней...

Снова не понимаю, а она слегка расширяет глаза и цыкает.

— Второй выстрел слишком рискованное мероприятие. Это лучший вариант. Скажешь, что готовил, когда он вломился, между вами завязалась драка. Ты разбил ему морду, думал, что он отключился. Услышал шум, решил, что это его бугаи пришли в себя, он воспользовался ситуацией и выхватил нож. Пырнул тебя. Ты упал. Он подумал, что убил, поэтому сделал это... Все понял?!

Лекс как-то оказался за моей спиной, внимательно слушая, а после смотрит на меня и усмехается.

— Кажется теперь она тебя пырнет? Какие у вас здоровые отношения...

— Закрой рот, — грубо перебивает его мой дикий котенок, сверкнув глазами, — Я пытаюсь спасти ваш дебильный план. Побольше уважения.

— А ты ничего не перепутала?!

— А ты?!

Когда она злится — это в высшей степени прекрасно. Чувствую, как становится тесно, и это такой абсурд, что самому стыдно. В первые в жизни, наверно... усмехаюсь. Лекс резко переводит на меня взгляд, но Амелия возвращает себе внимание, как только она умеет. Жестко и грубо, но, черт возьми, просто потрясающе.

— Еще одно слово, делать все будешь сам. Моя мать мастер инсценировок, а что у тебя в запасе?! Острые взгляды и бесполезный сарказм?!

Не могу сдержаться и начинаю тихо смеяться, Лекс же таращит глаза и не может придумать ни одной подковырки, отвечаю. Он просто потерялся от такой наглости, Амелия же смотрит себе за спину и кивает.

— Если мы наконец разобрались, тогда делайте, что я скажу. Решение?

Что нам остается? Только признать, что походу дела реальный опыт и знания, стратегия есть только у нее — в этом во всем мы совершенные профаны. Я умею стрелять, так как мама умела и учила, а Лекс никогда и не держал в руках пушку — он вообще оружие не сильно любит, разве что ножи. Мы, конечно, занимались борьбой и умеем драться, но на этом все знания заканчиваются. Амелия же дочь женщины, руководившей фактически всем

Новосибирском, что я узнал уже после той встречи с ее «усатым нянем».

Киваем по очереди. Сначала я, потом, через пару секунд, Лекс. Ему не нравится это, но выхода другого действительно нет, и тогда я впервые вижу какой она может быть... хладнокровной. Амелию чуть не... черт, нет, не могу произнести это слово даже про себя, так что пусть останется только "не убили", человек, которого она боялась всю жизнь, а девчонка раздает приказы, как заправский генерал...

«Это впечатляет...»

Меня приводит в чувство удар в челюсть. Я прижимаю руку к лицу, резко смотрю на Лекса, который, сука, аж светится, и уже собираюсь ему ответить, но она не дает.

— Не смей! Ты сам согласился, терпи! И вообще! Где ты летаешь, твою мать?!

Теперь Лекс начинает смеяться, видимо над выражением моего лица, которое физически ощутимо вытягивается.

— Да, Макс, где ты летаешь?

— Зат... На кой хер ты меня ударил?!

— Ты реально...

— Ты боролся не за жизнь, а на смерть! — цедит сквозь зубы Амелия, потом осматривает меня и дергает головой, — А выглядишь, как топ-модель по-американски. Очень правдоподобно. Бей еще раз, Алексей Петрович...

— Не называй меня...

— ...А ты, Максимилиан Петрович, уши не развешивай, и давай-ка повнимательней, ага?!

Мы смотрит на друг друга, снова еле сдерживая улыбки, но генерал в юбке недоволен. Он тут же подает голос командным тоном:

— Делайте!

И нам ничего не остается, кроме как делать. Я пропускаю еще три удара, кровь течет из носа, губы, бровь опухла, и мне приходится отвернуться, чтобы найти, что приложить, но Амелия продолжает раздавать указания...

— Насчет Луны — она остаётся.

— Что за...

— Она, — указывает на кошку, а я приподнимаю брови с усмешкой.

— Ты назвала ее Луной?

— Это сейчас так важно?! — Лекс теряет терпение, но Амелия слегка кивает, подтверждая, и только потом продолжает.

— Ты купил ее Насте на Новый год, она обожает кошек и давно ее хотела...

Лекс еще в большем шоке смотрит на Амелию, и спорю на что угодно, этого он уж точно не ожидал — что она знает и помнит такую вроде и незначительную деталь о его матери. Думаю, что после этого он начал уважать ее чуточку больше... Амелия этого не замечает.

— Одежда в твоём шкафу принадлежит Марине. Скажешь, что она привезла ее из Франции и пока ей некуда ее деть. Судя по тому, что ваша сестра переодевается по пять раз на дню, она та еще крохоборка, и его это не удивит.

«Черт, она действительно подмечает даже самые, казалось бы, незначительные детали...» — усмехаюсь про себя, с интересом наблюдая за тем, что она делает и как, — «Потрясающе...»

— Алексей, ты должен перенести все пакеты в белую спальню. Их нужно спрятать.

— Это не вариант...

— Если ваш отец усомнится хоть в одной детали всего этого, — серьезно говорит, подняв на нас глаза, — Он начнет проверять всех вас, и не найдет этих покупок в списке операций карты Адель. Это плохо. Врать нужно по минимуму, иначе прогоришь. Макс, помогай братцу. Все в белую спальню, ставьте у кровати.

— Откуда ты все это знаешь?

— От папы, — еще тише признается, а потом резко встает и убегает в сторону комнат.

Мы замираем, снова переглядываемся. Лекс в шоке, в абсолютном шоке, дергает головой и тихо спрашивает:

— Ты с кем связался вообще?!

— ДЕЛАЙТЕ!

Срываемся с места, как два дурака-исполнителя. Нет, правда, я себя глупее не чувствовал еще никогда — подчиняюсь приказам девчонки, которая младше меня почти на десять лет! И все равно подчиняюсь же...Быстро стираю отпечатки, ставлю свои, кладу нож на диван и берусь за пакеты. Мы вдвоем переносим все достаточно быстро, всего в два подхода, ставим туда, куда она сказала, потом возвращаемся. Амелия ходит по квартире, точнее лазает по гостиной, но услышав нас резко поворачивается и строго кивает.

— Отлично. Макс, снимай повязку. В ране не должно быть волокон. После приложишь эту марлю, чтобы на случай, если они все таки там остались, к тебе не было вопросов.

Она кидает мне белый бинт, который я ловлю и хмурюсь сильнее, потому что не помню, как он у меня вообще оказался — я здесь почти не жил и точно не покупал аптечку. Амелия замечает мое недоумение и слегка улыбается,

— Это мое. Я планировала побег.

— Кто бы сомневался... — тихо шепчу с легкой улыбкой, она жмет плечами.

— Считай, что тебе очень повезло. Алексей, бить будешь ты.

— Чего?!

— Я не...могу.

Амелия

Я дико боюсь, что промахнусь, да и вообще не могу себе представить, как это сделаю, но это не главная причина. Лекс и по росту подойдет, и по комплекции...хрен его знает в какие дебри занесет Властелина мира. Надо учесть все и свести ложь до минимума. Объясняю наскоро свою позицию, и куда им деваться? Соглашаются. А я отворачиваюсь...

— Только несильно...нужно только...

— АААУ!

Резко возвращаюсь лицом к двум братьям и сразу смотрю на Макса, конечно же. Он согнут пополам, хватается за плечо, падает. Не представляю какая это боль получить на этот раз удар ножом в только-только подзатянувшуюся рану, и я себя прямо ненавижу в этот момент. Глаза начинает щипать, я медленно поднимаюсь, прикусываю губу, чтобы не разрыдаться, но потом беру себя в руки. Делаю выдох, вдох, еще один выдох, с которым говорю.

— Тебе нужно спуститься вниз... — голос настолько хриплый, что я его не узнаю, а когда Макс поднимает на меня поплывший взгляд, меня саму разрывает на части, но я киваю, — Ты должен его задержать, чтобы мы успели спрятать пакеты и меня.

— Ты здесь не останешься... — умудряется выдать из себя Макс, а еще встать на ноги и властно добавить, — Ты уходишь.

Я хочу подчиниться, чтобы ему было проще, но это не вариант, поэтому я делаю шаг назад и слегка мотаю головой.

— Я не успею. Он меня увидит.

— Отец перероет всю квартиру. Я не говорю, что так и будет, но это возможно и...

— Пожалуйста, доверься мне, как я тебе когда-то, когда мне тоже было очень страшно.

Знаю, что использую запрещенный прием — давлю на свою девственность и первый раз, — но выбора у меня правда нет. Рационально рассуждая, это единственный выход. Он смотрит на меня в упор и, кажется, я вижу в его глазах боль и раскаяние, а еще, кажется, мои слова принесли ему гораздо больше неприятностей, нежели пуля. И я хочу как-то объясниться, смягчить удар, но не успеваю. Макс коротко кивает и разворачивается к выходу, а я не могу перестать смотреть ему в след. Если бы не Алексей, который коротко кашляет, так бы и стояла вечность.

— Все нормально? — тихо и неожиданно спрашивает, я даже коротко смотрю на него, чтобы удостовериться в том, что он действительно это спрашивает.

Реально. Все так. Алексей смотрит на меня как-то до странного аккуратно, от чего я сразу же взвиваюсь внутренне, но решаю не демонстрировать. Вместо того начинаю разговор с другого конца, чтобы как-то уйти с непростой дорожки на легкую, по крайней мере для меня

— В общем я планировала побег, нашла вентиляционную шахту. Она за кроватью, туда то мы спрячем пакеты.

— Венти... — ошарашено начинает, но быстро мотает головой, — Знаешь, забудь. Не объясняй.

— И не собиралась, у нас времени нет. Помоги отодвинуть.

Общими усилиями мы достаточно быстро справляемся, но проблема в том, что этот ход ведет в тупик. Пакеты забивают все пространство, и я тупо туда не помещусь.

— Ну и, гений? Что дальше?

Молчу. Думаю. Осматриваюсь. Черт, у меня совершенно нет никаких идей, потому что больше я ничего не нашла, а считаю тупик — я ничего не нашла. Смотрю на Алексея жалобно, а из коридора доносится громкий голос Макса.

— Со мной все нормально!

И тут в голове щелкает. Я хватаю Алексея за руку и бегом веду в комнату его брата, а потом сразу в шкаф. Там в углу стоит чемодан, с которым я пару сотен раз успела себя мысленно сравнить, и сейчас это единственный выход со всем этим дебильным минимализмом, где и залезть особо некуда. Алексей дергает головой в ответ на мое предложение и зло шипит.

— Ты туда не влезешь, твою мать! Это дурость!

— Есть другие идеи?! Тут некуда деться, все, как на ладони!

— Твою мать...

Нет выхода, и ему приходится согласиться. Быстрыми, четкими движениями, Алексей достает чемодан и открывает его. Благодарю всех Богов за то, что он пустой, залезаю, но прежде чем присесть, пристально смотрю на второго брата и шурюсь. Он недоверчиво зеркалит меня, слегка наклоняя голову на бок.

— Что?

— Прости.

Крепко сжимаю железную ручку от двери, которую успела зацепить еще когда бегала за марлей, я бью точным ударом прямо ему по макушке. Кровь сразу же стекает и капает на шею, он хватается за место удара, но потом резко впивается мне в шею и дергает на себя. Взгляд — супер злой. Губы — сжаты. Намерения — однозначны. Он меня убить готов...

— Отпусти, так было нужно, — выпаливаю, стараясь изо всех сил отцепить его пальцы от свитера, — Как бы ты объяснил, почему остался целенький и здоровенький, а раненный Макс пошел вниз? Отпусти.

Снова у него нет выбора. Он меня отпускает, но грозит:

— Еще раз ударишь меня особенно исподтишка, тебе не жить.

— Не за что.

Нахожусь быстро, ложусь в чемодан и подтягиваю ноги к груди. Алексей закрывает, потом двигает меня куда-то, и мне остается только молиться, чтобы никто не захотел заглянуть в этот чертов чемодан...

Макс

Уже полчаса я сижу на диване и наблюдаю за тем, как люди отца топчут мою гостиную. Они проверяют не осталось ли «опасности», ходят кругами, изучают тело, его телефон, телефоны его людей — все, что может вывести их на то, что они пропустили. Лекс сидит неподалеку. Он не стал сопротивляться его врачам, чтобы не усугублять ситуацию, ну и потому что я обязательно стану. Первичный осмотр и временная повязка — это все, что я позволю, и то лишь потому что кровью не хочу закапать ковер.

«Может быть даже лучше, что Лекса зашивают. Откажись и он — это было бы фиаско... Отец то просто в ярости!»

Мельком касаюсь его взглядом. Все это время он стоит у окна, руки в карманах, весь напряженный, подобранный, готовый ко всему. Наверно, все видят и чувствуют насколько плотная его злость, раз даже его личная, самая верная шестерка — мерзкий, вертлявый Стасик, — подошел к нему с опаской.

— Петр Геннадьевич?

Резкий поворот головы пугает шестерку до чертиков, а я еле сдерживаю смех и то благодаря серьезному, стальному взгляду Лекса, который меня и удерживает от того, чтобы не прыснуть в голос.

— Что-то нашли?

— Его телефон изъяли, скоро мы узнаем, кто помог ему все это повернуть. В остальном...внизу был единственный отряд, на этаже еще двое. Один скончался, второй до сих пор без сознания. Максимилиан так сильно его ударил, что тот ушиб затылок...

Лекс бросает на меня короткий взгляд, сразу его отводя, но я не реагирую даже на это, потому что мне плевать. Я не считаю, что поступил неправильно, моя совесть не орет и не бунтует, и с чего бы вдруг? Да, я убил, но кого? Ублюдков, которые пришли в мой дом, чтобы отнять мою женщину.

«Моя женщина...Я действительно так ее назвал?...»

— Максимилиан, — гремит голос отца под ухом, и я недовольно поднимаю свой взгляд.

— Что?

— Ты поедешь со мной в больницу. Нужно...

— Нет.

— Нет? — усмехается, слегка наклоняя голову на бок, а я замечаю, как все вокруг будто становится чуть больше, а люди наоборот меньше, но не пасую.

Откидываюсь на спинку дивана, выпиваю порцию виски и киваю, не сводя с него глаз.

— Нет. У меня есть врач, своих оставь для себя.

Я вижу, как его с каждым мгновением все сильнее и сильнее начинает бесить моя вольность, и я осознанно иду на этот шаг, лишь для того, чтобы увеличить предметы в комнате. Мне не нравится, как психологически они уменьшаются, будто мне снова пять, а он непобедим. Это время давно кончилось, и я давно не ребенок, чтобы вот так глупо поддаваться ничему не стоящим играм разума.

— Твой врач? — пару раз он кивает, словно пробует на вкус это определение, но потом делает то, чего я никак не ожидаю, — Хорошо.

«Он что согласился?!» — не верю своим ушам, шурюсь, жду подвоха, а его и нет вовсе!

Взмахнув рукой, отец дает команду своим ищейкам двигаться к выходу, что, разумеется, исполняют незамедлительно. Слушаю, как шуршит их одежда, как топают быстрые, нервные шаги, но не поворачиваюсь — смотрю лишь на него. Я не имею права на «пас», особенно если он отвечает мне — никогда!

— Если ты не сможешь шевелить рукой...

«Ну вот и условия... Слава богу, а то я думал, что он умирает и не увидит, как я отниму у него все, что он любит!»

— ...Я твоего «врача» уничтожу.

— А-га.

— И Лилиана останется с тобой.

«Что ты сказал?!»

— На каком основании? — усмехаюсь теперь я, усилием воли подавляя злость, которую вызывает во мне это дерьмовое по всем статьям предложение.

Отец это читает отлично — он победно улыбается и слегка пожимает плечами, протягивая ответ в ублюдской, своей фирменной манере, которую я ненавижу не меньше, чем его самого.

— Это, вроде, называется компромисс. Я иду на встречу тебе, ты — мне. Она проследит за тем, что с тобой тут будут делать, а потом уедет обратно ко мне в Новосибирск.

— Оставь своего Стасика, — рычу, сверкнув глазами, что делает улыбку только шире.

— «Мой Стасик» нужен мне, чтобы замести следы твоего убийства. Все должно выглядеть, как несчастный случай, и, разумеется, без твоего имени.

— Я не...

— Дискуссия окончена, — отрезает холодно, но потом снова тянет, словно наконец приступил к десерту, которого так долго ждал, — И что такое? Помнится, было время, когда ты мечтал оставаться с ней наедине, как можно больше.

Шурюсь. Вот что это — месть, он делает это специально, намеренно, и меня это, разумеется, задевает, как будто на мою рану насыпали пуд соли. Но разве у меня есть выбор? Нет. Я встаю и протягиваю руку — мне не хочется это делать, но снова. Разве у меня есть выбор? Попробуй не попрощаться с ним уважительно, как он решил, посмотришь, что будет. Хотя нет, ты вряд ли сможешь увидеть заплавленными от синяков глазами. Так что пока отец смакует и это, приходится терпеть, поджав губы — лучше так, лучше, чтобы он побыстрее свалил отсюда на хрен.

Но неожиданно, пару раз качнув сцепленным из ладоней и пальцев замок, который я уже собирался расцепить, он дергает меня на себя и шипит точно в ухо.

— И не думай, что твоя выходка с этими вонючими хатами осталась незамеченной. Мы непременно об этом поговорим, но позже, это терпит.

Он расцепляет руки и проходит мимо меня к двери, где уже стоит Илья с небольшим чемоданчиком. Слышу, как он здоровается, как отец нарочито вежливо отвечает ему, но не задерживается, слава богу, идет дальше. Звонок лифта, снова шаги, закрытие створок.

— Ушел, — нарушает тишину Илья, и я, бросив взгляд на Лекса, спрашиваю.

— Видел? Ставили что-то?

— Нет. У них с собой не было ни маяков, ни камер. В спальню заходили всего раз, и то со мной. В остальном занимались только трупом и отмывкой твоего пола.

— Где она? — сразу же спрашиваю снова, на что Лекс закатывает глаза и указывает подбородком в сторону спален.

— В твоей комнате в...чемодане.

— Где?!

— Не было другого выбора. Пакеты мы спрятали, но она бы не поместилась.

— Прекрасно, — цежу сквозь зубы, а потом смотрю на Илью и указываю на кошку, которая вроде пришла в себя, но все это время лежала и в целом была какая-то вялая, — Можешь посмотреть, как она? Ее жестко пнули, она сознание потеряла.

— Я по-твоему ветеринар что ли?!

— Пожалуйста.

Моя настойчивость сбивает с «его злой волны», он косится на животное, потом обреченно кивает и закатывает глаза.

— Хорошо! Твою мать...

— Спасибо. Закончишь, приходи ко мне.

— Перевожу, — саркастично влезает Лекс с легкой полу-улыбочкой, — *Максюше* нужно время наедине со своим сокровищем...

Я даже не стану спорить, да и не хочу тратить на это время. Все, что делаю — показываю средний палец здоровой руки и иду в свою спальню, правда ловлю в спину предупреждение:

— Еще раз твоя девчонка меня ударит — ей не жить.

В шутку, конечно, слышу по голосу, что он несерьезно, поэтому улыбаюсь и парирую, даже не останавливаясь.

— Не злись, что она тебя обставила. Она всех сегодня переиграла...

Напоследок до меня доносится «фырк», и я снова улыбаюсь, закрывая за собой дверь моей комнаты...

Амелия

Я снова слышу шаги, приближающиеся ко мне, задерживаю дыхание. За последние минут сорок-пятьдесят по прикидкам, я всего раз слышала хоть какое-то движение за пределами моего укрытия, пока и оно не погрузилось в абсолютную тишину. И кто бы знал, какой это для меня ад — я с детства боюсь замкнутых пространств, после того, как Элай закрыл меня в кладовке. Темнота и маленькие «коробки», из которых не выбраться — ночной кошмар, в который я залезла по своей дурости самолично.

«Ты точно идиотка...» — шиплю на себя время от времени, с силой прикусывая губу и борясь с тошнотой и паникой, медленно оплетающей мое бедное сердечко.

Но разве я могла поступить иначе? Он бы убил ради меня, но точно спас меня, и помочь ему сохранить его план слишком мало, чтобы хоть немного расплатиться...

«Ублюдок...» — память-зараза подкидывает картинки мертвого ублюдка, а запах его крови будто ходит за мной по пятам.

Это еще большее издевательство. Слезы скатываются с глаз, и я усилием воли стараюсь впихнуть в своей внутренней телевизор совсем иные эфиры, когда наконец чувствую почти близкую свободу. Она приходит неожиданно с движением чемодана и меня, ложится вертикально, а потом ее даруют мне со звуком открывающейся молнии. Как раз вовремя, потому что мои «полномочия на этом всё», как говорится.

Я вылетаю из чемодана пулей, даже не дождавшись, пока он полностью откроется, врезаюсь в полку и часто моргаю. Глаза от света режет, а то малое, что я не «изгнала» из себя в унитаз ранее, уже подступало к горлу, и, боюсь, на этот раз я вряд ли смогла бы подавить желание организма. Уговоры тоже больше почти не работали, да и сейчас мне приходится начать глубоко дышать и согнуться пополам, чтобы не удалить это «почти» из уравнения.

— Амелия? — тихо спрашивает Макс, делая на меня шаг, но я выставляю ладонь, чтобы его остановить.

— Со мной все нормально... — хрипло шепчу, чтобы объясниться, — Я боюсь замкнутых пространств.

— И залезла в чемодан? Забыла, что он относится к списку?

Он усмехается, но я вижу, что притворно, на самом деле Максимилиан взволнован. Стоит передо мной, рассматривает, на его плече огромная повязка, на которой я концентрируюсь, чтобы не отвечать и не скатиться вновь к колкостям в адрес друг друга. Сегодня я их не вывезу...

— Тебе посмотрели руку?

— Пока нет.

— Почему?! — невольно повышаю голос, забывая о своих бедах, — Это не порез о бумагу и не отравление бухлом! Это ножевое!

— Ты за меня волнуешься?

Вопрос застаёт врасплох. Я останавливаюсь, сама не заметив, как подошла ближе, тупо пялюсь и хлопаю глазами.

«И что мне говорить?! Особенно, когда он так улыбается...» — улыбка действительно широкая и даже ласковая, без единого намека на желание поиздеваться или типа того, и это подкупает.

Он подкупает. Такой он, каким был все наше лето... Макс делает ответный, маленький шаг ко мне, но этот шаг рушит всю дистанцию. Он близко настолько, что я отчетливо слышу каждую ноту его запаха, дыхание и, казалось, даже сердцебиение. Не могу отстраниться... особенно ясно это понимаю, когда он кладет руку мне на щеку и легко гладит кожу. Так нежно, что я прикрываю глаза, растворяясь в этом моменте...

— Ты такая смелая...

Смотрю ему в глаза и точно знаю, что он это серьезно. Я знаю, что это так, мне не нужно слышать больше и слова, и я хочу, чтобы он знал, как сильно я ему благодарна за все, что произошло. Но... мне нет нужды благодарить, потому что, кажется, он тоже видит меня

насквозь, шепотом добавляя.

— Не за что...

А потом накрывает мои губы своими, и здесь нет места дикой страсти или тому, что было тогда в его комнате...сейчас есть только нежность, как много раз до этого...

«Как летом...»

Слышу за спиной короткий стук и сразу отстраняюсь, слегка касаясь своих губ кончиками пальцев. Если бы он меня не держал, я бы и вовсе отскочила от него на расстояние, но объятия крепкие и надежные — мне некуда деваться, да, если совсем на чистоту, совсем не хочется.

— Прости, Макс, — звучит знакомый голос, — Я бы не лез, но у тебя открытая рана. Давай обработаем и зашьем, а потом...

— Хорошо, Илья.

«Точно! Это тот чувак, который орался с Максом, а потом предложил психолога!» — коротко оборачиваюсь, чтобы посмотреть, как он выглядит. Не знаю зачем, мне просто интересно.

Не знаю, как выглядят хозяева клиники, но он выглядел презентабельно. Высокий, аккуратный даже в спортивных штанах и футболке. Его щеки гладко выбриты, а волосы уложены, не смотря на поздний час и явный «срочный вызов».

«Наверно это отпечаток его профессии...» — подумала я, обращая внимание и на глаза, — «Голубые и добрые. Нет, он точно врач...а еще постарше, вроде бы?»

— Амелия, это Илья, мой друг еще со школы. Илья, это Амелия.

— Я знаю, — усмехается, а я краснею, не в состоянии откреститься от предательской мысли:

«Он тоже меня видел на том видео?» — невольно сжимаю руки на груди, хоть и стою к нему спиной...

— Очарован, — продолжает, не замечая моих знаков, — Хорошо, что тебе стало явно лучше, и ты больше не выглядишь так болезненно, как в моей клинике. И я бы с радостью еще поболтал, но, Макс, давай займемся сначала тобой. Это не шутки.

— Он прав, — киваю и смотрю Максиму в глаза, — Тебе нужно посмотреть руку. Ты же не хочешь...

— ...Дрочить всю жизнь левой? — саркастично замечает, дергая бровями, — Нет, не особо.

«Настроение у него просто супер игривое, будто и не он схватил вторую пулю меньше чем за полгода...»

Стараюсь на это не реагировать, а все таки отстраняюсь и указываю в сторону выхода, неловка переступив с ноги на ногу.

— Я посижу в гостиной.

Не дожидаясь ответа проскальзываю мимо Ильи и выхожу за пределы комнаты, где могу дышать «типа» свободно. Не по себе мне все-таки...знакомства всякие, странные взгляды, улыбочки...как-то это слишком странно, особенно учитывая историю наших отношений.

«И Макс такой странный...счастливый что ли? С чего бы вдруг?» — погрузившись в мысли, выхожу в гостиную, где застаю Алексея за переодеванием.

Он голый по пояс, и нет в этом ничего такого казалось бы, а щеки все равно краснеют сильнее, а я отвожу взгляд. Не могу сказать, что не успела зацепить пару деталей, включая его отличную, физическую форму, но главное, что меня поразило — татуировка. Под

лопаткой у него был полумесяц и звезды, а на ребрах песочные часы.

«Не ожидала я, что у такого правильного, застегнутого на все пуговицы, мальчика есть татухи...»

Алексей замечает меня и мою реакцию через отражение в окне, усмехается и поворачивается ко мне лицом, плавно застегивая пуговицы на голубой рубашке. Я молюсь, чтобы он ничего не говорил, хотя краем глаза и отмечаю, что уже собирается, но не успевает. Дверь квартиры резко открывается и внутрь влетает Лилиана. Ожидала ли я ее здесь увидеть? Нет и еще раз нет, особенно в таком виде. Сестра вся всклокоченная, глаза бешеные, щеки горят — сразу видно, на нервах. Меня она будто и не видит вообще, смотрит только на Алексея, пару секунд хлопает глазами, видимо дает себе время отдышаться, после чего выпаливает.

— Где он?!

Алексей приподнимает брови, замирает на миг, но потом снова усмехается и продолжает заботиться о своем туалете, невзначай пожимая плечами.

— Лилиана, мы тебя почти заждались...Что такое? Отец приказал тебе разыграть волнение и...

— ГДЕ ОН?!

«Проблема в том, что, судя по всему, она не играет...» — мысль колит где-то под ребрами, и я сжимаю пальцы, уставившись в пол от новой догадки, — «Может вот причина его счастья? Он явно знал, что она придет...»

— Там.

Возможно Алексей и сам догадался, а может просто не видел смысла вступать в глупый, бессмысленный диспут? Не знаю. Но он указывает на коридор, который ведет к спальням, и я почти его ненавижу за это.

«Хотя за что, а? Разве он виноват?...»

Сестра направляется в мою сторону, как ураган. Такой же бесконечно устойчивый и непобедимый. Знаю такое ее настроение, оно всегда означает одно: ничто и никто не собьет Ли с намеченного курса, даже Армагеддон. Мысленно я, конечно же, гадаю, как онаотреагирует, когда мы столкнемся нос к носу, я ведь стою на ее пути, и ответ меня одновременно смешит и разочаровывает. Никак. Она никак не реагирует, потому что будто меня и не видит вовсе, пронесаясь мимо словно порыв ветра с запахом лилий. Слышу стук ее шпилек, которые будто отдаются в груди эхом, а потом вздрагиваю, когда хлопает дверь.

«Что же будет теперь, когда два объекта с непреодолимой страстью наконец встретятся? Кровать, наверно, придется новую заказывать...» — мотаю головой, потому что на самом деле я не хочу знать и даже касательно, мимолетно представлять.

Мне хочется бежать без оглядки, сердце снова ноет и гулко стучит, каждым ударом разбивая меня изнутри. Не знаю, как буду сидеть здесь на диване и знать, что за стеной происходит...

— Куда ты?!

Цепляюсь бездумно и слишком быстро за возможность, которую замечаю краем глаза: Алексей аккуратно поднимает мою кошку и явно собирается с ней что-то сделать.

— Илья ее посмотрел, сказал, что у нее, наверно, сотрясение. Нужно съездить в ветеринарку.

«Это мой шанс!» — я бы хотела сказать, что меня дико волнует ее судьба, и, разумеется, она волнует, но мной все равно больше руководят эгоистичные мотивы. Такое

стыдно признать, и я чувствую себя отвратительно, но ничего не могу с этим сделать — мне просто необходимо отсюда сбежать, или меня таки изнасилуют, пусть и морально...

— Я с тобой!

Недоверчиво щурится, пару мгновений молчит, прижимаю маленький сверток к груди, потом мотает головой.

— Нет.

— Но почему?! Это моя кошка!

— Мне не нужны проблемы. *Голова итак болит.*

— Мстишь?! Ты серьезно?! — повышаю тон, делая на него шаг, — Так было нужно!

— Могла бы предупредить!

— И ты бы позволил?! Нет! Ты бы стал снова выворачиваться! Нужно было кому-то действовать и быстро — я решила.

Молчит, потому что знает, что я права, а из комнаты в этот момент раздается глухой удар. Я кошусь в сторону, не успеваю насладиться триумфом, снова на него смотрю и шепчу.

— Пожалуйста, возьми меня с собой.

Он сразу понимает, бегло смотрит мне за спиной, молчит — думает. Я нервно сжимаю пальцы, кусаю губу, сейчас от него зависит мое душевное равновесие, как бы смешно не звучало...

— Я должен буду предупредить.

— Мы успеем вернуться.

— Не успеем, и тебе это известно.

— Пожалуйста... Я не буду ничего делать, буду молчать, клянусь, но если ты пойдешь туда, он не позволит мне поехать... А я *не могу* здесь оставаться...

Снова молчит. Взвешивает. Долго. Но потом закатывает глаза и громко цыкает, четко подводя итог.

— Ни звука. Будешь молчать и делать, что я скажу. Хоть один шаг в сторону — ты крупно об этом пожалеешь. Я с тобой церемониться не буду, запихну в багажник, но прежде верну долг, — слегка касается своего затылка и поднимает брови, — Все ясно?

— Да. Я все поняла. Поехали уже...

Так мне удастся избежать хотя бы одной душевной травмы, и я рада, даже не смотря на то, что еду с тем, кого взаимно и абсолютно не выношу.

Глава 16. Там, где нам было хорошо. Амелия

18; Декабрь

Я сижу в маленьком, светлом кабинете, где ужасно воняет лекарствами — это предоперационная. Оказалось, что моя маленькая Лúна сломала лапку, что скорее всего в купе с ударом и повлекло за собой потерю сознания.

«Защитница...» — смотрю ей в глаза, она мне.

Ее голубые, бездонные озера полны боли, и от этого мне еще хуже.

«О чем я только думала? О каких то глупостях!» — стыдливо ругаю себя, укладываясь на руку поближе к ней, — «Она меня защищала и пострадала больше всех, а я...дура! Эгоистка и дура!»

— Мне так жаль... — шепчу еле слышно, быстро стерев слезу, будто она сможет понять.

Кладу руку ей на бок и плавно веду по гладкой шкурке. Ей предстоит операция, а потом стационар, чтобы врачи следили за состоянием животного, но пока ничего страшного не прогнозируют — это единственное хорошее. Лúна медленно моргает, наркоз уже ввели, и мне только благодаря Алексею разрешили с ней посидеть, пока она не заснет. С ним вообще странно как-то вышло: всю дорогу мы не разговаривали, а потом такой *широкий жест*. Хотя он действительно широкий в сложившихся обстоятельствах. Я же могу и отсюда дернуть в конце концов, а их ПЛАН не может быть поставлен под угрозу даже в теории.

— Здесь лучшие врачи, тебе не о чем переживать.

Резко поворачиваюсь на голос, который узнаю из тысячи тысяч, и он принадлежит не Алексею, а Максy. Его я уж точно не ожидала здесь увидеть, поэтому хмурюсь, осторожно оглядывая всю его фигуру, которая занимает чуть ли не весь дверной проход, излюбленно прижимая его косяк. Видимо он за мной наблюдал, но теперь, когда уже нет смысла прятаться, отталкивается от своего места и приближается. Мне почему-то дико страшно и неловко, поэтому я выдаю первое, что пришло в голову:

— Тебе осмотрели руку?

Макс останавливается рядом со мной, кладет руку на шею и слегка ее сжимает, вырисовывая круги, улыбается. Выглядит все это очень странно, и я себя ощущаю не менее «не по себе», поэтому отстраняюсь — ему это не нравится. Вижу, как в глазах вспыхивает злость, но он ее давит, кивая.

— Осмотрели и зашили, все хорошо.

— Мне жаль.

— Мне тоже.

Повисает неудобная тишина, и снова я благодарю свою кошку за храбрость. Лúна дергает лапкой, вонзая коготь мне в палец, чем обращает на себя внимание. Конечно это ненамеренно, но так кстати — Слава богу!

— Она заснула, нам пора.

— Я хочу дождаться конца операции.

— Нет.

— Но...

— Мне позвонят, — перебивает, поднимая меня на ноги за локоть ведя к выходу, где

уже стоит врач и пара медсестер.

Когда мы проходим мимо, нас одаривают взглядами сразу все: врач многозначительным, говорящим, на который Макс слегка кивает, а вот медсестры «теми самыми», которые я видела и не раз — горячими, направленными на наследника империи. Он их не замечает.

«Конечно, после Лилианы такое и значения то не имеет...»

— Все будет хорошо, — отбивает мой внутренний цык шепотом на ухо, и я снова смотрю на него.

— Почему я не могу подождать? Я никуда не сбегу.

— Я знаю, но нам надо уехать.

— Уехать?!

— Объясню по пути, котенок.

Макс подает мне куртку, потом помогает ее натянуть и открывает дверь, чтобы я вышла. На улице достаточно морозно, но сухо: снега не сыпет, хотя сугробы стоят высоченные, от дыхания вырываются плотные паровые облака. В отдалении я вижу Алексея. Тот стоит у большого, черного Гелика, сложа руки на груди, и мне хватает того проведенного вместе времени, чтобы понять — он снова злится. Когда мы подходим еще ближе, я отчетливо замечаю красную ссадину под глазом, хмурюсь, смотрю точно ему в глаза, надеясь, что он поймет, и он понимает, чего я хочу, но ничего не объясняет. Холодно смотрит на брата, вкладывает ключи в раскрытую к небу ладонь и, не говоря ни слова, разворачивается к черной BMW.

— Спасибо!

Я понятия не имею, что между ними произошло за такой короткий отрезок, но чувствую, что должна его поблагодарить и благодарю. Алексея это тормозит, он слегка поворачивает голову в сторону, и я уже ожидаю, что сейчас получу мерзкую, семейную ухмылку, а вместо того получаю короткий кивок. Удивляет.

«Нет, этих Александровских хрен поймешь вообще...»

Ага-ага, так и есть. Макс снова злится, но тушит пожар, молча открывая передо мной дверь на пассажирское сидение. Я от него вообще всегда ожидаю мерзких комментариев, но и он их не дает. Все как-то совсем странно и не похоже на правду...

«Может меня убили?» — думаю, залезая в салон, — «Слишком они какие-то... спокойные? Может спросить» — нет, не буду.

Я решаю, что лучше мне вообще молчать, чтобы не привлекать лишнего внимания, да и страшно, если честно, начать говорить. Мне совсем не хочется услышать что-то, что ранит мое сердце, и вместо того, чтобы снова кинуть его на передний фланг, я смотрю в боковое зеркало на здание клиники. Мы отдаляемся все больше и больше, а я как будто предаю свою кису, бросая ее тут одну...

— Все будет нормально, — Макс замечает мой потухших вид и слегка теревит за колено, — У нее не нашли ничего серьезного, просто нужно понаблюдать.

— Но меня не будет рядом, когда она проснется...

— Так надо, малыш, — отвечает вторя мне тихо, и когда я смотрю ему в глаза, добавляет, — Мне правда жаль, но отец... все сложно в общем и... нам надо уехать, пока мы с ним не поговорим. Лекс за ней присмотрит, не волнуйся.

— Хорошо, как скажешь.

— Спасибо.

На этом мы заканчиваем разговор, я снова смотрю в окно, а он снова увозит меня в неизвестном направлении...

Из Москвы мы выбираемся достаточно долго, ну а когда попадаем на трассу, тут я свое любопытство уже сдержать не могу. Слишком много вариантов в голове, слишком много страхов и треволнений, поэтому я поворачиваюсь к нему и наконец разрезаю тишину.

— Куда ты везешь меня на этот раз?

— Тебе понравится.

«Такой ответ меня не устраивает!»

— Это не ответ.

— Боишься?

— Немного.

— Я не причиню тебе вреда.

— Я это уже слышала и, знаешь, сомнительно как-то.

Он замолкает, поэтому я слышу, как трещит кожа руля под его цепкой хваткой, но не акцентирую внимания, напротив, перевожу взгляд в окно и смотрю на высокие, многовековые сосны. Они создают какой-то до боли знакомый коридор в неизвестности, от которой внутри так и бухает, будто я лечу с тридцатого этажа головой вниз. Это бесит. Мне не нравится. Мне дискомфортно. Я ерзаю на сидении в попытках сбросить ярмо со своей шеи, устроиться поудобней, а все мимо — чувство только усиливается...И тем страннее услышать то, что я слышала дальше.

— Все было немного не так, как ты думаешь.

Смотрю на него в упор, подняв брови. О чем речь конкретно — без понятия, список то внушительный, поэтому я не отвечаю, занимаю выжидательную позицию, и правильно делаю. Макс молчит всего ничего, потом, коротко мазнув по мне взглядом, переводит его на дорогу и жмет плечами.

— Но да, спор действительно был.

«Ах вот о чем речь...»

— Спасибо за объяснения, а то я не поняла.

— Я хочу поговорить *нормально*, — с нажимом отвечает на мой яд, — Но если ты не в состоянии, разговора не будет.

«Это просто смешно!»

— Просто класс. То есть, ты еще смеешь устанавливать правила?

— Да.

«Так просто. Да. Пошел ты!»

— Ты меня трахнул на камеру, а не я тебя! — повышаю голос, злобно сверкнув глазами, — И это ты на меня поспорил! Ты меня обманул!

— Да.

— И теперь смеешь...

— Да-да-да, все именно так, — холодно отбивает, — Мы разобрались? Если так, решай. Либо ты успокаиваешься и слушаешь, нормально отвечаешь, и мы приходим к конструктиву, либо тема закрыта.

— Второй вариант.

— Ты уверена?

— Абсолютно, — также холодно чеканю и снова смотрю в окно, потому что на него не хочу, — Я ничего не буду обсуждать на твоих условиях. Это не мой косяк, а твой, так что пошел ты.

— Амелия...

— Бла-бла-бла. Закрыли тему.

— Я...

— Я сказала — заткнись.

Тут он резко хватает меня за загривок, сдавливая пальцы на шее и насильно поворачивает мою голову на себя. Злится. Ему стоит больших усилий периодически отрывать от меня взгляд, которым он хочет убить, чтобы не врезаться во что-то и не убить еще и себя.

«А отпустить нельзя?! Хотя о чем это я?! НЕТ!»

Злюсь. Мне до омерзения надоело терпеть такое отношение, так что я хватаюсь за его запястье и вонзаю в него ногти, не щадя и не жалея. Правда вот Макс этого и не замечает вовсе, тихо, предостерегающе шепча..

— Не смей так со мной разговаривать.

— А ты не смей так меня хватать! — парирую, проникая под его кожу глубже, — Убери руки, Максимилиан Петр...

— Заткнись! — встряхивает, за что тут же получает по морде.

Так делать абсолютно точно нельзя, особенно на заснеженной трассе, пусть мы и едем километров двадцать от силы, да еще и прижатые к обочине, а я все равно не могу сдержаться.

«Он не имеет никакого права!»

Вот я вроде и права, знаю это, а все равно чувствую себя дурой, к тому же высвобождаю зверя, да и машину резко торможу... Если бы не ремень и не то, как меня держат, словно безродного котенка, точно ушиблась о торпеду, но все проходит гладко. Так, слегка трянуло — это мелочи в свете событий «здесь и сейчас».

— Сколько раз мне надо повторить... — угрожающе разгоняется хищник в костюме от Армани, но я тут же его перебиваю, так как все это слышала и не раз.

— Ты не имеешь никакого права хватать меня, будто я ничтожество! У меня для тебя новость: я тоже человек! Сколько раз *мне* надо это повторить?! Не можешь держать лапы при себе — получай по морде!

Пауза на этот раз наполнена нашим тяжелым, частым дыханием, но все не так, как обычно. Никакого продолжения разборок, потому что глаза Макса вдруг будто светлеют и явно теплеют, он перекладывает руку мне на щеку и шепчет.

— Обожаю, когда ты злишься...

Такое потрясающее признание заканчивается поцелуем, которого я никак не ожидаю. Пытаюсь его отпихнуть, пишу, пока могу, пока хочу еще сопротивляться, ведь совсем скоро весь мой запал гаснет под его напором, преобразовываясь в запал иного рода. Более горячий, который уже не так просто сдержать...

— Я *хочу* поговорить, — хрипло расставляет акценты, неохотно отстранившись и теперь прижимаясь к моему лбу своим, — Но я не хочу ссориться и орать. Просто прошу тебя дать мне объяснить все, что произошло и почему.

— Ты сказал не это.

— Это, просто по-своему.

— Я тебя в следующий раз запишу на диктофон, чтобы ты слышал, *что* ты говоришь и *как*.

Усмехается, слегка задевая мой нос своим, шепчет тихо-тихо, пуская по коже мурашки.

— Все, что хочешь...

— Куда ты везешь меня?

— Туда, где нам было хорошо.

«В тот дом...» — отстраняюсь и смотрю на него, что Макс с ленцой копирует, продолжая гладить меня по щеке большим пальцем.

— Так это твой дом?

— Мне нравится, что ты понимаешь меня с полуслова. Не совсем.

— Ни за что не поверю, что *ты* строил кому-то дом.

Короткий смешок и кивок, после которых Макс тоже отстраняется и снова «садится за руль», трогая тачку с места. Я уже думаю и пытаюсь анализировать слова, которые произнесла, искать в них что-то неправильное, что-то, что оттолкнуло его от откровения, но ошибаюсь дважды. Не было ничего «не так», и я не отталкивала его, просто Максу нужно было время, чтобы собрать в голове объяснение.

— Фактически этот дом мой, но при этом нет, потому что я купил участок из-за отца. Когда все кончится, я планировал сжечь его на хер, и, если бы не наше лето, именно так бы и поступил.

— Не...понимаю.

«Это правда, я ни черта не понимаю...»

— Знаю. Ты никогда не интересовалась нашей семьей, чтобы что-то понимать.

— Мне извиниться?

— Нет, мне наоборот по душе такой расклад. Этим ты разительно отличаешься от всех остальных.

— Это комплимент? — на этот раз мой яд скорее веселит Макса, нежели злит, и он коротко смотрит на меня и жмет плечами.

— Можно и так сказать. При таких возможностях какие были у тебя...

— На что ты намекаешь?

— Я не намекаю, а говорю прямо. У тебя был доступ ко всем братьям Адель, и ты могла получить любого.

— В мои планы не входило «получать» ни одного из вас.

— Знаю, я же только что это сказал. Прекрати кусаться и...

Перебиваю, потому что слишком боюсь скатиться не туда, куда надо — в нежности и очередные порывы своего тела.

— Зато теперь мне интересно. Что это означает?

Он словно читает мои мысли, и тому свидетельствует улыбочка на его (самых-красивых-чувственных-мягких-потрясающих) губах.

«Боже, прекрати! Сосредоточься!» — словно команда действует сразу на нас двоих, ведь в следующий миг Макс и сам подбирается, становится серьезным и четким.

— Ты уже знаешь, что отец не пускает нас в свет. Он прячет нас до определенного момента, потому что дико боится, что мы выкинем какой-нибудь фокус, станем героями первых полос и заголовков. В плохом свете.

— Подмочите репутацию?

— Именно так, котенок. Когда-то давно он видел, как достаточно сильная и влиятельная семья развалилась из-за действий сына. Они были связаны с политикой, а его застукали на горячем с кокаином и шлюхами. Сейчас это бы замяли, тогда были другие времена. Как результат — их отовсюду вычеркнули, включая службу, отец покончил с собой, мать сильно заболела, а сын спился где-то за пределами МКАДа.

— Не очень хорошая перспектива...

— Отцу она тоже не сильно зашла, поэтому у него появился пунктик насчет возраста. Он считает, что в двадцать шесть наступает момент, когда ты перестаешь придаваться глупостям, взрослеешь и осознаешь, что тебе нужно и зачем. До этого момента мы не мелькаем даже на страницах официальных мероприятий.

— Но Адель и Марина...

— То девочки, к ним отношение другое. Он к дочерям гораздо мягче, с сыновьями, так как мы мужчины, разговор всегда короткий.

— У вас больше рамок...

— Гора-а-аздо больше, котенок.

— Сексизм какой-то. Девочки не могут доставить проблем?

— Просто девочек он не воспринимает всерьез.

— Вот почему ты тогда сказал, что гораздо ближе к выходу в свет?

— Ну да. Думал, что ты в курсе, даже пояснил насчет возраста, а оказалось, что ты и в этом полный ноль.

— Ты же в курсе, что все законы вышей семейки не проходят на уроках в школе? — саркастично замечанию, и Макс бросает на меня хитрый взгляд, улыбается...

«Так очаровательно...» — «Да ты прекратишь сегодня или нет?!»

— Ближе к делу.

— Охо-хо, ну ладно. Мы все учимся сначала в полностью закрытой школе, где учатся исключительно дети крупных шишек, которые также педантично следят за своими детьми. Потом переходим в университет. Он находится в Лондоне, точнее под ним, знаменит, да и в принципе известен, исключительно в высших, узких кругах.

— Проще говоря, с улицы туда не поступишь?

— Совершенно точно.

— А как тогда на работу устраиваться, если никто не в курсе про этот ваш Туманный Альбион^[16]?

Дальше я начинаю медленно краснеть, потому что чувствую себя полной дурой из-за взгляда, которым меня одаривает наследник. Снисходительно-насмешливый такой, за что он получает щипок в ладонь, разместившуюся на моем бедре.

«И когда только успел?! А ты вообще куда смотрела?!?!» — без понятия. Без... понятия. Интересно, у меня когда-нибудь будет хоть один внятный ответ?

— Все, кто учился в моем Туманном Альбионе, как ты выразилась, не нуждается в поиске работы, котенок, — сжав пальцы в ответ на мой выпад, он улыбается еще шире.

— Ага-ага, очень интересно, — шиплю, вся заведенная своим же промахом, а потом киваю, — Ну окей. Тайная школа, универ, укрывательство детей, бла-бла-бла, дом тут при чем?

— Отец считает, что университета недостаточно. Мужчины взрослеют исключительно после того, как построят свой собственный дом.

— Прямая цитата?

— Почти.

— Что-то вроде мужчина должен посадить дерево, вырастить сына, построить дом?

— Да... что-то типа того...

— И когда ты начал строить дом?

— На двадцать три он дарит сертификат на землю. У всех равные условия: равное количество денег на участок, на строительство, и равное количество времени на постройку. В двадцать шесть "мы сдаем объект".

— Как-то это звучит...

— Бредово? Глупо? Странно?

— Скорее официально и холодно.

— Как-то я тебе уже говорил, что внутри "семьи" мы вынуждены выживать, Амелия.

— А еще ты говорил, что не ладишь со своими братьями и сестрами, что очевидно не так.

— Так было, — тихо признается, приковывая к себе мое внимание, — Я никогда его не понимал и всегда шел против, Марина и Миша пытались приспособиться. Ради нас с Матвеем, скорее всего, но выступать против него они не стали бы ни за что.

— Почему изменили свое мнение?

Макс как-то странно задумывается, у меня даже мороз по коже бежит, и я даже не уверена, что хочу знать причину, так что даже рада, когда разговор как-то сам собой замирает на паузе. Мы сворачиваем на хорошо знакомую, сельскую дорогу.

— Держись крепче, котенок, ты же помнишь, что дорога тут не очень?

«Очень смешно...» — цыкаю про себя, но хватаюсь за ручку двери, — «Будто я когда-нибудь смогу забыть хоть что-то связанное с ним...»

Предпочитаю не отвечать на колкую шутку, и не только потому что стыдно, но и потому что волнительно. Я так давно не видела этот дом, в котором со мной случилось так много приятных, теплых воспоминаний, что невольно придвигаюсь ближе к торпеде, чтобы увидеть его наконец. И вижу. Шапка снега на острой крыше, его темные окна, фасад, а самое смешное, что в этот момент понимаю: я дико по нему скучала.

«И не только по нему...» — кошусь в сторону Макса, когда он останавливается под навесом для машин, краснею, как дурочка — он смотрит на меня в ответ.

Как раньше. Как летом. Как тогда ночью на кухне в доме его матери, где каждый уголок, наверно, именно ее и отражает. Именно благодаря этому взгляду, я понимаю, что вряд ли сегодня мы будем о чем-то говорить, а еще: я совсем-совсем не против.

Покручивая в руках бокал с красным вином, я стою у огромных, панорамных окон длиною в несколько этажей. Здесь они еще больше, чем где бы то ни было: от потолка до самого пола, где нет второго этажа. Он, конечно же, есть, но начинается лишь над кухней, но не над гостиной. Теперь этот вид мне что-то напоминает, и я слегка улыбаюсь, осознавая это.

«Наверно, он хотел добавить сюда что-то от своей матери...» — мельком смотрю еще и на люстру, как подтверждение теории.

Она тоже большая, хрустальная и красивая, очень похожая на ту, что он *случайно* разбил в детстве. А еще тут много чего появилось, ведь когда я здесь была, мебели то почти и не было. Мы ужинали на табуретах, сидели в креслах мешках, а спали на надувных матрасах. Теперь обстановка максимально преобразилась: огромный (и он действительно был просто нереально большим) темный диван буквой «П», перед ним современный камин, над ним плазма высотой, наверно, с меня. Полки с книгами, которые хозяин дома просто обожал, шикарный бар, и все это на фоне прекрасной зимы и с видом на застывшее озеро. Помню, как мы туда ходили летом, игнорируя наличие бассейна, и прыгали там с тарзанки. Мне было так страшно...

«Ну же, малыш, иди ко мне...» — звал Макс, улыбался, протягивал мне руки, благодаря чему я и решила так прыгнуть. Уверена на сто процентов, что не было бы его, не было бы и прыжка.

— О чем ты думаешь? — тихо шепчет, обнимая меня со спины, и я не сопротивляюсь.

Снова. Я все прекрасно понимаю и помню, но здесь и сейчас мне слишком хорошо, чтобы размениваться на гордость и ее порывы.

«А еще я слишком сильно по нему скучала...»

— Вспомнила тарзанку.

Тихий-тихий смех на ухо посылает мурашки по всему телу. Макс слегка касается моей шеи, дышит в нее, утрируя табуны и без того предательских зараз, снующих туда-сюда, улыбается. Огонь в камине периодически потрескивает, как будто играет свою собственную музыку, а еще совершенно точно играет на его стороне, потому что я окончательно сдаюсь. Откидываюсь ему на плечо и закрываю глаза, наслаждаясь его прикосновениями к моим бедрам, за которые меня сильнее прижимают.

— Я тоже об это часто думаю... Странно, ты можешь быть такой смелой и такой трусихой...

— Конструкция была ненадежная, — вяло оправдываюсь, на что получаю еще одну порцию смеха.

— А-га.

Руки идут выше, я дышу чаще. Знаю, что будет через полминуты, мысленно ставлю галочку напротив графы: «разговора точно не будет», но все-таки саркастично приподнимаю брови, когда он берется за пуговицу на моей ширинке.

— Кажется, ты хотел поговорить?

— Кажется, я переоценил свои возможности...

Пуговица расходится, молния идет вниз, и я позволяю всему этому случиться. Макс забирает у меня бокал, ставит его на стеклянный столик, снова приближается и кладет руку на живот, прижимает к себе еще теснее.

— Давай снова притворимся, что ничего не было? Будто все еще лето, и между нами нет никаких недомолвок.

— Между нами всегда были недомолвки... — грустно констатирую факт, но Макс легко мотает головой целуя чуть ниже ушка.

— Информационные — да, но это все. Если ты отбросишь разум из уравнения, то поймешь, что я говорю правду.

Я хотела бы и рассмеяться, но смех застревает в горле, когда одна его рука проскальзывает мне в трусики, а вторая сильно сжимает грудь. Пульс подскакивает, а после удара, следующего за тем, как его пальцы оказываются под моими кружевами, происходит

коллапс всего моего внутреннего сопротивления и гордости. Просто тишина со стороны разума, его полностью задавили чувства и ощущения.

От медленных, круговых движений подгибаются коленки, а из груди вырывается первый, тихий стон, за которым следует еще один. После недельного воздержания, тело отзывается на него охотней, чем обычно, хотя и казалось, что это абсолютно нереально. Реально еще как! Я просто таю в прямом и переносном смысле, умираю, чтобы возродиться вновь, схожу с ума. Макс проводит языком от яремной вены до уха, мочку которого прикусывает и хрипло выдыхает:

— Один раз, сжался надо мной, малыш...Только ты можешь сделать так, чтобы я наконец смог думать о чем-то, кроме того, как мне хорошо внутри тебя.

Черт...это звучит так порочно, и меня будто бросает в кипяток. Я резко выворачиваюсь из его рук, чтобы заглянуть в глаза и, вполне вероятно, дать пощечину «оскорбленной дамы», но как только его пальцы покидают меня, чувствую себя настолько пустой, что хочется волком выть.

«Ты...чокнутая нимфоманка...» — проносится в голове голос разума, которому снова вставляют кляп, но побольше, а я ныряю на глубину.

Его губы на вкус, как черный, горький шоколад с легкой перчинкой и ноткой дыма. Я схожу по ним с ума, мну, прикусываю, провожу языком — мне мало. Целую глубже, лишь на секунду эта патка прерывается, когда он хрипло, еле дыша шепчет:

— Сегодня тебе придется самой, малыш...

А я и не против. Толкаю его на диван, на который Макс грузно опускается, но не медлит. Вторя мне, он раздевается, правда в моем случае все куда как проще. Я лишаю себя одежды быстро и без проблем, а вот Макс даже пуговицы на рубашке не может расстегнуть до конца, поэтому зло рвет в стороны. Все из-за руки, конечно же. Она перевязана синим, эластичным бинтом до середины предплечья и висит на шее с помощью мягкого ремня, чтобы, видимо, ограничить все возможные нагрузки.

«Мне так его жаль...» — проносится мысль, когда я вижу, как старательно он пытается расстегнуть пуговицу брюк, и на меня не смотрит.

Ни в коем случае! Что-то подсказывает, что это не случайность. Он делает это намерено, чтобы не показать слабость, я понимаю и это, поэтому подхожу сама. Мне не нужно слышать его просьбы, да и знаю я, что он никогда не попросит, поэтому легко, нежно касаюсь его рук, заменяя своими.

Теперь Макс смотрит на меня, но я не отвечаю — знаю, что на самом деле он этого не хочет, вместо того встаю на колени и расстегиваю его ширинку, а потом берусь за штаны и тяну их на себя. Он приподнимает бедра, и я лишаю его остатков одежды, но попадаю в новую, непростую ситуацию. Его член пружинит на уровне моего лица, а в голове проносится тупая, мерзкая мысль...

«Этим членом пару часов назад он вполне мог трахать твою сестру...»

— Ничего не было, — слышу его хриплый голос и поднимаю взгляд, чтобы столкнуться с его полным жара ответом, взятым словно из моей головы.

— Что?

«Притворяешься дуручкой? Класс...» — Макс усмехается и слегка жмет плечами.

— Знаю, почему ты уехала с Лексом.

— Растрепал?

— Это и не нужно было, я не дурак. Между нами давно ничего нет, сегодня не

исключение.

Пару раз киваю и снова опускаю взгляд на его эрекцию, которая сразу реагирует на меня «приветственным качком». Раньше меня это веселило, но сейчас третье осложнение встает также внушительно, как и самый достоверный аргумент Макса. Раньше мне нравилось доставлять ему удовольствие, слушать его стоны, владеть им полностью, но сейчас...

«Я не делала ему минет после того, как узнала всю правду, и теперь...я не уверена, что этого хочу...»

— Не надо, — Макс берет меня за руку и слегка сжимает пальцы, чтобы я посмотрела на него, — Не сегодня.

— Скажи честно, ты читаешь мысли?

Я пытаюсь пошутить, конечно, но самую изрядно напрягает тот факт, что он так хорошо осведомлен, и его это смешит.

— Нет, просто у тебя на лице все написано.

Задумываюсь на секунду, в этом то есть смысл и логика — точно! — а он слегка тянет меня на себя, разгоняя все мысли прочь.

— Иди ко мне.

Не могу и не хочу идти против, вместо того аккуратно забираюсь, стараясь не касаться его плеча. Макс улыбается, но потом хватает меня за волосы на затылке и глубоко целует — так мы возвращаем настрой. Тяжело дышим. Казалось страсти не может быть, если она почти потухла, но лишь один поцелуй полностью ее разгоняет на прежний уровень, и я снова его дико хочу. Мне жарко. И мне до боли не терпится, так что когда он направляет себя в меня, я сама подаюсь вперед, лишь бы ощутить каждый его сантиметр.

Выдыхаю, откинув голову, даю телу привыкнуть. Макс не торопит, часто дышит, вонзая подушечки пальцев мне в бедра, но потом, видимо утратив те крохи терпения, который насобирал, притягивает к себе и начинает двигать меня. Он прижимает к себе за ягодицы, покрывает меня поцелуями, сам устанавливает ритм, а если коротко, то даже сейчас доминирует. И это меня не устраивает!

Я резко хватаю его за нижнюю челюсть (и где только научилась, а?) прижимаю к спинке дивана, смотрю пронзительно, серьезно, стойко. Выдерживаю паузу. Наверно я ожидаю чего-то плохого, страшной реакции, но Макс лишь улыбается, а глаза его блестят ярче звезд, отражая огонь из камина, хотя, кажется, и свой собственный. Он все понимает, но для достоверности я слегка мотаю головой, мол, раз сама — значит сама, и он убирает руку, перекидывая ее обратно на бедро. Только после этого я начинаю двигаться, но в своем темпе. Медленном, плавном — мне некуда спешить, и я хочу немного его помучить. Отомстить, так сказать. Сжимаюсь изнутри — Макс закатывает глаза и откидывает голову, издав громкий стон, хмурит брови. Выгибаясь я отвожу бедра назад еще плавнее, потом возвращаюсь еще медленнее — он стонет снова. Еле дышит.

— Черт, я хочу быстрее, — хрипло нарушает тишину, но я лишь усмехаюсь.

— Сегодня будет так, как хочу я.

— Твою...

От еще одного подхода с более быстрым и резким рывком назад, Макс грязно ругается, а от того, что я прибавляю еще одно сжатие мышц, стонет жалобно. Я смеюсь, не могу сдержаться, и тогда он крепко прижимает к себе, наплевав на все ограничения, и выдыхает мне в ключицы.

— Прекрати смеяться, ты сжимаешься, и я сейчас кончу.

— Разве не в этом смысл?

— Ну нет, малыш, только после тебя...или вместе с тобой.

Мне так тепло на душе сразу. Я смотрю в его *настоящие* глаза, тону в них, но не боюсь, а улыбаюсь в ответ. На душе так тепло, как будто я дома, и я понимаю, что больше всего моему телу нужна не разрядка, которую оно так просит, а он. Мое тело хочет именно его и как можно больше и чаще, а сердце стократно вторит...

Глава 17. И на солнце есть пятна. Амелия

18; Декабрь

Если честно, я теряюсь в пространстве и времени. Мы положили начало чему-то дикому и необузданному, растворились в друг друга, и я почти уверена, что дело в доме и воспоминаниях, что он хранит и будет хранить всегда. Как и раньше все, что мы делаем — это любим друга друга, а остальное неважно.

Сейчас мы делаем это на пушистом ковре перед камином, как во всех пошлых, взрослых фильмах — плевать. Он с боку, обнимает меня одной рукой, вонзив пальцы в грудь, которую сжимает с силой. Второй, больной, он все равно до боли стискивает талию и плевать, что она у него больная. Сейчас точно. Он входит в меня медленно, плавно, хрипло дышит, целуя и кусая плечи, а я прикусываю его пальцы. Меня все устраивает. Абсолютно. Потому что хорошо мне тоже абсолютно...

Но всему приходит конец, по-другому и не бывает. Лежа все там же на мягком ковре у камина, я смотрю на огонь, мерно глажу его волосы на руке, и молчу. Вокруг нас тишина, но за этими стенами взрываются петарды, и как бы мы не хотели спрятаться — это нереально. Макс не спит, наверно тоже понимает, что больше не осталось времени, а разговор, который дозревал, уже нельзя игнорировать. Наверно, нам обоим страшно в какой-то степени: он боится сказать не то, что я хочу услышать, я боюсь услышать не то, что хочу, чтобы он сказал. Это замкнутый круг, но остаться тут навсегда, как бы классно не звучало, не вариант — его нужно разорвать. Все слишком далеко зашло...

— Как вы познакомились с Лилианой? — задаю вопрос тихо, не поворачиваюсь, но слышу и ощущаю, как он сверлит взглядом.

«Кажется, я зашла не с того конца...»

— Злишься, что спросила?

— Не знаю.

Зато честно. В глазах собираются слезы, я ведь снова чувствую себя глупо и какой-то заменой основному блюду, продуктов для которого просто не оказалось в наличии.

«Теперь придется довольствоваться тем, что есть...»

— В парке. Тогда я думал, что это случайность.

— Расскажешь или мне надо задавать вопросы каждый раз?

Снова молчит, а потом и вовсе вытаскивает из под меня руку и садится. Я поворачиваюсь на спину, прикрывая грудь пушистым пледом, наблюдаю за тем, как он зажигает сигарету, а сама теряюсь.

«Может и вовсе не стоило?! Жила бы себе прекрасно в розовом замке своих грез, нет, правду ей подавай!» — *«А как иначе то? Разве можно вечно закрывать глаза на слона в комнате?...»*

Склонна согласиться со вторым утверждением. Нет, нельзя. Особенно, когда слонику зовут Лилиана, и она твоя сестра. Возможно и он это понимает, потому что вместе с сигаретным дымом, Макс тихо начинает рассказывать.

— Матвей с детства очень любил рисовать, это ему досталось от отца.

— Серьезно?! — невольно перебиваю, расширив глаза, в ответ получаю смешок и пару

КИВКОВ.

— Серьезно. Отец в юности мечтал стать художником, но, сама понимаешь, в СССР это не считалось профессией, тем более при таком деде, как наш. У него была единственная дорога...

— ...Армия.

— Да, — как-то зло, почти огрызнулся он, потом снова вздохнул и сделал еще одну тугую затяжку, — Матвей очень часто болел и не учился в закрытой школе, как мы, а учился на дому, поэтому любил выезжать с Митей в парк им. Горького. Там много красивых мест, он большой и все такое.

— Митя?

— Димка. Ты его, кажется, так называла?

Тут мне ударяет в голову то злосчастное воспоминание, когда Димка предупредил меня об опасности и, по самому дерьмовому стечению обстоятельств, прямо перед главной занозой в заднице.

«Спору на что угодно, он слышал...»

Медленно сажусь, проглотив вязкий комок слюны, хмурю брови и тихо уточняю, хотя и не за чем особо: слишком уж драматичную паузу выдерживает наследник королевской семьи.

— Что с ним?

— С кем, моя прелесть?

— Не называй меня так.

— Тогда не беси! — цедит сквозь зубы, резко обернувшись и буквально окатив волной своего негодования и злости.

— Что на этот раз?!

Громко цыкает, отворачивается и снова затягивает дым в легкие, после, словно ничего и не было, уже спокойно спрашивает:

— Мне рассказывать дальше?

— А ты ответишь на мой вопрос?

— Тебя это не касается — вот ответ на твой вопрос. Довольна?

Нет, он снова делает мне больно. Упираюсь спиной в диван, подтягиваю ноги к груди и укладываю сверху голову — хочу уйти, но больше мне хочется закончить то, что я с таким трудом начала. Я прикрываю глаза, чтобы отгородиться от своего трусливого предательства, и еле слышно выдыхаю:

— Продолжай.

— Правильный выбор, хотя в целом ты получила ответ на свой вопрос: Лилиана узнала в какой парк ездит Матвей, подседа к нему и заговорила. Потом подъехал я и...

Обрывает фразу на полпути, хотя я знаю ее продолжение, еще тише заканчивая за него.

— ...И не смог отвести глаз.

— Да.

Снова. Спасибо, что хоть честно.

Вздыхаю, убрав волосы за уши, пару мгновений молчу, изучая ворсинки ковра:

«М-да, это оказалось куда сложнее, чем в моем воображении...»

— Что было дальше?

— Зачем тебе это знать?

— Ты сам сказал, чтобы я спросила у первоисточника. Я спрашиваю. Что было дальше?

— Мы начали встречаться.

— Сразу?

— Нет. Она проделала со мной все то, что пыталась сделать ты.

— Откуда ты...

— Я слушал твой телефон с первого дня, как поселился в квартире.

«ЧТО?!» — давлюсь вздохом, а он по-прежнему не поворачивается, только делает новую затяжку и тихо добавляет.

— Прости.

— Зачем?!

— Чтобы победить.

Бьет меня, не щадя, и я ежусь. Мне хочется рыдать, и даже ковыряние ворсинок не помогает отвлечься и хоть немного успокоиться — руки трясутся, боль расплзается, и я правда не знаю, зачем мне это знать, но спрашиваю еще...

— Сколько вы были вместе?

— Два с половиной года.

— Но... ты тогда должен был учиться в вашем этом Альбионе?

— Я никогда не отличался прилежностью и часто сбегал в Москву. Когда появилась Лилиана, приоритеты окончательно сместились.

— То есть... вы были вместе, когда я прилетела сюда?

Макс замирает, а потом наконец медленно поворачивается ко мне и хмурится. Я хмурюсь в ответ, все неприятное отступает назад, давая место настороженности и удивлению.

«Чего он так пялится?!»

— Ты меня действительно не помнишь?

«Эээ... что?!»

Кажется мой открытый рот дает ему гораздо более красочный ответ, чем любой другой, что я смогла бы из себя выдавить даже в теории.

— Я думал...

— Я вообще ничего не помню из того периода, когда только прилетела, — тихо признаюсь, потом опускаю глаза на ковер и дергаю плечами, — Я думала, что моя мамочка умерла и по сторонам совсем не смотрела.

Естественно, я его не помнила! Когда я прилетела в Москву, я была в полном ауте, и что мама не умерла, не знала. Она пришла ко мне только через три месяца, потому что я уж слишком сильно переживала ее потерю. Наверно, если бы у нее был выбор, она бы, конечно, лучше бы и не приходила, но... я действительно сложно переживала это потрясение... Еще хуже, чем новости о споре и своих фейковых-и-самых-важных отношениях.

— Ты не знала?

— И не узнала, если бы мама смогла сдержаться, но она все видела и слишком переживала за меня, чтобы дальше скрывать. Хотя это и было глупо...

— Она тебя очень любит, — мягко говорит, потом слегка касается моей руки и сжимает пальцы, — Если тебя это развеселит, когда я вас увидел вместе, так охерел...

— Да, — хмыкаю и забираю обратно свою ладонь, — Меня это действительно веселит, спасибо.

— Амелия...

— И когда же ты видел меня?

— Я тебя и забирал из аэропорта.

Хмурюсь сильнее, напрягая память. Если честно, то это дается с большим трудом, но получается выудить две картинки, и я смотрю на него, наклонив голову чуть в бок.

— Я помню зеленое кольцо на мизинце...

— ...Оно моего деда с маминой стороны.

— ...И тигра. Ты подарил мне черного тигра в оранжевую полоску?

— Да, — мягко улыбается, что я не сильно оцениваю, переведя взгляд к огню.

— Я потеряла его, когда переезжала в Академию. Забыла в такси. Если тебя это развеселит, плакала неделю, потому что он мне очень понравился.

— Почему меня должны веселить твои слезы?

Не отвечаю. Ответ «потому что» — это не ответ, а «я так чувствую» вообще какая-то сопливая дичь. Но Макс — это Макс, и его не устраивает такое положение дел, и когда его что-то не устраивает, он делает так, чтобы устраивало. В нашем случае привычно берет за нижнюю челюсть и насильно поворачивает мою голову на себя.

— Если ты не готова слышать правду, тогда не спрашивай, — цедит, пока я держу его за запястье, но тоже не уступаю — цежу в ответ.

— Я готова.

— Тогда реагируй нормально! Я перед тобой честен — это то, чего ты так хотела и...

— Я сказала, что реагирую нормально!

С силой выдернув голову, резко встаю и хватаю свою вязанную кофту, которую одеваю по пути к окну. Не хочу быть так близко к нему — это сложно и отвлекает. Не получается вести себя хладнокровно, он в чем-то прав, слишком уж сильно меня изнутри жарят чувства, которые вызывает именно его персона. Прислоняюсь спиной к стеклу, чтобы остудить пыл, складываю руки на груди, смотрю прямо и твердо. Макс тоже не отстает. Он поднимается на ноги, придерживая плед в зоне своего достоинства, желваки играют. Знаю, что он хочет подойти ко мне, поэтому заранее выставляю руку и мотаю головой.

— Нет, стой там.

— Ты будешь приказывать мне в моем же доме?

— Я хочу закончить разговор.

— Да ну?! — зло усмехается и отгибает уголки губ вниз, — И что ты еще хочешь узнать, а?! Сколько раз я трахал ее в день? Какие позы были нашими любимыми? Какое место? Как...

— Ты ее любишь? — резко перебиваю эту мерзость, заставляя его врасплох.

Макс стоит передо мной чуть ли не с открытым ртом, молчит, а я медленно схожу с ума с каждой секундой этой тишины. Честно? Я этого вообще не ожидала...

«Не может быть...» — усмехаюсь, взявшись за лоб, и еще раз от следующей мысли, — «А ты рассчитывала, что он скажет нет?! Что он любит тебя?! Ага, как же, твою мать!»

— Амелия...

— Кто тогда я? — тихо спрашиваю, не прекращая болезненно улыбаться, сама изнутри распадаясь на части.

«Неужели...?»

— КТО ТОГДА Я?! — не выдерживаю и ору, делая на него шаг, — Удобная замена?! Временное развлечение?! Таблетка?!

— Не ори на меня!

— КТО Я В ЭТОЙ ИСТОРИИ, А?! КТО?! ОТВЕЧАЙ, ТРУС ВОН...

— Я НЕ ЗНАЮ!

Зато честно...

В этот момент, правда, меня это слабо утешает. Я усмехаюсь еще раз, а потом вдруг шурю — на меня неожиданно нападает дикое, неумемное желание отомстить, которое я просто не могу сдерживать. Я хочу сделать ему больно, а значит сделаю — это не вопрос выбора, а скорее моя суть.

— Интересно...и как же ты узнал, что она тебе изменяет?

— Осторожней сейчас...

Макс прекрасно понимает мою цель, предостерегает, но в гробу я видела все его предостережения: благополучно кладу с прибором ижимаю плечами.

— Ты спрашивал, что я еще хочу знать? Я хочу знать, как ты узнал, что девушка, которую ты любишь, предпочла тебе твоего отца? Ну же. Поделись этой зажигательной историей и не пропусти ни одной детали, раз ты хочешь быть со мной честным.

Хочу было вставить еще пару токсичных копеек, но вдруг комнату озаряет яркий свет фар, и я резко поворачиваюсь.

— Ты кого-то ждешь?

— Нет...

Макс быстро подходит к окну, становится рядом, а потом вдруг леденеет.

— Это отец...

Я поднимаю на него затравленный взгляд, он отвечает мне не меньшим страхом, будто мы оба в этот момент подумали об одном и том же: нам конец.

Первым в себя приходит Макс, он начинает собирать по полу мою одежду и между делом шипит:

— Прячься, живо!

Я немного потеряна, кручусь вокруг своей оси, теряя драгоценное время, тогда он хватает меня за руку и тянет в сторону лестницы, но в следующий миг мы слышим, как открывается входная дверь — путь отрезан. Шаги приближаются, паника нарастает, и снова: если бы не Макс, все было бы очень плохо. Он пихает меня в небольшую нишу за камином и книжной полкой, и я отползаю в самый угол, прикрываясь занавеской. Напоследок я слышу тихое:

— Сиди на месте и не двигайся, чтобы не случилось.

На этом все. Тут то время и кончилось.

— Ну здравствуй, мой свободолюбивый сынок...

От голоса Петра Геннадьевича и его тона бегут колючие мурашки. Мне вообще несказанно повезло, если можно так выразиться, потому что я нахожусь считай в первых рядах. Камин то у Макса прозрачный, только с той стороны есть иллюзия дров и углей, а с моей стороны это все равно, что включить телек и наблюдать за реалити на мягком диване. Мне бы этого не очень хотелось, но ничего не остается, поэтому я прижимаюсь к стене изо всех сил, желая с ней слиться, подтягиваю ноги к груди и драпируюсь портьерой, как плащом. На всякий случай.

Тем временем Макс делает шаг ближе к окну, где валяется его одежда, притворно усмехается.

— Извини, не ждал гостей.

— Вижу. Ты не один?

— Один.

— Мм...да ну? — холодею сильнее, и мне кажется, что Петр Геннадьевич смотрит прямо на меня, а когда медленно подходит, я, походу дела, и вовсе зарабатываю себе микроинсульт.

Состояние Макса не лучше, а еще плачевней. Он замирает, весь белеет, держа наготове спортивки, но так их не надевает. Властелина это веселит, он разглядывает что-то на камине (слава богу не меня), проводит пальцем по полке и отдает команду:

— Накинь что-нибудь.

Макс тут же очухивается, начинает быстро одеваться, тем временем его папаша тихо, играючи шепчет с видом «победитель по жизни».

— Еще раз спрошу. Ты один?

— Да.

— Тогда почему ты голый?

— Дрочил.

Я чуть было не палюсь, когда из груди почти вырывается нервный смешок, который тонет в треске ненастоящего костра. Хотя жарко тут, если честно, как у настоящего — мне почти нечем дышать, но я терплю. Стойко и сильно, с единственной мыслью:

«Не могу его подставить...»

— Надеюсь, удачно?

Макс издает сдавленный смешок, шлепнув резинкой штанов, кивает.

— Вполне, спасибо, что поинтересовался.

— Подойди.

«Не нравится мне все это...» — мелькает в голове, когда я во все глаза смотрю на внушительную фигуру Властелина мира прямо по середине гостиной, где всего полчаса назад мы с его сыном занимались сексом.

Я чувствую, что что-то плохое непременно произойдет. У меня холодеют руки, не смотря на жар, внутри все покрывается коркой изо льда еще толще, чем за окном. Макс же кажется вполне спокойным. Он идет ровно, гордо расплавив плечи, но на секунду, — всего на секундочку! — я улавливаю его взгляд, направленный в мою сторону, в котором стоит страх. А еще мольба. Да. Он словно просит меня...

«Сиди на месте и не двигайся, чтобы не случилось.»

Я закрываю рот руками, когда внутренний датчик тревоги начинает дико пищать, и взрывается с первым, сильным ударом. Он прилетает точно в челюсть, сваливая Макс с ног на пол. За ним еще один удар, не менее сильный, от которого на диван летит фонтан крови. Мое сердце так сильно колотится, я жилы себе выкручиваю, потому что больше всего на свете хочу вылезти и убить Властелина мира, но не могу. Макс жестом показывает мне, — ИМЕННО МНЕ! — не двигаться, принимая следующий удар. И еще. Еще. Петр Геннадьевич бьет его так безжалостно, так сильно, ногами, руками, пока Макс лежит на полу, не поднимая головы, а напротив закрывая ее руками. Экзекуция продолжается достаточно долго, пока, наверно, у Властелина мира силы не кончатся, хотя судя по всему у него они никогда и не кончатся. Когда он отходит от Макса, дышит лишь немногим тяжелее, почти не запыхавшись то есть, и размашистым жестом вынимает белый, носовой платок из нагрудного кармана, как барон из какого-нибудь темного триллера.

— Ты понял урок? — звучит так холодно, что я невольно вздрагиваю, а в голове орет в рупор.

«УРОК?!» — ничего не понимаю. Но Макс понимает. Он упирается в пол кулаком

здоровой руки и кивает.

— Это за вольность.

— Именно. Еще хочешь мутить воду за моей спиной?

— Нет... товарищ подполковник.

«ПОД... ЧТО, ТВОЮ МАТЬ?! ОН ЭТО СЕРЬЕЗНО?!»

— Отлично. Что ж... — больной убудок осматривает гостиную и кивает, — Интересно... Дом выглядит очень неплохо.

— Спасибо... товарищ подполковник.

— Почему Лилиана не с тобой?

— Потому что она ваша женщина, товарищ подполковник, ей нечего делать в моем доме, — выплевывает вместе с кровью на пол, Властелин усмехается.

— Как хорошо, что ты наконец это усвоил.

— Я давно это усвоил, товарищ подполковник.

— Приятно слышать, но как надежнее всего убедиться, что материал действительно изучен и закреплён?

Макс медленно поднимает на него глаза, еле дышит, молчит, словно что-то неожиданно понял. Так и есть, спорю на что угодно, но я то вообще ничего не понимаю.хлопаю глазами, как дура, Петр Геннадьевич же дает ответ сам, словно смакует и это.

— Экзамен.

— Я не...

— МОЛЧАТЬ! — вздрагиваю вместе с Максом, а Властелин раздувает ноздри, — Или ты хочешь продолжить, щенок?!

— Нет, товарищ подполковник.

— Чудно. С завтрашнего дня Лилиана становится твоей тенью.

«Вот о чем говорил Миша...» — думаю, кусая губу, чтобы не разрыдаться в голос из-за того, как сейчас выглядит Макс. Он не поднимает головы, но весь напряжен до предела, будто изо всех сил сдерживается, чтобы не размозжить бабку своему папаше. Но молчит... он молчит...»

— Хороший мальчик, — подтверждает мои догадки Властелин, кивая и нарочито аккуратно вытирая кровь сына со своих костяшек, — Ночью она будет со мной, а днем с тобой. Как раньше...

Макс шумно выдыхает, но даже не пытается посмотреть на своего отца — только в пол. Его желваки просто сходят с ума, а Властелин только подливает масла в огонь, усмехаясь.

— Хочу, чтобы между нами больше не было тайн.

— Квартиры куплены на мои деньги и...

— ВСЕ, ЧТО У ТЕБЯ ЕСТЬ — МОЕ! — Петр Геннадьевич хватает его за волосы сильно тянет назад, после чуть приближается и шепчет тихо, — Ты — мое говно. Запомни это, отродье, и не смей больше провоцировать меня, потому что еще одна такая выходка, и ты больше никогда не увидишь своего брата. И никто его больше не увидит...

«Не верю...» — хлопаю глазами, сжавшись еще больше, чем прежде, — «Он что действительно сейчас угрожал убить Матвея?»»

Без сноски я понимаю, что речь именно о нем. Кем еще он может угрожать Максиму? Кого еще он любит также сильно? Матвей его единственная больная точка, на которую давить его отцу, кажется, куда приятнее, чем помнить, что они оба в первую очередь его дети...

Я не решаюсь вылезти долго, даже после того, как машина Властелина отъезжает от дома. Отчетливо слышу скрип шин, но какой-то иррациональный страх держит меня на месте похлеще супер-клея. Макс тоже молчит. Он уже не лежит на полу, не сидит на коленях, а поднялся и опустился на край дивана, уложил голову в руки. Иногда я слышу, как он сплевывает кровь, но все еще слишком боюсь пошевелиться, потому что мне страшно сделать что-то, что поставит под угрозу хоть кого-то из Александровских.

Так проходит полчаса, за ним и сорок минут. Я вижу часы на стене и точно это знаю, так что когда минует пятьдесят, решаю, что Властелин уже точно не вернется и медленно встаю. Макс не реагирует на мои копошения, даже когда я отодвигаю полку и захожу обратно в комнату. Он так и сидит, правда берет бутылку виски и делает плоток, но не поворачивается. И не собирается... Правда стóит мне сделать шаг в его сторону, как доносится гулкое, тихое:

— Нет. Уходи.

Я вытираю слезы, которые градом вырываются из глаз, кусаю губу. Честно? Без понятия, как вести себя в такой ситуации, но при всем при этом не могу просто взять и уйти. Я хочу быть ближе, совершенно не хочу оставлять его одного, такого сломленного и одинокого... униженного. Поэтому забиваю на его слова болт и делаю еще один шаг, но я, видимо, не до конца осознаю степень его ущемленного эго, потому что это совсем не то, чего он от меня ждал... Макс резко вскакивает, швыряет бутылку о пол с размахом и чувством. Осколки взрываются салютом, я стою замерев, даже вздохнуть боюсь, а он приближается и нависает сверху.

«Все еще хуже, чем тогда в доме...» — думаю, пока Макс не начинает на меня орать.

— Я СКАЗАЛ ТЕБЕ — НЕ ПОДХОДИ! СКАЗАЛ — УЙДИ! ПОЧЕМУ ТЫ ТАК СУКА, ТУПАЯ, А?! ВАЛИ ОТСЮДА, ШКУРА ВОНЮЧАЯ! ВАЛИ НА ХРЕН! МЕНЯ ТЕБЯ УЖЕ ТОШНИТ, Я ВИДЕТЬ ТЕБЯ НЕ МОГУ! ПОШЛА ВОН!

С силой он пихает меня так, что я падаю на диван чуть не ушибив себе голову о столик, к которому так «удачно» перекатываюсь, а когда сажусь и поворачиваюсь лицом, Максимилиан быстрым шагом удаляется вверх. От громкого хлопка дверью аж стекла дрожат, как и я, утопая в истерике, которая вот вот да наступит мне на пятки.

И наступает. Я сплю очень плохо, а с утра я просыпаюсь от шума на кухне, где во всю гремит блендер. На улице еще темно. Макс стоит ко мне спиной, полностью одетый в черный костюм точно по фигуре и со стопроцентным знаменитым брендом на этикетке. Потираю глаза и поднимаюсь на ноги, стараюсь не обращать внимания на наплевательское отношение ко мне и иду к нему. Вчера у меня было много времени подумать, и я рассудила, что он так жестко сорвался из-за того, что я видела, плюсом добавился наш «так себе» разговорчик как раз перед этим.

«Сегодня он будет другим...» — убеждала себя, но когда торможу у кухонной тумбы, а он поворачивается ко мне лицом, что-то в глубине моей души снова умирает.

Лицо порядком подбитое, конечно, хотя в принципе не так страшно, как казалось вчера, но вот взгляд... Его взгляд холоднее льда.

— Мы уезжаем. Собирайся.

Макс разворачивается и проходит мимо меня, будто мимо стены, чего я никак не

ожидаю. Стою и смотрю на него, пока голову не простреливает, и я не разворачиваюсь, чтобы крикнуть в спину.

— Ты злишься *на меня*?! Серьезно?!

«*Кажется зря я это...*»

Точно. Зря. Макс шумно выдыхает, замерев, а потом вдруг делает резкое пике и прет на меня, как танк, заставляя прижаться задницей к кухонной тумбе. Смотрит так холодно, но одновременно жарко, что я невольно застываю, а через миг вываливает на меня такую кучу говна, которую я уж никак не ожидала услышать.

— Злюсь ли я?! Хм, дай-ка подумать...ДА! Из-за чего?! Да потому что из-за тебя мне пришлось молчать и кивать, чтобы он не лазил по моему дому в поисках «кого-то» еще! Из-за тебя мне пришлось прогнуться, а теперь из-за тебя твоя чертова сестра будет ходить за мной тенью! Из-за тебя Я БУДУ ВЫНУЖДЕН СМОТРЕТЬ НА ТО, КАК ОНА КАЖД ДЕНЬ ВЫПОЛЗАЕТ ИЗ ПОД НЕГО И ИДЕТ КО МНЕ!

— Но...

— ЗАКРОЙ СВОЙ РОТ! Хотела услышать, как я узнал?! Отец взял ее к себе в фирму по моей просьбе, я пришел ее забирать, и застал, как она делает ему минет! Знаешь какого было наблюдать, как он хватает женщину, которую Я ЛЮБЛЮ за волосы и насаживает на свой член снова и снова?! Как течет и капает слюна на белье, которое Я ЕЙ КУПИЛ?! Просто Потрясающе. Вот какого это было! И знаешь, что самое потрясающее?! Это все — твоя вина.

«*Что?...*» — еле слышно пищу, но в реальности не могу и слова сказать, да и ни к чему это никому. *Я птица слишком низкого полета...*

— Что ты вылупилась на меня, а?! Не знала?! Так вот кушай: ей нужна была нормальная, постоянная работа, чтобы одобрили опеку над ТОБОЙ. Поэтому я устроил ее к нему, не думал, дурак, что мой собственный отец так поступит! Ха! Какой прокол, да?! И все из-за малолетней, вонючей суки, чья мать даже не сдохла! Благодарю бога, твою мать, что я не стал марать себя тобой еще когда тебе шестнадцать было. Просто, сука, благодарю Бога, а теперь вали на хрен с моих глаз! У тебя десять минут на сборы! Пошла!

Мне не нужно повторять дважды. Я срываюсь с места и бегу в спальню наверху, где стоят мои сумки. Сердце так тяжело барабанит, что я лишь это и чувствую, задыхаясь.

Помню, как впервые услышала фразу «И на солнце есть пятна», и совсем не поняла ее значения. Какие пятна? Почему? Зачем? Только потом мама объяснила мне, что это значит: никто не безупречен и безупречным быть не может; как ничто не идеально, потому что это противостоит природе. Есть фразы синонимы, например: «Нет розы без шипов» или «И у царей мантии пачкаются», но суть всегда одна. Сидя в машине сзади и смотря на дом через окно со своей стороны, я хмурюсь, потому что теперь не вижу в нем того «идеального», что было когда-то летом и даже пару дней назад. Теперь я вижу недостатки: там крыша немного косая, тут окно не подходит и лучше бы его вообще не было, но главный — там в гостиной он в который раз размазал меня по полу и прошел мимо.

В голове на репите так и звучат эти жестокие, злые, грубые слова, направленные на прямое уничтожение, и теперь словно эхом разбиваются о толстые стенки, дробятся и множат потери. Вот так и верь после этого слухам, что из колодца можно звезды увидеть — ага, трижды. Я же и есть этот колодец, а если там и водится что-то, так это чье-то ядовитое отчаяние... вроде моего.

Мы останавливаемся во дворе обычной восьмиэтажки в районе Сухаревской. Я хорошо знаю эту местность, здесь совсем недалеко находится моя Академия, так что знаю, что вокруг много парков и других интересных мест... Жаль только, мне вряд ли позволено их посещать. С грустью осматриваю дом. В нем нет ничего примечательного, кроме прикольно наряженного снеговика у самого подъезда.

«Наверно жители сделали... Здесь ведь очень чисто... ухаживают...»

— Ты будешь жить здесь, — холодно цедит Макс, не поворачиваясь, — Это квартира матери моего друга, так что прошу ничего не бить и не копать в стенах.

«Если бы я не копалась в стенах, ты был бы в полной заднице...» — думаю, но не говорю, наблюдая за тем, как смешной ребенок в пышном пуховике бежит точно пингвин на встречу своей маме.

— Вещи тебе привезу сегодня вечером, в холодильнике уже есть еда. Я снова дам тебе свою карту, но на этот раз обойдемся без эксцессов. Ты потратила почти все мои деньги, так что ограничимся...

— Мне все это не нужно. В плане вещи...

— А то я не понял.

Повисает тяжелая пауза, и я смотрю на него, но он даже и не думает ответить. Постукивает по рулю указательным пальцем, молчит. Наверно думает, что еще мне сказать, а я опережаю. Тихо, слегка нахмурившись, с покалыванием в носу — предвестником очередного соленного потопа, — тихо спрашиваю.

— Ты действительно ненавидишь меня за то, что я просто существую?

Резко тормозит. Как по щелчку пальцев, Макс перестает выбивать неизвестный ритм, молчит, и это своеобразный ответ на все мои вопросы. Опускаю взгляд на свои руки, киваю, хочется и усмехнуться, но в горле встает ком — мне совершенно несмешно, даже не притвориться...

— Я не виновата в том, что Ли...

— Не произноси ее имя, — грубо отрезает, от чего мое состояние только ухудшается.

Шумно выдыхаю, чтобы как-то справиться с эмоциями, которые грузом ложатся на плечи вместе с мыслью:

«Он ее любит. Он ее любит. Он ее любит...» — и *«кто тогда я?!»* уже неактуально. Все без слов ясно: я просто замена. Он не может получить ее, а меня пожалуйста, потому что я то его люблю... — *«Наивная, слабовольная идиотка...»*

— Я не сбегу, — также тихо продолжаю, теряя весь смысл в каких-то попытках объяснить свою правду, — Я все поняла и не собираюсь сбежать.

— Тронут.

— Но я хочу гулять.

— Условия? — усмехается, — Ты не в том положении, чтобы ставить условия, Амелия.

— Ты так боишься стать таким, как он, что не замечаешь, как именно это и происходит!

— Закрой рот, — жестко цедит, наконец повернувшись в мою сторону, но я не могу на него смотреть.

Ни на изувеченное лицо, ни на глаза, которые думала, что знаю, ни на губы, вкус которых помню так отчетливо, что даже страшно... Мне больно. Сейчас разговаривать с ним

так невыносимо больно, что я отворачиваюсь и предпочитаю снова изучать снеговика, нежели проходить через этот ад смело и с высоко поднятой головой. Нет, отнюдь, она опущена ниже плинтуса, и у меня нет больше сил бороться с ветряными мельницами.

— Я просто хочу выходить на улицу, а не сидеть под замком. Пожалуйста.

Макс молчит долго, и я уже думаю, что и нет смысла дальше продолжать, но наконец он вздыхает и, по ощущением закатив глаза до степени «вижу свой мозг», цыкает.

— Я подумаю.

— Все, о чем я прошу — это подобие нормальной жизни и...

— Я сказал, что подумаю! А теперь пошли, у меня нет времени на все эти сопли.

Даже сейчас умудряется меня уколоть, хотя я этого не заслужила. Не заслужила! В том, что произошло нет моей вины, к тому же Лилиану никто не просил об опекунстве, так она решила сама! Она слишком боялась оставлять меня в Новосибирске рядом с Костей, потому что считала, что в том, что Роза умерла — он виноват.

«Он ее не защитил. Его не было рядом.» — так она говорила, жестко отсекая любые мои попытки встать на его защиту. И что же получается? Благими намерениями действительно выложена дорога в Ад? Наверно так и есть, ведь не просто же так теперь я расплачиваюсь за то, что было много лет назад.

Забавно, но раньше я так взвивалась, стоило кому-то отнестись ко мне, как к ребенку. Орала, что давно взрослая, но теперь все так круто поменялось. Мне бы хотелось крикнуть: очнись! Я тогда была совсем ребенком, в чем ты меня обвиняешь?! Но кому орать то, если дверь в квартире, куда меня завели, закрывается громким хлопком, а замок пару раз прокручивается?! Разве что своему отражению или пустоте незнакомой прихожей...

Здесь действительно не было ничего особенного. Персиковые обои в цветочек, паркетные полы из вишневого дерева, обычная мебель. Комнат в квартире было, скорее всего, когда-то две, а теперь большая совмещена с кухней, которая занимает достаточно мало места. Всего уголок, но мне большего то и не надо, вполне достаточно того, что есть. Красные фасады кухонной гарнитуры скрывали в себе целые залежи посуды, но я быстро отыскала чашку, в которую налила черный, ароматный чай. Мне надо немного успокоиться, и пусть он не был таким, как делала мама, панацея тоже работала на ура. Я смогла перестать рыдать, слава богу, даже стала дышать более свободно, и огляделась. Действительно ничего особенного. Барная стойка разделала кухонную зону и гостиную, где стоял небольшой диванчик, напротив висел стандартных размеров плоский телевизор. Никаких изысков и излишек, как и в спальне. Шкаф-купе и двуспальная кровать, в углу кресло, какое было, наверно, в каждом советском доме. Два подлокотника, спинка и сидуха на ремнях, все это облеченное в странного вида ткань с наркоманскими узорами.

«М-да...стремительное падение с апартаментов на пятьдесят втором, до обычной двушки на втором...» — думаю, даже усмехаюсь, но потом понимаю — мне все равно на самом то деле, главное возможность вести хотя бы что-то вроде обычной жизни.

Поэтому я на иголках. Хожу туда-сюда, как тигр в клетке, посматриваю на часы. Под ложечкой жестко сосет, ухает, неизвестность пугает. Мне дико важно знать, что же он решит в конце концов, так что кусок в глотку не лезет, если не считать своих ногтей, которые я, наверно, все сгрызла, пока ждала этот звук поворота ключа в замочной скважине.

Вскакиваю с места так резво, что чуть не падаю со всеми вытекающими, благо удается устоять, и когда в десятом часу я появляюсь в коридоре, Макс открывает дверь. Настроение у него — мрак, я сразу это подмечаю, как и то, что он очень устал. Кидает черную, кожаную

сумку на пол, тяжело выдыхает в потолок, а я не решаюсь заговорить, пока не понимаю — он действительно устал, и, может быть, чего то хочет?

— Может ты хочешь чего-нибудь? Я могу...

— Я хочу побыстрее все закончить и уехать домой, — тихо говорит, не открывая глаз, вместо того прижавшись спиной к стене, — Я очень устал.

Это обидно. Я отвожу взгляд, нервно теребя пальцы, пока Макс потирает лицо ладонями, и когда отнимает их, смотрит на меня холодно и отстраненно.

— Ты сказала о нормальной жизни. Что конкретно входит в это понятие? Только шатание по улице?

Еще один укол. Я кусаю губу, потом смотрю на него и пожимаю плечами.

— Телефон и ноутбук...

— Хорошо.

«Серьезно?!»

— Но с моими условиями.

«Ага, ну конечно...»

— Какими?

— Твой телефон и ноут я смогу просматривать в любой момент. Истории поисков, содержание того, что на нем — все. С телефона ты сможешь звонить только мне и в службы спасения.

«М-да...не густо. Но это хотя бы что-то?...»

— Хорошо, — тускло соглашаюсь и снова принимаюсь изучать «елочку» пола, а он продолжает накидывать.

— Если я позвоню, и ты не возьмешь трубку — лишаешься всего. Камеру на ноутбуке не смей заклеивать.

— Хорошо...

— Также раз в три дня я буду приезжать к тебе и осматривать квартиру на предмет всего того, что сочту недопустимым.

— Например?

— Например оружие, — усмехается, и стоит признать, что могла бы и сама догадаться...

— Я не собираюсь...

— Наркотики. Алкоголь.

— Запрещенная литература, которая наталкивает на слишком вольные мысли? — саркастично вставляю свои пять копеек, он пожимает плечами с легкой улыбкой.

— Возможно.

— Тебе прекрасно известно, что я не стану действовать против...эм, вас, тем более ему во благо.

— Этот дебильный фарс меня уже утомил. Мы вели такой разговор, Амелия, и я не собираюсь снова все повторять, тем более в вопросах вашей семьи лучше перебдеть.

Намек больно бьет по мне, снова заставляет покорно опустить взгляд и снова изо всех сил сдерживать слезы.

«Он так несправедливо жесток со мной...» — проносится в голове, а потом я представляю, что каждый раз, когда он будет сюда приезжать, я буду вынуждена чувствовать себя полным ничтожеством и хмурюсь, — «Ну нет...эта ноша для меня непосильна...»

— Не ты, — выпаливаю, заставляя его врасплох.

— Что «не я»?

— Приезжать.

Медленно поднимаю на него глаза и слегка жму плечами, также слегка улыбаясь, чтобы хоть как-то скрыть ту боль, которую мне причиняют слова, что я говорю, и решение, что родилось будто из ниоткуда.

— Ты был прав. Нам лучше не видеться и держать дистанцию. Поэтому приезжать будешь не ты.

— О, правда? И кто же?

— У тебя много родственников, которые вовлечены в ваш незыблемый план. Выбери любого.

— Им заняться больше нечем, кроме как ездить *сюда к тебе*?

— Это *ваш* план, от которого зависят *ваши* жизни. Найдут время. Я не хочу тебя больше видеть.

— Это взаимно, — холодно цедит, но на этот раз я готова, поэтому пожимаю плечами и снова улыбаюсь, только шире.

— Тогда не должно возникнуть сложностей. Когда я получу ноут и телефон?

— Через два дня.

— Когда я смогу выходить?

— Когда получишь телефон.

— Хорошо. Тогда удачной дороги.

Разворачиваюсь, чтобы уйти вглубь квартиры, но Макс окликает меня, тормозя на полушаге. Он приближается, и когда останавливается напротив, пару мгновений тупо смотрит — начинаю нервничать. Что он там может выкинуть, я без понятия, поэтому когда он тянется к моей руке, делаю шаг назад. Я хочу сохранить дистанцию, но он не дает, напротив сокращая. Берет за запястье, и сердце трепещет, как глупая птичка. Не знаю, чего оно ожидает, но разум не ждет ничего хорошего, и он снова оказывается прав. Ничего хорошего ждать то и не стоит в принципе, когда речь заходит о Максимилиане Александровском.

На моем запястье защелкивается замок браслета, который дико похож на кулон в плане своего устройства — я тоже не смогу его открыть, знаю это будто нутром чувствую.

— Не дергай его и не пытайся снять, — тихо подтверждает, — Ты не сможешь.

— Я уже догадалась. Зачем? Вряд ли это еще один подарок.

— Это маячок, чтобы я всегда знал, где ты.

— Мило. Спасибо?

— Не благодари, — саркастично отвечает на мой яд, после смотрит за спину и выгибает брови, — Ну и как квартирка? Лучше той?

— Это не клетка, так что да, намного лучше, спасибо.

Макс опускает на меня взгляд, продолжая усмехаться, потом поднимает руку и явно хочет коснуться меня, потому что тянет ее в сторону щеки, но я отстраняюсь. Не хочу. Не смогу просто! Вместо того, чтобы снова поддаться его чарам, я снова предпочитаю изучить расположение досочек, сжав себя руками и нахмурившись.

— Вещи из той квартиры, которые я заказала, можешь сдать. Я не открывала коробки, кроме одной, так что не должно возникнуть проблем.

— Спасибо за совет, я разберусь сам...

— Тебе пора, — перебиваю, делая еще один шаг назад, — Я устала и хочу лечь спать.

— Это приглашение?

«Чего?!» — я аж опешила, подняв брови, — «Он это серьезно?! С утра ненавижу, теперь ждет какого-то приглашения?! Ага, разбежался! Интересно, у мужиков бывает ПМС, потому что если да, кое-кому нужно попить таблеточки...»

— Выход найдешь сам, — наконец отвечаю, гордо расправив плечи, — Удачной дороги.

Глава 18. Многогранные. Амелия

18; Декабрь

Грань I. Михаил

— ...Когда мы были в доме, приезжал ваш отец.

Выпаливаю это так неожиданно, что заставляю старшего отпрыска королевского семейства подавиться, и неловко отгибаю уголки губ, прошептав.

— Прости...

— Ничего страшного, — усмехается, потом проглатывает здоровенный кусок оладушка и кивает, — Знаю.

— Он рассказал?

— Он никогда бы этого не сделал, но по его лицу я все понял.

— Так происходит...

— Всегда, — перебивает, сурово смотря мне в глаза, — Так происходит каждый раз, когда мы делаем что-то не так, как он хочет. С самого детства...

— Нельзя спрашивать, да? Я лезу не в свое дело?

— Лезешь, но ты уже вовлечена, и меньшее, что ты можешь — это узнать правду. Может быть тогда тебе будет понятнее почему все происходит так, как происходит.

— Думаешь, что я вас осуждаю?

— Думаю, что ты осуждаешь Макса. Я этого не хочу.

— Поэтому повез меня к Матвею? Чтобы обелить его образ в моих глазах? — Михаил слегка улыбается и кивает, — Зачем? Какая разница, что я думаю?

— Ты еще молода...

— Ой, только не надо мне это говорить! — устало цыкаю и откидываюсь на спинку стула, закатив глаза, — Я всю жизнь слушаю: «ти есчо сълищкьом молодья, сътьоби понъать...»

Мои театральные, фигурные передразнивания заставляют Михаила громко рассмеяться, и так это заразительно у него получается, что я невольно поддерживаю. Не могу сдержаться, хотя и пытаюсь стать Снежной королевой — не-а, мимо. Михаил перестает даже раньше меня, а когда я это замечаю, вытягиваюсь по струнке, потому что взгляд у него какой-то слишком уж странный...

— Чего так пялишься?

— Ты очень милая.

Краснею, как по щелчку пальцев, а потом резко прижимаю ладони к щекам, состроив бровки домиком, и выпаливаю первое, что приходит в голову. Конечно же, очередную глупость, не иначе как...

— Я с женатыми мужиками не мучу. Имей ввиду!

Михаил резко перестает даже улыбаться, зато из меня вырывается смешок, скорее нервный, разумеется, но зато очень животрепещущий. Я прям прыскаю, как в плохих комедиях прыскают чаем, и это считай Армагеддон для приличной публики...

— Прости... — еле слышно шепчу, закрыв рот рукой, но через миг он снова начинает громко смеяться.

«Прямо какой-то громогласный богатырь...» — притихнув, думаю и наблюдаю, а когда он наконец успокаивается, подтирая глаза салфеткой.

— М-да...теперь все понятно.

— Что понятно?

— Да так. Амелия, дорогая, извини, но дети меня тоже не интересуют, к тому же я люблю свою жену. Мне кроме нее никто не нужен.

— Видно, что ты ее любишь. Только на нее и смотришь...

— Все то ты видишь...

Жму плечами и беру еще одну оладушку и наблюдаю за тем, как макаю его в мед, чтобы скрыть свою грусть. Слишком уж свежи мои раны...

— Он тебе что-то сказал, да?

— Не хочу об этом говорить.

— Сказал... — устало выдыхает, потом неожиданно приближается и тихо, серьезно говорит, — Для Макса это недопустимо — видеть его слабость не должен никто. Он всегда кусает и делает это сильно, если...

— Я не хочу об этом говорить, — с нажимом перебиваю, встаю и отхожу к окну, сложив руки на груди.

На самом деле хочу. На самом деле я брежу идеей разобраться, какого хрена произошло, но не могу позволить себе так низко пасть: расспрашивать о человеке, которому на тебя настолько насрать, который так тебя унизил, для моего самолюбия все равно что выполнить хакири! Но...

«Михаил такой мягкий...может и можно попробовать?...» — бросаю на него взгляд.

Старший сын Александровского сидит и смотрит на меня прямо, без обиняков, и я решаюсь, правда смотреть на него все равно не могу. Отворачиваюсь в сторону окна, сжимаю себя руками и хмурюсь.

— Он называл его подполковник.

— Знаю. Это его армейское звание. Он каждый раз требует, чтобы к нему обращались именно так.

— Он всегда так делает?

— Да, с детства. Единственный, кого не били — это Матвей.

— Да, Макс сказал, что он часто болел в детстве. А еще... — облизываю губы и тихо вздыхаю, — Макс ему не ответил.

— Потому что тогда было бы хуже.

— Куда еще хуже? — жалобно спрашиваю, быстро вытерев слезу, которая уже бежит по щеке, — Он избивал его так жестоко...

— Макса он всегда бил с особой жестокостью и силой, наверно потому что он больше всех сопротивляется и всегда сопротивлялся...

— А за что в этот раз? Я даже не поняла. Он сказал «за вольность»...

— Перевожу: за квартиры.

— Но что в этом такого? У него у самого половина Москвы в кармане!

— То у него, — хмыкает и жмет плечами, — Ему можно все, нам нет. Все, чем мы владеем, должно проходить через его контроль. Никаких вольностей. И естественно я говорю о чем-то весомом, а не о глупостях. О чем-то типа инвестиции. Любой. Будь то квартира, участок, дом или машины. Он должен одобрить все аспекты наших жизней.

— Как вы так живете? — тихо спрашиваю, наконец посмотрев ему в глаза, — Это же

невозможно... Ваша внешность, деньги, одежда, наконец!

— Мы привыкли, Амелия. Когда с детства тебя дрессируют так, как это делал он...

— Но вы ведь не собаки!

— Я очень ценю, что ты это понимаешь и сочувствуешь нам.

Жму плечами.

— Я же не изверг.

Он улыбается.

— И все равно спасибо.

— Можешь не...эм...рассказывать, что я спрашивала?

— О нет, что ты. В ваши отношения лезть я не буду ни за что — это чревато.

«Нет никаких отношений. Он любит Лилиану...» — думаю, но не произношу, потому что не хочу слышать ни утешений, ни жалости, ни попыток меня подбодрить — хватит. Это уже слишком.

— Ну что ж...пойду я. Заеду еще на днях. Если что — звони.

Иду за ним по коридору, когда слышу последнюю реплику, останавливаюсь. Михаил натягивает свое пальто, но замечает это и приподнимает брови.

— Что такое?

— Я не могу никому звонить, кроме него.

— О, правда? Тогда очень жаль, что я добавил свой номер в твою телефонную книгу.

— Зачем?

— Вдруг что-то случится.

— Например?

— Ну не знаю...может быть ты захочешь увидеться с кем-то?

«Женя...» — мне вдруг становится дико стыдно. Я отвожу глаза, неловко переступаю с ноги на ногу, кусаю губу.

— Я так ее обидела тогда в последний раз...

— Она не злится на тебя.

— Мне жаль, — уже уверенно заявляю, расправив плечи и смотря точно ему в глаза, — Мне правда очень жаль. То, что я сказала — нельзя было этого делать. Я просто очень сильно злилась...

— И снова, Амелия, у нас есть дети. Мы все прекрасно понимаем. Закроешь за мной?

Я улыбаюсь, когда подхожу к двери, ведь мне словно камень с души сняли, и это просто прекрасно. А еще лучше слышать то, что он добавляет перед тем, как уйти.

— Если захочешь, позвони мне, и я привезу Женю сюда. К сожалению, вам нельзя встречаться в городе на всякий случай, но здесь или, например, у нас...

— Тыпустишь меня в свой дом?

— Только без оружия. Можете устроить девичник.

— Я подумаю. Спасибо большое.

— Брось, я ничего не сделал. Это скорее даже для меня больше, чем для тебя.

— В смысле?

— Думаешь каково это жить среди одних женщин? М?

Михаил напоследок дёргает бровями, прежде чем спуститься по лестнице, а я все думаю, глядя ему в спину.

«Даже не верится, что он — его сын...»

И правда. Разница слишком разительная.

Грань II. Алексей

Вторым ко мне приезжает Алексей и привозит Луну. Она с гипсом на передней лапке, который смешно перевязан розовым носком «чтобы не пачкать» (прямая цитата дьявола похолоднее). Я недоверчиво кошусь на него, а в голове так и крутится:

«Ты сам его резал и надевал?» — но я решаю не задавать такие компрометирующие вопросы, обличающие душу, вместо того как бы невзначай интересуюсь.

— Ну и? Будешь осматривать квартиру?

— В этом нет нужды, — спокойно отвечает, разглядывая пейзаж за окном, — Я знаю, что ты не выходила никуда, кроме как в продуктовый. Странно вообще для человека, который так рвался на улицу...

— Вообще-то я как раз собираюсь.

Алексей оборачивается, приподняв брови, а я жму плечами.

— Что? Мне надо в магазин.

— Снова собралась скупать брендовые шмотки?

— Вообще-то нет. Хочу купить кое что для дома, ну и да...шмотки тоже. Немного. Недорогие.

— Оправдываешься?

— Отвечаю на вопрос.

Усмехается моим ловким «па», и я ловлю момент, снова как бы невзначай спрашиваю:

— Он сдал те вещи?

— Мне по чем знать? — жмет плечами, а сам смотрит хитро-хитро, — Спроси у него сама, он же тебе пишет.

И то верно. Макс пишет мне каждый раз, когда я покидаю двор, словно постоянно сидит и мониторит меня на экране своего компьютера/телефона. Я никогда не даю поводов развить беседу, потому что раз уж решили держать дистанцию, которую он так хотел — пусть получает. Поэтому фыркаю и отворачиваюсь, чтобы взять свой вязанный свитер.

— Нет, спасибо. Мы не общаемся.

— О да, я наслышан...

Выгибаю брови, но не даю реакции.

«Нет! Решила вычеркнуть его из жизни, иди до конца!»

— Может тебя подкинуть?

— С чего вдруг? — усмехаюсь нелепости сказанного, — Ты ж меня не выносишь?

— Любишь делать огульные выводы?

— Не люблю слово «огульные» — оно странное.

— Трогательное откровение. И все же?

— Не люблю, но ты сам напрашиваешься.

— Понятно-понятно. Ну ладно, тогда теперь я напрашиваюсь составить тебе компанию. «Для дома» — это же явно что-то тяжелое? Или испугалась?

Фыркаю, потому что «ага, ща-а-з!», так и оказываюсь в его машине. А тачка просто класс, я в таких никогда раньше не сидела, их ведь в России всего то дай бог несколько штук. Астон Мартин — это вам не Мерседес или BMW, каких просто куча, это высший уровень. Алексей замечает мое восторженное выражение лица, которое я не успеваю, да и забываю, по правде говоря, спрятать, и протягивает.

— Нравится?

Смотрю на него и диву даюсь.

«Он аж грудь вперед выпятил, будто это чудо автопрома — его рук дело!» — скучающе моргаю, он фигурно выгибает брови.

— Что?

— Вроде взрослый, а ведешь себя, как ребенок.

— Почему это?

— Потому это! Как павлин хвост распушил, угомонись уже! Тачка огонь, да, но тебе это плюсов не прибавляет. Мальчишки...

Моя тирада приводит его в шок, он аж рот открывает, а я вдруг начинаю громко и звонко смеяться.

«Спорю на что угодно, что такое он слышит впервые!»

— Ну хорошо... — цедит сквозь зубы, потом резко переключает скорость и щурится, — Плюсов мне не прибавляет тачка?! Посмотрим!

О. Мой. Бог. Кажется я разбудила вулкан! Запомните, никогда не смейтесь над мужчинами и их отношению к их же машинам — это чревато микро и макро инсультами, потому что, кажется, Алексей решил доказать мне все сразу: и «огневую мощь» машины, и свои умения ей управлять.

— Ты просто псих! — восторженно и до сих пор говорю о том, как мы прокатились по МКАДу, даже не смотря на то, что мы уже в магазине!

Поездка была действительно крышесносной: он водит машину так хорошо, так ловко перестраивается из ряда в ряд, так быстро! Мы ехали почти двести километров в час по достаточно плотному потоку, да еще и зимой! И при том, что я всегда думала, что это не зимняя машина! Оказалось, что если у тебя достаточно денег, то зимней может стать даже Феррари. Сноска: у него она тоже была.

Алексей тихо посмеивается, кивает, а я снова на него кощусь, и сразу палясь перед холодным дьяволом, который теперь, правда, не кажется таким уж ледяным.

— Что?

— Не ожидала от тебя такого.

— Почему?

— Ты спокойный, а водишь совсем беспокойно.

— Я не сказал бы, что спокойный, просто хорошо себя контролирую. Ты явно любишь скорость, обычно такое пугает...

— Да не то, чтобы люблю, но машины да...

— У нас целый парк. Коллекция.

— У кого?

— У нас с Максом. Мы эту страсть разделяем на двоих.

Меня немного коробит напоминание о Максе и о том, что они «делят на двоих», поэтому я предпочитаю не вникать, а лучше уточнить о машинах.

— И какие же у тебя есть? Помимо Феррари.

— Да разные. Начиная с Порша заканчивая Ламбой, Феррари. У нас очень большой автопарк, только мне нравятся мерседесы, которые Макс не признает вообще, а я ненавижу BMW, которые он обожает.

«Снова Макс... черт бы его побрал!»

— А есть Бугатти? — Алексей хитро на меня смотрит, что является своеобразным

ответом на вопрос, в который я, правда, не верю и расширяю глаза, — Не может быть...

— Да, есть. Одна.

— Вот это по-настоящему круто...

Мы подходим к разделу со спальным бельем, а я улыбаюсь, как дура, уставившись на полки.

— Ты приехала в строительный за постельным...бельем? В квартире же оно итак есть.

— Оно не мое, я не буду спать на чужом.

Отрезаю, начиная свой процесс выбора, в который стараюсь углубиться как можно сильнее, чтобы не обращать на его поднятые брови. Жаль не выходит. Он так пялится, как придурок, что я чувствую его взгляд затылком, резко оборачиваюсь и цыкаю.

— Ну что?!

— Оно сделано хрен пойми из чего! Брезент какой-то!

— Нормальное оно! Из сатина! — указываю на упаковку и киваю, — А вот это из вязи! Никакого брезента!

— Пошли в нормальный лучше, что ты...

— Ага, сейчас! — фыркаю, — В твоём «нормальном» один комплект стоит тысяч пятьдесят! Нет, спасибо! Мне достаточно этого...

Счастливо выуживаю из кучи постельное белье с пушистыми лисичками и аж сияю, рассматривая его.

— Смотри какое классное...Еще я возьму со звездочками и динозавриками!

— Какой кошмар...

— Ты брюзга!

— Я просто не люблю спать на фанере...

— Брюзга совершенно точно! Даже Макс не такой, он покупал здесь постельное однажды...

Прикусываю язык, ругая себя за то, что подняла эту тему и вообще вспомнила это имя, но как-то все это в купе само вылетело. Теперь надо расплачиваться...

— Ни за что не поверю, чтобы Макс покупал белье *здесь*.

— Я показала ему картинку, он поехал и купил! Давай...

Мои попытки перевести тему схлопываются из-за жирнющего обстоятельства, которое просто нереально игнорировать: Алексей смотрит на меня так снисходительно-намекающе, подняв брови, и я замираю с единственно верной догадкой.

— Вот...козел! Он меня обманул, да?!

— Прости, — со смехом кивает, за что получает тычок в бок, — Ау! Полегче!

— Алексей...

— Стоп. Лекс. Называй меня так, а не полным именем — это дико странно и режет слух.

— Ну ладно...Лекс.

Примерно так и проходит весь наш поход по магазину. Мы смеемся (да-да, смеемся!), о чем-то говорим, просто о мелочах. Забавно наблюдать, как он старается задавить свой снобизм каждый раз, когда мы заходим в магазин, который сам то стоит, как одно его пальто, но он правда старается. Никаких комментариев, ничего лишнего или того, что могло бы меня смутить...И я это ценю, поэтому домой мы возвращаемся в прекрасном расположении духа оба, правда только часа через четыре.

— Миша говорил, что ты тут готовишь?... — с какой-то глупой надеждой спрашивает,

отгрузив пакеты на пол, и я киваю.

— Ну да. Хочешь есть?

— Неплохо было бы.

— У меня готов борщ. Будешь?

— Борщ? Вы точно родственники с Лилей? Не представляю ее у плиты.

— Зря ты так. Она умеет готовить и очень неплохо, но только под настроение.

Мы проходим на кухню, где я достаю кастрюлю и наливаю ему тарелку и ставлю в микроволновку. Поворачиваюсь. Лекс сидит за столом и улыбается, как дурак, ну и конечно же я не могу не засунуть свой нос...

— Что-то смешное нашел?

— Ага. Брата своего.

— М. Понятно...

Он опускает руку с телефоном и слегка наклоняет голову на бок, а я опять стараюсь игнорировать этот его взгляд, но снова не выдерживаю.

— Ну что?

— Ты весь день делаешь вид, что не слышишь его имя.

— Это вопрос?

— Утверждение.

— Не хочу его слышать и говорить о нем тоже.

— Обидел тебя?

— А что? Хочешь защитить?

— О нет, я влезать в ваши отношения не собираюсь. Я ж не дурак.

— Нет никаких отношений... — зачем-то тихо говорю, нахмутив брови, — Он сказал, что любит Лилиану.

Микроволновка издает перезвон, и я вынимаю тарелку, надеясь избежать разговора, но Лекс и не собирается идти на поводу глупых мыслей — он собирается гнуть свою линию.

— Он не мог так сказать.

— Ну хорошо! Он не сказал, но когда я спросила — промолчал.

— И ты все решила за него?

— Несложно что-то решить, когда потом на тебя выливают ушат дерьма ни за что!

— Наорал?

— Да.

— После отца?

— Да.

— После того, как он принудил его проводить с ней время?

— Да.

— И тебя что-то удивляет?

— Нет, — устало выдыхаю, сажусь на стул рядом и тру глаза ладонями, — Он мне все рассказал, так что не удивляет. Сложно общаться с женщиной, которую ты любишь...

— Еще раз. Он ее не любит.

— Я что-то сильно сомневаюсь.

— Зря, — Лекс берет ложку в руку и отправляет первую в рот, а через миг расширяет глаза, — Черт! Очень вкусно, как в детстве!

— Спасибо...

— О чем это мы?

— О твоём детстве.

— Ах да, о Максе и Лилиане...

Заговорщически подмигивает, на что я закатываю глаза.

«Черт, не удалось соскочить...»

— Ее предательство было воистину фантастическим. Амелия, она ушла от него не просто *к кому-то*, а к его *отцу*. Как ты думаешь, сильный отпечаток это оставит на тебе?

— Сильный, но это не значит, что он перестанет ее любить. Я видела его глаза и...он так о ней говорил. Когда орал всю эту грязь про офис, он сказал «люблю» в настоящем времени. «Женщина, которую я *люблю*».

— Он привык так говорить и думать, но я вижу, что все изменилось.

Замираю. Смотрю на него, как на придурка, а тот усмехается.

— Не веришь?

— Нет.

— Могу доказать, хочешь?

— Как? Позвонишь и спросишь у него?

— О нет, так он ничего не скажет точно. По-другому. Так как? Хочешь?

Фыркаю и отворачиваюсь, потому что, черт возьми, хочу! Но никогда не произнесу это в слух. Лекс посмеивается, после выуживает из кармана телефон и пару раз кивает.

— Раз нет, то я просто позвоню. Так жа-а-алко, правда, что у меня сломан телефон, и я могу звонить исключительно по громкой связи...

Я резко перевожу на него взгляд, но не успеваю ничего сказать, так как слышу гудки. Мобильный лежит на столе, как Ящик Пандоры, а сама "Пандора" уплетает борщ, аж за щеками трещит. Спокойный, но с улыбочкой, жаль я совершенно ему не вторю: сердце часто-часто бьется, ладошки потеют, а под ложечкой сосет. Короче, от спокойствия я далека, как от Китая...

— Почему ты не брал трубку?! — без приветствия грубо рычит Макс, Лекс же улыбается.

— Я же написал, что все нормально, а так был занят.

— Издеваешься?! Подожди.

Слышу, как он быстро куда-то идет, Лекс же смакует этот момент, отправляя еще одну ложку в рот. Наконец звуки вокруг стихают, словно он зашел куда-то, где их быть не должно, и Макс шумно выдыхает.

— Ну. Говори.

— Что ты хочешь услышать? — ангельски пропевает, окончательно доводя брата до белого каления.

— Ты знаешь, что я хочу услышать! Что она делает?! Ничего не планирует?!

— Вроде нет. Ходила в магазин. Извини, я спалил твою аферу с постельным бельем.

На другом конце провода молчание, Лекс же только этого, кажется, и ждал. Он отгибается на спинку стула, прикрывает глаза и считает до трех. Раз. Два. Три. Указывает рукой на телефон, из которого в этот самый миг громыхает:

— ТЫ ЧТО ХОДИЛ С НЕЙ?!

— А-га. Перед этим я ее прокатил по МКАДу. Знаешь, возьми Бугатти, девчонка в восторге будет...

— Ты...МНЕ ПРИХОДИЛИ СООБЩЕНИЯ ИЗ МАГАЗИНОВ!

— Карта же твоя — логично.

— СУКА, НЕ БЕСИ МЕНЯ! В списке был магазин нижнего белья!

— А, ну да. Она забегала.

— Ты ходил с ней?! — тихое рычание, на которое Лекс коротко смеется.

— Ну да, я же частый посетитель. Только и делаю...

— ДА ИЛИ НЕТ?!

— Сам как думаешь?

— Где ты?!

— На кухне. Ем борщ. Она круто готовит...

— Твою...

Гудки. Лекс победно улыбается, после смотрит на меня и кивает, снова берясь за ложку, но я его немного так обламываю.

— И что это должно было доказать?

— Ну ты балда...вроде же умная!

— В смысле?!

— Он тебя ревнует. Дико. При том ко всем подряд, даже ко мне, хотя знает, что ты не мой типаж. Прости, ты хоть и очень красивая, но я предпочитаю женщин более спокойных и податливых...

— Безропотных проще говоря?

— Покорных. Уж точно не таких сумасбродных и сумасшедших, как ты...

— Зачем вы поменялись местами? — вдруг спрашиваю то, что хотела спросить давно, — Я имею ввиду...

— Я понял, что ты имела ввиду. Я люблю БДСМ, Макс ненавидит. Зачем? Он хотел сохранить дистанцию, в этом плане нет ничего лучше, чем БДСМ. Это всегда договор и четкие следования границ.

— У него плохо получалось. Мы почти никогда не...

Краснею от внезапно напавшего на меня откровения, за которым Лекс наблюдает с улыбкой.

— Застеснялась, малышка?

— Не знаю зачем вообще начала...

— Не беспокойся, я все равно знаю, что вы не следовали правилам.

— Ну конечно... — ядовито цыкаю, но тут же меня твердо одергивают.

— Не потому что он рассказывал или показывал, а потому что я слишком хорошо знаю своего брата. Задолго до того, как вы переспали, я понял, что кое что изменилось. Кстати, если тебе так интересно, никакого видео с сексом и лишением девственности не было.

— Не ври.

— Считаешь меня лжецом?

— Я видела его своими глазами, так что теперь да. Считаю.

— Не знаю, что ты видела, но все, что он показал, как ты сидишь у него на коленях и раздеваешься, потом видео оборвалось. Макс сказал, что у него телефон сел, но это треп. Он просто не хотел, чтобы кто-то видел тебя.

— Ага...

— Понимаю, что не веришь, но это правда. Мы так и не увидели ни одного видео, кроме того куска, потому что он отказался присылать. Нужны доказательства? Выгляни во двор. Помнишь же цвет Астона Мартина, и где мы парковались?

— А при чем здесь...

— Он был его, но...как говорится, раз проиграл, плати.

Не знаю, как на это реагировать, поэтому решаю подумать на эту тему попозже, а пока перевести текущую в сторону. Правда в голову ничего элегантного не приходит, и я выдаю первое, что приходит...

— И не скучно? Я имею ввиду вечное роптание подчиненных в ремнях или наручниках?

— Нет, — с улыбкой отвечает, принимая правила моей игры, — Это безопасно и без лишних заморочек. Я видел, каково это переживать предательство любимого человека, и, спасибо конечно, но себе такой участи не желаю.

— Я бы тоже не желала.

— Но?

— Он сказал, что ненавидит меня.

«Да-да. Все равно мы вернулись туда, откуда начали...» — вздыхаю, а он снова улыбается, но не комментирует мой промах, а скорее мягко успокаивает.

— Так ли это?

— Ну то, что это я виновата в предательстве Лилианы — точно.

— Макс сложный человек, Амелия. Он очень эмоциональный. Отец нас наградил двумя сторонами одной травмы: Макс любит свободу и ненавидит рамки, поэтому и сдерживаться то не умеет по сути своей, а я наоборот предпочитаю маниакальный контроль во всем, потому что считаю, что эмоции — это дело гиблое.

— Это глупое оправдание его поведению.

— Знаю, но так есть, никуда не деться. Прибавь к этому Лилиану и получишь результат: он в ужасе от того, что к тебе чувствует, и не может признаться в этом даже себе. Лилиана — ширма. Спокойная гавань. Он знает, на что она способна, и ему проще думать и говорить, что он ее любит, нежели посмотреть в глаза правде, которая очевидна для всех вокруг.

— И что же за правда?

— Что его к тебе безумно тянет.

«Тянет — это не то слово, которое я хочу услышать. Тянет — значит физика, а физики мне недостаточно...» — думаю, но, как и с Мишей, предпочитаю не вытаскивать это наружу.

Лекс тем временем ставит тарелку в раковину, включает воду, и я бы посмотрела на это шоу с мытьем посуды от принца, но хочу, чтобы он побыстрее ушел, поэтому отмахиваюсь.

— Я сама.

— Спасибо. Ненавижу мыть посуду.

— Очевидно.

Лекс отходит от раковины, а когда я собираюсь встать, чтобы его проводить, он останавливает жестом.

— Сиди, я сам найду выход и закрою дверь.

— Спасибо.

— Брось. И знаешь...Если мне не веришь, можешь сама убедиться.

— Предложишь притащить сюда мужика?

— О нет, нам же не нужны еще трупы. Вечером выгляни в окно.

— Зачем?

— Потому что он дежурит под твоими окнами, пока у тебя свет горит. Черная BMW. Удачи.

Я честно в шоке, даже не знаю, что сказать. Теряюсь, а он опять усмехается и уходит, не

дожидаясь ответа. Да и вряд ли я бы его дала, потому что без понятия, как на такое реагировать и решаю абстрагироваться. Вместо того, чтобы крутить в голове мысли, разбираю пакеты. Всего очень много — всякие баночки-скляночки, приятные мелочи, пледы и прочее. Я действительно не выходила на улицу все это время — разбирала квартиру, решала что и где поставить, и теперь настало время воплотить в жизнь свои идеи. Хочу, чтобы здесь было хоть немного, «как дома» и очухиваюсь только к вечеру. Сделанного много: постиранное постельное висит на дверях вместе с пледами, новая одежда на сушилке. Пока квартира, конечно, больше походит на какой-то походный сбор, а не на дом, но теперь я хотя бы ближе к этому на пару десятков шагов и очень-очень устала, а взгляд все равно тянется к окну...

«Что я потеряю, если взгляну?!» — ничего, но страшно. Вдруг это какая-то злая шутка? — «Тогда можно притвориться, будто я и не смотрю вовсе...»

Точно. Это уже похоже на план. Подхожу таки к окну на кухне, сажусь на подоконник и зажигаю сигарету. Да, я стала курить, но почему бы и нет? Раньше я берегла голос, сейчас с карьерой музыканта покончено, можно и расслабиться. Это я и делаю, сама же незаметно пробегаюсь по двору взглядом и почти сразу натываюсь на черную BMW. Сердце подскакивает, а на телефон вдруг приходит сообщение...

*Максимилиан Петрович □ □ **

Как сходила в магазин?

Вы:

Нормально

Максимилиан Петрович □ □

С моим братом тоже нормально пообщалась?

Вы:

Вполне

Максимилиан Петрович □ □

Дай угадаю. Покаталась «вполне нормально»?

Вы:

Я не нарушала правил

Максимилиан Петрович □ □

Я задал вопрос

**(он назвал себя «Мой хозяин», что разумеется меня не устроило, так что я переименовала, чтобы кольнуть его в ответ)*

Хмурюсь, потому что...какого хрена?! Зачем я отвечаю?! Я же поклялась себе, что не стану развивать беседу, а теперь сама же и нарушаю свои же обещания! Что за цирк! Хмыкаю, дублирую предыдущее сообщение и откидываю телефон в сторону. Складываю

руки на груди, когда он снова коротко вибрирует. Перевожу взгляд в сторону:

«Ни за что не стану смотреть, что он там пишет!»

И кажется это очевидно, потому что почти сразу он начинает звонить. А. Мне. Нельзя. Не. Ответить.

Проклинаю все на свете, хватаю мобильный и тяну ползунок вправо, чтобы дальше буквально рывкнуть:

— Ну что еще?!

— Мы не закончили! — получаю похожий ответ в похожем стиле, закатываю глаза.

Молчу. Мне нечего ему сказать, так что вместо того делаю затяжку, и он тут же выпаливает.

— Ты что там делаешь?!

— В смысле? Ничего. Сиж.

— Помимо того, что ты сидишь. Что. Ты. Делаешь?! Ты что куришь?!

— Нет! — вру напропалую, даже головой дергаю, тут же слыша шумный выдох.

— Врешь!

— С чего вдруг?!

— Потому что я вижу, твою мать!

«О-па...» — в голове мелькает шальная мысль.

Я откидываю на стену назад, усмехаюсь и делаю еще затяжку, приподнимая брови.

— Видишь? В смысле? Как ты видишь?

Молчит. Мне нравится идея поймать его за хвост, но вместо того он сам меня обыгрывает и усмехается.

— Через камеру ноутбука, идиотина, — резко перевожу взгляд на открытый — ноут, чертыхаюсь, от чего смех становится только отчетливее, — Закрывать надо. И раз мы разобрались — выкинь. Немедленно.

— Нет.

— Нет?!

— Нет. Я имею право делать все, что я захочу! — подхожу и со всех сил шарахаю крышкой, а потом снова сажусь на свое место и снова затягиваюсь, — Все выяснили?

— Милая пижамка...

Смотрю на себя неосознанно: на мне розовая пижама из короткого топики на тонких лямках и шорт.

«И? Ну да, она мне понравилась. Дальше то что?!» — думаю, но сама молчу, интересно же, что будет дальше.

Макс не заставляет себя долго ждать, тоже затягивается, а я вижу, как из BMW с водительской стороны выходит дымовое облако.

«Вот идиот...» — сама свечусь от счастья ярче солнца...

— Мой брат это помогал тебе выбирать?

Не могу сдержать смешка.

«Точно идиот...»

— Он ничего не помогал мне выбирать, Максимилиан Петрович, — тихо отвечаю, стараясь игнорировать нотки своего голоса, которые сами по себе становятся... игривыми?

— Думаешь меня цепляет мое полное имя? Амелия...кстати, какое у тебя отчество?

— У меня его нет. Я считай англичанка.

Звучит его бархатный, тихий смех, и я вся в мурашках, как по щелчку пальцев.

«Че-ерт... ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?! ТЫ ЧТО С НИМ ФЛИРТУЕШЬ?! ПРЕКРА СУМАСШЕДШАЯ!»

— Ну да...как я мог забыть о Вашем впечатляющем происхождении. Знаешь, твоя фамилия тебе очень подходит, Амелия Романова, хотя я и подозреваю, что она ненастоящая...

«Не смей отвечать! Не. Смей! Вешай трубку, дура!!!»

— Ты же позвонил не за тем, чтобы поболтать о моем происхождении? Нет. Если мы все выяснили, я хочу спать. Устала. Пока.

Тараторю так быстро, что, кажется, в словах путаюсь, и даже не даю ему и намека на возможность мне ответить — «ага, ща-а-а-а-аз!». Вешаю трубку и откидываю ее подальше, потом закрываю окно и отхожу от него на шаг. Лучше даже на два. Для верности выключаю свет. Но любопытство все равно пересиливает, и я аккуратно подхожу обратно, чтобы посмотреть...

Машина стоит еще примерно пару минут, потом мой телефон еще раз оживает. На экране горит сообщение:

Максимилиан Петрович □ □

Больше он к тебе не придет, уж прости. Дела...

Максимилиан Петрович □ □

Надеюсь, что вы с Марой друг друга не убьете.

Максимилиан Петрович □ □

Спите сладко, ваше превосходительство □

Чертов смайл вгоняет в краску, но я слышу, как заводится двигатель и резко поднимаю глаза. Черная BMW начинает движение...

«Лекс сказал правду...»

Грань III. Марина

Встречи с Мариной я не сильно боюсь, почти даже не волнуюсь. После Миши и Лекса, я почти убеждена в том, что она тоже не монстр.

«Они слишком многогранные, и ничего абсолютного не бывает...» — думаю, вспоминаю Настю, и окончательно расслабляюсь, потому что это же правда.

И Лекс, и Миша — личности неоднозначные, конечно, но не плохие, совсем неплохие. Первое впечатление часто бывает обманчивым, так всегда говорят, и я в этом убедилась. Хорошее смешивается с плохим и рождается что-то новое — они сами, такие какие есть. Вряд ли я могу утверждать, что знаю «какие они есть», но по крайней мере я начинаю узнавать, и меня не отталкивает то, что я вижу.

«Думаю, что Марина не исключение...»

Она сука — это факт. Токсичная — тоже факт. Но...меня так завораживает ее искренняя преданность семье, своим братьям, за которых, клянусь, она готова порвать на лоскуты. Я узнаю в ней себя, ведь тоже самое сделаю и для своей семьи...поэтому не волнуюсь. Чем ближе наша встреча, тем ярнее это чувство — я предвкушаю.

Максимилиан Петрович □ □

Марина придет через полчаса.

Странно. Обычно он не предупреждал меня о визитах своих родственников, а тут такая честь. Жую бутерброд и хмурюсь, но открываю диалог, хотя сто раз на дню повторяю: не вовлекайся в разговор, не вовлекайся! И все зря, я ведь именно это и делаю...

Вы:

С чего вдруг такая забота?)

«Убери смайлик! Убери чертов смайлик!» — ан нет, куда там! Отправляю и сама себя жру ложками, ожидая ответа, который приходит сразу.

Максимилиан Петрович □ □

В случае с Мариной...хочу, чтобы ты была готова)

Максимилиан Петрович □ □

Кстати, почему знак «кирпич»?

Максимилиан Петрович □ □

Я про свое имя, милая □

Краснею, как дура, прикусываю губу, но быстро беру себя в руки и с видом совершенной невозмутимости отвечаю.

Вы:

Потому что он означает, что проезд запрещен. Под кирпич ехать нельзя!

«И почему я сама слышу намек в последней части своего сообщения?! Под кирпич нельзя ехать...как будто: под кирпич нельзя ложиться...» — «Боже, о чем ты, твою мать думаешь без конца?!» — «О его заднице, вот о чем...» — издаю писк, прикрыв глаза. У меня даже уши покраснели, и я наивно полагаю, что хуже быть просто не может, пока мне не приходит ответ...

Максимилиан Петрович □ □

Под кирпич можно ехать, если кирпич совсем не против □

«Боже...что это происходит?!» — от наглости и негодования пылаю, рот открыт, и я хлопаю глазами от такой наглости и...своей дурости.

«Ты же сама его провоцировала. Сама начала!» — «Что я начала?! Я просто сказала, что означает знак!» — «Ага, но КАК ты это сказала! Будешь отрицать, что первая начала флиртовать?!»

Стукаюсь головой о стол, потому что нет. Не буду. Глупо это, так же и есть...

«Я себя вообще не контролирую, твою мать...меня как будто меняют на какую-то портовую шлюху каждый раз, когда он оказывается рядом!» — «А ОН ТОЖЕ ХОРОШ! Вь посмотрите только! Кирпич не против! А меня кто-то спросил?!»

Злостно хватаю телефон и бескомпромиссно печатаю, пропуская нужные кнопки, и благо Т9 спасает, иначе получилась бы полная хрень, которая выдала бы все мои эмоции с потрохами.

Вы:

Кирпич никто не спрашивает! Точка! И хватит мне писать «не по делу»! С твоей сестрой я разберусь сама, я ее не боюсь!

Максимилиан Петрович □ □

Я по тебе скучаю

«Твою мать...» — проносится в голове, и злость становится только сильнее, поэтому дальше я пишу еще яростней.

Вы:

Лилиане это говори, козел. Мне неинтересно

Максимилиан Петрович □ □

Это ревность?)

«МУДАК!!!...»

Вы:

□ □

От дальнейшего падения, меня спасает звук открывающегося замка, и я отшвыриваю телефон подальше, выхожу в коридор, но...тут же замираю. Все ведь странно. Дверь открывается, сразу закрывается, потом снова открывается. Я вижу часть черной сумки с золотой буквой V, кусок длинных, черных волос, и логично, что это Марина, но самой принцессы так и не предстает, вместо того с лестничной клетки доноситься звук падения и разбивающегося стекла. Бегу без всяких мыслей, сразу же и ни секунды не медля, но когда пытаюсь открыть дверь, она натывается на препятствие. Естественно сердце подкакивает, без понятия, что с ней могло случиться, поэтому в щелку, до которой я смогла дотянуть полотно, просовываю голову.

«Картина маслом...» — Марина сидит сидит на заднице, вся развалилась, ноги в разные стороны. Она в луже красного, но я сразу по запаху определяю, что это вино, осколки бутылки которого теперь собирает самая богатая наследница Москвы и грязно матерится, как портовый рабочий.

— Подруга... — протягиваю со смешком, — Да ты в говно?

Она поднимает на меня совершенно расфокусированный взгляд, улыбается пьяной, дурной улыбкой, а через миг...начинает плакать. К моменту, когда мне таки удастся протиснуться в проход, это уже не просто слезы, а прямо таки пьяная истерика. Бурная такая. Самая настоящая. С соплями, громкими всхлипами и бульканьем.

— Эй! — встряхиваю ее, — Марина! Что случилось?!

— Он...я...как...

Это все, что мне удается разобрать, что по факту является огромным «ничто». Истерика становится сильнее, и я принимаю самое разумное решение: ее надо затащить в квартиру.

«Твою мать!!!» — она худая, но гораздо больше меня, черт бы ее побрал! — «Это будет совсем непросто...»

Спойлер: да, это было непросто и мягко сказано. Только через двадцать минут мне удается довести ее до дивана, а когда я разгибаюсь, ощущение такое, будто фуры разгружала. Единственный плюс — она почти перестала рыдать. Я смотрю на нее сверху вниз, и теперь не вижу надменности, гордости, только бесконечную боль, и мне так ее жаль... Не в плохом смысле, а по-человечески. Присаживаюсь на корточки, полагаю руки на колени, слегка сжимаю их и тихо спрашиваю.

— Марина, что случилось?

Снова всхлипывает, не смотрит на меня, а только куда-то в пол, молчит. Она такая пьяная, что вряд ли понимает, кто перед ней сидит, да и может вообще не помнит, что заставило ее так сильно расстроиться, так что глупо это спрашивать. Я понимаю, поэтому хочу встать на ноги, чтобы пойти и убрать лестничную клетку, но стоит мне пошатнуться, чтобы воплотить свой план в жизнь, Марина шепчет.

— Я была у Матвея...

Ее голос пьяный до сих пор, тихий, до ужаса надломленный, и мне вдруг становится страшно, что что-то случилось...

— Что-то случилось?

— А разве нет? — усмехается, поднимает взгляд на меня, а по ее щеке стекает крупная слеза, — Наш отец — ублюдок. Как он мог так поступить?

— Я не знаю...

— Так разве поступают родители?! Нет! А он... Матвей такой хороший, такой чистый и добрый... знаю, что ты думаешь обо всех нас, но Матвей... он... он не похож на нас. Он правда хороший...

— Я это знаю, Марина, и о вас не думаю ничего плохого. Я вас понимаю.

— Спасибо... — кивает, облизывая губы, снова всхлипывает и сжимает руки, — А я не понимаю... как отец мог... Он... Он этого не заслуживает... Он... он должен...

Град слез снова катиться по щекам, воруя способность говорить, но мне и не надо. Я знаю, что она хочет сказать: он должен жить, а вынужден существовать. Давлю слезы, которые и у самой начинают стучаться, потом встаю и аккуратно беру ее за пальто.

— Марина, давай ты это снимешь, хорошо? Ты вся в вине. Я принесу тебе одежду, потом положу тебя поспать.

— С чего ты так добра ко мне? — яд пробивается даже сквозь тонну выпитого вина, но скорее такой, поверхностный, от которого не больно, а скорее смешно.

Я улыбаюсь и поднимаю ее на ноги, отмечая отсутствие всякого сопротивления, потом веду ее в спальню, по пути саркастично парируя.

— Я не добрая, просто соревноваться с тобой приятнее, когда ты в адеквате. Сейчас это жалкое зрелище.

— Сучка...

— Взаимно.

Продельываю все названные процедуры, так что буквально минут через пятнадцать Марина одета в мою тоненькую кофту и легинсы. Странно, конечно, все это на ней смотрится, и я обещаю себе сохранить воспоминание великой наследницы и хозяйки

гостиниц, как одну из самых ценных фотокарточек, улыбаюсь и укладываю ее в постель. На удивление никаких возражений о моем постельном белье не слышу, вместо этого слышу другое:

— Макс с тобой очень повезло... — сонно и вяло говорит, закрывая глаза и подкладывая руки под голову, — Ты гораздо лучше его прошлой. Она была сукой. Хорошо, что ты появилась...

Звучит очень странно, но когда я хочу противостоять, она уже вырубается.

«М-да...» — *выхожу за пределы комнаты и замираю, уставившись в одну точку, — «Надо сказать Макс...я ничего не поняла, но вдруг все же что-то случилось?»*

— Ооо...ты все-таки решила послушать, что скажет кирпич? — раздается его довольный голос всего через пару гудков, — Я...

— Макс, тут кое что случилось...

Говорю серьезно, тихо, но твердо, и он сразу сбрасывает игривое настроение, как будто в фильме кадры поменялись, если не быстрее...

— Что случилось?!

— Я не знаю...

— В смысле?! Где ты?! С тобой...

— Дело не во мне, а...в Марине.

— Вы все таки подрались? — усмехается притворно, я даже по телефону это слышу, поэтому слегка улыбаюсь и подхожу к окну.

— Не совсем.

— Что тогда?

— Она в говно, — Макс молчит, а я зажигаю сигарету в ожидании, и только тогда он тихо цыкает.

— Пожалуйста, погаси.

— Ты слышал, что я сказала?

— Слышал. А ты слышала?

Не знаю зачем, но я выполняю его просьбу, откладывая сигарету, и все же настаиваю.

— Я позвонила...эм...она сказала, что была у Матвея. И...я подумала, что может быть что-то случилось?

Снова молчит. Слышу только его дыхание, но на всякий случай уточняю.

— Макс? Ты здесь?

— Не обращай внимания, Марина часто впадает в такое состояние, после поездки *туда*.

— И ничего не случилось?

— Ничего не случилось. Извини, если бы я знал, что она туда поедет, не послал бы ее к тебе.

— Не извиняйся...ну...эм...я тогда пойду.

— Да, иди.

Тем не менее трубку никто из нас не вешает. Я себя в этот момент просто убить готова за то, что не могу этого сделать, хотя и рада, потому что в следующий миг слышу тихое:

— Спасибо, что позвонила. И что беспокоишься.

— Матвей у вас лапушка...

— Не то что я?

— Не то что ты, — усмехаюсь, но потом все же вспоминаю, что пора заканчивать, и отстраняюсь, — Спокойной ночи.

— Это вряд ли...

«Боже...он точно сведет меня в могилу...»

С утра Марина предстает в обычном своем состоянии, то есть сухой конченной. Она гордо расправляет плечи каждый раз, когда мы сталкиваемся взглядом, по большей части молчит, проверяя мой ноутбук с телефоном, но я все равно улыбаюсь. Мне уже неважно вся эта мишура, я видела ее настоящей вчера, и этого мне достаточно, чтобы понять — она хороший человек и горячо любящая сестра. За это я ее уважаю.

— Боже, ну что ты так смотришь на меня?!

Не выдерживает, взрывается, я лишь жму плечами и перевожу взгляд на свою чашку с кофе.

— Никогда не видела человека, который так быстро восстанавливается, после такого количества вина.

— Понятно, — шумно выдыхает принцесса, потом откладывает мои вещи и кивает, стойко выдерживая мой хитрый взгляд, — Случившееся забавно в теории, но давай расставим точки над «и», маленькая пленница...

— Нет нужды.

— Что, прости?

— Давай сократим твой монолог до одного предложения: "ты ничего не видела, потому что нечего было видеть". Мой ответ: хорошо.

Марина приподнимает брови, а я пожимаю плечами и отрезаю себе кусочек огурца.

— Но я позвонила Макссу. Так, на всякий случай.

— Зачем?!

— Я испугалась, что что-то могло случиться, — тихо отвечаю, потом смотрю на нее и извиняюсь хотя бы взглядом, раз не собираюсь делать этого устно.

Она все понимает, но театрально цыкает, чтобы показать мне, как «расстроена», и это достаточно забавно, чтобы вызвать у меня приступ смеха. И, знаете что?! Марина его поддерживает.

— Прекрати ржать.

— Если бы я говорила о том, чего никогда не было, то совершенно точно имела бы право, после того, как ты лягнула меня, пока я тебя переодевала.

Смех становится громче. В этот момент я вижу в ней теплоту и добро, о котором говорила Женя, и это прекрасно.

«Она на самом деле хороший человек, хотя и пытается казаться обратной стороной медали...наверно по-другому ей просто нельзя...»

— Спасибо, — тихо благодарит, перед тем как встать и покинуть мою квартиру, — За все, чего никогда не было.

— Не за что. Этого же никогда не было.

18; Декабря

Жизнь вошла, можно сказать, в привычную колею. Раз в три дня ко мне, конечно, все равно приезжали — Миша и Марина по очереди, Лекса больше и близко не было, — но они никогда не осматривали мой дом, да и телефон с ноутбуком тоже. Так, для вида, повозили пальцами, а потом мы приступали к обычной трескотне. Например, в прошлый раз Миша приехал с Женей, с которой мы просидели до глубокой ночи. Его, разумеется, с нами не было, он уехал в ресторан, а когда забирал ее, привез мне великолепный ужин. С Мариной тоже все оказалось просто. Видимо тот факт, что я видела ее исподнее, сблизил нас, и теперь мы кусались лишь по-доброму и в шутку. Вообще, если совсем откровенно, я каждый раз ждала именно ее прихода, потому что мне дико нравилось с ней разговаривать. Марина оказалась невероятно умной, талантливой женщиной с хваткой бульдога, и не относилась ко мне, как к ребенку, в отличие от Миши и Жени. Нет, я ничего против не имела, но все же когда женщина, владеющая пятизвездочными гостиницами, говорит с тобой на равных (ну или почти, как старший товарищ младшему скорее) — это дорогого стоит.

Вот и сегодня. Я ее очень ждала, даже приготовила ее любимую пасту с лососем, и пока это делала с удивлением поймала себя на мысли, что я по ней скучаю... Мы не виделись чуть больше недели, так как Марина улетела в Париж по работе, и теперь присылала мне только разные фотографии...

«Боже...» — замираю, нахмутив брови, — «Я общаюсь с Александровской! Я ОБЩАЮСЬ с ней настолько тесно, что она шлет мне фотки, как подруга! И примерочных!» — это какой-то бред...

Я даже знаю, почему Макс называет ее «Марой»: «потому что он не мог выговорить мое имя полностью, когда был маленьким...». Этой истории я улыбаюсь. Марина скинула мне парочку его детских фотографий, и, клянусь, красивее ребенка я еще не видела. Так ей и сказала. Конечно, не сказала бы, если не знала, что нашу с ней переписку, как и любые переписки с его братьями, он прочитать не может, даже не смотря на то, что телефон мой просматривал стабильно. Я этого не знала наверняка, конечно, мы ведь снова почти не общались, только «касательно» и не выходя за границы «надо», но однажды ночью я решила погуглить боевую мощь одной винтовки из-за фильма, который смотрела и нереальности происходящего на экране. Мне сразу упала смс-ка, что такие сайты лучше не открывать, как бы хуже не было.

«А как тут быть лучше, если я знаю, что он постоянно с Лилианой?» — грусть снова накатывает, еще и потому что сколько бы я не сидела у окна и не высматривала черную BMW, ее больше не было.

«Наверно она ему дала, как иначе то?» — ядовито хмыкаю, но звонок в дверь отодвигает все стенания по постельным игрищам моей сестры на потом и только для меня: Марина приехала.

Я так рада ее видеть, что стоит двери открыться, не сдерживаюсь и обнимаю. Такого, конечно, она вряд ли ожидала, и я почти сконфужена, но расслабляюсь, когда слышу ее мягкий смех. Паста моя тоже пришлась ко двору, кстати, но когда она доела, все равно

умудрилась меня огорошить.

— Как с Максом дела?

Неожиданный вопрос, который настолько застал меня врасплох, что нож соскочил, и я чуть не отрезала себе пальцы вместо кусочка яблочка.

— Эм...да никак. За три дня ничего не изменилось... — усмехнулась и снова стала резать, только теперь аккуратнее, поглядывая в сторону этой кобры.

Вижу же, что не успокоилась...

— Амелия, послушай...есть разговор.

— Если это о нем, забудь. Я ничего не хочу слышать.

— Не о нем. Об отце.

Снова! Она сделала это снова, и на этот раз я уже зло раздуваю ноздри и цежу сквозь зубы.

— Ты можешь не говорить мне под руку...о таком?!

Марина ожидаемо звонко смеется, но почти сразу становится серьезной, кивает.

— Могу, но тогда тебе надо отложить нож в сторону.

«Та-а-ак...начало мягко говоря не очень...» — делаю, что велено, а потом, под гнетом ее взгляда, что говорят мне присесть, сажусь на краешек стула. Хмурюсь. Не понимаю и много волнуюсь...

— В общем...дело вот в чем. Отец спрашивал о тебе у Лилианы, мол, где Амелия, почему ее нет в Москве?...

Если честно, то я ловлю ступор. Об этом моя пустая голова и думать забыла, так что подаюсь вперед и тихо шепчу.

— И? Что она сказала?

— Сказала, что ты рассорилась со всеми и уехала «искать себя».

— Бред какой-то...

— Я тоже так считаю. И я считаю, что для наших целей нужно...показать тебя.

— В смысле?

— Сегодня вечером у нас семейный выход. Отец начинает вводить Лекса и Макса в свет, так что частенько таскает их на какие-то закрытые мероприятия. На этот раз это аукцион. Посидим, посмотрим, как тратятся миллионы, потом ужин и...

— Стоп! В качестве кого я туда пойду, Марина?! Это же...

— А вот это самая интересная часть, — она торжественно улыбается и, откашлявшись, разводит руки в стороны, — Теперь ты моя ассистентка.

Ловлю шок и трепет. Что, блин?!

— Я, конечно, не ожидала бурной радости, но могла бы хотя бы улыбнуться для приличия...

— Да это же еще больший бред, чем рассказала Лилиана! — вспыхиваю тут же, — Никто в жизни не поверит...

— Поверит. Отец знает, что я достаточно долго не могу найти себе подходящую кандидатуру. Ты подходишь. Умная, красивая, приветливая, если хочешь такой быть, у тебя хорошая память...

— Все равно не клеится! Ты постоянно едешь во Францию, а я якобы свалила из Москвы и...

— Работу я тебе предложила еще, когда ты училась в Академии, сразу после нашего знакомства, потому что ты меня поразила. Мы ждали, тебе не было восемнадцати, потом ты

попросила дать тебе еще время — я дала. Теперь ты готова работать.

— Адель могла и рассказать, что мы не поладили. Или Настя, например!

— Адель не говорила, а Насти нет в городе. Она с детьми Жени и Миши улетела в Испанию, вернется только после Нового года. Все складывается отлично, а ложь минимальна — ты так, кажется, говорила?

Черт, и правда, так говорила... Нет, с одной стороны история почти складная, но...

— А Макс в курсе?

Усмехается.

— Нет, конечно. Он ни за что не одобрит эту идею, считает, что достаточно той глупой легенды. Я нет. Ты же тоже видишь, что это огромный прокол, признай это.

— Он меня убьет, даже если действительно это вижу. Макс предупреждал меня, чтобы за его спиной я ничего не мутила...

— Макса я беру на себя. Не волнуйся ты так, Амелия, мы тебя покажем, ты сочинишь для него достойную версию, и все.

Молчу. Размышляю и смотрю на свои пальцы. Мне хочется им помочь, а подставлять совершенно точно нет, но... других «но» тоже достаточно много, и я не знаю, как мне поступить, пока...

— Амелия, пожалуйста, — тихо шепчет, берет за руку и смотрит точно в глаза, — Мне страшно, что план провалится, особенно из-за такой ерунды, как неспособность твоей сестры придумать что-то нормальное. От нашего успеха зависит слишком многое...

И как я могу отказать, черт возьми?! Ответ прост. Никак. Я никак не могу этого сделать, поэтому неловко улыбаюсь и слегка краснею.

— Мне нечего одеть. Вся моя одежда — это сплошной масс-маркет...

— О, за это не переживай. Так что? Это да?

— Ну... только если ты обещаешь, что Макс меня не пристукнет.

— Обещаю... — загадочно улыбается и смотрит в экран телефона, по которому во всю стучит и тихо-тихо добавляет, — Скорее он захочет кое чего другого.

«ЧЕГО?!» — уточнить не успеваю. Круговорот закручивается слишком быстро...

Когда я вижу платье, сразу понятно «чего». Марина уже уехала, а его привез курьер ближе к вечеру, что бы я, по всей видимости, не смогла соскочить. А очень хотелось: цвет, конечно, спокойный, что-то около пудово-розового, но фасон... никаких бретелек, рукава как бы «спущенные с плеч», и еще достаточно высокий вырез на правой ноге. С большой натяжкой можно было бы назвать такое откровенное платье «моим стилем». Естественно, когда я открыла чехол, сразу позвонила ей!

— Я это ни за что в жизни не...

— Так, тише, спокойно! — тормозит меня Марина и улыбается, — Тебе оно очень пойдет. Не психуй...

— Да оно ужасно откровенное, Марина! Я не могу...

— Нам нужно ослепить отца настолько, чтобы он не заметил любых огрехов в твоей истории. Понимаешь? По-другому нельзя...

В ее словах был смысл, а еще... Позорно, конечно, но мне безумно хотелось узнать

реакцию Макса, когда он увидит меня в нем. Оно же было такое красивое... весь лиф в ручной вышивке с жемчугом и бисером, плюс ко всему волосы у меня отросли достаточно, чтобы я смогла сделать прическу... Короче говоря, слишком соблазнительная история, чтобы давать заднюю, поэтому в назначенное время черный Мерседес привез меня к дверям Государственного музея изобразительного искусства им. А.С.Пушкина.

«Прямо, как в кино...» — думаю, глядя на подсвеченный фасад и красную дорожку, ведущую внутрь, а еще на море журналистов у входа.

Меня, конечно, по приказу Марины повезли дальше в сторону черного входа, но картину заценить я успела. Как красуются те, кого можно показывать в шикарных платьях и костюмах. Например сам Властелин Мира с Лилианой под боком...

«Иу...» — кривлюсь, стоит мне заметить, как его рука покоится на ее заднице, хотя и не могу отрицать, что смотрятся они вместе просто шикарно, — «С Максом она выглядит, думаю, точно также... шикарно...»

Боже. Я, кажется, точно сошла с ума! Лишь хлопоты отвлекают, которые я обычно ненавижу, но сейчас благодарна им за существование. У входа образовалась небольшая очередь не из «элиты», но из ее свиты, и, как и сказала Марина, я вливаюсь в их бушующее море. Черт, тут столько воодушевления, нервозности и взволнованности, что она заражает меня даже против воли, так что когда я попадаю в красный зал, волнуюсь уже не на шутку.

Здесь представлены лоты будущего аукциона. Картины, скульптуры, драгоценности... Конечно, я замечаю Лилиану именно там. Она в неизменно-откровенном красном платье, разглядывает колье. Ее Властелин стоит рядом и разговаривает с Мишей, Адель и Рома немного дальше у картины. Я знаю, что сейчас они ссорятся, потому что давно хотели прикупить себе что-то в спальню: ожидаемо он в ужасе, она в восторге. Но мне плевать... я жадно ищу глазами его и, когда нахожу, внезапно даже для себя прячусь за колонну. Сердце так стучит, и не из-за страха, я дико-дико волнуюсь, а ведь мне нельзя — я просто обязана держать дистанцию, будто мы незнакомы. Но как? Как это сделать, если он выглядит так, как он выглядит? В черном смокинге с бабочкой, уже без синяков, а даже если бы и был с ними, все равно по праву мог считаться самым красивым мужчиной не только в этом зале, но и на свете. Он смеется рядом с Лексом. Держит бокал с шампанским, делает глоток. Макс даже не подозревает, что за ним сейчас наблюдает, словно вор, один глупый котенок, хотя может быть он просто привык?

«За ним всегда наблюдают...»

Ревностно нахожу доказательства сразу, и плевать на половину набитого зала, главное другое: Лилиана смотрит на него из под опущенных ресниц, будто и нет вовсе, но я вижу — да. Он бросает на нее короткий, ответный взгляд, который, клянусь богом, вспыхивает. Улыбается. Слегка, перед тем, как сделать глоток, а я хочу сдохнуть. Эту страсть между ними и напряженный воздух чувствую даже отсюда, из-за чего хочу сбежать. Я безумно хочу повернуть назад, но...

Марина □

Ну где ты?!

Здесь я. Здесь. Черт бы меня побрал!

Прижимаюсь еще на миг к стене лопатками, делаю глубокий вдох, жмурюсь, а потом сжигаю мосты, вырываясь из своего укрытия. Чтобы не передумать, почти сбегаю с

лестницы, попадая в зал.

«Все. Назад пути нет!»

Тем более Марина меня замечает и улыбается, а потом поворачивается к отцу.

— Отец, я хотела представить вам кое кого, хотя ты ее, наверно, знаешь.

Останавливаюсь точно за его спиной, и Марина улыбается шире. И, признаюсь, куда как гаже...

— Это Амелия. Моя новая ассистентка.

Лилиана поворачивается так резко, что чуть не сносит брошюры с прозрачной витрины, под которой находится приглянувшееся ей колье. Расширяет глаза. Сейчас она похожа на какую-то рыбину, и, не могу не признать, что чувство просто блеск — я улыбаюсь.

— Здравствуйте. Извините за опоздание.

Петр Геннадьевич проходится по мне оценивающим взглядом сверху вниз, а мне так сложно не поддаться и не посмотреть в сторону Макса. Я же чувствую его взгляд куда более явно, чем остальные, и похож он на касания. Будто по мне медленно идет его ладонь. Краснею, но стараюсь это скрыть, обращаясь к Марине, как к спасательному кругу. Та кивает, а потом смотрит на отца и поясняет.

— Помнишь, как долго я искала себе помощницу? Не поверишь, но нашла ее однажды у вас дома. Прямо в гостиной между Настей и булочками с заварным кремом.

Издаю тихий писк и тут же закусываю губу, переведя взгляд с бровками-домиком в сторону. Слышу смешок Лекса, за ним Михаила, а потом и Властелина мира, который протягивает, точно мурлычет.

— Неожиданный выбор...

— Для меня тоже было неожиданностью, когда эта малышка, которой на тот момент было сколько? Шестнадцать? Или пятнадцать?

— Пятнадцать.

— Точно. В таком возрасте она знала, что такое «Числа Фибоначчи»^[17] и как они связаны с «Золотым сечением»^[18] и что вообще такое «Золотое сечение». Спорю на что угодно, если мы сейчас спросим у Лилианы хотя бы об одном из пунктов, получим веселый анекдот на выходе.

Не могу сдержаться и тихо усмехаюсь, бросая взгляд на сестру. Та от немой злости аж задыхается, я пару раз хлопаю ресницами и снова смотрю на Марину.

— Спасибо за *высокую* оценку моего кругозора.

Акцентирую намерено, Марина тоже улыбается и кивает, как бы невзначай добавляя.

— Скорее низкую.

Властелин одаривает дочь говорящим взглядом, но больше не злым, а скорее ироничным, и та пожимает плечами.

— Ну что? Лилиана умеет красиво ходить и улыбаться. На этом все.

Колкость пропускают мимо ушей, зато меня нет. Я снова под прожектором взгляда Властелина, и тот улыбается, приподнимая брови.

— Лилиана сказала, что ты уехала из Москвы?

— Да, мне нужно было время, чтобы многое понять.

— Интересно...

— Поговорим за ужином, отец. Девочка впервые на аукционе, пусть осмотрится, хорошо?

— Конечно...но для начала может быть представим юную гостью остальным? Ты

знакома с моими сыновьями, Амелия?

Наконец я могу перевести на них взгляд и, клянусь, лучше бы этого не делала. Лекс хмурится и смотрит в пол, но с улыбкой, что дает мне полное право считать, что он еле сдерживает очередной приступ смеха. Миша поглядывает на сестру, а вот Макс...нет, внешне он холоден абсолютно, но вот его глаза обещают мне скорейшую и самую страшную расправу из всех, а если еще короче: он в яростном гневе. Сразу и все вместе.

— Мы встречались, — кивает Лекс, помогая мне, ведь я не в курсе, что можно говорить, а что нет, — Я прилетел как раз на ее семнадцатилетие. Привет.

— Привет.

— А с Михаилом и Максом, видимо, ты еще не встречалась?

— Нет, — спокойно отрицаю, даже усом не веду и киваю им по очереди, протягивая руку, — Амелия.

Михаил издает смешок, я хмурюсь, как бы спрашивая «что?!», но отвечает Марина.

— Женщины не называют имя первой.

— Вообще-то... — поправляю ее с наглой улыбкой, — Если девушка младше по возрасту или служебному положению того, с кем знакомится, вполне допустимо называть имя первой.

Отбиваю ее улыбку саркастично-намекающим взглядом, который словно сам собой добавляет: Моветон такое не знать, принцесса. И снова я смотрю на ее братьев. Точнее на брата. Одного. Макс берет мою руку в свою и сильно сжимает пальцы так, что становится немного больно, но я не показываю. Благо разумно скрываю дискомфорт улыбкой, киваю.

— Я так понимаю, *Максимилиан Петрович*?

— Мое имя бежит впереди меня?

— Меня им пугали, так что да.

Забираю руку обратно и безэмоционально осматриваюсь, когда до слуха долетает его (ЗАЧЕМ-ТО) вопрос.

— И как? Оправдываю свою славу?

— Пока не особенно, — усмехаюсь, снова возвращая внимание его персоне, — Мне говорили, что если посмотреть тебе в глаза, я превращусь в камень. Как видишь, я все еще из плоти и крови.

Раздается звоночек, видимо Марина специально подгадала мое появление точно akurat ему, чтобы Макс не успел ничего выкинуть перед ее с ним разговором.

«Надеюсь, что Марина меня не подставит...»

Аукцион начинается.

Если вы думаете, что аукцион — это сплошное веселье, не верьте. Так скучно мне не было уже давно, хотя, наверно, если ты можешь участвовать в торгах, то это достаточно забавное времяпрепровождение. По крайней мере судя по восторженным лицам людей, которые скупают лот за лотом. Чувствуется азарт, но я думаю о каких-то глупостях, типа, сколько человек в этом зале сделали пересадку волос, и откуда эти волосы брались? Королевская чета сидит спереди, по старшинству и по половому признаку, разумеется. Властелин → Миша → Макс → Лекс; Марина → Адель. Странная последовательность, не

кто я чтобы судить? Мы ведь прислужники — они позади, как тени. Целый ряд из трех стульев, а у меня здесь нет ни одного союзника, только Рома и Лиля. Стараемся друг на друга не смотреть, хотя я сижу по середине, как бы за «своим» Александровским — за Мариной. Рома, разумеется ближе к Адель, а вот Лилия...та прямо кайфует. Она между Максом и его отцом, словно главная, словно «королева». Меня это коробит, и я слегка ежусь, борюсь с желанием смачно зевнуть, пока не чувствую на себе всю тяжесть огненного взгляда. Поднимаю свой, натываясь ни на кого другого, а на Макса. Он делает вид, что говорит с Лексом, но сам буквально сжигает меня своими красивыми, зелеными дотла. Опускает их медленно, останавливается на груди, которая из-за корсета чуть ли не под подбородком, сверлит ее взглядом. Это дико бесит.

«Он дурак или да?!»

Придвигаюсь ближе, будто к Марине, но сама шиплю так, чтобы он слышал:

— Прекрати пялиться на мои сиськи, придурок!

Лекс от неожиданности прыскает, привлекая внимание отца, но спасает Марина. Она указывает на сцену и шевелит губами так, будто что-то мне объясняет, а когда папаша отвлекается на торги за «колье мечты Лилианы», цедит сквозь зубы.

— Макс, твою мать, прекрати. Я все потом объясню!

— Я вас обеих убью, — читаю по губам, но Марина отбивает, вступая в торги за какую-то шкатулку.

Сажусь на свое место обратно и вздыхаю, но заскучать мне больше не дают, так как телефон в золотом клатче под цвет лодочек коротко вибрирует.

«Поня-я-тно...» — присвистываю про себя, и разумеется знаю, кто там мне пишет.

Максимилиан Петрович □ □

Какого хера?!

Вы:

Марина сказала: она все потом объяснит. Прекрати на меня пялиться!

Максимилиан Петрович □ □

Я тебя убью!

Максимилиан Петрович □ □

Хотя нет, знаешь?! Сначала я трахну тебя так жестко, что бы ты ходить не смогла и в следующий раз не показывалась и близко в подобном месте, твою мать!

Вы:

Где-то я это уже слышала. Ах да! Ты так мне сам и говорил, но, как видишь, я могу ходить! Кажется ты сдаешь позиции??

Злюсь. Знаю, что снова его провоцирую, но ничего не могу с собой сделать!

«Вот мог бы сказать, что я круто выгляжу или типа того, а вместо этого какая-то хрень! Козел!»

Максимилиан Петрович □ □

Я тебя предупреждал, Амелия. Теперь пеняй на себя

Максимилиан Петрович □ □

И я не могу перестать на тебя смотреть, потому что ты самая красивая женщина, которую я когда либо видел

Пару раз моргаю, не веря тому, что прочитала. Ох-ре-неть. Если он действительно читает мысли, плевать, потому что это самый крутой комплимент, какой мне только делали.

Поднимаю на него взгляд, но он отвечает мимолетно, и я догадываюсь, что это под влиянием Марины или Лекса, а может сразу двоих. Слишком уж рискованно и все такое, но я успеваю зацепить то, что греет еще больше: легкая улыбка, дарованная лишь мне, огонек в глазах.

«Ничего он мне не сделает плохого...» — тепло мурлыкаю про себя, улыбаюсь, и все бы хорошо, но тут Лилиана решает подать голос.

— Такое платье больше подходит для кого-то с нормальным ростом...

Тихое, но мерзкое. Я такого точно не ожидала услышать, смотрю на нее, и снова сталкиваюсь с неожиданностью, что бьет куда сильнее всего возможного. Ли смотрит на меня не так как раньше, без теплоты и любви, а как...на соперницу. Почему-то мне от этого факта больно и дико-дико неприятно, и...

— И последний, но не по важности! Лот номер шестьдесят шесть! Великолепный цветок из драгоценных камней!

Перевожу взгляд на экран по наитию, неосознанно, уже хочу снова опустить его в телефон, чтобы что-то ответить Максу, но замираю. Потому что я знаю этот цветок...

— ...Лепестки выполнены из алмазина. Черно-фиолетовый, глубокий цвет подчеркивает утонченность работы и мастерство ювелира, который так любовно соединил их вместе. Этот камень всегда считался идеальным синонимом верности, и как превосходно его подчеркивает стемель из белого золота высшей пробы и лепестки из великолепного изумруда с капельками росы — чистейшими бриллиантами белого и голубого оттенка...

«Нет, не может быть, чтобы это был тот самый цветок...» — смотрю во все глаза на огромный экран, где показывают его крупным планом, а потом мое сердце останавливается, ведь я замечаю...

— Единственный его недостаток — это выпавший бриллиант на верхнем листке, но для такой красоты ее неидеальность лишь подтверждение того, что она реальность, а не сон...

Я не дышу, пока ведущий толкает высокопарные речи, потому что это именно я тот человек, благодаря которому камень выпал с листка. Это ведь именно я уронила его на мраморный пол, когда играла втихаря, а потом винилась перед мамой. Она не ругалась, вместо того улыбнулась и купила мне такой же голубой бриллиант, после чего вставила его в сережки и подарила мне на шестнадцать лет.

«Чтобы часть нашей с отцом любви всегда была с тобой...»

Этот цветок — подарок папы на их первую годовщину. Он — олицетворение его к ней любви...

«Он называл меня своей радугой и своим драгоценным ирисом...»

— Продано! — вздрагиваю и резко перевожу взгляд на сцену, где ведущий указывает на первый ряд с соседней стороны.

Там, лысый мужик, который толкает другого лысого мужика в плечо, словно подначивая, смакует свой триумф и победу...

— Последний лот ушел за два миллиона долларов!

«Два миллиона...долларов...» — выдыхаю, снова переводя взгляд на цветок, — «Вот сколько стоит мое сердце, да? Два миллиона?...»

«Может быть я смогу его украсть?...» — наивно размышляю, сидя за столом уже в другой зале.

Здесь много картин, и я бы обязательно фыркнула на то, что могут сделать деньги, если бы мне было дело...Его нет. Мне абсолютно насрать. Александровские вместе со мной расположились на выступе, как на пьедестале, в отдельной ниши, откуда могут наблюдать за подданными, как и полагается королям — с высока. Они о чем-то трепятся, скорее о своих покупках, но я не отвожу взгляда с лысой макушки. Хмурюсь.

«Интересно, кто он?...»

— Амелия?

Слышу свое имя и реагирую резко, даже чуть не роняю вилку, но вовремя успеваю подхватить и извиниться. Властелин на это лишь улыбается.

— Ты совсем притихла. Может расскажешь, где ты была все это время?

— Я ездила к брату.

— К брату? — потирает подбородок, а потом слегка прищуривается, словно что-то вспоминает.

Притворно, конечно же, по роже вижу.

— А разве ему не стукнуло двадцать два в том году?

— Вы слишком хорошо осведомлены, — замечаю, но скорее рассеяно, мне ведь известно, что так и есть, — Да, я просто не хочу говорить, где была.

— Почему?

— Потому что в этом все равно не было никакого смысла. Я не нашла того, что искала...

— А что ты искала?

— Ответы.

— Туманно...

— Я была в Краснодаре! — выпаливаю и знаю, что он все поймет, да даже если нет — мне насрать. Я не выдерживаю и указываю подбородком на лысого, — Кто этот мужчина?

Властелин оборачивается, секунду молчит, потом усмехается.

— Лучше к нему не соваться, Амелия...

Мне не нравится его тон, и я перевожу взгляд с ощущением полного, внезапного просветления...

«Ублюдок...» — мы молчим теперь оба: Властелин улыбается, потирая края стакана, я медленно вдыхаю, чтобы этот самый стакан не разбить ему о голову.

В моей то, как кинофильм, проносятся кадры, как мама плачет ночью на кухне, собирая этот самый цветок.

— Мама, ты опять плачешь? — расстроено спрашиваю, она быстро вытирает слезы и

пытается улыбнуться.

— Нет...

— Я же слышала, что да! И вижу, что да! А куда ты несешь цветочек?

— Мне нужно его продать...

— Почему?

— Потому что у меня нет другого выбора...

«Вот кто не оставил ей выбора, и, спорю на что угодно, его внезапное появление здесь — не случайность. Он делает это намерено, чтобы я знала...он хочет меня спровоцировать, уколоть...»

И у него получается. Я не могу сдержаться, разум не работает...

— Это были вы... — тихо шепчу, Властелин приподнимает брови (снова притворно-сахарно, конечно же), — Это были вы!

— О чем ты говоришь, Амелия? Я не понимаю...

— Черта с два ты не понимаешь! — рычу, резко подавшись вперед, — Ты это подстроил намеренно. Чтобы я видела, и я вижу! Это ты заставил ее продать его. Это был ты, так имей смелость признаться!

Пауза короткая, но ощутимая. Все вокруг идет волнами от моей энергетике, потому что, клянусь, сейчас я злее, чем была когда-либо еще.

— Да.

Наконец звучит триумфальное, одними губами. Злости внутри так много, что я не могу ее сдержать, выдыхаю ртом, а будто огонь извергаю. Сжимаю кулаки. Больше всего на свете мне хочется схватить нож и воткнуть ему прямо в шею, но я не могу. Вместо этого тихо, угрожающе шепчу.

— И ты думал, что это сработает? Хера с два. Ты заставил ее отдать лишь атрибут, но не ее сердце, на котором всегда было лишь одно имя. Просто чтобы ты знал.

— Ты идеализируешь отношения своих родителей, Амелия.

— Тебя же до сих пор это бесит, а? И что тебя бесит больше всего? Что он ее любил? Или что она отвечала ему взаимностью? Ты не можешь понять, как так вышло?

— Я знаю, как так вышло. Твой отец был трусом и вором...

— Отсоси у меня.

Издает смешок, но мне не до веселья.

— Мой отец никогда не был трусом, в отличие от тебя, жалкий кусок дерьма. Он был человеком чести. Ты о таком не слышал никогда, потому что никогда в жизни, сколько бы денег у тебя не было, сколько бы ты под себя не прогнул, не приблизишься к нему ни на дюйм.

— Я думал, что ты его ненавидишь?

То, что я делаю дальше, не иначе как полный треш. Намного хуже, чем когда-то с Максом, и я вообще все вижу, будто со стороны. Мой-плевок-в-лицо-Властелину-мира.

Стол будто вдыхает по команде.

Мне конец?

Плевать. Я резко встаю, так что стул падает на пол, смотрю на него сверху вниз и шиплю, точно змея.

— Все, чего ты добился — ее слезы. Ты всегда получаешь лишь это, старый мудака с отвисшими яйцами, и все, что ты умеешь — это разрушать. Ты не знаешь, что такое верность и преданность, что такое любовь, потому что твоя душа настолько мелкая, насколько черно

твое сердце. И когданибудь, я очень надеюсь, ты сдохнешь от яда, который плодишь и множишь. В этот момент вспомни мое лицо, ублюдок, и представь, что я улыбаюсь.

Разворачиваюсь, потому что если не уйду сейчас, я реально его убью. В зале наша сцена, благо, осталась незамеченной, или они просто сделали вид, что ее не видели — слишком уж это опасно...

— Ты говоришь, что похожа на него, да? — усмехается в спину, чем тормозит на ступеньках.

Я не слышу в голосе злости, ярости, лишь бесконечное...оправдание ожиданий? Поворачиваюсь быстро, чтобы убедиться, и вижу улыбку.

«Он этого и добивался?»

— Но твой папаша был холоднее камня, дорогая, а вот твоя мать всегда была огнем. В тебе его так много, Амелия, и ее в тебе три бесконечности.

— Ты ошибаешься.

— Нет...я вижу в тебе Ирис.

«В этом твоя главная ошибка, старый гандон...» — думаю, но лишь показываю ему средний палец и разворачиваюсь к выходу.

Проходя мимо столов, набитых тщеславием, единственное, чего я хочу — отмыться, и единственное, что меня спасет — драгоценный ирис. Как маяк в густой, непроглядной темноте.

«Я просто обязана его снова увидеть...» — все, что мной движет. Без особых проблем я нахожу кабинет директора аукциона, или как тут называют главаря шайки мошенников и воров?

Захожу без стука. Он вместе с каким-то человеком пялятся в зеленую, кожаную папку, но резко смотрят на меня, стоит мне переступить порог.

— Простите, но...

— Марина Александровская просила зайти и кое что узнать.

«Прикрываюсь его фамилией?! Красота...но это, кажется, работает?» — их лица обретают выражение «услугу-во-всем», и все же решаю уточнить.

— Я ее ассистентка.

— Конечно-конечно. Что она желает?

— Она просила меня взглянуть на последний лот.

— Но...он продан и...

— Это уже ее дело. Дайте мне взглянуть.

Никакой вежливости, я не размениваюсь, а пру напролом, и знаете? Это работает. Буквально через десять минут меня заводят в комнату уже на первом этаже, где расположились все лоты. Их еще не успели убрать, даже не начинали запаковывать, поэтому много времени на поиски не нужно — всего то открыть бархатную, синюю коробку и все.

И я пропала.

И я как будто снова ребенок.

Смотрю на него, улыбаюсь. Помню каждый изгиб, все равно касаюсь, чтобы оживить тактильные ощущения, а не только то, что в голове. Как я помню, так и есть... Каждая жилка

на месте, каждый камень, который оставляет холодный отпечаток на коже...

«Это как встретить кого-то, кого ты безумно любила, но потеряла, и сразу потерять вновь...» — слезы срываются из глаз, текут-текут-текут.

Я всхлипываю, как маленькая девочка, вытираю щеки, все зря. Реки так просто не высушишь, моря тем более. Я бы так хотела вернуть себе свое, но два миллиона долларов?!

«Спорю на что угодно, это они ради шутки купили, соревновались, и никогда не узнают, как много может значить что-то столь маленькое...»

— Спасибо... — шепчу, бросив взгляд на ошалевшего директора, отхожу на шаг, — Спасибо вам большое.

Понимаю, что если останусь тут еще, непременно что-нибудь выкину, но не отдам его, поэтому сбегая. Это единственный выход — бежать.

Коридор темный и пустой, а мои шаги отдаются гулким, тонким стуком шпилек о кафель. Я дороги не вижу, плохо ее помню, но пружину вперед, потому что так надо, дохожу до поворота...и торможу, ведь отчетливо слышу знакомые до боли голоса.

— ...И где мне ее искать теперь, твою мать?! — рычит Макс, я резко прижимаюсь спиной к стене, чтобы меня не видели.

— Да не сбежит она, хватит психовать!

Марина еле поспевает следом, а через миг шаги прекращаются, и в следующий он рычит — видимо разборка набирает обороты.

— Ты видела, твою мать?! Она плюнула ему в лицо! Она ПЛЮНУЛА!

— Он не очень огорчился...

— Закрой рот! Кто дал тебе право притаскивать ее сюда?!

— Такого я точно не планировала и не ожидала, но мы должны были ее показать!

— Показала, а?! Теперь ты довольна?! Я сказал — нет! Ты не решаешь ничего в этом вопросе! И планировать?! Когда дело касается Амелии?! Не ты ли мне говорила, что ее невозможно прочитать?!

— Не до такой степени...

— Ты облажалась по-крупному!

— Я хотела, как лучше!

— И кому теперь лучше, а?!

— Ты сам виноват!

«Что?...» — хмурюсь, ничего не понимаю, Макс молчит. И, судя по всему, он тоже не врубает...

— Что? — спрашивает через мгновение, — О чем ты?!

— Ты понял о чем я!

— Если бы понял, не спрашивал бы!

— Я вижу, как ты смотришь на Лилиану!

Бам! Я буквально слышу удар, который приходится внутри моего сердца, так что руки леденеют...

«Неужели... снова? ... Меня обманули? ...»

— При чем здесь Лилиана?!

— При том! Снова, да?! Ты опять?!

Молчит. Снова бьет меня, не глядя, а Марина усмехается.

— Считай, я убила два зайца одним выстрелом.

— Ты ее...использовала?

— О! Какая забота. Я сделала тоже, что и ты.

— Марина... — предостерегающе начинает, но та срывается на крик.

— Я надеялась, что ты увидишь ее и перестанешь глазеть на эту шлюшку! И, если тебе так интересно, да! Я ее использовала! Я сделаю вообще что угодно, но не позволю, чтобы все снова закрутилось, ты меня понял?!

Макс молчит, а я еле дышу. Стою и пялюсь в пол, пока вдруг не понимаю, что уже не одна. Напротив меня стоит Лекс, который явно все слышал, судя по его выражению лица — жалостливому и горькому. Я слегка мотаю головой с немой мольбой, чтобы меня не сдавали, но он наклоняет свою на бок и также мотает ей, но с отрицанием.

— Я ее нашел.

Голос тихий, явно не желающий, но делающий, и я прикрываю глаза, ударяясь о стену затылком.

«Ну все...приехали...»

18; Декабрь

Я захожу домой в начале двенадцатого, кидаю ключи на полку и прижимаюсь к двери спиной. Устала и это мягко сказано, а рыдания на протяжении всего обратного пути никак не способствовало улучшению положения. Меня хотел вести Макс, но Марина разумно встала на амбразуру грудью: их отец все еще был в здании, у него имелась куча шпионов и просто людей, которые хотели перед ним выслужиться, так что непременно сообщили бы об этой милой поездке. Как бы я на нее не злилась, звучало это мягко говоря логично: все было бы зря. По итогу поступили мы иначе. Мне, разумеется, никто слова не давал, беседа в принципе велась в формате «ее не существует», и, конечно же, даже не следовало и мечтать о каких-то объяснениях, тем более об извинениях.

«Александровские, видимо, на такой широкий жест не способны по факту своего существования...» — ядовито шиплю про себя, изучая отражение в зеркале.

Моя карета превратилась в тыкву: уезжала я на Кио Рио, ведь на мерседесе, в котором прикатила не вариант на случай осложнений со стороны Властелина мира — такси и только. Чтобы выглядело правдоподобно на все двести, мне пришлось отойти от здания музея на приличное расстояние. В результате платье потеряло свое сияние, когда меня облило грязью, пока я ждала свою машину. Какой-то чертов Бентли пронесся мимо, окатив из лужи; Макияж потек от слез; Прическу я сама расколупала из-за нервов; Туфли...что ж. Их у меня по-прежнему две, и это единственное, что отличает мое скромное, везучее «я» от Золушки.

«Потрясающе...»

Закатываю глаза и стягиваю пальто, затем отшвыриваю плевать-куда туфли. Я правда устала, но больше не физически, а скорее душевно.

«Не могу поверить, что я снова повелась на этот треп...» — грустно вздыхаю, вынимая оставшиеся шпильки из волос, — *«Какая же я дура...»*

Слезы опять подбираются к «выходу», и мне требуется вся моя воля, чтобы удержать их под замком. Я даже не из-за самой ситуации хочу на стенку лезть, а из-за себя, из-за своей доверчивости, из-за своей глупости. Все же по факту оказалось до боли смешно и до абсурдности очевидно: меня опять использовали, только на этот раз, как отвлекающий маневр.

«Чтобы брата уберечь от пагубного влияния моей сестрички...» — снова она. Снова он. Снова мы втроем. Это какая-то карма, не пойму?

Все как-то разом наваливается: обида на Марину, злость на себя, ярость в сторону Властелина мира, который точно также подстроил обстоятельства, в которых я стала невольным пленником...

«Единственное, чего бы мне сейчас хотелось — это лечь спать и не просыпаться... недели три!» — вместо этого бреду до гостиной, чтобы выпить успокоительного чая.

Я ведь купила все нужные травы, чтобы «как мама в детстве делала», но стоит мне зайти в комнату, как я понимаю — одного чая будет недостаточно. У меня ведь чуть инсульт не случается!

На диване, сложа руки на груди и в свете всего одной напольной лампы-звезды, сидит

Макс. Точнее он развалился, как барон-маркиз-король и все в одном флаконе, а я, словно шут, стою у стеночки, за которую держусь, чтобы в обморок от страха не брякнуть, веселю его величество.

— Испу... — наконец начинает своим привычным снисходительным тоном, но я тут же взрываюсь.

— КАКОГО ХРЕНА ТЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕШЬ?!

Тяжело дышу, чуть ли не плачу — я ведь действительно испугалась! — да еще и чертово платье, которое я начала расстегивать, и которое теперь мне необходимо поддерживать, чтобы не попасть в-еще-большой-просак... Короче, все снова складывается в одну сомнительного качества мизансцену, Макс ведь не сводит взгляда с моей груди. Говорящего такого. Горячего. От которого я, разумеется, вспыхиваю.

— Не пялься на меня так!

— А как мне можно на тебя пялиться? — говорит тихо, но я слышу угрозу, хмурюсь и немного отступаю.

На самом деле бежать никуда я не собираюсь, тем более убежать и не смогу, так что это скорее для острастки не иначе. Да и хочу ли я бежать на самом деле? Щурюсь, молчу и взвешиваю пару мгновений, вспоминая и угрозу, брошенную на самом аукционе, которая до сих пор сжигает мой телефон, как физическое подтверждение нашей связи. Что я почувствовала в момент ее получения, чувствую и сейчас — мне жарко, и мне хочется, так что нет, я не хочу бежать совершенно точно, а хочу...

— Раз ты здесь, — хмыкаю как бы спокойно и поворачиваюсь к нему спиной, — Помоги расстегнуть.

Тишина. Лишь за окном взывает вьюга, засыпавшая почти всю Москву, пока мы были там, где продают историю.

«Когда я вышла из здания, чуть не умерла от холода, а сейчас умираю от жара... забавно, однако...»

Сердце подскакивает, когда я слышу, как он поднимается на ноги, медленно подходит. Его энергетика ударяет в спину, точно я у печки стою, а потом она меня и вовсе оплетает. Наверно это своеобразные игры разума, но я будто вижу ее ветвистые щупальца, что создают некий кокон, привлекают ближе. Я же делаю шагок к нему, словно под гипнозом, как это еще объяснить?

Вздрагиваю, когда его ладони касаются предплечий, медленно сталкивая невесомую ткань рукавов. Дыхание учащается, я прикрываю глаза, стараюсь не выдать себя, но когда он расстегивает первый крючок — выдох получается куда как громче, чем я планировала допустить. Именно поэтому меня абсолютно не удивляет улыбка, которую он давит, а я чувствую, бесит только, что краснею, как дура... Ощущение зависимости от него и его эмоций дико раздражает, но по-другому не получается. Стоит ему оказаться в пределах моего личного пространства, тело стартует с нуля до ста, точно крутой, жирный спорткар. Я ничего не могу с собой поделывать, как героиновый наркоман не сможет ничего сделать, окажись в поле его зрения доза, даже если он и решил завязать. Точно. Пока я его не видела, иллюзия моей хладнокровности крепла, но иллюзии — это лишь красивая дымка для драпировки правды. Ее развеять — один раз подуть, и я не знаю кто, но кто-то дует так, что все приукрасы слетают напрочь: сегодня, когда я увидела его, все уже было решено...

Чувствую дыхание на своих плечах, прикосновения горячих пальцев, что ловко расстегивают крючок за крючком, при этом медлят, подолгу задерживаясь на голой коже.

Ощущаю его запах, жар его тела, его твердые намерения, упирающиеся мне в поясницу, тихо усмехаюсь. Он реагирует сразу, как тень реагирует на объект, от которого отходит:

— Что тебя насмешило на этот раз, котенок?

— Снова ты.

— М. Правда? По мне так отжигает ты...

— Я не стану извиняться за все, что сегодня произошло.

— О, малыш, я в этом даже не сомневался...

Поворачиваюсь к нему лицом, как только последний крючок вместе с фразой разрывает все сдерживающие факторы, смотрю ему в глаза стойко и смело. Он оценивает это улыбкой, слегка касается моей щеки, но сегодня я не против. Я не убегаю, а подаюсь вперед, встаю на полупальчики и слегка касаюсь его губ своими с четким пониманием: он мне нужен. Плевать на все, он просто мне нужен.

Макс реагирует рябью. Клянусь, его словно пробивает дрожь, но как-то двигаться, кажется, он не планирует. Напротив, сжимает кулаки. Я опускаю на них взгляд, а после зачем-то слегка касаюсь костяшек. Мне немного страшно, если честно, что он резко отнимет руку, снова причинит этим боль, но вместо оправдания опасений, кулак начинает расслабляться. Тогда я веду себя уверенней: сжимаю, поглаживаю кожу, снова поднимаю взгляд и целую более настойчиво. Все еще придерживая лиф у груди, кусаю за нижнюю губу, не получая ответа, и это работает, черт возьми! Макс слегка приседает, чтобы быть со мной хотя бы не на такой разнице в росте, отвечает на поцелуй, прижимая к себе за спину, и я полностью обо всем забываю. Сцепляю руки в замок на его шее, прилипаю всем телом, тянусь, забывая о платье, что валится на пол. Я готова снова нырнуть на глубину, но неожиданно Макс отстраняется. Он тяжело дышит, уперевшись в мой лоб, я недоумеваю.

— Что-то не так?

— Я здесь не за этим.

Такого моя скромная персона уж никак не ожидала. Отстраняюсь, чтобы заглянуть в глаза, и вижу в них решимость. Но на что она направлена? Непонятно. Макс лишь на миг опускает взгляд на мое тело, потом слегка подкатывает глаза и снимает пиджак, который тут же оказывается у меня на плечах.

— Иди, оденься, пожалуйста...

Клянусь, мне обидно до слез, даже больше, чем обычно.

«Наверно все дело в Лилиане. Конечно, имея одну сестру, вторую — это будет уже странно. Да и понятно в чью сторону перевесит маятник, поставь нас рядом...»

— Амелия... — начинает тихо, словно готовит максимально жалкое оправдание, которое я слышать не желаю.

Фыркаю и отстраняюсь резко, из-за чего запутываюсь в платье и почти падаю, но Макс успевает меня подхватить. Он снова делает это, спасает и улыбается, хочет что-то сказать, а я не даю — вырываюсь, как чокнутая, делаю большой шаг назад, сжимая до белых костяшек пиджак, смотрю на него волком.

— Обойдемся без шуточек. Оставь свое остроумие, как и все остальное, для моей сестрички. Она оценит.

Щеки горят огнем, я ведь считай впервые признаю, что ревную. Это очевидно, он понимает сразу, улыбка то становится шире, за что хочется ему врезать, как тогда на набережной. Сейчас мне этого действительно хочется, а когда он открывает рот...охо-хо-хо...Берегите наследные яйца, господи...

— Ты что...ревнуешь, малышка?

Не думаю. Делаю шаг обратно, хочу причинить ему боль, правда пока не решила насколько сильно, поэтому для начала решаю, что обойдусь пощечиной. Замахиваюсь, только вот Макс, умудренный опытом, успевает перехватит руку за запястье в каких-то паре сантиментов от наглой физиономии. Он не злится — смеется, притягивая к себе на прежнее, слишком близкое расстояние, и шепчет мне прямо в лицо, слегка касаясь носом моего.

— Это точно да.

— Отпусти.

— Тебе не это нужно, — неожиданно серьезно говорит, а я не очень понимаю, о чем конкретно речь.

«Врезать тебе не нужно? Охо-х, милый, ты ошибаешься!»

— Думаешь, что не хочу тебе вдарить?!

— Я не об этом.

— А о чем тогда?

— Про секс. Тебе не он нужен. Другое.

— О, — вырываю руку и ядовито улыбаюсь, — А ты возомнил себя психологом? Или это элегантная возможность сохранить верность моей сестре?

— Твоя сестра здесь не при чем, и я давно не храню ей верность.

— Да ну? Правда что ли?

— Нас ничего не связывает.

— Марина считает иначе.

— Марина ошибается.

— А я тоже ошибаюсь? — тихо спрашиваю, слегка наклоняя голову на бок, выдерживая паузу.

Макс фигурно изгибает брови, хмурится, явно не понимает о чем речь, но пытается сообразить, а может просто вспомнить момент, при котором я могла бы его спалить? Решаю не перетруждать эту чудную головушку и, отступив на шаг, усмехаюсь еще гаже.

— Не трудись вспомнить, я вас не застукивала, но видела своими глазами, как ты на нее пялишься. Сегодня.

— Ты бы не смогла нас застукать, потому что между нами нет ничего, а что касается...

— Мне неинтересно слушать, — холодно отсекаю, сложив руки на груди, — Что ты здесь делаешь?

Молчит. Меня так бесит эта тишина, которая опять причиняет боль — наивная половина моей души так верила, что он пришел ко мне, и теперь в который раз я получаю клинком-разочарованием прямо по ней. Слабой, безвольной, так сильно привязанной к нему части своей души, на которой уже и не осталось живого места. Я даже не могу ответить себе на простой вопрос, когда я перестану верить в чудо? Когда я пойму наконец, что не значу для него все то, что он значит для меня? Когда я увижу, что все, что нас связывало — игра?

«Он здесь не ради меня, а потому что хочет поговорить о том, что случилось между мной и его папашей? Или о том, как смела я припереться туда, где меня никто не ждал?» — тихо смеюсь, так ведь и есть. Касаюсь лба, пару мгновений так и стою, а потом наконец отнимаю руки и смело смотрю в лицо, которое будет сниться мне в кошмарах, когда все кончится.

— Я пошла туда, потому что Марина убедила меня в том, что так надо. Что про твоего папашу — я не стану это обсуждать. Я сделала то, что сделала и не жалею, потому что по

факту не боюсь его. Мне насрать. Он заслужил. Ты все выяснил? — скидываю его пиджак, прикрывая нагое тело предплечьем, — Тогда вали. Я устала. Сегодня было слишком много Александровских.

Разворачиваюсь, хочу уйти в свою спальню, спрятаться там, пока он не уйдет, но Макс тут же хватается за локоть и разворачивает на себя. В голове сразу проскакивает парочка нелицеприятных картин, где мне крупно достается, но... вместо этого Макс крепко обнимает меня. Я пытаюсь отпихнуться, начинаю плакать, пищать, но он продолжает держать в своих объятиях, молчать и терпеть, возвращая меня обратно в наше лето, когда все было так просто...

17; Август

— ...Может быть это действительно не такая глупая идея?

Говорю, как бы невзначай, а сама взгляда отвести не могу от красивейшей луны, висящей над озером у нашего дома, словно огромное, белое блюдо.

Макс слегка улыбается, но не смотрит на меня, лишь на Спутник нашей планеты, хотя я и знаю, что это скорее притворство. Озорство. Игра. На моих нервах и выдержке, само собой.

— Сегодня ночью Луна впервые за много лет подошла к земле так близко. В последний раз это происходило в тысяча семьсот восьмом, а в следующий раз произойдет через триста пятьдесят лет. Мы поколение, которое застало это явление, после нас его увидят только наши пра-пра-пра и, возможно, еще раз "пра" внуки.

— Откуда ты это знаешь? — тихо спрашиваю и смотрю — как он хочет так и делаю — на него.

— В детстве мне очень нравилась астрономия. Я вырос, а увлечение осталось...

Макс медленно опускает на меня взгляд, и черт возьми, как же он красив в голубом свете редкой Луны. Его глаза такие мягкие, такие теплые, и я понимаю теперь, что все, что здесь происходит, никогда и не задумывалось, как какая-то игра. Он хотел показать мне чудо, явление, которое больше действительно никогда не увидит мое поколение, а еще разделить со мной часть своей жизни. И я готова разрыдаться, но держусь, чтобы не портить момент, вместо того спрашиваю.

— Из детства?

— Да. У меня было много книг про звезды, даже телескоп свой. Я как-то спросил у мамы, что там в небе так ярко светит? И она рассказала, что это звезды, на которых живут миллионы разных Вселенных. Миров. Других, не таких, как наш, более счастливых что ли. Ну... мне так всегда казалось. Я верил, что хоть где-то есть мир, где нет всего того плохого, что есть в моем. Больше всего на свете я хотел увидеть в свой телескоп этот другой мир, где все у нашей семьи по-другому.

Мое сердце сжимается. Сейчас здесь я вижу человека настоящего, без мишуры из сарказма и яда, я вижу *его*. Не красивое лицо, шикарное тело, очарование и обаяние, которыми он, как щитом, вечно прикрывается, а того настоящего Макса. Своего *любимого* человека. Он часто пускает меня за стену своего льда, и в эти моменты я обычно стараюсь лишней раз не шевелиться, чтобы не спугнуть, но сегодня поступаю иначе. Поднимаю его ладонь, сжатую в своих руках, нежно целую ее, а потом шепчу еле слышно:

— Мне так жаль...

Страшно посмотреть на него и увидеть, что я облажалась и сделала неправильный выбор, но разве я могу поступить иначе? Мне нужно быть смелой, он же смелый, раз рассказывает мне вещи, что так глубоко сидят в его сердце. Смотрю и не вижу злости, не вижу стены, которую он наспех собирает, я все еще вижу только его с легкой улыбкой на губах, теплой и родной, *настоящей*.

Он поднимает мои руки в ответ, оставляет на них свои поцелуи, но тупит взгляд и хмурится. Я не знаю, о чем он думает сейчас, но решаю не давить — даю ему пространство, чтобы решиться сказать, что он так хочет сказать. Я же знаю, что Макс словно на перепутье...

— Ты потанцуешь со мной?

Если честно, то я ловлю ступор. Краснею. Бледнею. Снова краснею, на что получаю мягкий смешок.

— Боишься?

«Он хотел сказать не это...» — отчаянно шепчет сердце, но я лишь бормочу.

— Музыки же нет...

«Значит еще не время, но я чувствую: однажды он обязательно скажет, просто нужно подождать еще...»

— Это да?

Это да. Вкладываю свою ладонь в его, разве я могу отказаться? Да и не хочу я отказываться. Макс притягивает меня к себе, обнимает за талию, вторую руку держит крепко, но при всей своей силе, нежно. Я слышу мерное, уверенное биение сердца, запах кислых яблок и сигарет, ощущаю его дыхание на своих волосах. Макс прижимается ко мне щекой, слегка ей гладит, улыбается. Я не вижу его лица сейчас, но знаю, что так и есть. Мы медленно двигаемся, а вокруг нас живет мир: кузнечики поют долгую, кажется даже вечную песню, легкий ветерок качает ветви деревьев, камыши. И разве можно сказать, что музыки действительно нет, когда вот она? В моих руках...

За белым стеклом луны...

Ты увидишь тень,

Под тонким дымом сна

Двери, прозрачные для тебя,

И для меня

Нежнее шелка

Ветер

Закрутит листья дней,

Смоет шорох слов,

Тени, растворятся в звездных снах...

Ночь в кустах легла,

Но ковер цветов

Тени, растворились в звездных снах... [\[19\]](#)

Макс поет тихо, хрипло, но бархатно, да даже если бы и нет...если предположить вариант Вселенной, где он что-то делал бы плохо, у меня на губах все равно светилась бы самая счастливая улыбка.

— Почему тебе так нравится этот мультик?

— Потому что он учит не смотреть на внешность, а видеть суть.

Макс аккуратно поднимает мое лицо на себя, слегка сжав подбородок, и когда я на него смотрю, мне кажется, будто все звезды светят для нас.

— Спасибо тебе, — хмурится, разглядывая мое лицо, — Это было бы просто редкое явление, если бы не было тебя.

Макс приближается, а перед тем как коснуться моих губ, добавляет.

— Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел, Амелия, и именно ты заставляешь все вокруг сиять. Я не вижу Луну, звезды, вообще ничего вокруг — только тебя...

Макс целует меня так нежно, так аккуратно, осторожно, что я боюсь пошевелиться, даже вздохнуть боюсь, чтобы ненароком не сломать этот самый лучший момент...этот идеальный миг, когда я абсолютно счастлива. Он утрирует и теплится дальше, когда я оказываюсь внутри кольца его рук, в его крепких объятиях, как в коконе. Мне в этот момент кажется, что нет ничего вокруг опасного, так спокойно и хорошо, как будто он защитит меня от всего на свете...

18; Декабрь

— О чем ты думаешь? — хрипло спрашивает куда-то мне в макушку, вырывая из ночи, что так сильно пахла теплой травой, цветами и зелеными яблоками.

С грустью моргаю пару раз, жму плечами.

— Вспомнила ту августовскую ночь, когда ты водил смотреть Луну.

«И самое смешное, что вспоминая этот момент, я не разделяю «Алекса» и «Макса»...А может быть я просто привыкла уже?...»

Макс бархатно смеется, прижимая к себе теснее, кивает.

— Это была чудесная ночь.

— Что ты хотел сказать мне тогда?

— Я хотел во всем признаться.

Ловлю новый ступор. Я никогда не задумывалась, возникало ли у него желание сказать мне правду, а теперь получаю ее, даже не требуя. Нравится ли мне она? Верю ли я? Не знаю, но когда отстраняюсь, чтобы заглянуть в глаза, уже уверена на все двести процентов: нравится, и да, верю.

— Почему не признался?

— Испугался потерять тебя.

Макс нежно убирает прядь волос с моего лица и тихо цыкает, после на секунду жмурится, а потом смотрит на меня так хитро, словно лис. Улыбается.

— Амелия, я прошу тебя, иди оденься. Ты не представляешь, каких трудов мне стоит не смотреть на тебя, а каких не схватить и оттащить в спальню.

— Я думала, что ты не хочешь?

— Не ври, — усмехается больше, — Ты знаешь, что я хочу тебя. Ты всегда это чувствуешь.

Краснею. Так то оно и есть, я всегда знаю, когда он меня хочет, даже если он меня не касается — читаю его взгляд, как книгу для детей с огромным шрифтом и минимум смысла.

— И в чем тогда проблема? — непонимающе дергаю головой, на что получаю мягкий смешок и еще один поцелуй.

— Тебе не это нужно, я же сказал.

— А что же мне по-твоему нужно?

— Просто поговорить.

Удивлению нет предела, хотя я и думала, что достигла максимума — нет, теперь стою и хлопаю глазами, точно, как дура. Макс же улыбается, даже посмеивается, разворачивает к себе спиной и, сжимая предплечья, шепчет на ухо.

— Секс не решает все проблемы, мой сладкий котенок. Сегодня я хочу просто поговорить с тобой, так что прошу, сжался надо мной и иди оденься.

«ЧТО?! ОН ЧТО?!» — делаю неловкий шаг в сторону выхода, но оборачиваюсь, чтобы проверить: он ли здесь вообще стоит?

Еще как он. Запихнул руки в карманы, смотрит на меня с жаром и играющими желваками, но стоит, точно приклеенный. Улыбаюсь, ведь понимаю, что ему действительно приходится прикладывать максимум усилий, чтобы не сорваться с места. Макс слегка закатывает глаза и громко, театрально цыкает:

— Я, конечно, действительно знаю, что сексом делу не поможешь, но могу решить, что он лишним тоже не будет. Ты мешаешь мне поступить правильно, — улыбается, выгнув брови, и так тепло, что я невольно отвечаю и убегаю в спальню.

Когда я возвращаюсь в мягкой пижаме и кофте, Макс курит у окна. Он очень задумчив, даже не обращает внимание на мои шаги, словно не слышит их, в чем я убеждаюсь, когда откашливаюсь. Хотела обозначить свое присутствие, а в результате напугала наследника.

— Кажется, что мы поменялись местами. Теперь твоя очередь меня пугать?

— Ты хотел поговорить?

— Думаю, что ты тоже хочешь поговорить.

— У нас как-то с разговорами не очень складывается.

Подхожу к холодильнику, откуда достаю травы, лишь бы не отвечать на его требовательный взгляд. Не хочу. Мне не по себе от воспоминаний о том, как мы уже пытались о чем-то поговорить в его доме, и он это чувствует.

— То, что тогда произошло — моя вина.

— Будешь чай?

Игнорирую попытку, но Макс подходит ближе, беря меня за руку. Заставляет смотреть себе в глаза, и я смотрю, как будто не могу и вовсе оторваться...

— Я знаю, что ты злишься. Я тебя обидел тогда, и мне очень жаль. Это звучит, как оправдание, но после *его* приезда мне было сложно себя контролировать.

— Ты обвинил меня во всех смертных грехах.

— Знаю. Я очень злился. Ты видела то, что я не хотел тебе показывать.

— А еще приехала в Москву и разрушила твои отношения. Я помню.

Вырываю руку и подхожу к кухонной гарнитуре, где раскладываю все, что обычно добавляла мама: немного мелиссы, мяты и ромашки. Макс молча за мной наблюдает, я же, как бы грустно это не звучало, жду от него объяснений. Никогда в этом не признаюсь, но знаю: так и есть. Мне страшно, наверно, что он снова меня разочарует, а все равно это не поддается контролю. Я жду. Хотя бы чего-то нормального, жду. И наконец получаю.

— Я не виню тебя в том, что случилось, потому что знаю — ты последний человек, который в этом виноват. К тому же, уверен на сто процентов, что Лилиана все равно поступила так, как поступила. Просто с тобой у нее появился «благородный щит», которым он могла прикрыть свое предательство.

— Мне жаль, что так вышло, но я здесь не при чем.

— Головой я это понимаю, но эмоции всегда брали надо мной верх.

— Тогда научись себя контролировать! — повышаю голос, хмурюсь и смотрю на него.

Макс сидит на подоконнике, повинно опустив руки и голову, наблюдает за тем, как тлеет его сигарета и кивает.

— Ты права... — резко поднимает глаза, — Но мне сложно контролировать свои эмоции, особенно рядом с тобой. Ты порождаешь в моем сердце смуту.

— Да ну?! Тупая малолетняя сучка, которую так прикольно использовать?

Вздыхает и откидывается к стеклу спиной. Молчит. Я же снова возвращаюсь к заварке чайника. Чувствую, что мне это нужно и даже слишком — не могу себя контролировать, хотя его обвиняю в том же самом. Будто не понимаю, что значит «смута в сердце», Макс же тоже провоцирует меня на все эти бури. Вот только следующие-сказанным разрушает их, тушит, удивляет...

— Спор родился внезапно из дикой ярости.

Я резко перевожу на него взгляд, Макс отвечает стойко, не мигая, затягивается. Молчит-молчит-молчит, словно строя в голове объяснение, и вместе с дымом выдыхает его...

— Отец выдернул меня из университета. Думаю, он узнал о том, что я купил квартиру на Мосфильмовской и не доложил ему, за что решил меня наказать. Миша сказал, что он объяснил тебе политику партии, так что ты теперь понимаешь, что в нашей семье под строжайшим запретом любые вольности.

— Он должен контролировать каждый ваш шаг.

— Именно. Я приехал домой, как мне было велено, а в его кабинете застал как он трахает Лилиану на столе. Стоило мне открыть дверь, он тут же уставился мне в глаза, чтобы я точно знал — все это спланировано, а я снова попался. Меня это вынесло. Я не думал, что сможет, но вынесло. Было очень больно, а потом пришла ярость.

Слышать о его «боли» мне было неприятно, но о «боли, связанной с Ли», еще хуже. Саму кольнуло в самое сердце, и я опустила глаза, а он тихо вздохнул и уставился в потолок.

— Спор родился от моей ярости. Все знают: Лилиана любит свою маленькую сестричку, как безумная. Ты и твое участие причинило ей гораздо больше боли, чем я когда-либо смог бы сам. Если бы не все это, я бы к тебе не приблизился, потому что все еще помнил маленькую, милую девочку, сошедшую с самолета в красивом, пышном платье...

— Боже... — покраснев, я жмурюсь теперь сама, а потом вдруг издаю смешок и смотрю в его сторону, — И какого это было трахать меня? Если опираться на эти воспоминания, м?

Макс улыбается в ответ хитро, потом отгибает уголки губ и пожимает плечами.

— Просто прекрасно. Каждый раз.

— Не смешно. И вообще, вдруг ты бы облажался, м? Ты же не видел меня, а я могла стать жирной, например?

— Ты была бы прекрасна в любом размере, но и это не совсем так. После заключения спора, я поехал посмотреть на тебя в Академию. Вы как раз ставили какой-то спектакль...

— Я в нем не участвовала.

— Как же? Ты была деревом.

«Боже...» — мысленно чертыхаюсь, но не могу сдержать тихого смеха.

— ...Все вокруг что-то делали, а ты лежала на сцене и играла солнечным зайчиком с котенком...

«Я совсем забыла о Бантике!» — расширяю глаза, выуживая воспоминание, когда как

раз распределяли роли. Самое интересное, как по мне, было заставить Бантика бегать по кругу, когда как мои одноклассницы шипели, дергали текст и соревновались в остроумных шпильках в сторону актерских способностей друг дружки.

— Так вот почему котенок! — осеняет внезапно, и Макс коротко кивает, — А наврал про лестницу...

— Не наврал. Ты действительно ведешь себя, как котенок. Одно лишнее действие — бежишь. Надо вести себя аккуратней, чтобы не спугнуть.

— Какая пронизательность, — фыркаю, сложа руки на груди, — И? Как тебе перспективка со мной спать?

— Очень неплохо. Ты лежала кверху своей чудной попкой, а потом и вовсе встала на...

— Бла-бла-бла! Молчи!

— Ты сама спросила, — с какой-то странно нежностью парирует, а потом пожимает плечами и добавляет, — Ты очень красивая, Амелия, и я больше не видел в тебе ребенка. Я тебя захотел.

«Трогательное признание...» — пронеслось в голове с тихой грустью, Макс также тихо прошептал.

— Ты сама спросила.

Макс снова смотрит на меня прямо и твердо, потом и вовсе встает и подходит близко. Нас разделяет всего шаг, он изучает меня с высоты своего роста, пока не вздыхает и, расправив плечи, продолжает, словно подсобрав смелости.

— Я не буду врать, что все изменилось сразу, как мы познакомились — это была бы неправда. Все было в силе даже когда я переехал к Кристине, но когда ты впервые мне отказала, тогда я понял. Все будет иначе.

— Когда это я тебе отказала?

— В квартире Адель.

Бам! То, о чем я так долго думала, подтвердилось, и я не знаю, как мне реагировать. Смотрю на него, вижу в глазах стыд? Раскаяние? Сожаление? Не уверена, но решаю тихо уточнить.

— Вы собирались...

— Да, — с неохотой, но признается, — Мы хотели развести тебя на секс втроем. Даже поспорили, выйдет или нет.

Оглушающий шлепок. Не знаю, в сотый раз, наверно, я даю ему пощечину, почти рыдаю и отступаю на шаг, но сейчас он не злится. Макс стойко принимает мою реакцию, его голова повернута вбок, он молчит. Нет ни тяжелого дыхания, ни игры желваками, нет никакой злости — он смиренно выжидает, потом поворачивает на меня голову и кивает.

— Я заслужил.

— Ты мудака...

— Знаю, но я не хочу тебе врать и что-то утаивать. Я хочу рассказать всю правду, какой бы дерьмовой она не была.

— И какую же правду я должна узнать еще, а?!

— Что я хотел не только выиграть, но и получить тебя.

Я закрываю лицо руками, стараюсь взять себя в них, потому что не хочу рыдать перед ним. Да и разве я могу быть слабой в его присутствии? Выдыхаю. Убираю волосы назад, молчу, не смотрю на него больше, потому что не хочу. Он причиняет мне боль, его поступки и решения причиняют, но, наверно, я все же хочу услышать историю целиком, поэтому не

ухожу. Я слушаю...

— Все началось со спора, потом с ним смешалось желание. Меня к тебе тянуло, и я тебя хотел.

— Почему ты не отправил полное видео своим друзьям?

— Из-за того, как ты пришла ко мне тогда.

Макс пожимает плечами. Он кажется спокойным, хладнокровным и даже отстраненным, но лишь внешне. В глубине его глаз я читаю другие чувства: ему некомфортно, он немного напуган, не хочет говорить мне все, но говорит дальше.

— Ты была такой милой, такой напуганной, а старалась держаться, и я просто...не смог. Посчитал, что будет достаточно куска.

— Его было достаточно?

— Нет, конечно, — коротко усмехается и смотрит в сторону, — Тогда я чуть не проиграл.

— Какая жалость...и о каких изменениях ты говоришь?!

— О том, что довольно быстро я понял, что влюблен в тебя, и спор уже не имел никакого значения.

— Влю...блен? Влюблен, значит?!

— Я должен был скинуть целую папку с видео подтверждениями, как с каждым разом толкаю тебя ступить все дальше и дальше, но не отправил ни одного. Я проиграл. Моя машина, на которой ты так классно покаталась с Лексом, теперь принадлежит ему.

— Мне посочувствовать?!

— Я не прошу у тебя сочувствия! — повышает голос в ответ, — Я просто...я хочу все объяснить!

— Что ты хочешь объяснить?! — усмехаюсь в ответ, быстро стирая слезы, — И с каких пор ты вообще хочешь что-то мне объяснять, а?! Ты должен был мне все рассказать! Не сразу, но хотя бы после того, как меня забрал!

— Я много раз хотел тебе признаться...

— И что тебе мешало, а?!

— Да я не знаю, как оправдаться за то, что я сделал!

Орет, а потом резко спихивает с кухонной гарнитуры заварочный чайник и также резко отходит обратно к окну вместе со звоном стекла. После этого комната погружается в тишину: Макс молчит, стоит ко мне спиной и смотрит себе на руку, где как раз покоится змея.

— Ты спрашивала, что значит эта татуировка? — хрипло, тихо спрашивает, не поворачиваясь, — Я набил ее после того, как увидел свою девушку в объятиях своего отца. Это что-то вроде напоминания о том, что случилось, и что с этого момента я не позволю себе упасть в любые чувства к женщине, кем бы она не была. Но я упал...

Вздыхает и поднимает голову, пару мгновений снова молчит, только после них поворачивается.

— С тех пор, как я понял, что влюблен в тебя, больше всего на свете боялся, что ты узнаешь всю правду. Не только из-за того, что это осложнило бы мне жизнь, но и потому что тебе было бы больно. Я этого не хотел. Когда я заключал спор, ты была лишь разменной монетой, никто даже не думал о том, что ты почувствуешь, а потом только это и осталось. Я миллион раз хотел рассказать тебе кто я на самом деле, что делаю в квартире Кристины и какие отношения связывали нас с Лилианой...

— Но не рассказал.

— Потому что я боялся тебя потерять. Это малодушие, но такова правда. Я и сейчас боюсь, что ты никогда не сможешь меня простить, даже не смотря на то, что все действительно изменилось.

— Ты ждешь, что я поверю?...

— Я жду другого.

— И чего?

Макс подходит обратно ко мне, и так как я не успеваю отреагировать (да и не знаю в действительности хочу ли отступить), берет мое лицо в ладони.

— Я хочу, чтобы ты дала мне шанс все исправить. Знаю, что о многом прошу, но... черт, да, то, что я сделал — отвратительно и ничтожно, но сейчас я перед тобой полностью честен. Я жалею о том, что предложил этот спор, жалею, что долго следовал глупому плану, и жалею, что не рассказал тебе всю правду сам.

— Зачем ты просишь меня об этом? — также тихо спрашиваю, отстраняюсь и опускаю глаза в пол, неловко потирая предплечье, — У тебя есть чувства к моей сестре...

— Это неправда.

— Макс, я сама видела.

— Иногда я отвечаю на ее взгляды, потому что так проще держать ее под контролем, но я ничего к ней не испытываю.

— Когда я в прошлый раз тебя спрашивала...

— Я не говорил, что люблю ее.

— Но ты промолчал! Иногда этого достаточно, чтобы все понять.

— Ты застала меня врасплох, но я клянусь, что ничего к ней не испытываю. Мне нужна ты, а не она. Я долго прятал голову в песок, но правда в том, что уже достаточно давно Лилиана для меня ничего не значит.

— Оксана сказала...

— Знаю, что она тебе сказала, но она видела только то, что видели все. Мы с ней были знакомы шапочно, она не мой друг, чтобы делать выводы о моих чувствах. Оксана меня совсем не знает. Лилиана была моей первой, настоящей девушкой, и наши отношения были бурными, я не отрицаю. Мои чувства к ней тоже были яркими, но их больше нет. Отец зажимает ее каждый наш публичный выход, и если раньше я горел изнутри, сейчас полный штиль. Но когда сегодня я видел, как он на тебя смотрит, клянусь, готов был убить его, и я бы убил, если бы он к тебе приблизился, даже не смотря на то, что *не могу* этого сделать.

— Я не знаю... — мотаю головой и делаю таки шаг назад, — Я не знаю, могу ли тебе верить. Я...

— Ты сказала, что вспоминала ту августовскую ночь?

— И? При чем здесь она?

— Ответ всего на один вопрос: в ту ночь, когда ты смотрела мне в глаза, что ты видела?

Глава 21. Высотка у Красных Ворот. Амелия

18; Декабрь

Закрыв лицо руками, я тяжело дышу, лежа на на лопатках. Сейчас я чувствую себя пустой на все сто процентов, хотя всего мгновение назад была до краев полной чашей. Поэтому то, наверно, вдруг начинаю тихо смеяться...

«Боже...какая же я...»

— ...дура...Я действительно вылитая мать...

Через миг из под одеяла выныривает темная макушка, а еще через один я вижу счастливые, хитрые зеленые глаза. Макс улыбается, уложившись подбородком на мой живот и приподнимает брови.

— Боюсь, что я никогда не привыкну к тому, что ты смеешься во время нашего секса.

«Боюсь, что я никогда не привыкну к тому, что веду себя, как конченная дура рядом с тобой...»

— Что ты там говорила?

— Что я вылитая мать, — тихо признаюсь, слегка касаясь его щеки, — Твой папаша был прав.

— Знаешь? Я не хочу говорить о своем папаше в своей постели.

— Как жаль, что это моя постель.

— Все постели, где лежишь ты, всегда будут моими...

Бархатно парирует, оставляя влажный, горячий поцелуй на коже, которую следом слегка прикусывает. Я взвизгиваю, ерзаю, но меня фиксируют, а Чеширский, фирменный взгляд снова направлен на меня.

— Спрашивать, почему ты пришла к таким выводам, стоит?

Запускаю пальцы в его волосы и глажу, улыбаюсь и жму плечами.

— Потому что я точно также, как она, совершенно не разбираюсь в мужиках.

— Понятно. Не стоит...

— Мне нужно было тебя послать.

— Знаю.

— А вместо того, я с тобой переспала.

— Несколько раз. Да, я тоже тут был.

Я начинаю тихо смеяться, и он поддерживает, но, кажется, моя грудь волнует его куда больше. Он проводит по ней нижней губой, доходит до ореола, захватывает сосок, слегка прикусывая, и я сама собой выгибаю спину. Хочу быть ближе и головой, и сердцем, а он смотрит на меня и, оставляя еще один поцелуй, шепчет.

— Если бы ты знала, как я по тебе скучал...

Я опускаю взгляд, не выдерживаю, и тогда Макс поднимается выше, упираясь предплечьями в подушку, а своей эрекцией в мое бедро, хмурится.

— Малыш, посмотри на меня.

Вздыхаю. При всем своем безумном желании всегда смотреть ему в глаза, иногда это просто невыносимо. Примерно, как сейчас — страшно. Я подпустила его снова, и теперь мне страшно, что я об этом очень сильно пожалею...Макс, словно прочитав мои мысли,

точнее их часть, тихо спрашивает.

— Жалеешь?

— Нет.

— Уверена?

— Да, но мне страшно.

— Чего ты боишься?

— Что ты снова причинишь мне боль.

— Этого больше не повторится.

— Хорошо.

Соглашаюсь слабо, а от нервов начинаю накручивать его мягкие волосы на груди себе на палец. Макс тихо цыкает, потом поднимает мое лицо за подбородок и уверенно кивает.

— Амелия...мы не можем знать, что будет дальше, но я обещаю тебе, что сделаю все, что могу, чтобы этого не произошло. Наш пакт, который мы заключили тогда во дворе дома, в силе и не был нарушен. Я тебе не изменял. Клянусь.

— Я тебе...верю?

— Это вопрос?

— Да, но самой себе скорее...

— И у тебя есть ответ?

— Наверно.

— Могу его услышать?

— Да, — думаю еще пару мгновений, улавливая бушующие чувства внутри, взвешиваю их, а потом киваю, — Я тебе верю.

— Хороший ответ...

Макс было приближается, чтобы поцеловать меня, но я вдруг закрываю его рот ладонями и хмурюсь сама. Комичная ситуация, ничего не скажешь. Его член вздрагивает, будто проявляет недовольство, и мне стоит больших усилий, чтобы не прыснуть. Вместо этого я держусь мину со всех сил и серьезно утверждаю.

— Но у меня есть условия, — фигурно выгибает брови в ответ на такое громкое заявление, так что улыбка все таки пробивается, и я ничего не могу с собой поделать, — Прекрати. Ты меня смешишь, я же серьезно!

Наконец он берется за запястье, отводит ладонь у сторону, прижимая к подушке, и спрашивает с иронией.

— Интересное начало. Теперь границы ты расставляешь?

— Именно.

— Ну хорошо. Какие?

Макс запускает одну руку под одеяло, а через мгновение я чувствую, как он проводит по мне упругой головкой, и расширяю глаза.

— Ты что творишь?! — взвиваюсь и стараюсь отползти, но поздно.

Почти сразу Макс оказывает во мне, и я откидываюсь на подушки, давась недовольством, вместо того издав тихий стон. Он хрипло смеется, подминая под себя, берет в крепкое кольцо рук, расставив их по обе стороны, оставляет поцелуи на шее.

— Продолжай.

Его голос такой низкий, глухой, он медленно отводит бедра назад и также медленно возвращается обратно, вырывая из меня еще один стон.

— Ну же, мальш, какие условия?

— Ты...издеваешься?! Кажется, ты хотел поговорить!

— И мы говорим. Называй условия, Амелия, я тебя слушаю.

Еще один подход, который на этот раз вызывает его стон, а меня аж передергивает, и я вонзаю ногти ему в спину, задыхаясь. Я стараюсь концентрироваться, пусть мысли и разбегаются во все стороны, но хрена с два я сдамся и проиграю. Поэтому сбито шепчу...

— Ты не будешь на меня орать.

— Если ты не будешь меня выводить.

Макс резко подается вперед, и я стону в голос, выгибая спину, он снова смеется, прикусывая яремную вену.

— Дальше.

— Мы еще не обсудили первый пункт...

— Да ну? — еще один похожий толчок, — Правда что ли?

— Ты должен себя контролировать.

— Нет.

— Да!

Отпихиваю его так, чтобы посмотреть в глаза, которые пусть и заволочла похоть, но в них все равно есть отголосок разума, к которому я и пытаюсь взывать.

— Я не против твоих эмоций, ты нравишься мне таким, но иногда, когда ты выходишь из себя, ты говоришь вещи, которые...сильно бьют по мне.

— Например?

— Например в доме. Это было жестоко. Эмоции — это эмоции, но огради меня хотя бы от своей жестокости.

Макс молча изучает меня, а я не знаю, как он отреагирует дальше. Может быть что угодно, от скабрзности до очередной шпильки, но вместо всего этого он кивает.

— Хорошо. Я буду себя контролировать, но ты тоже должна пообещать мне не исполнять того, что было в усадьбе моей матери.

— Если кто-то будет на меня нападать, я не стану молчать.

— Я не о Марине.

— А о чем тогда?

— О твоём стриптизе для моего брата.

Рычит, и это вызывает во мне улыбку. Я слегка наклоняю голову на бок, а потом вдруг толкаю его ногой, обвитой вокруг бедер, вперед. В себя. Резко. До конца. Макс такого не ожидает, так что мне достается картина, как этот самоуверенный павлин давится воздухом.

«В кои-то веки я тебя обыграла, козел!» — шальная мысль проносится в голове, и я с триумфальным видом провожу языком по его шее и шепчу еле слышно.

— Ты что ревнуешь?

Мое лицо снова попадает в капкан его пальцев. Пусть твердо, но совершенно не больно, так что я улыбаюсь только сильнее. Он же, приблизившись максимально, снова рычит мне в губы.

— Безумно.

Теперь, уж извини, но о каких-то разговорах и расставлении границ можно забыть совершенно точно. Макс впивается в меня страстным поцелуем, на который я, конечно же, отвечаю. Движения его бедер выходят на привычный, быстрый темп, и уже через пару минут я кончаю в первый раз. Затем почти сразу во второй. И третий, как вишенка на торте, совместный. В конце, я привычно еле шевелюсь. Мне не то что говорить, даже смотреть

сложно — глаза слипаются, а Макс обнимает меня крепко, и последнее, что я слышу:

— Надо купить нормальное постельное белье...

Мне хватает сил только тихо рассмеяться, а потом я вырубаясь...

Когда я просыпаюсь, за окном ярко светит солнце. Я вижу его исключительно из-за длинного, ровного прямоугольника на полу, так шторы любовно закрыты. Улыбаюсь на миг, но быстро понимаю, что в постели одна, и от этого факта тут же расстраиваюсь, а потом сажусь, прикрывая грудь одеялом.

Его рубашка и брюки висят на стуле, а не там, где мы их вчера оставили, то есть на полу.

«Ему еще повезло, мою то одежду постигла кара «порву в клочья»...» — было усмехаюсь, а от осознания, что он все еще здесь, становится тепло.

Недолго правда. Ровно до того момента, как я не слышу ругательства на итальянском за стеной. Они тихие, глухие, но достаточно отчетливые, чтобы поднять меня с постели, заставить натянуть пушистую, длинную кофту и выскользнуть в коридор. Макс и правда здесь, очевидно, и он правда с кем-то ругается, но, судя по всему, заканчивает, стоит мне зайти в комнату. Откидывает телефон и упирает ладони в подоконник, отклонив бедра назад. Глубоко вдыхает. Что-то сильно его разозлило, а я не знаю, что мне делать. Так и стою, как дура: и уходить не хочется, но и подойти страшно. Уверена, что могла бы протупить в таком положении вечности три к ряду, если бы он сам не почувствовал, что уже не один.

Резко поворачивается, и я тут же краснею, будто подглядывала за ним, и меня поймали на горячем. Конечно, в теории так и есть, но я же ничего не сделала такого, а все равно стыдно...

— Прости, я...эм...не хотела подслушивать.

— Знаю, — тихо отвечает, а потом улыбается, — Иди ко мне.

Подхожу сразу, аккуратно ступая на полупальчиках, а когда он обнимает меня, тихо спрашиваю.

— Что-то случилось?

— Не обращай внимания, ничего серьезного.

— Нельзя спрашивать? — Макс смеется, гладит меня по спине и оставляет поцелуй на макушке.

— Не то чтобы...просто не вижу смысла детально рассказывать, как моя сестра устроила очередную сцену. Вчера ей показалось, что мы не договорили.

Хочу спросить о чем, но не успеваю. Макс подхватывает меня на руки, словно я ничего не вешу вовсе, сажает на подоконник, а потом расставляет руки вдоль моего тела и улыбается так озорно, словно ему и вовсе пятнадцать.

— Как спалось?

— Тяжело, ты опять лежал на мне всю ночь.

— Каюсь.

Он всегда спит одинаково, то есть на мне. Обнимает крепко, придавливая к постели, ложится на меня почти сверху, и я всегда списывала этот особый стиль на его контактность. Макс любит нежности, по секрету, любит обниматься, касаться меня. Есть мужчины, которым это не нужно, а ему очень. Если сидеть, то только у него на коленях, если куда то идти, то непременно за руку. Он не из тех, кто брезгует или стесняется проявлять эмоции, и раньше, когда я не знала кто он, мне казалось, что это из-за сложного детства или мамы,

которая просто не успела отдать ему достаточно нежности и касаний... Сейчас мне тоже так кажется, но теперь, зная всю (или почти всю) историю, я думаю, что его эта привычка связана не только с отсутствием материнского тепла, но и с...желанием меня защитить. Не знаю почему, но если проанализировать его поведение, то он непросто "лежит на мне", он словно защищает меня, накрывая своим телом. Глупо звучит, возможно я себе надумываю, но судя по тому, что его такое, вполне допускаю и такой вариант. Как бы подсознательный...

— Мне этого не хватало... — говорит тихо, касаясь губ своими слегка, но весьма ощутимо.

По правде говоря, мне тоже. В отличии от Макса, я никогда не была особо контактным ребенком, скорее всего потому что росла среди мальчишек. Попробуй там пожаловаться или пообниматься — непременно задразнят, так что мне нужно было быть сильной. Но не с ним. Он в этом плане меня круто изменил, ведь и мне хотелось быть как можно ближе, да еще и постоянно. Касаться его, гладить, целовать я могла бы до бесконечности в квадрате, поэтому не мудрено, что разлепиться мы смогли лишь через час. Улыбка так и осталась приклеена на суперклей, пока я готовлю нам завтрак. Макс уже успел сходить в душ теперь курит, не отрываясь от экран своего телефона. Все было хорошо. Даже слишком, пока...

— Котенок, я хочу кое о чем поговорить с тобой.

Рассеяно проморгавшись, перевожу на него взгляд, киваю, воюя с яичницей, которую никак не могу перевернуть.

— Конечно.

— Ты же понимаешь, что он тебя намерено спровоцировал?

Настроение тут же меняется.

— Пф! А ты понимаешь, что мне плевать?

Ершусь, на что Макс тихо усмехается, а потом подходит сзади, обнимает, при этом забирая лопатку, которой ловко переворачивает мое кулинарное творение сам и шепчет на ухо.

— Не кусайся.

— Я все понимаю и тогда понимала.

— Но пошла на поводу.

— Пошла.

— Глупо.

— Знаю, но я не могла иначе. Он заслужил, и я его не боюсь.

— Зато я боюсь.

Я поворачиваюсь и смотрю ему в глаза, в ответ на что Макс не прячет свои. Он не стесняется того, что сказал и признал, но я все равно улавливаю что-то, что чую мне совсем не понравится.

— С чего вдруг?

— Потому что мне не нравится то, как он на тебя смотрит.

«Вот, пожалуйста! А мне не нравится этот ответ!» — отстраняюсь теперь полностью, даже рукой упираюсь в его грудь, чтобы создать дистанцию, и щурюсь.

— Ты на что намекаешь, прости за вопрос?!

— Я не намекаю, а говорю прямо, — в голосе проскакивает сталь и холод, и я тут же раздуваю ноздри.

Конечно собираюсь укусить, по-другому просто не будет, но Макс опережает. Он

отпихивает мою руку и снова приближается, упирая обе ладони вдоль моего тела, словно запирая меня на замок, чтобы я никуда не делась. Только после этого серьезно продолжает этот странный разговор.

— Ты хорошо осознаешь все, что произошло вчера?

— Я плюнула в рожу Властелина мира. Ты об этом?

— Именно, котенок. А ты понимаешь, что с тобой бы сделали при таком раскладе и с другой родословной?

— Еще раз. На что ты намекаешь?!

— Еще раз. Ты понимаешь, чем бы тебе грозило такое, если бы не твое лицо и твоя фамилия?

Молчу. Меня бесят эти инсинуации, Макса тоже что-то бесит, но явно что-то другое. Я, конечно, догадываюсь *что*, но решаю уточнить.

— Ты хочешь сказать, что...

Перебивает.

— Я хочу сказать, что его к тебе интерес слишком большой, чтобы он просто отступил.

— Если ты намекаешь, что я собираюсь...с ним...Я тебе яйца отобью короче!

Его взгляд смягчается, а из самого него вырывается задорный, веселый смех. Он прямо фонтанирует им, разогнувшись и откинув голову назад, за что я тут же шлепаю его по голой груди.

— Прекрати ржать!

— Сама смешишь, а потом предъявляешь? Забавно, — Макс кладет руку мне на щеку и слегка сжимает волосы, чтобы я смотрела на него, легко касается носом моего, — Я имел ввиду немного не то, что ты подумала.

— И что же ты имел ввиду?

— Что тебе позволено настолько много, сколько не позволено никому. Это меня пугает.

— В смысле...

— В смысле: он тебя настолько хочет, что тебе сойдет с рук вообще все, что в башку взбредет, и так просто он тебя не оставит в покое.

— Ты же понимаешь, что я не собираюсь с ним...мутить и все такое?!

— Понимаю, но я хочу максимально оградить тебя от него. Не потому что не доверяю... — выпаливает последнюю часть раньше, чем я успеваю вернуть свои пять копеек, — Я хочу тебя защитить.

— Ты поэтому не хотел говорить обо мне?

— Да. А ты подумала, что...

— Ну не знаю. Вдруг ты просто не хотел рассказывать своему папочке о своей...

Осекаюсь, чуть было не назвав себя «его девушкой», и краснею. Макс тихо посмеивается надо мной, слегка касается щеки и приподнимает одну бровь, намеренно подтрунивая.

— О ком, малыш? О своей...*девушке*?

— Я этого не говорила.

— Но подумала.

— Пожалуйста...прекрати.

— Не хотел, ты права. Помимо того, что он тебя хочет...

— И снова... — шепотом вклиниваюсь, — Пожалуйста. Прекрати.

— ...И того, что с помощью тебя он получит рычаги воздействия на меня...Его

внимание — это всегда плохо.

— Звучит как-то...таинственно пугающе. Этого ты добиваешься? Хочешь меня напугать?

— Я хочу, чтобы ты понимала: то, что позволено тебе, не позволено никому. И то, каким ты видишь его, расходится с тем, каков он на самом деле.

— Ты специально напускаешь туману?!

— Когда Марине было восемнадцать, она влюбилась в одного парня. Дерзкий был, прямо как ты...

Неожиданно заходит с другой стороны, на что я дергаю головой, мол, чего?! К чему это вообще сейчас?! Но Макс не реагирует. Он смотрит мне в глаза с полным осознанием дела, говорит четко, точно чеканит каждое слово, и что-то внутри меня снова бьет красным.

«Сейчас ты узнаешь очередную тайну, от которой мягко говоря офигеешь, дорогая...»

— ...он не был таким, как Рома. Твой сладкий дружок прибежал и плясал перед отцом на задних лапках, а мужчина Марины был слишком гордым для этого. Он тоже служил в армии, был летчиком, с Мариной они познакомились на одном празднике за границей, в котором он участвовал. Что-то вроде показа вооружения и все дела. У нее улетела шляпка, а он ее поймал.

— К чему ты...

— Я его не видел никогда... — перебивает, настаивая, — Но точно знаю, что он не встал перед ним на колени, как Ромочка. Тот гнул свою линию, отстаивал себя и свою честь, а также право любить Марину.

— И чем кончилось?

— Отец убил его.

«ЧТО?!» — расширяю глаза, подавившись воздухом, на что Макс с огромной печалью пожал плечами.

— Конечно, у нас нет доказательств, но Марина в этом уверена. Если честно, думаю, что отец разрешил встречаться твоему другу и Адель, только потому что после этого Марина на отрез отказалась от любых отношений.

— Это...ужасно.

— Это в порядке вещей для него. Теперь ты понимаешь, почему я хочу тебя оградить от него? И почему сказать о наших отношениях никогда не было вариантом, который я рассмотрел бы?

— Зачем ты объясняешь мне это?

— Потому что мне показалось, что ты оскорбилась, когда я отказался. Чтобы ты там себе не надумала, единственная причина, по которой я так поступил, это попытка тебя защитить.

— Я знаю, — тихо соглашаюсь, не медля, и он улыбается.

— Чудно. Тогда, надеюсь, ты также спокойно воспримешь и другую новость.

— Какую?

— Тебе снова надо переехать.

— Что?! Но почему?! — возмущаюсь оправдано, я ведь здесь почти обжилась, но сталкиваясь с его взглядом, тушуюсь.

Макс не злится из-за моей реакции, а скорее переживает искренне, опускает глаза и даже брови хмурит, что меня совсем не радует. Я аккуратно беру его лицо в свои ладони, как он всегда делает, поднимаю, чтобы *смотреть на него*.

— Макс? Что случилось?

— Я боюсь, что он узнает, где ты.

Тон его тихий, взволнованный, а взгляд болезненный и немного нервный. Меня греет это ощущение его заботы, но одновременно дико расстраивает. Я хочу как-то облегчить метания, поэтому приближаюсь и легко касаюсь губ, шепчу.

— Со мной все будет нормально.

— Дай мне немного времени... — хрипло отвечает, прикрыв глаза и прижавшись к моему лбу своим, — Знаю, что я прошу о многом. Ты была права, когда говорила о том, что сойдешь с ума, но...просто дай мне время разобраться с ним, хорошо? Я *не могу* тебя потерять.

— Я не собираюсь тебе мешать, Макс.

— Знаю, но...твою свободу перемещений снова придется урезать. Я бы хотел тебя отпустить, правда, но...я просто не могу без тебя, Амелия. Пожалуйста, останься и дай мне немного времени.

И что мне делать? Наверно, скажи я, что он о многом меня просит, Макс бы меня и отпустил — я почему-то верю в этом не смотря ни на что, — но хочу ли я причинять ему боль? Эта просьба ведь именно ее и принесет.

«Я либо верю в него, как в своего мужчину, либо нет. И что же я решу?»

Я решаю поверить...

— Хорошо, — шепчу в ответ, а потом киваю пару раз и запускаю пальцы в его волосы, — Я согласна подождать. Хорошо...

— Спасибо.

Согласившись ради него на многое, так я и оказываюсь возле Высотки у Красных ворот. Наверно, это одно из самых знаменитых зданий Москвы, которое так похоже на здание МГУ. Шпиль, необычная архитектура, скорее не свойственная для того времени, в целом очень крутое здание. Мне дико любопытно, что же будет дальше, и когда я захожу в лифт — волнуюсь. Макс на меня не смотрит вовсе, нажимает на двадцатый этаж. Молчит. Изучает ключи, где висит один единственный брелок со слонем, и о чем-то думает.

— Макс? — тихо зову его, он не реагирует.

Сначала я думаю, что это игнор, как он есть, ежусь, но когда створки лифта открываются, а он продолжает пялиться себе в ладонь, понимаю: это не игнор, он просто глубоко в своих мыслях. Аккуратно касаюсь его руки и почти не вздрагиваю, когда Макс резко переводит на меня взгляд, шепчу.

— Мы приехали на этаж.

— А...да, — моргает и выпускает меня первую, положив руку мне на поясницу, — Прости, я задумался.

Мы подходим к огромной входной двери, и она действительно очень уж внушительная. Помимо полотна, рядом есть еще одна вставка из красного дерева, ко всему прочему вся эта конструкция просто высоченная!

«Конечно, здесь же потолки, наверно, огромные...»

Так и есть. Макс открывает три замка и снова пропускает меня вперед, и когда

включает свет в прихожей, я озираюсь чуть ли не с открытым ртом. Внутри ведь время словно остановилось...

Первое, что я замечаю — это шикарные, паркетные полы, при том натертые до блеска! Обои в крупный цветочек с персиковым уклоном, но не такие, какие клеили в туалете или на кухне — шикарные обои.

«Думаю, что стояли они целое состояние...как и этот огромный шкаф!»

Махина встречает нас по правую руку, и похоже будто ей лет двести! Двери красивого, карамельного цвета, резные детали в форме вензелей и львов — так уже давно никто не делает. Хотя это и очень красиво...

Мне дико интересно, что это за квартира и чья она, но пока я молчу. Вместо того снимаю свое пальто и иду вглубь, не дожидаясь Макса — слишком уж мне любопытно. Да и есть здесь где разгуляться — площадь просто огромная!

«Лу́на будет просто в восторге...» — слышу громкое «мяу» и тихое ругательство от Макса, улыбаюсь.

Моей девочке он очень уж нравился, если честно, так что вполне вероятно, что со страха она вцепилась в него мертвой хваткой. Решаю, что это, конечно, всегда забавно, но сейчас мне гораздо важнее рассмотреть пространство и толкаю двухстворчатые двери. Это так необычно... Конечно, их используют и сейчас, но гораздо реже и вообще они с натяжкой подходят для нашего, современного мира, где балом правит минимализм. Здесь же со всей этой «музейной» классикой они вписываются просто великолепно. Вообще, я не очень люблю такой стиль в оформлении интерьеров, но почему-то не чувствую отторжения. Настолько каждая деталь, каждое кресло, даже маленькая подушечка гармонично подходят друг к другу...

«А еще это просто громадина какая-то, а не квартира...»

— Как тебе здесь? — раздается вопрос, и я оборачиваюсь на Макса.

Он держит на руках Лу́ну, как я и думала, она вцепилась в его пальто, только башкой вертит с глазами по пять рублей.

— А сколько здесь комнат?

— Три жилые помимо столовой и библиотеки.

— Обалдеть.

— А-га. Так как тебе здесь?

— Не очень люблю музейный шик, но... — проведя взглядом по лепнине на потолке, отгибаю уголки губ и пару раз киваю, — Здесь очень круто, если честно. У хозяина явно есть вкус, чья это квартира?

— Моей мамы.

Такого ответа я никак не ожидала. Резко возвращаюсь к Максy, но тут прячет глаза, опускает свою кошку на диван, вздыхает и притворно осматривается. Знаю, что он чувствует все мои немые требования, как я всегда чувствую его внимание, и это подтверждает тихий смешок.

— Здесь все осталось, как было при ней, так что спасибо за комплимент.

— Ты привез меня в квартиру своей матери?

Наконец он смотрит на меня, а потом подходит, обнимает и слегка кивает с такой же легкой улыбкой.

— Привез.

— А ты не боишься...

— Это единственное место, куда он не сунется.

Здесь он ведет себя более сдержано, даже поцелуй почти консервативный, и это меня смешит. Внутри, конечно, подтрунивать над его потерей я не решусь никогда, как бы не злилась. Над Мариной — пожалуйста, но не над ним.

Макс остается со мной до глубокой ночи. Помогает обустроиться, показывает, что я могу трогать, а что лучше не надо, так как в этом доме куча вещей его мамы, которые также, как обстановка, остались на своих местах. Также я узнаю, что она любила играть на пианино, как я — разговор заходит за это, когда в большой гостиной я нахожу черный рояль. А еще я нахожу кое что не совсем приятное: мне разрешено выбрать любую спальню из трех, и когда я дохожу до самой дальней, на ней нахожу щеколду. Спрашивать не хочется, я бросаю на него всего один, короткий взгляд, который не успеваю сдержать, но все равно получаю ответ.

«Она закрывалась от него...» — и дверь толстенная. Видимо, Петр Геннадьевич приходил в жгучую ярость от этого факта, а судя по его комплекции обычная его вряд ли смогла бы сдержать.

«Эта точно смогла бы...» — с грустью и легким страхом думаю, в последний раз взглянув в ее сторону.

Конечно эту спальню я не выбрала, мне показалось, что это кощунство, поэтому остановилась на комнате с приятным, изумрудным цветом, доминирующем в интерьере. Потом мы готовили ужин. Как раньше. Черт, за последние двадцать четыре часа, я успела так ярко напомнить в первую очередь себе, за что полюбила его, и была так счастлива... Макс тоже был. Здесь на двадцатом этаже Высотки у Красных ворот все было хорошо. Настолько, что когда я провожала его, отваживаюсь попросить о личном одолжении...

— Макс, я могу тебя попросить?

Мы стоим у входа в квартиру: он у двери, прижимаясь к ней спиной, я в его объятиях. Ему нужно уехать — завтра с утра какое-то мероприятие, где его присутствие необходимо, а так «я бы остался с тобой на неделю минимум», но увы и ах, как говорится...

— Конечно, малыш, — шепчет выводя круги на моей спине, — Что угодно.

— Новый год...это наш с мамой любимый праздник...

Макс отстраняется, чтобы заглянуть мне в глаза, пока сама я смотрю лишь на то, как повторяю узор на его кашемировом свитере.

— Амелия...

— Я не прошу тебя меня отпустить к ней, — перебиваю на одном дыхании, — Но она будет мне звонить. Пожалуйста, дай мне с ней поговорить. Верни мой телефон хотя бы на этот день. Она позвонит, я точно знаю. Потом то вряд ли выйдет достучаться...

Молчит. Мне не очень нравится это молчание, так что я отваживаюсь и поднимаю взгляд, сталкиваясь с его задумчивым и каким-то...сожалеющим?

— Дело в том, что я...эм...не смогу приехать к тебе на сам Новый год.

Я не сказала бы, что сильно на это рассчитывала, хотя нет. Рассчитывала, конечно же, так что огорчаюсь почти до слез, и уже хочу отвернуться, но Мак успевает раньше. Поддевает мой подбородок и поднимает его, слегка улыбается, а потом неожиданно кивает.

— Хорошо. Я что-нибудь придумаю. Мне нужно быть в другом месте только в двенадцать, так что до девяти тридцати я смогу подождать.

— Спасибо...

— Отблагодаришь по другому, — дергает бровями и оставляет мне на прощание жгучий

поцелуй, который заставляет скучать по нему больше, чем когда либо.

18; Декабрь

Новый год — это синоним не только волшебного и сказочного, но и каких-то изменений. Я вообще этот праздник с детства обожала гораздо больше своего дня рождения. Мы с мамой выбирали и ставили елку, Элай в этом почти не принимал участия — мальчишки! — но украшать любил. У него не очень получалось правда, но тем прекраснее выглядела его сторона. Всегда наивная, детская, непосредственная. Всегда родная. А еще моим любимым занятием было наблюдать за тем, как люди покупают подарки для своих любимых. Мне нравилась и толкучка, суета, настроение, сказка, но сосредоточенные лица, терзаемые муками выбора — это отдельный вид искусства. Нет, правда, лучше же ничего не придумаешь, как видеть то, с каким трепетом люди выбирают подарки для дорогих сердцу родных...

Я боялась, что в этом году меня все это обойдет стороной, но за пять дней до самого праздника, Макс неожиданно приехал ко мне и забрал на целый день. Сначала мы поехали в Подольск, где раскинулась крупная (и такая потрясающе-прекрасная) новогодняя ярмарка. Даже олень был! И я кормила его морковкой, пока Макс надо мной посмеивался в стороне. Потом я смогла купить разные украшения, если быть точной очень много украшений, так как квартира то требовала со всей своей площадью, а потом мы поехали к Матвею (как оказалось, эта чертова лечебница находилась недалеко от Подольска). С ним мы провели очень теплый вечер, много шутили и старались не говорить об «острых» темах. Вообще их игнорировали. На обратном пути, правда, настроения уже не было ни у Макса, ни у меня, но этот день все равно невозможно было испортить.

«Не позволю отнять у меня это прекрасное воспоминания гребаному Властелину мира! Хрена с два!» — и я сохранила этот день в памяти, как один из лучших, он же таким и был. Наполненный любовью.

А на завтра мне привезли елку.

«Прости, что ты не смогла выбрать ее сама, но клянусь, что приложил все свои силы и знания, чтобы сделать это максимально хорошо! И клянусь, что в следующем году, ты сделаешь это сама. Целую, Макс»

«Все его открытки...» — думаю, улыбаясь и поглаживая пушистую веточку, — «Это прямо учебник по каллиграфии...Надо будет спросить, где он научился так писать...»

Но, к сожалению, это единственная весточка, которая мне досталась. Макс уехал в загородный дом отца, так что ждать его было бессмысленно. Перед Новым годом вообще рассчитывать на многое не приходилось, он меня предупредил, а этот день в Подольске был скорее чем-то «похищенным», как и своеобразным извинением за дальнейшее отсутствие. Грустно конечно, и, конечно, мы переписывались, но все это было не то. Мне его не хватало...Единственным плюсом во всей этой ситуации — окончательное отсутствие ревности. Да, мне удалось от нее избавиться. Глядя на наши отношения, теплые и одновременно такие страстные, всепоглощающие, едва ли возможно представить, что он

притворяется. У него действительно были ко мне чувства — **КО МНЕ** — и какой тогда смысл терзаться?

Вместо этого я украшала квартиру. Ушло на это два дня! Но результат превзошел все ожидания. Я как будто попала в сказку, волшебную и до ужаса роскошную сказку, надо сказать, но все таки в сказку. Даже не смотря на обстоятельства в виде родственников моего принца, а в частности его сестры. После того злосчастного аукциона она не пыталась больше со мной связаться. Хотя нет, всего один раз она написала мне сообщение:

«Мне жаль, но ты еще спасибо скажешь.»

Очень трогательно. Конечно сей факт омрачил мою жизнь, но в целом, даже не смотря на такие новости, я была счастлива...

31 Декабря: 12:39

Утро выдалось снежное. Когда я выглядываю за окно, то вижу — погода Москву совершенно не жалеет, и поэтому настроение у меня портится в миг.

«Снег означает пробки. Пробки означают...» — что у меня осталось меньше времени на звонок маме.

Дело в том, что я не знаю, когда она позвонит. Должна до восьми вечера, но что если нет? Максимум нужно будет уехать. Он сразу мне сказал, что сможет быть у меня до девяти максимум...

«А что если мама не позвонит до этого момента?»

Так я и оказываюсь на очередном своем нервном пике. Готовить мне особо нет нужды, я ведь встречаю Новый год одна, если не считать белый, любопытный комок, который уже обосновался в квартире и знал ее лучше меня. Вот и сейчас Лúна напоминает о себе каким-то громким грохотом со стороны гостиной, от которого я вздрагиваю и чуть не режу себе руки.

— Лúна! Твою мать! Прекрати лазать!

Девочка прибегает ко мне, осматривается, и я улыбаюсь. Она всегда так делает, будто и не натворила ничего, а это все лишь обстоятельства, которые сильнее, чем ее скромная персона.

«Прямо, как Элай...» — мне становится дико грустно, как по щелчку пальцев.

Смотрю в миску с нарезанными овощами и руки опускаются. Я ведь понятия не имею, удастся ли мне поговорить хотя бы с мамой, о нем и речи идти не может. Там, где он есть сейчас, нет никаких телефонов, и, конечно, мне это известно.

Лúна громко мяучет, выдирая меня из состояния депрессивного ступора, и на этот раз ей даже благодарна. Слабо улыбаюсь и киваю, продолжая нарезать салат. Зачем-то. Наверно исключительно потому что готовка всегда меня успокаивала, да и первого января будет дико в падлу даже вставать с дивана, и как же хорошо, если уже все будет сделано, да?

Стараюсь себя этим и успокоить, пока мариную утку, нарезаю еще и оливье, готовлю бутерброды. Так и проходит весь мой день — в хлопотах.

19:03

Наконец ключ поворачивается, и я, развернувшись лицом к двери, где от нервов провела последние пятнадцать минут, придирчиво изучая узоры на шкафу, полу и стенах, смотрю

точно на могучую спину.

— О.

На секунду он замирает в проходе, потом выгибает брови и издает смешок, закрывая за собой замок.

— Дай угадаю. Стоишь здесь давно? Надеюсь не с...

— Она звонила?

— Нет, успокойся. Я бы тебе сообщил.

— Ну...да. Точно... — рассеяно киваю, а потом устало вздыхаю и бреду в сторону кухни, — Хочешь есть?

Хочет. Макс всегда хочет есть и заниматься сексом, и если обычно я не против, сегодня ему пришлось обойтись только первым пунктом. Я так нервничаю, что не могу отвлечься ни на секунду, и все время, что он трапезничает, стучу по столу и смотрю на экран сотового. Разговор не клеится, но сегодня он не против. Быстро оставив попытки как-то меня расшевелить, последний час все, что мы делаем — это сидим и молчим. Макс играет с кошкой, которая забралась ему на руки, как обычно, я пялюсь на свой старенький айфон — ничего нового и интересного, в принципе, хотя иногда объект моего внимания и заменяют часы. Чертово время бежит неумолимо. Только пять минут назад было семь часов, а уже половина девятого, и мне не надо напоминать, что Макс должен уехать в девять. Я итак это помню...

— Малыш, мне скоро уезжать, — все равно тихо говорит, — Мне...

— Я помню. Она позвонит.

— Амелия...

— Она позвонит!

Грубо выходит, и мне стыдно, но я не извиняюсь. Забываю, по правде говоря, снова опуская взгляд на единственно важную вещь. Я знаю, что он поймет. Не станет меня кусать или винить, потому что слишком хорошо понимает, кто для любого ребенка, сколько бы ему не стукнуло, значит его мамочка. Для меня она значила все и даже чуточку больше, я из тех, кто сильно привязан к своему родителю...

— Если что, я смогу задержаться на полчаса, — еще через десять минут разрывает тишину Макс, словно подтверждая все мои мысли, и я благодарно киваю.

— Спасибо.

Но, к сожалению, мама не звонит даже в девять. И в девять пятнадцать тишина. Мне так страшно становится, аж до слез, не услышать ее в этот день — катастрофа, не меньше. Мало того, что она будет сильно переживать, если мы не поговорим, хотя в принципе и нет ничего страшного, если мы поговорим завтра, но...

«Встречать Новый год без мамы? Это же...так ужасно...» — слезы скатываются с глаз, когда на часах отражается время: 21.22, и я слышу где-то со стороны шумный выдох Макса.

Наверно, если бы он мог оставить мне телефон, он бы так и сделал, но, к сожалению, это невозможно. Его семья и без того сильно дергается и дергает его по моей вине, а если они узнают, что он пошел у меня на поводу, и вовсе взбунтуют.

«Неизвестно, чем это все может кончиться...они итак на нервах...»

И я хочу что-то ему сказать, но не успеваю. Наконец телефон оживает.

— Мама! Мамочка!

Буквально воплю, хватая сотовый так, будто это последний кусок хлеба в период

страшного голода, и невольно всхлипываю, когда слышу ее мягкий смех.

— Здравствуй, моя родная, маленькая звездочка...

Я всегда знаю, что мама позвонит. С тех пор, как я в Москве — она делает это в восемь вечера каждый год, оттуда такая твердая уверенность. Сегодня не вышло, потому что Камилла объелась креветками, и ей было плохо, но даже это сыграло на руку — мама не спрашивала почему я так взволнована и плачу. Можно было избежать тягостного объяснения и сразу приступить к обсуждению последних новостей. С ее стороны был длинный рассказ, как круто им на островах, где они спрятались.

«Тут и океан, Мили, и солнышко, свежие фрукты, а еще такой колорит, которого ты в жизни не видела!»

С моей же... по факту, я мало что могла ей рассказать, чтобы не подставить Макса, разве что о своем решении изменить профессию.

«Выгорание, мам, это называется так...»

Бросив взгляд на Макса, я слегка улыбаюсь и отворачиваюсь. К сожалению да, мне надо говорить с ней на громкой связи, чтобы он все слышал — условия его семьи, — но я не сильно переживаю. Мне нечего скрывать, да и тайных сообщений о спасении я передавать не собираюсь. Я просто хотела услышать ее голос...

Наконец, когда трубки повешены, и я могу дышать свободно, я поворачиваюсь к нему лицом, сияя.

— Спасибо большое!

Макс мягко улыбается в ответ, слегка мотает головой и тихо, почти шепотом отвечает:

— Не за что.

Я было хочу подойти, чтобы поцеловать его, обнять — мне это нужно самой в первую очередь, — но тут взгляд сам собой, видимо по привычке, цепляется за часы. 22:23. И я расширяю глаза...

— Макс, время!

Он неохотно и сам смотрит, потом возвращается ко мне, сжимающей руки внизу живота от неловкости.

— Почему ты не сказал?

— Не хотел тебе мешать.

— Но ты же опоздаешь?...

— Плевать, выкручусь. Иди ко мне, малыш.

Конечно, времени у нас совсем нет, но поцелуй он успевает мне оставить, и когда я его провожаю, думаю, что снова умру. Так не хочется его отпускать...и я знаю, что ему тоже не хочется уходить. Макс прижимается ко мне лбом, тяжело дышит и шепчет, подтверждая:

— Не хочу уезжать.

— Знаю. Я тоже не хочу, чтобы ты уезжал...

Вздыхает, нежно поглаживая мою щеку.

— Завтра, как проснусь, сразу к тебе. Не ешь всю утку!

— Там целая тушка! — хихикаю, — Думаешь осилю?

— Мне жаль, что ты будешь одна.

Отстраняюсь от неожиданного признания, и вижу в глазах знакомое мне сожаление, поэтому хочу его успокоить. Глажу по щеке, привстаю на полупальчики и оставляю последний в этом году поцелуй на горячо любимых губах.

— Я буду не одна. Со мной же Луна, — Макс слегка подкатывает глаза, улыбается в

ответ, и я шепотом добавляю, — Не переживай, я все понимаю. И что это не твой выбор тоже. Встретимся в следующем году?

— Еще бы.

— Я буду в белом.

Есть в Максе одна забавная «ненависть». Так, ничего серьезного, но его дико бесят «Сумерки» и все, что с ними связано. Как только я об этом узнала, начала подкалывать его то тут, то там, и наблюдать, как он фыркает и отплёвывается, а еще не забывает закатить глаза, «чтобы мозг свой увидеть». Так происходит и сейчас. Стоит мне произнести знаменитое окончание знаменитой фразы, как он тут же отстраняется и громко цыкает, а потом идет к лифту, не оборачиваясь.

— Эй, так просто уйдешь?!

— Ты делаешь это специально.

Смакует мое маленькое поражение и свою столь же незначительную победу, и оборачивается на меня только когда заходит в раскрытые створки. На лице его триумф, и прежде чем скрыться из поля зрения, наглый Чешир добавляет.

— Так что да, я просто так уйду.

Топаю ножкой, вызывая смех, который слышу до тех пор, пока могу, но и сама улыбаюсь. Тепло все таки, как ни крути...

22.50

Говорят, как встретишь Новый год, так его и проведешь, и пусть я не суеверна, но в это как раз очень даже верю. Накрываю красивый стол, плевать, что на одну персону, зажигаю свечи, украшаю. Я решила сделать это не в столовой, я вообще там особо не бываю, если честно, мой выбор падает на гостиную. Здесь и елка, и телевизор, а еще великолепный вид из окна.

«Скорее всего увижу каждый выпущенный салют...» — а еще, как Москва полыхает в искрах.

К тому же по моим представлениям, после боя курантов и получасовой возни с теликом и поеданием салатов, необходимо включить «Гринча». Это наша семейная традиция, которую я собираюсь исполнить, как исполняю каждый год. Также я решаю, что переодеваться нет смысла. На мне комфортная, мягкая пижама-комбинезон с оленем — все, как надо, и этого мне вполне достаточно. У меня, естественно, подготовлено и платье, но его я решаю оставить на завтра, когда здесь будет он. Стыдно признаться, но покупала я его именно для Макса, чтобы быть для него красивой.

«Боже, фу...» — кривлюсь своей глупости, а потом плюхаюсь на диван. Осталось всего двадцать минут.

Девятнадцать. Восемнадцать.

По телеку какие-то дикие танцы и поздравления. Всем весело. Я стараюсь улыбаться тоже, но то и дело поглядываю в окно, потирая ладони друг о друга. Стыдно признаться и в другом: быть здесь одной мне не нравится. Это одиноко.

Пятнадцать. Четырнадцать. Тринадцать.

Все.

Шоу обрывается кадрами с Красной площади, и я ерзаю на месте от нетерпения, а потом слышу взрывы за окном и усмехаюсь: кто-то начал праздновать гораздо раньше, чем

следует, но это лишь значит, что мне везет! Подскакиваю и прилипаю носом к окну, глядя на шикарный салют откуда-то из центра. Благодаря ему настроение подпрыгивает выше, и мне хочется проделать еще одну традицию, в которую, правда, я совсем не верю.

«Писать желание на листочке, а потом его есть — глупость, мама!» — всегда брюзжала, глядя на то, как старательно она выводит буквы, а теперь сама делаю тоже самое.

Усмехаюсь.

И чего же я хочу?

«Чтобы все было хорошо» — это относится ко всему: к Макс с его планом, к нам с ним, как к чему-то отдельному, и много чего еще по списку.

Я хочу, чтобы все было так, как планируется, но при этом мне известно, что никогда ничего не идет так, как мы планируем. Вроде даже поговорка есть: хочешь насмешить судьбу? Расскажи ей свои планы. Да и писать долго, а время то уходит...сжигать надо во время боя курантов, тогда же и выпивать шампанское, а то не сбудется — так мама говорила. Поэтому я пишу всего одно, короткое предложение:

«Я хочу чуда»

Поджигаю и выпиваю залпом, кое как успеваю до последнего удара.

«Кажется справилась...» — теперь можно и поесть.

1 Января; 00.59

Теория подтвердилась: хочешь рассмешить судьбу? Расскажи ей свои планы. Я даже в простом планировании ночи облажалась, так как по идеи уже должна смотреть Гринча. Я же пью еще один бокал шампанского и взгляда не могу оторвать от шикарного салюта со стороны Красной площади, только чуть левее.

«Боже...представляю, сколько он стоил...» — долбит уже минут двадцать, не иначе как, и такой шикарный! Весь разноцветный, искрящийся, сразу видно, кто и где отмечает Новый год! Это вам не спальный район...

— Привет, малыш...

Так неожиданно это звучит, что в подпрыгиваю и роняю вазу с фруктами, а когда оборачиваюсь, не вижу ничего из-за ярких кругов перед глазами. В себя меня приводит тихий смех, и только благодаря нему я могу концентрироваться. Макс стоит передо мной в шикарном костюме, весь из себя, волосы уложены назад, на запястье золотые, яркие часы.

— Что ты здесь делаешь? — бормочу, краснея.

«Рядом с ним я точно курица обципанная...»

— Не мог допустить, что не съем твою утку.

Выгибает брови, явно ожидая реакции на шутку, но подмечает мое состояние абсолютного шока и неверия, улыбается и идет дальше. Тормозит напротив. Его парфюм, как обычно, просто шикарен. Ударяет меня и мою выдержку под дых так сильно и внезапно, что я готова упасть на колени тут же, но вместо того продолжаю хлопать глазами.

— Понял, что не могу не увидеть тебя сегодня, — шепчет, а у меня на глазах наворачиваются слезы от умиления, и я выдыхаю, держась на грани.

— Тебе не влетит?

— Я выкручусь. С Новым годом.

Макс достает из кармана маленькую веточку омелы, а потом поднимает над нами и

самодовольно лыбится. Черт, нет, я просто не верю в то, что это происходит!

«Вдруг я перепила шампанского и упала, а потом стукнулась головой и сейчас истекаю кровью?!» — щипаю себя за руку. Естественно не тайно, кто бы вообще сомневался? — «Вряд ли я в состоянии сейчас сделать что-то тайно...»

Макс тихо цыкает и коротко смотрит на веточку, потом снова на меня.

— Амелия, ты разве не знала, что под ней надо целоваться, а не щипать себя за...

Не даю ему договорить. Так счастлива его видеть и наконец могу это показать! Шок от его саркастичного замечание окончательно исчезает, а я висну у него на шее и целую-целую-целую. Как я хочу. Страстно, нежно, с любовью...

— Я так рада тебя видеть... — бормочу, стаскивая с него пиджак.

Макс, который и дышит то с трудом, все равно умудряется вставить свои пять копеек.

— Я заметил.

Хихикаю. Макс поднимает меня на руки, взвизгиваю, после снова смеюсь, когда он опускает меня на подоконник. Правда о веселье мы быстро забываем: я так сильно его хочу, что у меня ноги сводит, и он не отстаёт, судя по тому, что разрывает мою пижаму, хотя достаточно было всего лишь потянуть за язычок молнии. Плевать и на это. Мне на все сейчас наплевать, я тону в его поцелуях, которыми Макс покрывает мое тело, издаю стон, откинув голову назад, подставляя шею. Мне просто хочется быть рядом с ним, а еще больше хочется стать с ним одним целым — и я становлюсь буквально через мгновение. Он во мне полностью, заполняет, дополняет, делает лучше, и я закрываю глаза, распадаясь на кусочки под самый красивый салют, который когда-либо видела в жизни.

01:23

Если вы погуглите значение слова «страсть», современный толковый словарь выдаст простое определение: Страсть — сильное, доминирующее над другими, чувство человека, характеризующееся энтузиазмом или сильным влечением к объекту страсти.

Звучит холодно, я знаю, но на деле же, если разобраться, что это такое? Непреодолимое влечение? Его невозможно забыть? Невозможно игнорировать? Контролировать? Сокрушительная лавина, бьющая по мозгам покруче Мухаммеда Али^[20] и делающая из любого, даже самого, казалось бы, умного или умудренного опытом человека, безвольного раба. Все это — да. Я хорошо знаю влияние страсти, ведь испытываю его каждый раз, когда он меня целует или просто касается — неважно. Меня влечет к нему непреодолимо, накрывает и продавливают с силой всего мирового океана.

Макс все еще во мне, он тяжело дышит, прижимаясь к моим волосам лбом, упирается в стекло ладонью для равновесия, а я соображаю... Даже знаю почему так быстро очухиваюсь от очередного удара — страх. Он же тоже имеет огромные возможности...

— Пожалуйста...не...говори... — дышать нормально не могу, а предложение составляю, — Не говори, что ты кончил в меня...

Бам! Все так и есть. Я чувствую это, хоть и не знаю наверняка, а «женщина внутри» уверенно кивает.

«Да-да», мол, «Все так и есть...»

Он усмехается, и это окончательно выводит из себя.

— Твою мать! Макс, ты мудака!

Отпихиваю его ногой жестко, со всей силы, а потом бегу в ванну, игнорируя грохот и

ругательства. Знаю, что бессмысленно скорее всего, но попытка не пытка! Да и как можно не попытаться?! В такой то ситуации! Бросьте, я даже воду не настраиваю особо, а ошметки одежды скидываю буквально за секунду.

«Твоюмать-твоюмать-твоюмать!!!»

Меня накрывает такая паника, что, кажется, сейчас стошнит. Или...не кажется?! Вылетаю из ванной, чуть не грохнувшись, но успеваю до унитаза. И снова назад.

— Ты сумасшедшая?! — раздаётся его голос, как раз в тот момент, как я начинаю рыдать и лезть обратно в ванну, — И тебя что...стошнило?!

— ЭТО ВСЕ ТЫ ВИНОВАТ, МУДАК! КАК ТЫ МОГ?!

— Успокойся!

Макс жестко хватается за руку и дергает на себя, встряхивает, когда я пытаюсь его отпихнуть.

«Я реально сумасшедшая...» — точно. Так и есть. Цепляюсь за шланг душа, как за спасательный круг, ведь другого то у меня и нет вовсе...

— Амелия! Отпусти душ! Ты дура что ли?!

Давлюсь рыданиями, а по факту своим ядом.

«Кто здесь дура или мудака, ясно и так, и это точно не я!» — жаль не могу этого в слух сказать. У меня начинается форменная, паническая атака.

Тогда Макс меняет тактику. Он грубо заталкивает меня в ванну, но поддерживает, когда я поскользнулась, и включает воду, как я того хотела — правда ледяную. Прижимает к стене и поливает. Приводит в чувства, так сказать.

— Отпусти, мне холодно!

— Приди в себя!

— Пусти!

Пытка закончена. Весь мокрый Макс в когда-то шикарных брюках, нависает надо мной, но душ убран в сторону, а вот его злость — нет. Тяжело дышит с бровями, упавшими на глаза, буравит ими, оценивает. Я тоже задыхаюсь, скулю тихо-тихо, смотрю на него во все глаза, как ребенок, и правда же — он самый! Я сама чувствую насколько жалок мой взгляд, но, наверно, только он его и смягчает.

— Ты меня толкнула прямо на стол, дура... — тихо начинает, слабо улыбаясь, я нервно всхлипываю, — Успокойся, хорошо?

— Я...ты...как?!..

— О господи.

Прыскает и потирает глаза, после позволяет себе еще один смешок, и только потом наконец смотрит на меня и цыкает.

— Ничего не будет, тебе сделали укол.

До меня не сразу доходит даже смысл отдельных слов, но когда мне удастся его понять, составить предложение и понять уже его, я все равно не догоняю. Смотрю на него и хмурюсь, он наклоняет голову на бок и ждет. Картина маслом.

«В смысле укол?! Какой укол?! КАКОЙ-УКОЛ-ТВОЮ-МАТЬ-МОЖЕТ-ОБЕЗВРЕДИИ СПЕРМУ?!» — как и до этого, в голове у меня брызжет много слов и даже предложений которые в слух я сказать просто физически не могу. Еще спасибо, что удастся выдавить хотя бы одно слово...

— Укол?

Макс вздыхает и дотягивается до полотенца, в которое меня заворачивает и кивает,

плотно удерживая за предплечья.

— Поговорим в комнате.

Пока идем, я немного прихожу в себя, так что стоит нам попасть в гостиную, я тут же тяну его за руку.

— Что за укол?!

Усмехается, козел. Я все-таки попадаю на диван, и он, присев на корточки передо мной и положив руки на колени, поясняет.

— Тогда в больнице у Ильи, у тебя брали анализы. На их базе подобрали противозачаточный укол, который потом поставили в квартире. Помнишь приезжала...

Моему возмущению нет предела! Я вдыхаю глубоко, расширяю глаза гораздо сильнее отметки «по пять рублей», хочу его оттолкнуть, но Макс действительно научен горьким опытом. Он держит меня за лодыжки, чтобы не пнула, улыбается.

— Успокойся.

— УСПОКОЙСЯ?! Ты вколол мне что-то без моего ведома! Просто потому что ты ненавидишь презервативы?!

— Да прекрати ты орать наконец!

Вижу, что злится по взгляду, но мне то что?! Он охерел! По-другому разве можно сказать?! Это вопиющий случай! Просто ВО-ПИЮ-ЩИЙ!

— Ты не имел права!

— В чем проблема, а?! — взрывается и взмахивает руками, — Ты пила таблетки летом!

— Это таблетки и по-моему желанию! Я-ОБ-ЭТОМ-ЗНАЛА!

— А-га, и вечно забывала их принимать, ты помнишь?!

Молчу, пусть и дышу тяжело, бешусь, но парировать мне нечем. Он правду говорит, я постоянно о них забывала, что чревато, очевидно. Макс сколько не бесился, в конце концов принял этот факт и так ни разу не сделал того, что сделал впервые сегодня.

«Подарок под елку, блин...»

— Успокойся, — берет себя в руки, мягко улыбается, — Это просто удобный способ контрацепции. Тебе не нужно ни о чем думать, все уже сделано.

— А если я захочу ребенка?!

— Я видел, как ты хочешь ребенка. Тебя от страха даже стошнило.

— Такое бывает...если я сильно нервничаю — меня тошнит, — рассеяно выдыхаю и уже твердо добавляю, — Хочу почитать об этом.

— Эм...я могу тебе сам все рассказать...

— Я *хочу* почитать *сама*.

— Флаг в руки. Но может ты сначала оденешься?

— Может быть и оденусь, — ядовито саркажу, вызывая у него улыбку.

— А я могу поесть, пока ты будешь читать?

— Можешь и поесть.

Встаю на ноги и уверенно иду в свою комнату, правда в спину получаю еще одно «пожелание».

— А ты можешь одеть ту пижамку? Розовую.

Останавливаюсь в арке, и как бы я не пыталась, не могу сдержать улыбку, хотя голос все равно строгий. Да-да! Именно так! Честно-честно!

— Может быть и одену.

«Контрацептивный укол для женщин — один из самых эффективных методов предупреждения беременности. Это достигается по средством гормонального препарата, обеспечивающего противозачаточный эффект на протяжении 3 месяцев, но рекомендовать его использование может только врач.»

«Та-а-ак...» — листаю список достоинств этого вида контрацепции и хмурюсь.

У меня вообще не было никаких симптомов, описанных там. Если бы он мне не сказал, я бы и не поняла, если честно.

«Но вообще действительно, похоже, крутая вещь...» — пить таблетки не надо, эффективность высокая 98–99 %, - «Никаких презервативов, что очень-очень важно!»

И тут мое сердце пропускает удар. Не может же все действительно быть так шоколадно, да?

«После окончания использования препарата, зачатие ребенка возможно не сразу. На полное восстановление этой способности требуется от 5 до 24 месяцев.»

— Тут написано, что я не могу иметь ребенка.

— Логично, — кивает, поедая крабовый салат, — Это ведь контрацептивы и...

— Нет, ты не понял! Тут написано, что я *не могу* иметь ребенка! И не смогу, пока не восстановлю эту способность! Макс! Ты...

— Так, спокойно!

Предотвращая новую волну паники, он убирает тарелку и поворачивается ко мне, серьезно, даже немного строго, смотрит и в похожем стиле говорит:

— Да, тебе потребуется восстановление...

— Но...

— НО! — теперь с нажимом перебивает он, — Только потому что нужно время вывести препарат из организма. У тебя нет никаких противопоказаний, я все проверил, и я ни разу не слышал, чтобы после уколов женщина не смогла забеременеть. Пожалуйста. Не паникуй.

Слезы все равно скатываются с глаз, и я сразу же оказываюсь в теплых объятиях. Макс откидывается вместо со мной на спинку дивана и дает мне время прийти в себя, гладит по спине, оставляет поцелуи на макушке, а потом тихо шепчет.

— Малыш, ты считаешь, что я бы сделал что-то, что тебе навредит?

— Нет, но...

— Если существовал бы риск, я бы этого не сделал, но я абсолютно уверен. Просто так проще. Поверь.

— Я тебе верю.

— Тогда успокойся. Вообще не понимаю с чего вдруг такая бурная реакция?

— Я испугалась!

— Это я как раз понял, но ты слишком утрируешь. Тебе известно, что я не причиню тебе вреда, — фыркает и снова берет свою тарелку, уставившись в экран.

— Но можно было обойтись и без этого, или хотя бы мне сказать! Я должна была это решать! Вдруг завтра я проснусь и захочу ребенка?!

— Пф, ну конечно...

— Я серьезно!

— Амелия, закрыли эту глупую тему.

— Почему это глупую?!

— Потому что дети не нужны ни мне, ни тебе. И не надо отрицать, — холодно чеканит, глядя мне в глаза, — Еще раз повторю: тебя даже стошнило от страха.

Фыркаю на этот раз сама и подтягиваю ноги к груди. Суплюсь.

«Так то оно так, конечно, но все равно... Страшно как-то потерять возможность иметь ребенка...»

— Малыш, пожалуйста... — тихо шепчет, приближаясь и целуя меня в коленку, — Давай не будем, ладно? Я поступил неправильно, что не сказал, но без злого умысла. Мне же известно, что ты не против таблеток, а это просто лучше. М?

«Снова прав...» — смотрю на него нехотя и киваю слабо. Сдавать позиции так быстро мне не сильно хочется, но и ссориться тоже. Особенно сейчас.

— Тогда поцелуй.

И я целую. Невзначай, но целую. Макс на меня не давит, хотя все понимает, только тихонько усмехается и в третий раз берется за еду, а потом также невзначай вдруг говорит.

— Кстати, пока ты искала розовую пижамку для меня, заходил Дед Мороз.

«Чего?!»

— ...Заглянула бы под елку.

Резко перевожу взгляд на дерево, где сразу замечаю внушительную, зеленую коробку. Мне, естественно, интересно, но я продолжаю сидеть, и только после того, как он мягко добавляет:

— Пожалуйста...

Я встаю. Аккуратно крадусь, реально же крадусь на полупальчиках, достаю подарок. Весит немного, конечно, но тоже значительно. Вздыхаю.

«Я то ничего не купила... черт...» — немного краснею, когда открываю, а потом меня словно в самое сердце поражает.

Здесь все: мой крест, мои сережки и тот самый цветок.

«Не верю своим глазам!..» — оборачиваюсь.

Макс наблюдает за мной, раскинув руки на спинке дивана, улыбается. Ждет. Снова не давит, он просто молчит.

— Это же...это...

— Сначала я хотел положить тебе уголь, но ты была очень хорошей девочкой.

— Макс, я не могу это принять... — мотаю головой и отодвигаю от себя настолько дорогие мне вещи, и сразу слышу очередной смешок.

— Можешь. Они твои.

— Но я их продала!

— А я выкупил. Для тебя.

— Они стоят...

— Заткнись.

— Макс!

— Закрой рот, Амелия, — прибавляет строгости, но она притворная и не сильно спрятана за настоящим оживлением.

Это вводит меня в некий ступор. Я снова смотрю на свои-его украшения, молчу, взвешиваю, а потом все таки возвращаю внимание ему и тихо шепчу.

— Макс, я ничего тебе не купила. Это было бы странно дарить подарок на твои же деньги и...

— Амелия...выдыхай. Для меня под елкой тоже кое что есть.

— И что же?! Разбитая кошкой игрушка?!

— Нет, но близко. Котенок в розовой пижамке, — тут же вспыхиваю, а он улыбается шире и дергает бровями, как истинный Чешир, — А теперь иди ко мне. Я хочу получить свой подарок.

Я подхожу медленно под прицелом его зеленых глаз. Немного волнуюсь, но не боюсь. Останавливаюсь между его раскрытых ног, мандражирую больше. Макс водит по мне липким взглядом, но от него я не чувствую дискомфорта, напротив, я чувствую возбуждение. Слегка улыбаюсь, когда вижу его ответ, который скрыть и в брюках то непросто, а в трусах, в которых теперь он сидит из-за того, что я его намочила, тем более.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Звучит пошло, конечно, но рядом с ним мне нравится быть пошлой. Особенно сильно нравится видеть огонь, который вспыхивает в эту же секунду, и слышать голос, упавший на пару тонов.

— А чего ты сама хочешь?

Я знаю, чего хочу. Я готова. Опускаюсь на колени и берусь за свои ляжки, которые медленно стягиваю, не отводя от него взгляда. Макс пытается казаться спокойным, но его кадык дергается, а грудь вздымается чаще, так что я с легкостью могу сказать, что попала в самое яблочко. Откидываю топик в сторону, разжигая свои любимые глаза ярче, и берусь за резинку его боксеров. Мне известно, что с той минуты, как я опустилась на колени, он больше не управляет ситуацией — теперь главная здесь я. Макс доказывает, поднимая бедра, стоит мне потянуть ткань ниже, его дыхание сбивается, а когда я беру его член в руку и вовсе замирает.

Откидываю волосы назад, завладев его достоинством, плавно двигаю рукой. Он не посмеет меня прервать или нарушить *мои* правила, а сейчас действуют именно они. Я решаю, когда ускориться, я определяю глубину, я позволяю или нет взять меня за волосы, чтобы управлять мной — он никогда не давит и не лезет со своим уставом в мой монастырь. И даже тот факт, что сегодня я позволяю ему сразу все, кладя руку мне на затылок, не означает, что я отдаю бразды правления. Это означает лишь то, что я хочу, чтобы он доминировал. *Я*. Не он.

Макс откидывает голову назад и стонет, стоит мне коснуться его, сжимает волосы на затылке, но не спешит управлять. На самом деле, ему до определенного момента тоже нравится все, что делаю я, просто в какой-то момент он не выдерживает и ускоряет меня — это уже другой разговор, как никак. Сейчас же он просто следует за мной, за моим темпом и за моей глубиной, на которую я его пускаю. Я завожусь все сильнее и сильнее, немного ускоряюсь, делаю это с большей амплитудой, вырывая из *своего* мужчины свои заслуженные стоны. Они принадлежат мне. Они мои.

«И он тоже...» — слегка улыбаюсь, поднимаю глаза и сталкиваюсь с его.

Прекрасно знаю, что означает это его состояние — он редко «досиживает» до конца, а если честно, то вообще никогда. Тянет меня за руку, чтобы я встала, потом подхватывает на руки и несет в сторону спальни. Я целую его шею, шепчу глупости, улыбаюсь, ощущая грудью уверенное, быстрое биение сердца, а когда оказываюсь на лопатках — сдаюсь. Теперь он главный, и я покоряюсь. Макс тянет мои шортики на себя. Зная наперед, что все так и будет, что я непременно окажусь вот в таком положении, я предусмотрительно не одела белье, и на это он улыбается. Конечно замечает, он всегда все замечает. Хитрый, Чеширский взгляд не отпускает пока он ведет губами по груди, уделяя каждой внимание,

ниже, к животу, потом еще ниже. Оплетает мои ноги, и дальше я распадаюсь, сначала от потока горячего дыхания, потом от прикосновения жгучего языка.

Все. Моя капитуляция абсолютна...и получив за добровольный выброс белого флага целых три оргазма, я засыпаю в крепких, дорогих сердцу объятиях, шепча:

— Я так тебя люблю...

Он не отвечает. Снова. И это единственное, что отвлекает меня от усталости достаточно, чтобы обернуться. Мне, если честно, страшно увидеть на его лице непонимание или отторжение, но и этого не происходит. Макс спит, тогда я касаюсь губ аккуратно и нежно, добавляя:

— Спи сладко, любовь моя...

А потом и сама проваливаюсь с единственной мыслью:

«Желание в бокале сработало — он мое чудо...»

Мы просыпаемся вместе. Я на его груди, а когда поднимаю сонный взгляд, замечаю, что Макс тоже уже не спит. Лежит, закинув руку за голову, пялится в потолок и о чем-то думает.

— Привет...

— С добрым утром, котенок, — улыбается, убирая волосы с моего лица, — Как спалось?

— Просто прекрасно, — утыкаюсь носом ему в грудь и усмехаюсь, — А тебе?

— Еще лучше. Амелия...

— М? — поднимаю глаза, сталкиваясь с его серьезным ответом, и тушуюсь, — Что такое?

— Мне надо уехать.

— Что? Надолго?

— До вечера. Прости, это очень срочно, я ждал, пока ты проснешься.

— Что-то случилось?

— Нет, — усмехается и садится, потирая глаза руками.

«А мне кажется, что да...»

— Хорошо?

— Это вопрос?

— Мне кажется, что ты...врешь.

Признание заставляет его обернуться, и на секунду я, кажется, вижу подтверждение, но оно быстро уходит. Или его вовсе не было?

— Ничего не случилось, — спокойно отвечает, — Это касается нашего плана. Появилась кое какая возможность, и я хочу ей воспользоваться. Не обидишься?

— Нет.

Конечно мне обидно, конечно я вру, и конечно он это понимает, но у нас нет другого выбора. Логично, что если есть возможность побыстрее со всем покончить, надо ловить ее за хвост. Ведь чем быстрее все кончится, тем быстрее мы сможем жить спокойно. Поэтому я стараюсь улыбаться, когда мы привычно прощаемся в дверях...

— Приготовишь ужин?

— Да, — уже со смехом киваю, а он хитро добавляет.

— А оденешь кое что, если я это привезу?

— Что же ты собираешься привести?

— Увидишь. Это да?

— Ладно.

Макс нежно целует меня и уходит, а я закрываю дверь. Иду обратно в гостиную, где не помешает собрать тарелки. Правда планы мои летят к черту, когда я вдруг слышу поворот ключа в замке. Улыбаюсь шире.

«Наверно, он что-то забыл, а может и вовсе ему не нужно уезжать?» — подрываюсь и сразу иду встречать.

Конечно же. Я всегда его встречаю, если не злюсь, но стоит мне выйти из-за стены, как я застываю. Все мое тело покрывается колючими мурашками, меня бросает в холодный пот, а воздух становится гуще самой гадкой каши. Потому что это не Макс. На пороге стоит его отец.

Я теряюсь. Не знаю, что мне делать абсолютно, а глядя на рождение улыбки на этой мерзкой роже, и вовсе весь мир летит в тартарары...

— Какие люди... — тихо протягивает, плавно расстегивая пальто, — Здравствуй, Амелия.

18; Январь

— Здравствуй, Амелия.

«Что...?» — я даже про себя орать не могу, настолько в шоке.

Властелин мира кайфует. Он снимает с себя черное, шикарное пальто и по-хозяйски открывает шкаф, откуда достает вешалку.

— Как отметила Новый год?

«Почему он так спокоен?!»

— Я думаю, что ты спрашиваешь себя о многом, — тихо, играючи протягивает, а потом оборачивается ко мне, застывая собой весь мир.

— Я люблю капучино с двумя палочками корицы.

Эта фраза так жестко резонирует в моем мозгу, что когда он делает шаг, я резко дергаюсь назад и врезаюсь в угол спиной. Больно очень, и внутри я шиплю, но снаружи лишь тяжело и часто вдыхаю. Властелин тормозит, но не потому что беспокоится за меня — он играет, смакует и наслаждается. Вижу это по глазам...

— Если вы меня коснетесь, я...

— Стоп, — снисходительно кривится, — Я никогда не брал женщин против их воли. Я не Ревцов, и меня это абсолютно не возбуждает, так что все, что ты себе вообразила — сноси.

— Зачем тогда вы пришли?

— Поговорить.

— Я не хочу с вами...

— Поверь мне, Амелия, этот разговор тебе будет *очень* интересен...

Александровский проходит вглубь квартиры, засунув руки в карманы брюк и не разуваясь. Конечно, чего от него еще ждать?! Но я хотя бы могу дышать, когда его фигура скрывается из поля зрения, правда такой расклад вряд ли в его духе. Ему хочется властвовать всегда и везде, поэтому тут же сжимает новое кольцо напряжения вокруг моей шеи, крикнув.

— Кофе. И оденься, дорогая, по-приличней. Я могу счесть твой вид провокацией...

«Не сочтет, просто хочет, чтобы я делала то, что он хочет...» — понимаю, но все равно бегом несусь в свою спальню, чтобы сменить легкое платье на бадлон под подбородок и джинсы.

Мне самой претит его взгляд, от которого хочется единственное что, так это отмыться под обжигающим, контрастным душем.

«Чего он хочет?!» — без понятия, но мне не нравится все это. Очень не нравится...

Хороший тон велит угостить гостя напитком и следовать всем пожеланиям. Конечно, Властелин мира не может считаться желанным гостем, но делать ему капучино, значит оттянуть тот момент, когда наше randevu невозможно будет избежать. И я копаюсь

максимально долго, а когда уже не нахожу причин задержаться, его обнаруживаю в гостиной. Александровский сидит в кресле и с улыбкой осматривает мой бардак, отмечает.

— Ночь прошла неплохо, судя по всему?

Я ставлю чашку на столик рядом с ним и отхожу на безопасное расстояние, сжимая себя руками. Стараюсь по крайней мере держать лицо, когда холодно интересуюсь.

— Что вы здесь делаете?

— Забавный вопрос. Это квартира *моей* жены, но я тебе отвечу в знак восхищения твоей храбростью, милая.

Властелин берет чашку и отпивает, снова тянет время, играя на моих нервах, наблюдает. Я ежусь под его взглядом и присаживаюсь в другое кресло точно напротив него, хмурю брови. Бесит, но я скорее сдохну, чем подам голос и проиграю эту войну. Петр Геннадьевич словно читает мысли и усмехается, ставит чашку на блюдце и откидывается на спинку кресла с улыбкой.

— После нашего разговора с Максом на аукционе, я так и знал, что он отвезет тебя сюда.

«ЧТО?!?!» — слегка расширяю глаза, — «Макс ему рассказал?! Но...»

— Ты не знала этого, да? Он тебе не сказал, что я все знаю?

«ВСЕ?!» — «Так! Стоп! Не смей поддаваться!!!»

— Не понимаю о чем речь.

— О, не притворяйся, Амелия. Макс пытался тебя спрятать от меня. Я его понимаю, после истории с Лилианой, он мне доверять не может, особенно если взять в расчет чувства, которые я к тебе питаю...

Мне стоит больших усилий не скривиться от этой информации, Властелин лишь гаже улыбается.

— Я давно понял, что у него новая зазноба. Теперь все встает на свои места. Вот почему Ревцов оказался так сильно избит. Ты была в той квартире, не так ли? Это твои царапины на его шее?

«Твою. Мать. Как я могла об этом забыть?! Как могла не заметить?! Черт-черт-черт!!!»

— Отпираться глупо.

— Да, — сознаюсь, это ведь действительно глупо скрывать, а от ощущения своего превосходства чертов Александровский аж раздувается.

«Надеюсь, что когда-нибудь ты лопнешь, кусок надменного говна!»

— Но Макс его не убивал, я правильно понимаю?

— Нет. Он сам в себя выстрелил. Почему не знаю.

— Я знаю.

Сложно скрыть любопытство, я ведь так и не поняла до конца, что случилось в тот ужасный день, и естественно Властелин это подмечает и ликует. Я вижу в нем четко и ясно эту отличительную черту — наслаждение своей властью. Поэтому я ни за что не спрошу сама, никогда и ни за что! Не собираюсь подкидывать дров в огонь его самомнения, а расправляю плечи и гордо молчу, вздернув нос. Говорят, что любопытство не порок, а гордыня да, но в этом случае все обстоит несколько иначе. Любопытство значит — проигрыш, а гордыня и вовсе не гордыня, а гордость, то есть чувство собственного достоинства, которое я ни за что не уроню. Особенно перед ним. И это ему известно. Петр Геннадьевич усмехается, водя пальцами по деревянному подлокотнику кресла, а потом вдруг

тихо шепчет.

— И ты будешь говорить, что не похожа на свою мать?

Жаль, я это слышу, но я горжусь собой дважды, когда не реагирую даже голосом, в котором веет исключительно холодом.

— Вы здесь за тем, чтобы обсудить мое ДНК?

— Вообще-то нет, просто подмечаю очевидное. Итак, о чем мы говорили? Ах да, о Ревцове. Думаю, что тебе очень интересно, почему он себя все-таки убил...

«Никогда и ничего не проси, особенно у тех, кто сильнее тебя. Сами предложат, и сами все дадут!» — спасибо Воланд. [\[21\]](#)

— ...У него были серьезные проблемы с психикой, дорогая...

— А то я не знала.

— Да, это очевидно, но...наверно сейчас я тебя очень удивлю. Их семейный врач говорит, что не замечал за Ревцовым явных отклонений...

— Это шутка?!

— Нет, Амелия. Было бы удобно свалить все, что он сделал, а это, поверь мне, не мало, на расстройство психики, но, к сожалению, это не так. Иногда люди делают разные вещи, просто потому что *могут* их делать.

«К чему он клонит?...» — леденю изнутри, он же невзначай покручивает кольцо на пальце с такой...пугающей полу-улыбкой, аж дрожь берет...

Но к чему бы он не вел, Петр Геннадьевич снова возвращается к Ревцову. Намерено дразнит...очевидно.

«Твою мать, во что я все-таки влезла?...»

— Я все же склоняюсь к тому, что у него было острое ПТСР [\[22\]](#). Ревцов потерял своего любимого сына, несомненно, это не прошлом даром. К тому же все тот же врач признается, что в последнее время он стал вести себя...странно.

— Например?

— Например видел вещи, которых нет, говорил с людьми, которые давно умерли...или недавно.

— Он приехал в Москву, чтобы вам отомстить, да?

— Совершенно верно, дорогая. Он думал, что это я убил его сыночка, когда вскрыл все его махинации. Кстати, спасибо. Благодаря тебе я стал еще богаче...

— Не благодарите.

Раздается тихий смех, Властелин глушит еще немного кофе, при этом разглядывая меня из под опущенных ресниц, а когда опускает чашку, выдает так...спокойно. Как само собой разумеющееся...

— Если бы он серьезно навредил моему сыну, или, не дай Бог, убил его, я нашел бы твоего друга даже в аду, и заставил бы тебя смотреть, как потрошу его своим *огромным, охотничьим ножом*.

Помню, как говорила тоже самое, и по спине бегут мурашки.

«Он совершенно точно играет со мной, ну а я...что я? Я совершенно точно в проигрышной ситуации...»

— Тебе крупно повезло, что Макс отделался легким, ножевым ранением, дорогая.

— Я здесь не при чем...

— Как же? Разве не из-за тебя он несся со скоростью в двести километров в час от усадьбы моей жены? Полагаю, что да, а судя по разбитому лицу моего горячо любимого

партнера, он пытался тебя изнасиловать?

Ужасное слово режет, и я опускаю глаза в пол, но подтверждаю тихо.

— Да.

— А говоришь, что не при чем?

«Если он знал обо мне еще с того момента, или хотя бы подозревал, то мог следить...»

Тогда...»

— Вы знали обо мне... с момента смерти Ревцова?

— Догадывался. На аукционе, стоило мне вас увидеть, догадки подтвердились. Ваша связь слишком очевидна, дорогая...

«Твою мать...» — шумно выдыхаю, прикрыв глаза, — «Марина хотела не перенаправить внимание Макса. Она хотела прикрыть тылы... Их папаша, скорее всего, копал под него, и чтобы не спалить их план — она спалила наши отношения...»

— Макс у некуда было деваться. Я знаю, как выбить из своего сына признание — достаточно лишь его спровоцировать на эмоции. Он все мне рассказал. Про спор включительно. Мне жаль.

«А он подтвердил... Макс выбрал меня подставить, нежели их цели...»

Пока я дохожу до осознания всего «глобального», Властелин отставляет чашку и встает. Идет по комнате. Его холодная, спокойная «как бы отрешенность» — плохой знак. Я то помню, как точно с таким же видом он ходил в доме, а потом внезапно напал, как бешенный питон. Не хочу стать его мышкой, поэтому стоит ему отвернуться ради изучения картины, я хватаю со столика рядом с собой декоративный нож для вскрытия писем.

— Тебе не понадобится ничего острого, — с явной улыбкой тянет, не поворачиваясь, — Я же сказал, что не трону. Насилие не моя история.

— Смешно.

— *Сексуальное* насилие, — уточняет, а потом легко жмет плечами, переходя к следующей картине и ближе ко мне, — Мне всегда нравится, когда женщина сама хочет меня. Стонет. Просит о большем...

— Замолчите!

— Я просто объясняю...

— Мне неинтересно это слушать! — чеканю, подаваясь вперед, — Я никогда не лягу с вами в одну постель. Скорее сдохну, чем...

— Ты подожди кидаться громкими словами, — перебивает напротив мягко, — Вполне возможно в конце нашей беседы, ты изменишь свое решение.

«Вот зачем он здесь! Серьезно, твою мать?! Большой ублюдок!»

— С чего вдруг?!

Молчит пару мгновений, потом поворачивается. Козел успел преодолеть достаточное расстояние, приблизиться, так что стоит теперь почти рядом. Нет, нас разделяет приличное расстояние, просто для меня его все равно недостаточно. А еще выражение его лица... черт, оно такое... триумфальное?

«Кажется у этой суки в рукаве припрятан козырной туз...» — думаю, а он пожимает плечами, как бы невзначай.

— Как считал Жозеф Бедье: «Чем сильнее женщина любит, тем ужаснее она мстит.»^[23]

— Не понимаю.

— Да-да. Не понимаешь о чем я говорю, это сегодня звучало, поэтому спрошу прямо, чтобы избежать долгих игр в кошки-мышки. Ты же любишь моего сына, так?

Молчу, гордо вздернув подбородок, Александровский усмехается в ответ.

— А он тебя?

— Да.

Вранье чистой воды. Макс мне этого так и не сказал, но я вру, чтобы не ударить в грязь лицом — так мне кажется правильно, но это далеко не так. Петр Геннадьевич с легкостью считывает ложь и смеется.

— Брось, Амелия, не надо. Я прекрасно вижу, когда люди мне врут — это специфика моей работы. Или хочешь сказать, что я ошибаюсь? Макс тебе это говорил?

Снова молчу, но уже с менее гордым видом. Сдуваюсь как-то, зябко ежусь, потому что боюсь. Мое сердце бьется в быстром ритме канкана, а руки холодеют на кончиках пальцев, что подрагивают сами собой. Я знаю, что все это дерьмо кончится для меня очень...очень! плохо. Александровский лишь дарит уверенность в этом, кивая.

— Так я и думал. Он не скажет этих слов, потому что мать приучила его относиться к подобным признаниям со всей ответственностью, на которую он только способен.

— Он говорил, что влюблен... — зачем-то мямлю глупое оправдание, в ответ сжимаясь сильнее от жестокого, холодного смешка.

— Влюблен...это разве чувство? Так, лишь иллюзия или красивое прикрытие для простого «я тебя хочу».

— Думаете, что наговорив мне гадостей, заставите меня желать ему зла?

Александровский снова смеется, но отвечать не спешит. Он осматривает стены медленно, придирчиво, и я даже вздрагиваю, когда резко опускает свои холодные глаза на мое существо.

— Но попробовать то всегда можно.

— Вы...

— Ответь мне на один вопрос. Как ты думаешь...ты первая девственница, на которую он поспорил?

Фраза, которую я собиралась сказать, застревает в горле, а я ловлю ступор похлеще предыдущего. По правде говоря такое мне и в голову не приходило, и, конечно же, Александровский считывает мое состояние, правильно его трактуя.

«Да. Я думала, что была единственной...»

— О, наивная, маленькая девочка...Это далеко не так. Макс всегда был сложным ребенком, а потом стал не менее сложным подростком. В его биографии очень много темных «дыр», и такие споры для него, увы, скорее обыденность. Если тебе интересно, ты пятая девушка. И это только то число, которое знаю я...сколько их было в действительности? Известно лишь ему. Поинтересуйся...

— Я не... — хрипло начинаю, потом все же силюсь взять себя в руки, откашливаюсь, — Я не очень понимаю, зачем мне эта информация?

— За тем, чтобы ты понимала не только то, как иллюзорно твое мнение о собственной эксклюзивности, но и для того, чтобы наглядно увидеть, чем кончались подобные отношения с другими девушками. Без нужных...связей.

«Связей? ...» — видит, что я не понимаю, поэтому спешит пояснить. Еще бы!

— Макс вообще быстро теряет интерес к девушкам, скажу тебе по секрету. Ему нравится добиваться, а когда Бастилия взята, уже все не так. Теряется острота, пропадает это потрясающее ощущение охоты...И все они, включая "спорных" особ, неминуемо исчезали. А ты здесь...интересно, почему так?

«Потому что он в меня влюблен...?»

— Надеюсь, что ты не думаешь о чувствах? Они здесь абсолютно не при чем.

«Черт, у меня что реально все на лице написано?!»

— И почему же тогда? Вы явно знаете ответ.

— Конечно знаю. Как и в моем случае, дело в твоём ДНК, а если обстоятельнее — в твоём родстве с некой особой по имени...

— Нет! — резко перебиваю, хмурюсь, — Ни слова о моей сестре! Макс у неё плевать. Его слова.

— Ммм...как интересно. А ты знаешь, где он сейчас?

«Знаю!» — отмечаю не без удовольствия, — «Он на шаг ближе к твоему разрушению!»

— Уехал по делам.

— Ох, теперь это так называется?

Холодею изнутри, и хотела бы сказать, что снаружи не показываю свои чувства, но это была бы глупая ложь — я сама чувствую, как жалко хлопаю глазами. Не дышу. Властелин же смакует — он жмет плечами, достает телефон и, нажав пару раз на экран, поворачивает его ко мне. Там фотография: за столом в каком-то крутом ресторане, сидит Лилиана и Макс. Она, улыбаясь от уха до уха и подоткнув лицо рукой, да ещё и так, чтобы сиськи сильнее выделялись, смотрит на него. Выражения лица Макса я не вижу, но воображение дорисовывает картинку из разряда: «дерьма кусок».

— Забрать туфли из магазина теперь считается важными делами?

«Стоп. Не разгоняйся. Он все тебе сказал. Тормози. Ты кому вообще веришь?!» — я выдыхаю всю боль от удара, пришедшего в сердце, гордо расправляю плечи и мило улыбаюсь.

— Это ничего не доказывает. Макс сказал, что ничего не испытывает к Лилиане, и я ему верю.

— Ничего не испытывает? — тихо цыкает и медленно мотает головой, — Глупая девочка. Если бы Макс не хотел проводить с ней время, он бы нашел способ — мой сын весьма изобретателен, если это ему нужно. И он уж точно не помчится по ее первому свисту...

— Я вам не верю. Уходите.

Тон мой уже не настолько уверенный, ведь зернышко сомнения посеяно, и этого не отнять. Но я играю роль...пытаюсь, по крайней мере, и это дарит Александровскому улыбочку пошире предыдущей.

— Притворяешься? Забавно. А скажи-ка мне...каково это жить в тени своей сестры да еще и в клетке?

— Я не живу ни там, ни там.

— Правда? То есть ты можешь выйти в любое время?

— Из-за вас нет.

— Из-за меня?

— Он просил меня никуда не ходить из-за вас. Из-за вашего внимания. Это мой выбор слушать его или нет.

— Вранье.

— Простите?!

— Я говорю, что он тебе врет.

— То есть вашего внимания не существует?

— Существует, но он просил тебя не ходить никуда не поэтому. А ты развесила уши, глупая, наивная дурочка.

Режет по-большому. Сама знаю насколько глупо все это слышится со стороны, ведь когда произношу сама, меня дико коробит, а он только и делает, что упивается. Все мои доводы — кайф. Так как все мои доводы — бред. Глупость. Обман. И его, и себя.

«Макс навешал мне лапши на уши, а я повелась. Опять.» — я знаю, что так и есть. Чувствую. И я знаю, что сейчас мне станет известно все и даже больше. Поэтому еще страшнее. Я не уверена, что готова услышать то, что неизменно услышу.

— Скажи, а у тебя есть ноутбук?

— А что? Вам надо проверить почту? — хмыкаю притворно, он улыбается по-настоящему.

— Нет, просто интересно, закрыл ли он тебе доступ на новостные порталы?

Твою. Мать. Я без понятия! Никогда особо не интересовалась «новостями», с чего бы начинать?! А внутри что-то кивает: да, мол, еще как закрыл. Ха! Петр Геннадьевич вот знает точно, он уверен, а с чего бы это? С ЧЕГО, ТВОЮ МАТЬ?!

— Мне надоели ваши игры! Говорите прямо или...

— Я тебе лучше покажу.

Из внутреннего кармана своего пиджака, Властелин мира достает неожиданную вещь, как, предположим, бизнесмен достал бы из своего портфеля ананас. Его же там тоже вряд ли кто-то предполагает найти, а женская газетенка у сердца миллиардера?! Да это прямо каламбур! Только вот мне не до смеха...

Журнал распрямляют, им даже недолго наслаждаются, прежде чем швырнуть к моим ногам обложкой вверх. Я боюсь на нее смотреть, словно это не кусок глянцевого бумажки, а мерзкая гадюка, но на деле все оказывается куда хуже.

«ПОМОЛВКА ВЕКА!» — гласит название статьи, а рядом фото на весь лист.

Его фото. С девушкой в шикарном, черном платье. Где они целуются. «ОБЪЕДИНЕНИЕ ДВУХ САМЫХ БОГАТЫХ СЕМЕЙ РОССИИ!». И еще два фото по бокам в круглых рамках его портрет и ее.

«Какая красивая...»

Я даже не замечаю, что беру журнал в руки, а сейчас он лежит у меня на коленях. Как зачарованная разглядываю такую красивую, шикарную девушку — его будущую жену. И я не чувствую себя... Перед глазами все плывет, а руки так трясутся, что я не могу больше удерживать свое оружие, которое так и не убрала, не смотря на все заверения, и оно со звоном валится на пол.

«Гадюка была бы куда как лучше...этого...»

— Ее зовут Ксения Малиновская. Летом у них состоится свадьба. Об этом ты тоже знаешь?

Поднимаю на него затравленный взгляд, роняя слезы на грудь. Властелин привычно улыбается и неприкрыто наслаждается своей победой, аж причмокивает.

— Ну и? Что мы имеем, Амелия? — пожимает плечами, — Макс все еще испытывает чувства к Лилиане, которые он всегда будет к ней испытывать. Они улыбаются друг другу, ходят в рестораны, на выставки, миленько шепчутся, а потом он приходит сюда и трахает тебя. Зарядившись от нее...

— Замолчите...

— А ты сидишь в этой клетке, как дура, ждешь его. Верить в какие-то отношения. Не

смеши меня, какие отношения?! Ты до сих пор присутствуешь в его жизни, лишь потому что он не может получить ту, кого действительно хочет. Еще есть Ксения. Ты знала, что они знакомы с детства? Она его очень любит, они долго встречались, так что он ее тоже. И именно *любит*. То есть уважает, то есть ценит, то есть видит в роли своей жены.

— Уходите... — хриплю, не поднимая глаз, но этот мудака, кажется, только разгоняется.

— ...Сомневаешься? Очень зря. Сейчас у него проходит...ммм...скажем так, кастинг на вакантную роль его игрушки в постели, и как удобно, что он встречается с сестрой женщины, которую маниакально хочет? По факту ты любовница, а скоро станешь ей официально. Он не отменит свадьбу. Ксения не просто его будущая жена, но и возможность выйти из под моего контроля, дорогая. Ее отец второй по состоянию человек, и он ему поможет. А твой? Он в могиле, и от тебя нет проката...

— УХОДИТЕ!

Снесло. Я вскакиваю и ору в голос, указывая на дверь.

— Валите отсюда! Я не желаю все это слышать и видеть вас! Валите вон!

Александровский получает то, чего так сильно хотел — моей боли. А мне больно так, что вздохнуть не могу...ведь он прав. Я всего лишь любовница... Властелин делает ко мне шаг, пока я плачу. Клянусь, это тянет на крутую сцену из мыльной оперы, не меньше. Так много драмы...

Еще шаг. Он почти рядом, и меня обдает свежим запахом его парфюма. Еще шаг. Я чувствую, как мое предплечье аккуратно сжимают пальцы. Всхлипываю больше. Громче. Но не сопротивляюсь. Я не знаю почему просто стою, а через миг и вовсе оказываюсь в его объятиях.

«Они так не похожи на его...» — а вроде и должны бы. Но если с Максом мне тепло, сейчас я ничего не чувствую, кроме холода.

Даже поглаживания по спине, и они другие...а его шепот, точно змея-искусителя, посылают только мерзкие мурашки...

— Знаешь что будет дальше? Однажды ты надоешь ему. Влюбленность пройдет быстро, так как ты действительно не похожа на свою сестру, а он хочет ее. Вы слишком разные, Амелия, и если их ссоры были поверхностными, ваши станут фундаментальными. Ты захочешь быть кем-то, что-то значить в этом мире, но он не даст тебе свободы, которую сам так желает. Макс не привык отдавать свои игрушки. Он слишком ревнив, поэтому не даст тебе чего-то достигнуть. Он будет контролировать каждый твой шаг, пока ему не надоеет. А это случится, будь уверена, секс остынет, и что у вас останется? Ничего. Только гора бесконечных сожалений...

— Зачем вы говорите это?...

— Потому что знаю, что однажды он уйдет в дом к своей жене, где буду *его* дети, и просто не вернется обратно. Он вычеркнет тебя из своей жизни также легко, как делал это со всеми предыдущими. Такова роль любовницы, Амелия, все они рано или поздно исчезают, потому что рано или поздно все приедается. В конце концов он устанет от тебя и бесконечных ссор, ведь по-другому *ты* просто не сможешь существовать. Я знаю и это, ведь твоя мать никогда не стала бы мириться с ролью, в которую ты так стараешься влезть, но никогда не поместишься. Не все женщины способны быть любовницами, и ты из тех, кто рожден не для этого...Зачем томиться здесь и пытаться стать тем, кем стать никогда не сможешь? Ведь в конце концов, когда он перешагнет тебя и выбросит на помойку, как сломанную игрушку, все, что у тебя останется — это ненависть к себе. Такого будущего ты

хочешь? Ни карьеры, ни детей, ни дома, даже самоуважения не будет...

Его рука опускается ниже лопаток, на поясницу, но я чувствую, что и там она надолго не задержится. Я знаю, чего он хочет добиться...

«Ты совсем сумасшедшая?! Амелия, очнись, что ты творишь?! Ты помнишь, кто перед тобой?! Кому ты позволяешь себя трогать?!»

Меня как в горячий котел окунают, и в следующий миг я вырываюсь, отпихиваю его от себя, тяжело дышу.

— Никогда не смей меня трогать, — рычу, глядя точно в глаза, делаю еще шаг назад и добавляю, — Вали. Я больше ничего не хочу слышать.

Не знаю, какой будет реакция, да мне и плевать, если честно. Лучше получить по роже, чем дать ему то, зачем он здесь на самом деле. Ни. За. Что. Но ничего такого не происходит, ведь Александровский наконец внимает мне и направляется на выход. Правда вот человек этот привык жить по принципу "последнее слово за мной", так что у двери останавливается, чтобы их же вернуть.

— Он любит Ксению. Не такой любовью, как Лилиану, конечно, но так даже лучше. Эти чувства гораздо глубже и гораздо важнее любой страсти, какой бы огненной она не была. Страсть и семья — плохая комбинация, Амелия. Когда ты поймешь, что я прав — знаешь, где меня найти. Я буду ждать.

«Вот тебе и чудо, твою мать...» — входная дверь хлопает, и только тогда я чувствую себя в безопасности. Или типа того.

Мне просто необходимо в душ — отмыться. Там пазл в голове и начинает складываться, пока я смотрю в шов между белой, настенной плиткой.

«Он врал мне. Тогда на аукционе его папаша обо всем догадался, Марина именно этого и добивалась. Плевать ей на Лилиану — хотя может и нет, но мне точно, — ее главная цель всегда была защита их плана. Она просто хотела отвести взгляд Властелина мира, который сто процентов в силу своего желания контролировать каждый их вдох, следил и копал под Макса. С этим разобрались. А дальше все было еще проще. Навешать мне лапши на уши — так легко, особенно зная мои к себе чувства. Он кинул мне пыли в глаза, а я и рада. Слепая дура! Он врал! Притворялся хорошим. Все это время он притворялся... Нагородил кучу обещаний, кучу бреда, помноженного на маразм — и я уже на все согласна. На самом деле, он просто сменил тактику. Я же тоже ее сменила. Силой не прокатывает, попробуем с другой стороны? Та-да! И все лишь бы его папаша не узнал об их истинной цели. Я же в курсе. Кто знает, что дальше выкину? Конечно, контролировать меня можно только ложью, он же уже провернул один раз этот фокус...» — всхлипываю, жмурясь, — *«Боже, какая же я... дура. Слепая. По факту Александровский прав: он приходит, трахает меня и сваливает в закат, а я даже вопросов не задаю особо. Я ЖЕ ТАКАЯ ПОНИМАЮЩА ТВОЮ МАТЬ...»*

Это просто Апокалипсис. Он внутри. Терзает, рубит, горит адским огнем, принося адскую боль.

Глава 24. Пощечина. Амелия

18; Январь

Я сижу в темной-темной комнате, в темном-темном мире, с темными-темными мыслями. Смотрю на шикарную невесту, кручу в руках журнал, и снова смотрю на нее. Она действительно красива, будущая госпожа Александровская, ныне Малиновская Ксения. Кстати, фамилию эту я вспомнила, так как уже слышала в одном из разговоров Макса. Он не мог встретиться с «Малиновским» наедине, так что скорее всего доводы Петра Геннадьевича имеют место быть. Он действительно хочет высвободиться из под железной пяты с помощью этой семейки, а это значит одно: свадьбе быть.

«А ты действительно думала, что он ее отменит?» — усмехаюсь и делаю глоток из бокала с вином, без которого сегодня просто не смогу, — «Мой то отец в могиле, а тут вторая по богатству семейка. Еще и наследница в него влюблена...»

Да, в статье много информации. Еще бы! Это их «первый выход в свет», как пары, так что журналюги постарались на славу.

«Наверно хотели порадовать богатых наследников и их предков...»

Забавно вообще, но только из этой газетенки я узнала, что Макс, оказывается, свободно говорит на пяти языках: русский, английский, итальянский, испанский и французский.

«Полиглот, твою мать!»

Еще он занимался плаванием и фехтованием...

«Что-то на богатом!» — фыркаю.

У него даже чемпионские титулы есть внутри его маленького, узенького мирка — высшего общества. Добавьте к этому золотую медаль лучшей школы, где чернь даже туалеты не моет, и диплом с отличием университета с такими же параметрами набора персонала. Забавно, в статье «Туманный Альбион» называют загадочно: лучший университет в мире. Никаких названий, зато сразу понятно, что это что-то на о-очень и ооочень привилегированном.

Что насчет Ксении? Девчонка не отстает. В языках такой же полиглот, в учебе «блистательна и умна!», имеет разряд по конному спорту. Также любит петь, увлекается модой. Там пишут, что она училась вместе с ним все эти годы и «любовь их росла и крепла».

«Боже, сейчас блевану!» — отплеываюсь, а вином горе свое заливаю.

Не могу я закрыть глаза на ее персону, потому что она действительно шикарна, и самое мерзкое — вызывает уважение. У нее богатейший папаша, а вместо того, чтобы тусить, нюхать и трахаться, она работает. В журнале. Ксения благоволит редактуре, пошла по стопам отца. Тот бумажный король, как никак. Владеет кучей редакций, также парочкой сотен заводов по производству бумаги. Упакованный донельзя, круче него разве что сам Петр Геннадьевич.

«Говорят же, что деньги к деньгам липнут...хм...м-да...» — изрядно охмелев, откидываюсь на спинку кресла и смотрю в потолок, когда слышу, как проворачивается ключ в замке.

Хмыкаю, даже усмехаюсь, потому что у меня, по сути своей, только два пути. Первый — опять замкнуться внутри своей башки, но к чему это приведет, по сути то своей?

Максимилиану Петровичу плевать, что я молчу, так даже лучше. И повеселится, и потрахается. Второй вариант — взять себя в руки и перестать растирать сопли по морде. Раз уж влипла, веди себя достойно, как говорится. Да и какой смысл то выбирать первую, проторенную дорожку? М? Он меня не отпустит, так хотя бы сама развлекусь. Не вечно же одним королевским особом играть на чужих нервах.

«Буду жестить», — киваю самой себе, сознательно идя в сторону, где мне может прилететь гораздо больше шишек. Но да, таков мой выбор и удел, — «Может быть так у меня получится по-настоящему его возненавидеть...»

Я решаю огребать.

— Амелия? — мое имя звучит громко и отчетливо со стороны прихожей.

Господин удивлен, что его шавка не выбежала, как обычно, и не встречает. В голове проносятся, как кинофильм, все те разы, когда я именно так и делала, за что я себя прямо ненавижу. Вот ненавижу!

«За дурость, за расхлябанность, доверчивость...» — за большую страсть и абсолютную неспособность пресечь и остановить свои же порывы. Контролировать.

— Амелия? Ты где? — снова зовет, но я упорно молчу в самом углу квадратной гостиной.

Смотрю в одну точку, только с нажимом держусь за бокал и прокручиваю его, скрежеча по дереву стеклом, за которым мерно двигается кроваво-красное лекарство от боли. Нет, это скорее панацея — лекарства не существует, и мне все также больно, я просто чувствую меньше.

— Котенок, я привез тебе твои тесты, — усмехается, следуя по коридору в сторону гостиной, — Ума не приложу зачем они тебе, но я заехал в аптеку и купил. Много. Девчонка смотрела на меня, как на придурка...

«А ты и есть придурок. Нет. Мудак...»

— Мальш, ну что за прятки? Ты спишь? — вижу боковым зрением через зеркало, как он заглядывает в мою спальню.

Не находит, очевидно, хмурится, и наконец переступает порог гостиной. Но он снова меня не видит, да и куда ему? Разве он вообще когда-нибудь видел *меня*? Вряд ли. Я ведь лишь бледная тень своей чудной сестрицы, которая все козыри в ход пустила для соблазнения *моего* мужчины. Нет, формально то понятно, что он не мой и никогда моим не был, но...она же все знала, и ее это не остановило, а лишь подстегнуло. Еще бы! Соперниц Лили ненавидит, их нужно уничтожать, даже если они твои младшие сестры.

— Черт! — наконец оборачивается в мою сторону и дергается.

Ха!

«Я напугала наследник, как потрясающе...» — наблюдаю за тем, как Макс тяжело дышит, держась за грудь. Смотрит на меня. Я вижу лишь очертания, но, спорю на что угодно, вижу куда больше него. Недаром же просидела тут столько времени — привыкла.

— Ты меня напугала!

Пакет с «моими» тестами летит на столик, а в голосе появляется непонимание с легким налетом злости.

«Мы не в настроении?»

— Почему ты сидишь в темноте?

Нажимаю на небольшую кнопку лампы, и комната тут же озаряется хоть и слабым, но теплым светом, которого вполне достаточно, чтобы оценить его внешний вид.

«Красивый...» — думаю, плавно разглядывая его фигуру.

Макс одет в черную рубашку, расстегнутую сверху и брюки под цвет, на запястье у него теперь платиновые часы. Вроде и обычная одежда, но ему она так идет, что я даже в платье, в котором сейчас сижу, не дотягиваю до его уровня. Нет-нет, это объективно. Да, мое платье очень красивое, облегающее, без лямок. Волосы свои я тоже уложила назад в «мокрый стиль», даже накрасилась. Черный смоки. Удачное сочетание, но до него мне, как до Китая раком. Я выгляжу и чувствую себя глупо, он — как рыба в воде. Делаю глоток вина, чинно держа бокал за ножку, наклоняю голову на бок.

«Интересно, а сиськи моей сестры помещались ему в руки?» — ядовито думаю и наконец говорю.

— Хорошо выглядишь.

В статье надо было дописать, что Максимилиан Петрович не умеет правильно распознавать обличающие намеки, потому что он улыбается и присаживается на спинку дивана. Складывает руки на груди. Часы ловят солнечный зайчик на миг, он отскакивает в стену, а потом пропадает. Прямо как его человечность...она же появляется только при «определенных обстоятельствах», когда надо то есть, но быстро скрывается за всем его пороком, самомнением и самооценкой.

«Чего я от него вообще жду? Властелин мира «тонко» намекнул, что иногда люди делают что-то, просто потому что могут. Его случай. Он просто может издеваться надо мной, ведь никакого наказания не последует. Еще бы! Кто его сможет наказать? Он — Властелин мира, просто помладше...»

— Ты еще лучше, малыш.

Голос низкий, все понятно. В ход идет привычное соблазнение, а еще явные намерения получить побольше секса. Конечно да, так и есть, да и зачем еще ему здесь быть? У любовницы то.

— Где был, что видел? — Макс усмехается и пару раз качает головой, потом пожимает плечами.

— Да ничего особенного.

— Не расскажешь? Мне то тут с высоты плохо видно, что там происходит на земле.

Щурится. Наконец он начинает понимать, что не просто так я тут сижу, что все вообще не просто так.

— Ты опять начинаешь? — наконец изрекает, потирая глаза, — Мы же договорились... ты обещала потерпеть.

— Так ты ответишь мне?

— Что мне ответить? Был на встрече. О многом скажет?

Тихо усмехаюсь "злости", что стала появляться более отчетливо.

«Ой, нам не нравится, когда шлюхи лезут в «дела»?! Правильно. Шлюхам и не положено много знать, им положено совершенно другое...» — делаю еще один глоток,

— Что пьешь?

— Ты разве не видишь? — хамлю в похожем стиле, — Вино.

— И что за повод?

Размыто пожимаю плечами, Макс продолжает смотреть. И смотрит еще пару мгновений, пока не вздыхает, не издаст смешок и не кивает пару раз.

— Понятно. Ты на что-то злишься?

«Бинго!»

— Пойду переоденусь, и потом мы поговорим.

Как же меня бесит его уверенность в том, что он способен решить любую проблему. Как же злит, что он и не воспринимает ее всерьез, меня не воспринимает! По его подаче я прекрасно понимаю, что он в очередной раз считает, что я маюсь дурью, что пара поцелуйчиков и «трах» меня быстренько угомонит...поэтому и кидаю ему в спину вопрос.

— А почему ты никогда не рассказывал, что знаешь пять языков?

Макс резко тормозит, оборачивается, но я смотрю лишь перед собой и усмехаюсь.

— И фехтование? Серьезно? Не очень представляю тебя в белом комбезе.

Ответа не получаю, но чувствую взгляд, а еще, клянусь, слышу, как винтики в его башке начинают быстро шевелиться. А потом получаю хриплое...

— Откуда это здесь?!

Я не очень понимаю о чем он, но все равно не смотрю, меланхолично вырисовывая круги на деревянном подлокотнике, почти как его папаша, только в другом кресле. То теперь покоится в столовой, так как видеть его просто невыносимо мерзко.

«Как будто на месте подлокотников моя задница!» — немного передергивает, но я быстро отвлекаюсь на Макса.

Он быстрым шагом пересекает комнату и останавливается у столика чуть правее меня. Тут то до меня доходит...

«Чашка...я забыла убрать чашку Властелина мира...» — белая, две палочки корички.

Макс смотрит на нее, как на ядовитую змею. Наверно, примерно также я смотрела и на корреспонденцию от миллиардера: удивленно и с отвращением.

— Я спросил... — хрипло начинает, потом резко поворачивает на меня голову, раздув ноздри, — ...Откуда здесь эта сраная чашка?!

— Она здесь и была...

— ТЫ ПОНЯЛА О ЧЕМ Я! — орет в голос, моментально выходя из себя, я ж расслаблено откидываюсь на спинку стула и усмехаюсь.

— Узнал, да?

— Что он здесь делал?!

Рычит. Хрипло, низко, но рычит, и так, как я еще не слышала. Мне, честно, страшно, но это быстро проходит, давится вином, как бетонной плитой, и я достаю журнал из складки кресла. Расправляю. Пару мгновений смотрю на обложку с улыбкой, а потом резко швыряю прямо в лицо этому лживому ублюдку. Макс жмурится рефлекторно, но стоит газетенке упасть к ногам, сразу же пялится на него, а я притворно-спокойно-сахарно и наконец отвечаю.

— Говорили.

Он секунду медлит, а потом также резко поднимает на меня свои глазища, а я наклоняю голову на бок и тихо спрашиваю.

— Хочу задать вопрос. Какая я по счету девственница в твоей коллекции, мистер-без-пяти-минут-женатый?

Дальше происходит то, чего я никак не ожидаю. Макс буквально подскакивает ко мне, хватая за предплечья, а потом дергает с места и вдальбливает в стену. Ощутимо так. Даже подшофе я это чувствую.

— Что ты ему сказала? ЧТО-ТЫ-ЕМУ-СКАЗАЛА?!

Понятно, чего он так дергается. План то под конкретной угрозой, вон как глазенки выпучил, и как сильно они налились кровью. Видок тот еще, и мне вообще не смешно —

страшно, но я тем не менее усмехаюсь. За это, а точнее за то, что он не получает желаемого, Макс с силой толкает меня. Я врезаюсь в стол, откуда падает злосчастная чашка с двумя палочками корицы. Остатки кофе расплозаются уродливым пятном, на которое я смотрю-смотрю-смотрю. Чудится, будто вся эта грязь так и стремится в мою сторону, ползет медленно, но направленно, хочет и меня испачкать. И пачкает же! Я не убираю ногу, намерено порчу дорогушие, белые, замшевые лодочки.

«Все, как и в жизни. Ты была принцессой, которая чего-то стоила, у тебя было будущее, планы, а потом пришел он и все уничтожил. Испачкал тебя настолько, что вряд ли ты когда-нибудь сможешь отмыться. Сраная любовница...»

Давлюсь смехом и слезами. По правде то говоря, я же не утрирую — так и есть, и в этом только моя вина. Я все это допустила. Моя слабость, моя глупость и наивность: я влюбилась в человека, которому изначально было на меня насрать, а когда это поняла, вместо того, чтобы бежать, приняла всю его ложь за чистую монету. Когда-то, когда я хотела понять почему мама не сбежала от отца, я читала некоторые статьи по психологии. Хотела найти в них доказательства, что она всего лишь подвержена Стокгольмскому синдрому, хотя и знала, что это не так. Это действительно не так же, мама приняла моего отца, она его *знала*. Он никогда не был ангелом: расчётливый, спокойный до боли (в силу своего «английского» происхождения, конечно же), и ты никогда не знаешь, что творится в его башке — такой он, мой отец. С грехами и скелетами в настолько огромном шкафу, что туда вместились бы целых три Нарнии при желании, но она все это приняла. В тех статьях я вычитала, что ребенок часто повторяет цикл своих родителей, то есть примеряет на себя их поступки и решения. Поэтому я думала, что тоже могу так, как она. Что это моя судьба — встретить сложного мужчину с огромным багажом и принять его. Вот только проблема в том, что мой отец любил мою мать, а Макс меня нет. Отец всегда ставил маму на первое место, а Макс меня нет. Он ее защищал, а Макс меня никогда не будет, он только подкинёт идей, где бы спрятать мой труп на случай чего непредвиденного.

Второй раз мои розовые очки бьются стеклами внутрь, и, черт, мне также больно, как в первый. Я же вижу, что снова права: вместо того, чтобы говорить со мной, он звонит куда-то, кому-то. Догадываюсь, что кому-то, кто по-настоящему вовлечен в их «план мести». И я смеюсь громко, чтобы не заплакать также громко.

«Вот все, что его волнует ...» — так и бьет в голову, пока Макс орет в трубку.

Вижу его в коридоре, сама прижимаюсь спиной к стене, наблюдаю. Он ходит туда-сюда, как тигр в клетке, говорит-говорит-говорит, поглядывает на меня. Зло поглядывает, кидает замечание незримому собеседнику. Что-то вроде...

«Пьяная дура!» — он даже не ко мне обращается...и это меня драконит окончательно.

«Снова разговор, будто меня нет? Извини, не в этот раз, красавчик...»

— Зачем мне что-то говорить? — спрашиваю будто в пустоту, но тут же получаю отклик.

— Что ты сказала?!

Я плавно открываю глаза и наблюдаю прелестную картину, как он стоит в проходе, часто дышит, ноздри дует. Смешной такой...да нет, опасный, это у меня в башке какой-то сдвиг по фазе, видимо...я уже не отличаю, где черное, а где белое. Где шутки еще допустимы, а где надо тормозить...Грани стерты, и я продолжаю издеваться надо львом, теряя пути к отступлению, которые почему-то, кажется мне, везде.

— Интересуюсь, а зачем мне что-то говорить, если ты сам с этим чудно справился, м?

Макс замирает, я же взглядом коротко касаюсь журнала, а потом снова возвращаю ему внимания и пожимаю плечами.

— Она красивая. Еще один вопрос: а зачем тебе все это вообще надо? Не она, конечно же, а все остальное? Твоя будущая жена золотко, ярче тебя самого горит, и тут Лилиана? Или я? Хотя нет. Я это так, сахарозаменитель, но, черт, Лилиана?! Пф...

Молчит, потом тихо отвечает, но снова не мне.

— Да она в говно. Не слышишь что ли?...

Бесит-бесит-бесит. Моя улыбка становится гаже.

— А ты не хочешь узнать, чем дело кончилось? Любопытная история, скажу я тебе...

Снова. Все повторяется снова через буквально пол-секундочки. Я слышу четкий звук шагов, но не успеваю отреагировать и как-то скрыться, потому что он уже передо мной. Хватает за нижнюю челюсть, заставляя посмотреть себе в глаза, а потом приближается и хрипло, низко выдыхает.

— Ты на что намекаешь, сука?

Если честно, то ответа на этот вопрос у меня нет, потому что я ни на что и не намекала. Я просто хотела привлечь внимание к себе и нашей с ним истории, а не на их чертов план. Обидно все же, что этот незаметный факт игнорируется...

— Я ЗАДАЛ ВОПРОС!

Сжимает пальцы сильнее. И для ясности: сильнее, чем когда-либо. Не знаю, возможно просто воспоминания немного потухли, но мне так по крайней мере кажется. Я снова взвизгиваю и пытаюсь оттолкнуть его, а как в стену упираюсь — не сдвинуть.

— Мне больно, отпусти!

— Я СПРОСИЛ...на что ты намекаешь?!

Орет, не обращая внимания, а дальше вдруг делает голос тише даже своего дыхания, почти до шепота опускает ползунок громкости, от чего у меня аж поджилки трясутся. Его взгляд только добавляет «стрема», и я замираю, хмурю слегка брови, цепляясь за его запястье. Мне почти нечем дышать из-за того, как он вдавливая предплечье мне в грудь, а откуда-то из далека я слышу, как повторяется его имя. МАКС-МАКС-МАКС! Понять не мог ничего, да и не пытаюсь. Я смотрю только в эти бешеные глаза, чей хозяин выдает просто потрясающий вопрос.

— Между вами что-то было?

На повестке дня у нас, походу дела, маразм и дерьмовые инсинуации. Мне вдруг так обидно становится и за все сразу: за то, что он толкнул меня так сильно, за то, что хватает, будто я ничтожество, за его отношение ко мне, за обращение, как с половой тряпкой, за то, что он меня...не любит.

«Боже, это так жалко, но...что я могу с собой сделать?» — пишу про себя, а сама молчу. Смотрю только в глаза, умоляю его отмотать назад или хотя бы извиниться за такой унижительный вопрос, но нет. Это не для нас.

Макс отрывает меня от стенки, снова в нее толкает и резко приближается, орет прямо в лицо, как конченный придурок.

— ОТВЕЧАЙ, КОГДА...

И я допускаю свою самую большую ошибку...

— ДА! — ору в ответ, ведомая болью, разочарованием и дикой-дикой обидой, но зато хоть он отступает.

Резко так, будто не хочет больше меня касаться, что обижает только больше. Ошибка

начинает раскручиваться и за миг превращается в снежный ком моего фантастического вранья, сказанного так разъяренно, что я в принципе себя не узнаю.

— Было, ясно тебе?! И хочешь услышать кое что еще?! Мне дико понравилось. Мы трахались прямо на этом диване. Жестко. Долго. И не один раз. У него, кстати, член гораздо больше твоего, и пальчики попроворнее будут! Вот тебе и весь секрет! Ты по всем статья похуже него будешь, может поэтому от тебя все бабы к нему и бегут, а?! Да...

Шлепок. Звонкий, сильный, из-за него и вина я не удерживаю равновесие и валюсь с ног. Щеку режет острая боль, и я хватаюсь за нее, а потом смотрю на него снизу вверх. Я настолько шокирована и удивлена случившимся, что не могу и рта раскрыть. Просто. Хлопаю. Глазами. Даже не плачу. Если честно, то до сих пор до конца не понимаю, что произошло. Меня никогда не били даже в детстве, поэтому такой опыт для меня своеобразный дебют, только вот он не приносит волнительного чувства одухотворения — мне по-настоящему страшно. Макс еле дышит, сжимает кулаки, его глаза полностью застелены пеленой ярости, я это понимаю прекрасно, поэтому боюсь даже пошевелиться. Мне кажется, что это еще не конец, кажется, что сейчас он сорвется окончательно и исполнит свою угрозу, но вместо того Макс разворачивается. Я благодарю Бога за то, что он резко поднимает телефон с пола и чеканит шаг дальше, а за хлопок входной дверью благодарю тройне.

Но потом приходит понимание — Он. Меня. Ударил.

18; Январь

Развитие произошло внезапно. На четвертую ночь одиночества, когда я уже легла спать, в какой-то момент настольная лампа включается. Вскрываю резко. Макс, словно и не замечая этого, снимает пиджак, закатывает рукава своей идеально отглаженной, белой рубашки, прежде вытащив яркие запонки. Неизвестность пугает, его настрой тоже. Макс усаживается в кресло молча, достает сигареты и чиркает зажигалкой, выпуская через миг облако дыма, хотя знает, как меня бесит, когда он тут курит. Тем не менее курит и делает это специально, я по глазам вижу. Они яростные, но холодные, не предвещающие ничего хорошего для меня...

— Пожалуйста... — бормочу еле слышно, — Я...я соврала. Не было ничего...И я ничего не сказала о вас. Я не сказала...он и не спрашивал...Его цель. Она в другом. Он. Про нас и все. Это все...

— Он тебя касался?

Спрашивает тихо, но это не значит, что спокойно. Это даже хуже, если честно, чем когда он орет — там я хотя бы знаю, чего ожидать, а когда он вот такой обманчиво спокойный, как сейчас, когда холодный, когда в маске — он абсолютная загадка. Пугающая такая...опасная.

«Врать не вариант. Поймет, потом не докажу ничего. А он почувствует ложь...надо признаваться...»

— Да, — выдыхаю почти неслышно, — Обнял. Успокаивал. Я толкнула. Сказал, что подождет. И что я знаю, где искать. Его. Это все, больше ничего не было.

Я не знаю, чего ожидать, поэтому слежу за каждым даже минимальным его движением, но Макс не делает ничего. Он только отворачивает голову к окну, а пальцем постукивает по сигарете, словно ведет какую-то свою игру, правила которой понятны ему одному...

— Завтра все вино отсюда вывезут.

Встает, не давая мне возможности в полной мере осознать услышанное, засовывает руки в карманы, а потом тихо велит, словно не замечая и того, как я вжимаюсь в спинку кровати.

— Встань.

— Не хочу.

— Мне плевать. Встань и подойди. Говорю во второй раз, третьего тебе лучше не выпрашивать.

Тон серьезный — он шутить не настроен. Мне *лучше* подчиниться. Неловко вылезаю из под одеяла, жмусь, нехотя подхожу ближе. Нас разделяет всего шаг, и благо пока расстояние никто не собирается сокращать — это плюс. Или лишь растягивание удовольствия?

— Знаешь...я даже рад, что он приходил и все тебе рассказал. Теперь ты знаешь правду, от которой по глупости я пытался тебя защитить.

Поднимаю брови. Простите, но даже в такой ситуации своего сарказма я сдержать не могу. Вместо того, чтобы промолчать, складываю руки на груди и усмехаюсь.

— Это про свою свадьбу? И если да, надеюсь, что поздравлений ты не ждешь, потому что...

— Они мне не упали, а вот чего я действительно жду...Раздевайся.

Весь мой запал гаснет тут же. Я медленно опускаю руки, хлопаю глазами и молчу, состроив бровки домиком. Мне требуется время, чтобы понять услышанное, осознать, и когда это происходит, смысл бьет куда сильнее той пощечины.

— Ты...серьезно? — еле слышно выдыхаю, но у него не дрогнет ни одна мышца.

— Еще как. Раздевайся.

— Я не буду с тобой спать.

— Правильно, ты будешь со мной трахаться. Сейчас.

— Ты женишься! — нервно вскрикиваю и отступаю чуть назад, в страхе, что он последует, но этого не происходит.

Изваяние не шевелится, видимо, здраво рассудив: мне все равно некуда бежать. И правда же некуда...Вместо попыток меня остановить, он фигурно выгибает брови и издает смешок.

— И? Да, женюсь, ну и дальше то что? Разве это меняет суть?

«Он это серьезно?!»

— Это меняет абсолютно все! Я не буду твоей...

— Ты будешь делать все, что я тебе скажу. Когда я скажу. И сколько я скажу. Захочу, чтобы ты встала на колени, встанешь. Захочу...

— Я не стану шлюхой и игрушкой в твоей постели, пока твоя жена смотрит в другую сторону! Я не буду твоей любовницей!

Макс в один шаг преодолевает расстояние между нами, прижимает к стене, схватив за горло, приближается. Я отворачиваюсь и жмурюсь, вздрагиваю, стоит ему коснуться носом моей щеки, задерживаю дыхание.

— Я пытался по-хорошему, но ты же упорно жаждешь по-плохому. Хорошо. Считай, что я тебя услышал, и теперь ты получишь *его* сполна, раз так этого хочешь. Но знаешь? — усмехается, — С ним ты бы не кончила, а со мной даже против воли будешь. Не благодари.

Также резко, как приблизился, теперь он отстраняется и снова смотрит на меня сверху вниз. Холодно. Железно. Пугающе. Я даже не знаю, что мне на это сказать, как будто лишаюсь в принципе дара речи, но ему опять же плевать.

— Выбирай, как это будет, Амелия. Ты делаешь все сама, и тогда тебе не будет больно, или это делаю я, и тогда пеняй на себя.

— Это изнасилование, — шепчу еле слышно, уставившись в пол, в попытках хоть как-то надавить на совесть, — Он, по крайней мере, не насилует.

— Охо-хо... Ты так заблуждаешься, моя дорогая. Я тебе уже говорил, что то, кем ты его видишь, и то, кем он является на самом деле — две абсолютно разные фигуры. По факту, ты представить себе не можешь вещи, на которые он способен. Твой Хан говорил, что он любил мою мать? Хочешь скажу, сколько раз он ломал ей нос? А ребра? Пальцы? Сколько раз у нее было сотрясение? Сколько раз он толкал ее с лестницы? — и совсем тихо, — Сколько раз *насиловал*?...

Чувствую, что у меня аж подбородок трясется, губы ходят ходуном, сердце гулко бьется в горле. Слышать такое — ужас, и если бы я была на его месте, то тоже ненавидела своего отца...по-настоящему. Своего я ненавижу скорее...из-за моих личных загонов и «мнений». Тут же причины крупнее глыбы, что потопила Титаник, и сколько там, под толщей воды времени, скрыто тайн? В прошлом? Страшно представить...

— Ты думаешь, что его просто так бояться, а на деле он белый и пушистый, потому что

тебе спускает с рук все твоё дерьмо? Милая, наивная девочка... Хочу, чтобы ты знала: как только он тебя получит, он порвет твою сладкую задницу на лоскуты, соберет вместе, а потом сделает это снова. За каждый твой треп, ты будешь огребать, и, моя сладкая, не пощечину. Он бьет с кулака. Так что хуже я, чем он, или нет... Это с какой стороны посмотреть, да?

И пусть мне мерзко. Пусть страшно. Пусть это невыносимо, но я наконец вижу абсолютно всё. Это не наказание...

— Вот зачем ты это делаешь? Ты думаешь, что я побегу к нему, да? Что соглашусь на его предложение?

— Закончили.

— Нет, не закончили! Ты поэтому ведешь себя так, да?! Хочешь показать мне, каково это быть... с ним?

— Мимо. Я просто хочу трахнуть свою игрушку. И не рыдай, кому нравятся грустные куклы? Сейчас я считаю до трех, потом теряю терпение. Раз...

К сожалению, у меня нет выбора, я ведь в ловушке. Не знаю, что он задумал, что в принципе у него на уме, так как Макс снова обнес себя ледяной стеной, так что берусь за края хлопковой, светлой кофты, сжимаю ее. Мне претит все, что здесь сейчас происходит, чувства душат, а слезы рвутся наружу. Я выдыхаю их с всхлипом, который не могу сдержать, но глаз не поднимаю. Это ведь не попытка подмять его под себя, сманипулировать, я просто собираю волю в кулак, чтобы снять эту чертову одежду. Выдыхаю, считаю до трех и начинаю тянуть кофту вверх, как вдруг Макс перехватывает мои крест на крест сведенные запястья и останавливает. Я замираю. Не только поэтому, но и потому что вдруг он оказывается рядом, правда не с угрозой, с другим посылом. Нет в этом ничего сексуального, агрессивного или жестокого — даже мои руки он держит бережно и мягко. Я упираюсь ему в грудь лбом, роняя слезы на пол, он гладит меня по волосам щекой. Молчит, а потом вдруг хрипло шепчет.

— Не могу. Я так не могу...

Я понимаю о чем он, а Макс подтверждает мои догадки — это было не наказание, скорее попытка меня запугать...

— Ты действительно боялся, что я...

— Ты все знаешь, — также хрипло отвечает, не отнимая своей головы от моей макушки, — Женщины ведут себя импульсивно и совершают необдуманные поступки, когда хотят отомстить, но я не могу позволить тебе поступить настолько глупо. Он тебя убьет, Амелия, потому что ты не твоя сестра. Чтобы ни случилось, ты не сможешь заткнуться, как она, и в конечном счете... он просто забьет тебя до смерти, а я... не могу этого допустить.

— Я никогда этого не сделаю.

— Мне так уже говорили, и тогда я поверил.

— Не сравнивай нас...

— Знаю, это глупо, но... я слишком боюсь. Ты должна была увидеть, что с тобой будет рядом с ним...

— Он вряд ли остановится, да?

— Он никогда не останавливается.

Произносит и отпускает мои руки, ждет пару мгновений, после которых шепчет.

— Прости меня.

По-прежнему не имея никаких сексуальных намеков, тем не менее Макс дышит часто,

хрипло, и я поднимаю на него голову. Глаза закрыты, он хмурится, и снова пропуская пару мгновений, смотрит в ответ, словно ему нужно время собраться. В его глазах я вижу раскаяние. Такое отчаянное, колющее, режущее сердце на части... Мне плевать, что возможно он просто притворяется или снова врет мне, плевать на любые «но», потому что я вижу это чертово раскаяние. Настоящее, огромное чувство сожаления, боль, и нет здесь злости или желания меня ранить в ответ, как я его ранила. То, что было вначале — это настоящая, неловкая и кособокая, но попытка защитить, никак иначе.

— Прости меня за то, что я сделал, — повторяет более уверенно, — Я...я не знаю, как мог так поступить...

Выдыхает шумно, потом опускает глаза и глухо шепчет, прежде мотнув головой.

— Я не сдержался. Меня снова накрыло, но в этот раз мне не удалось сдержаться. Это дерьмовое оправдание, я знаю, оно даже в моей голове не работает. Я ненавижу себя за это и...

— Макс, я сама виновата...переборщила...и...

— Нет! Даже не думай брать мою вину на себя. Я должен был себя контролировать, но не смог. Прости меня за это, если сможешь, но себя винить не смей.

— Макс...

— Амелия, это полностью моя вина, и этого никогда больше не повторится. Клянусь, что больше никогда тебя даже не схвачу, а это...тем более. Прости меня...

Парадокс в том, что он извиняется искренне и от всей души, но не ждет, что я его прощу. Наверно, он думает, что я оттолкну его, но этого не происходит...

«Как я могу это сделать?...» — при том, что половина вины на мне.

Макс дико боится стать таким же, как его отец, а я так жестоко его спровоцировала. Нет, у меня нет комплекса вины, но я знаю, что я — не ангел, и в этот раз все на него спихнуть не получится. Я действительно виновата...Поэтому вместо шага назад, делаю шаг вперед, кладу руку на щеку, чтобы привлечь внимание.

— А я клянусь, что буду контролировать себя и буду думать прежде, чем сказать. Клянусь, что этого тоже больше не повторится.

— Это моя вина.

— Вечный вопрос, кто виноват, провокатор или тот кого спровоцировали, да?

— Амелия...

— Договоримся, что вина на нас обоих. И еще, что мы никогда больше не будем об этом говорить, но навсегда запомним, как далеко можно зайти, если потерять контроль. Подходит?

— Я вряд ли смогу забыть и простить себя за то, что сделал.

— Я не прошу тебя забывать, напротив. Ты *должен* помнить, чтобы не повторять. И я буду помнить, что иногда словами можно ранить даже глубже. Мы оба виноваты, Макс. Договорились?

Усмехается, но кивает.

— Договорились.

Мы снова заключаем пакт, и как тогда в качестве «рукопожатия» поцелуй, который я сама углубляю, а потом и вовсе толкаю его к кровати.

— Ты уверена? — шепчет, прижимая к себе за бедра, — Амелия, я пришел не за этим.

— Ты пришел меня напугать. Я поняла. А теперь заткнись.

— Я...

— Просто. Заткнись...

Сейчас не существует никаких обстоятельств, а только мы.

«О том, что будет завтра, я подумаю завтра.»^[24]

Жаль только, что время кончается слишком уж быстро и на утро, лежа в его объятиях, над нами проявляется грозовая туча, а точнее перезвон свадебных колоколов, и прятать голову в песок более нереально.

— Ты женишься, — говорю тихо-тихо, в ответ Макс меня сильнее прижимает к себе, кладет голову сверху на мою и пару раз кивает.

— Да.

«Он, боюсь, любовь всей моей жизни...» — тихо шепчу про себя, — «Вряд ли испытаю такое с кем-нибудь после, но...я действительно должна закончить эти отношения...»

— Я хочу все закончить.

— Я не могу отменить эту свадьбу, Амелия.

— И я не прошу, но такие отношения не моя история. Отпусти меня.

Пара мгновений, после которых Макс вдруг резко отстраняется, вытягивая руку из под меня, садится и начинает одеваться. Я смотрю ему в спину, кусаю губу, быстро стерев слезы, ведь думаю, что вот так мы и закончим, но...

— Нет.

Макс встает, застегнув брюки, берет рубашку и идет на выход, по пути натягивая ее и оставляя меня в полнейшем шоке.

«Я сейчас правильно поняла?!»

— Макс, стой!

— Разговор окончен.

— В смысле окончен?! — срываюсь с места тут же, как безумная, прикрываясь одной тоненькой, шелковой простышкой, — Макс!

Полный игнор. Макс решительно идет по коридору, пока я бегу за ним, как дура, вымаливаю то, что итак мне принадлежит — свою свободу. И это дико бесит! Поэтому когда я хватаю его за руку и резко поворачиваю на себя, начинаю орать.

— Чего ты хочешь добиться глупым побегом?! Я буду об этом говорить, потому что *мне* это *важно!*

— Я сказал, что ты никуда не пойдешь. Все. Точка. Обсуждать снова и снова тему, которую нет смысла обсуждать?! Зачем?!

— Ты и не собирался меня отпускать, да?! Ты опять меня обманул?!

Молчит пару мгновений, потом закатывает глаза и цыкает, снова поворачиваясь на выход. Я так и стою по середине коридора, как дура, а прихожу в себя, только когда он почти одел свои ботинки.

— Это нечестно! У тебя будет семья и дом, а кто я? Просто развлечение? Попытка сбежать от рутины? От бытовухи?

— Не носи бред... — тихо фыркает, но глаз не поднимает.

«А бред ли?!» — фыркаю сама, повышая голос.

— Ты обо мне подумал?! Может быть я тоже хочу *свой* дом и...

— У тебя есть дом!

— Он не мой, а ваш! И сюда могут прийти все, кто хотят, даже если я против!

— Отец сюда больше...

— А при чем тут твой папаша?! Марина сюда может прийти?! Да! А я не хочу ее видеть

в своем доме, но это квартира *твоей* матери, черт возьми! Чего стоят мои хотелки?!

— Амелия...

— И что насчет замужества?! Ты думаешь, что мне этого не хочется?! Карьеры?! Детей?! Это нечестно! Ты лишаешь меня всего этого из эгоизма и... Черт, Макс, отпусти меня!

На секунду мне кажется, что он меня услышал, ведь Макс стоит и смотрит на меня так долго, так проникновенно и отчаянно, но потом резко открывает дверь и бросает тихое:

— Нет.

Я понимаю, что он сейчас уйдет. Точка. Все. Поэтому бегу в сторону двери в надежде успеть, но не успеваю. Врезаюсь в нее, а потом начинаю колотить в каком-то безумном припадке.

— Не уходи! Пожалуйста, не уходи! Мы не договорили! Пожалуйста, Макс!

Как рыба об лед. Все проходит почти сразу и также внезапно, как началось. Съезжаю на пол, ведь отчетливо слышу, как створки лифта открываются, закрываются, и он идет вниз. В итоге я ударяюсь головой о дверной косяк, а потом закрываю лицо руками и начинаю плакать.

«И на что я рассчитывала, казалось бы, да?...»

Наверно на него. Наверно, я слишком сильно в него верю, но вера уходит вместе с какой-то надеждой.

«Все зря...я навечно здесь...» — но у меня есть надежда, что это, все же, не так, ведь на следующий день мы созваниваемся, и Макс говорит кое-что туманное...

— ...я хотел бы поговорить.

— О чем? — бесцветно спрашиваю, а он как-то странно выкручивается.

— Давай вечером? Будь готова к девяти. Съездим кое куда.

«Больше нет смысла прятаться, когда ты знаешь о его жене, дура...» — немного медлю, но киваю. Это ведь шанс вырвать свободу... точнее надежда. Вдруг?

— Хорошо.

— Чудно.

В назначенное время я готова, а он не опаздывает. Едем в тишине, долго из-за пробок, так что примерно через час с копейками, оказываемся у какого-то шикарного дома. Территория здесь охраняется, но у него не требуют документов, разумеется. Спокойно въехав в пустой, тихий и офигеть-какой-шикарный двор, Макс паркуется, а потом смотрит на меня. Я же обращаю внимание на это лишь где-то на задворках сознания, потому что больше уделяю тому факту, что дом то еще не сдан. Явно. Здесь еще осталась кое-какая техника, строительный мусор, полиэтилен...

— Где мы?

— Сюрприз.

Выходим. Сюрприз, так сюрприз, кто я, чтобы мешать? Плетусь за ним следом по огромному, бежевому холлу и убеждаюсь, что была права. Мимо нас снуют рабочие, тащат что-то в ведрах, да и вся эта пленка, закрывающая плитку, ясно дает понять — дом на финишной прямой, но пока не пересек границу «все». Тем не менее лифт работает, там он нажимает кнопку последнего этажа, а потом ведет меня по длинному коридору до последней двери, которую открывает и пропускает меня вперед. Я подныриваю под рукой и захожу, но жмусь, жду его, и только когда включается яркий, но узконаправленный свет от одной, «строительной» лампочки, вижу — в квартире нет ничего. Серьезно. Абсолютно

ничего. Голые стены и голый пол. Прихожая не очень большая, но в принципе добротная, еще один длинный коридор, по которому я иду, после того, как Макс указывает рукой. Справа от меня большая комната, думаю, что будущая ванная, прямо еще одна, но побольше (наверное кухня) и слева одна. Самая большая. Огромная даже! Здесь окна в пол идут полукругом, открывая волшебный, фантастический вид на ночную Москву, и я подхожу к ним, чтобы полюбоваться вдоволь...

«Красиво...» — Москва, как на ладони.

Я легко узнаю это место — Кадашевская набережная, напротив Болотная. Это прямо самый центр столицы, шикарный район. Роскошный.

— Теперь объяснишь, что мы здесь делаем?

— Тебе нравится?

— Голые стены? Очень.

Макс усмехается. Руки в карманах, сам опускает голову и пару раз ей кивает, потом резко смотрит на меня.

— Здесь нет ремонта, потому что я посчитал, что хозяйка сама захочет его сделать.

Сердце замирает. Намек вполне себе жирный, я прекрасно понимаю, к чему он ведет, но молча жду объяснений. Даже отворачиваюсь обратно к окну, чтобы скрыть свое смятение, но, наверно, слишком все очевидно — он ведь смеется. Слышу шаги за спиной, от которых тело покрывается мурашками, потом чувствую его жар, долбящий в лопатки, который только множит стайки, а потом и руки, что привлекают к себе за бедра. Прижимают.

— Она — твоя.

Резко оборачиваюсь на него, прижимаюсь спиной в стекло, а Макс, сделав шаг, упирает руку чуть выше моей головы и смотрит-смотрит-смотрит.

— Я тебя слышал. Ты хочешь свой дом? Квартира твоя. Документы будут готовы через пару дней, чтобы ты чувствовала себя в безопасности. Ключи у тебя тоже будут. Тебе нужно будет придумать проект для ремонта. Если хочешь, найдем дизайнера — мне плевать, я все оплачу, только скажи. Универ? Хочешь восстановлю в твоём прошлом, хочешь другое? Тебе нужно лишь выбрать. Будет тебе карьера...Машина? Я...

— Что насчет остального?

Меня "остальное" волнует куда сильнее, чем квартира, которую по факту я могу себе позволить и сама, как и машину, как и универ. А вот остальное? Что с этим делать? Макс молчит, смотрит на меня долго, и, признаюсь, я снова надеюсь на лучшее, но...

— Я не могу отменить эту свадьбу, Амелия.

Макс поднимает мое лицо излюбленно за подбородок, хмурит брови. Сейчас он абсолютно серьезен, собирается наговорить мне кучу прелестей, а по факту ничего это не меняет. Он предлагает мне очередной «золотой» контракт, а я хочу совершенно не этого...

— Да, я буду женат официально, но...это ничего не меняет, малыш.

— Ты будешь с ней спать?

Молчит. Конечно будет, ответ очевиден, и я кладу руку ему на грудь, чтобы восстановить дистанцию, отпихнуть от себя. Выходит. Макс отступает от меня на шаг, но не отступает от намеченного, вместо того начиная разматывать клубок бесполезных объяснений.

— Послушай, Амелия, ты должна понять кое что. В моем мире так принято. Мужчины женятся на определенных женщинах, потому что так *надо*, а не потому что это их выбор. У

меня много женатых друзей, у каждого были свои причины, кроме самой очевидной. И у каждого, ты слышишь?! У каждого! Есть кто-то еще... Брак — это лишь договор, взаимная выгода, расчет, и ничего общего с любовью не имеет.

— А для «любви» нужны такие, как я?

— Я не это сказал.

«Да ну?!»

— Что будет, когда я тебе надоем, м? Ты просто вычеркнешь меня из своей жизни, так получается?

— Это может произойти итак в любой момент. От расставания и выгорания чувств никто не застрахован. Даже штамп в паспорте не гарант, Амелия.

«Согласна, но...»

— Пойми же ты наконец... — тихо продолжает, улучив момент моей молчаливой задумчивости, — *Я необычный* мужчина, мне недоступна *обычная* жизнь с *обычным*, простым выбором. В моем мире *так* принято. Ты заключаешь выгодные сделки, создаешь красивый фасад для общественности, а чувства...они не для первых полос, Амелия.

— У Миши тоже есть такая как я?

Пару мгновений снова молчит, потому что мы оба знаем — нет, у него нету девочки для развлечений, и в конце концов Максу приходится это признать.

— Нет, но Миша скорее исключение, подтверждающее правило. Ему повезло.

Правда с оговоркой. Конечно же. Ему кажется, что этого достаточно, а мне, что он просто взял и полил кучу дерьма сиропом.

— Понятно.

— Амелия, я правда не могу отменить свадьбу. Единственное, что мой отец любит — это свою компанию, и чтобы отнять ее, мне нужны связи!

«*Так вот что они задумали...*» — осознаю «глобальное», а он, словно прочитав мои мысли, кивает.

— Отец Ксении второй по состоянию человек, и если я женюсь на его дочери, у меня будут необходимые основания. Я — Александровский, но пока мой отец имеет больше веса, потому что, как ни крути, я все равно второй. Сын. Заключив сделку с Малиновским, смогу сравнять счет, и когда я начну снова задавать вопросы, уже не будет так страшно делиться информацией. Как только я женюсь на Ксении, чаша весов уравнивается. *Он* много кого достал, и выбор уже не будет таким очевидным.

— Не проще ли разрушить вашу компанию?

— Нет, — твердо отрезает, и когда я смотрю на него вновь, он увереннее и сильнее, чем когда-либо, — Это наше наследие, Амелия.

— Вам действительно нужно что-то его?

— «АСтрой» создан на деньги моего деда, то есть на мамины, так что да. Нужно. Да и знаешь? В этом есть особый кайф, отнять его детище и заставить смотреть, как все, что он создал, больше ему не принадлежит. Для этого мне нужен компромат, который поставит под угрозу само существование «АСтроя»...

— ...Чтобы выпихнуть отца шантажом, так как иначе будет риск полного уничтожения.

— Да. Теперь ты понимаешь?

— Понимаю. Ты хочешь отомстить, и уверена, что у тебя это получится...ну а я как же? — тихо спрашиваю, сложа руки на груди и переведя взгляд в сторону, — Ты получишь «правильную» жену, поддержку ее отца, положение и компанию, а что со мной будет?

— С тобой все будет хорошо.

— Правда? — горько усмехаюсь, — Ты меня любишь?

Лицо Макс вытягивается, как комичная маска. Он удивлен, не готов, не придумал, не подгадал ответа, и не подгадает. Я ведь даю достаточно времени, чтобы услышать хоть что-то, но все, что мне достается — колючая тишина.

— Понятно.

— Ты не замена Лиле, если...

— Я не об этом спросила, а твое молчание гораздо красноречивее любых красивых слов и обещаний.

— Не дави на меня!

— Он сказал, когда приходил, что твоя мама научила тебя ответственно относиться к этим словам, так что ты мне их не скажешь, потому что не любишь. И к чему тогда такие траты? Квартира, машина, учеба... Я — всего лишь одна «из», и, спорю на что угодно, что к тебе в постель целая очередь тех, кто готов на все твои условия.

— Но проблема в том, что мне не нужны они. Я хочу тебя.

— Вот именно. Ты «хочешь», а это...

— Я испытываю определенные чувства, но я пока не готов сказать, что люблю тебя, потому что не уверен! — выпаливает и снова бьет меня в самое сердце.

«Класс. Просто потрясающе...» — «Зато честно?» — «Ну да. Он «меня хочет», и возможно когда-нибудь «полюбит», но пока «испытывает определенные чувства»...»

— Прости, но я не хочу врать. Ты сама просила честности — я тебе ее даю. Я не уверен в том, что испытываю сейчас, но знаю точно, что испытываю.

— Тогда скажи, что ваш брак — это лишь способ получить желаемое, что он будет фиктивным. Ни секса, ни отношений, ни...детей. И скажи, что ты разведешься, как только сядешь в кресло Петра Геннадьевича.

— С чего ты вообще взяла, что я буду управлять...

Устало цыкаю и саркастично смотрю ему в глаза.

— Брось, не делай из меня дуру. Это будешь ты. Миша — не сможет, Марина тоже. Лекс...возможно, но компания создавалась на деньги *вашей* матери, и вряд ли та же Марина это позволит.

Макс прикрывает глаза какой-то своей мысли, улыбается, а я вдруг спрашиваю:

— Я думала, что ты мечтал стать архитектором.

— Так и было, малыш, — тихо отвечает, а потом пожимает плечами, с сожалением глядя на меня, — Но у меня нет выбора. Это мои обязательства перед семьей, так что ты права, я — единственный кандидат.

— У тебя во многом нет выбора, не так ли? — молчит, — Так...Ну и? Ты скажешь мне то, что я прошу или нет?

Снова молчит. Потому что нет. Потому что он не может. И я это знаю даже раньше, чем он ответит взгляд.

Начинаю смеяться, тихо, и скорее с целью скрыть слезы, которые так и норовят вырваться. Мне ведь дико больно. Вот то о чем говорил Властелин мира — мы слишком разные, и наши ссоры будут фундаментальными. Основополагающими. Это вам не мелочи, типа, «ты забыл купить молоко!»...или «Можно не разбрасывать свои грязные вещи?!». Все гораздо сложнее: я не могу принять его правила, он не может поступить иначе.

«Нам не суждено быть вместе...» — проносится в голове раньше, чем я вдруг

спрашиваю.

— Что если я вдруг захочу ребенка, например?

— Тебе всего восемнадцать, Амелия, об этом очень рано думать. Поживем пару лет, там видно будет...

— Ты говоришь, как истинный политик, но меня эта туманность не устраивает. Что будет, если я захочу ребенка? Или вдруг забеременею случайно?

— Мы уже об этом говорили, кажется? Тебе поставили укол и риски максимально исключены. Опиши хоть сотню тестов, результат будет отрицательным.

— Максимально, но не полностью. Всегда существует один процент.

— Амелия...

— Ответ на вопрос, я знаю, как меня зовут.

Макс строго молчит, ему не нравится моя грубость, но все свои «не нравится» он запикивать поглубже и пожимает плечами, держась спокойно, а тон ровным.

— Ты будешь сдавать кровь раз в месяц. Если окажется, что мы попали в «один процент», срок будет небольшим...

Меня облает холодом изнутри и снаружи...

«Нет, нет, нет... Он о том, о чем я думаю?!» — бледнею, смотрю на него во все глаза, но Макс всего лишь отмахивается.

— Не смотри на меня так.

— То есть... аборт?

— На этом сроке это не аборт...

— А что же это тогда?! Как назвать...

— Черт, Амелия, хватит! Что ты хочешь от меня услышать?! Что у меня не может быть незаконнорожденного ребенка?! Может, но точно не сейчас! Мне огромных трудов стоило договориться с отцом Ксении, потому что я уже разрывал помолвку!

— Пожалуйста, не говори, что... — шепчу, на что получаю громкий цык.

— Прости, но да. Я познакомился с Лилианой и поэтому расстался с Ксенией. Она меня простила, конечно, ее отец нет, и мне было очень сложно убедить его в том, что я больше так не поступлю. Если сейчас вылезет хоть один мой косяк — всему конец, а ребенок?! Амелия, ты понимаешь, что на кону стоит жизни моих братьев и сестер?! Тебе ничего не угрожает. Им да.

— Ну конечно ничего, кроме участи любовницы, которая будет смотреть, как растут твои дети, не имея возможности завести ни отношений, ни мужа, ни дома, ни своих детей. По крайней мере пока моя задница тебя привлекает, или пока «можно не будет» по правилам твоего конченного «высшего света»...

— Господи, как я уже устал... — выдыхает и отходит к окну, в которое упирается кулаком, а потом и лбом, — Я вообще не понимаю, почему мы говорим на тему деторождения, когда ты сама к этому не готова.

— Потому что всегда существует этот "один процент".

В принципе, мне больше ничего не нужно слышать и продолжать бессмысленную возню. Все понятно. Наша история — не история о любви, а какой-то сборник коротких, сатирических рассказов с большим количеством порнухи и элементами хоррор-слэшера, где главный шут и жертва — я. Даже не его, черт возьми, а меня самой. Я построила слишком высокие, розовые замки из пушистых облаков, поэтому так отчаянно пыталась смотреть только на солнце, когда сама находилась на волоске от вечного падения. Слишком высоко.

Слишком опасно. Я не воспринимала всерьез свое шаткое положение: я ведь не в безопасности, а стою на самом высоком шпиле этого самого замка, как птичка на жёрдочке, только летать не умею. Один неверный шаг — упаду и разобьюсь, не имея возможности выжить. Теперь то я наконец стойко смотрю в лицо всему тому, что наворотила: я для него развлечение, не было никогда никаких чувств, любви, точнее она есть, но лишь моя.

«Ему я рано или поздно надоюм...так всегда и бывает. Любовницы меняются, жены остаются, но дело то даже не в этом. Во мне. Властелин мира был прав еще кое в чем: я не могу быть любовницей, меня не так воспитали, да и претит эта роль аж до тошноты. Не мое. Не могу. Потому что если я соглашусь, то перестану существовать — это меня сотрет. Самоуважение, гордость, мою личность — все будет уничтожено...»

— Я отказываюсь, — глухо произношу и делаю еще один шаг подальше от него и окна, словно отступаю от красивой, роскошной и «легкой» жизни.

Этот полукруг будто ее символ, и я осознанно иду в другую сторону. Смотрю в пол, так как чувствую взгляд на себе, на который не хочу отвечать. Все уже решено. Он не выбирает меня, а я не выбираю его. Нам действительно не суждено быть вместе.

— Мне такая жизнь не нужна. Я не хочу и не могу быть любовницей. Отпусти меня.

— Нет.

Вот так просто. Я резко смотрю на него, когда слышу шаги, вижу как он приближается. Не бегу, смысла в этом нет, да и я могу упасть, чего доброго...Стою и дальше, как оловянный солдатик, даже когда Макс останавливается напротив. Смотрит так проникновенно, касается щеки, а потом шепчет.

— Я не могу тебя отпустить. Дело никогда не было в страхе, что ты поставишь под угрозу наш план...Я просто не могу без тебя. Не хочу.

— Это эгоизм, Макс.

— Между нами ничего не изменится.

— Все уже изменилось.

— Нет, малыш, просто появились обстоятельства. Сейчас ты злишься, но скоро ты увидишь, что я прав.

— То есть я привыкну? Это ты хочешь сказать?

— То есть ты привыкнешь. Да. Люди всегда привыкают и подстраиваются под обстоятельства. В нашем случае они сложные, но...так уж вышло.

Отступаю еще на шаг назад.

«Да, так уж вышло, и не говори...»

— Я хочу вернуться обратно.

— Амелия...

— Отвези меня, больше не о чем говорить. Я хочу обратно.

В этот раз он покорен насколько это вообще возможно, поэтому до Красных Ворот мы едем в тишине. Хотя нет, на светофоре, который отделяет нас от заезда к дому, Макс все же тихо ставит меня в известность еще по одному поводу:

— Все же подумай насчет ремонта. Я перевезу тебя, как только это будет возможно, и, наверно, лучше, если ты сама оформишь свою квартиру.

— Это не моя квартира...

— В случае нашего расставания, она все равно останется твоей. Я оформлю бумаги...

Он говорит дальше. О том, как защитит меня с финансовой стороны. О том, что я не останусь у разбитого корыта. О том, как привыкну к положению дел, к статусу его

любовницы, а я не слышу и половины. Я отчетливо понимаю, что это конец. Между нами все кончено окончательно и бесповоротно здесь и сейчас...

«Осталось только придумать, как сбежать!»

Мне не жаль расставаться с Москвой — по сути своей, я никогда не любила столицу, и домом мне она так и не стала. Сейчас я хорошо вижу ее суть: жестокость, циничность, роскошь, за которую приходится платить душой, а мне мою слишком жаль. Сейчас, оглядываясь назад, я осознаю, как глупо было на что-то надеяться. Макс привык жить так, как он живет. Он — наследный принц, выросший при дворе, знающий и умеющий играть в игры по самым жестоким правилам, а я никогда в них не вникала. Мне неинтересно. Макс — наоборот. Я вижу с каким азартом он говорит об их плане по свержению отца, но дело то тут не только в мести за мать. Ему действительно нравится чувствовать власть — это его жизнь, так что глупо, наверно, сокрушаться, что моя не такая.

Когда я думаю о нас, мне почему-то сразу вспоминается **Цугцв́анг**. Это ведь такое положение в шахматах, где любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции, а не к улучшению. Наши отношения — это сплошной и беспросветный Цугцванг, как бы грустно не звучало. Любая линия поведения, любая попытка договориться, изменить что-то, ведет к еще большему провалу, чем был до этого. Как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров: проблема за проблемой, ошибка за ошибкой, и это нельзя исправить или изменить. Наблюдается регресс и в будущем взлета не намечается, потому что он меня не слышит. Макс считает, что я *привыкну*, но не понимает или не придает значения тому, что я так действительно не смогу жить. Он меня *действительно* не понимает, а главное, что не хочет понять. Я пытаюсь сделать так, чтобы меня тоже заметили, но из-за нехватки опыта каждый раз проваливаюсь глубже под лед, об который уже устала разбивать руки. Властелин мира пусть и монстр, но монстр зрящий в корень: мы с Максом будто с разных планет, как две параллельные прямые, которые никогда не пересекутся.

18; Февраль

Курьер доставки смотрит на меня, как на дуру. Луп-луп глазами, хлопает хмурит брови. Парень совершенно не понимает, что происходит и насколько я адекватна, но я его не виню. Наверно, если была на его месте, и мне бы предложили сто тысяч за самый обычный телефон, который стоит не больше пяти тысяч, тоже офигела бы.

— Эээ...

— Слушай, ты тоже же молодой, должен понять, — устало цыкаю, закатывая глаза, чтобы больше приблизиться к истинной бунтарке, — Предки совсем звери! Они закрыли меня здесь, а сами улетели на Багамы, и за что?! Ну да, я сбежала из дома, но цель благородная!

— Правда?

Он усмехается, расслабляясь, но главное — идет на контакт. Я прижимаюсь плечом к двери и улыбаюсь во все тридцать два зуба, накручивая кончики волос на палец. Специально для такого пришлось обрезать футболку, чтобы пупок был виден, ведь половина успеха спектакля в чем? Правильно. В идеально подобранных костюмах...

— ...Правда. Весь мой класс поехал на дачу, а я что же?!

— Честно? — улыбается сильнее, как и идет на поводу охотнее, разглядывая меня во все глаза, — Мы ставки делали, кто ты такая.

— В смысле?

— Ну...я же не один на доставке работаю. С коллегами обменивались мнениями.

— И к чему пришли?

— Кто-то говорил, что ты затворница. Кто-то, что жена какого-то бандита, который прячет тебя от своих врагов.

Начинаю смеяться громко и искренне, отчасти потому что это почти правда. Только вот я не жена, а дочь. И прячет меня не мой муж, а мой любовник, и не от врагов, а от правды, которой, как оказалась, обклеена вся Москва. «Помолвка года» стала «помолвкой века», и о ней трубят из каждого угла, а их счастливые лица пестрят на каждом столбе, образно говоря, и если короче: гуляй я и дальше так свободно, спалила его быстрее, чем бы он снова назвал меня по имени.

«Интересно, как сильно взорвется сама свадьба?» — хотя нет, мне неинтересно, и, надеюсь, что я буду к тому моменту настолько далеко, насколько только могу.

— А на деле все не так интересно, да?

— Ну...если учесть тот факт, что ты предлагаешь мне сто тысяч за мой старый телефон, который я купил с рук, нет. Очень интересно.

— Мне срочно надо... — понижаю голос, надувая губки, а потом заговорщически приближаюсь, как бы осматриваясь по сторонам, и расширяю глаза, — У меня есть парень, но родители его не выносят, потому что он ездит на байке и постоянно зависает в гараже...

«Точный удар по хобби...» — ненароком бросив взгляд на его пальцы в мазуте, я улыбаюсь глупо-глупо, как улыбалась бы, будь мои отношения обычными. И будь они вообще отношениями...

— Но...я в него по уши влюблена...он такой...такой...!

— Ага. Понял. И тебе нужна труба, чтобы с ним связаться?

— Очень нужна. Брось, соглашайся. Я тебе сто тысяч, ты мне телефон. Равный обмен. Ты разве что-то теряешь?

— Нет, но мне совесть не позволит отдать этот кусок говна за сто косых. Забирай за десятку.

— Серьезно? — искренне удивляюсь, на что он пожимает плечами и показывает милые ямочки на щеках.

— Да. Я итак много сверху беру...

— Немного, нормал. Так сказать, за беспокойство.

Странно, но этот парнишка хотя бы на один процент возродил во мне надежду на то, что не все мужики — козлы вонючие. Как некоторые. А если к списку добавить и то, что он согласился сходить и купить мне сим-карту у метро, можно смело накинуть еще полтора процентика сверху.

Конечно для моего плана телефон стоял чуть ли не во главе угла, потому что без него я знаю, что не смогу выбраться. Меня банально закрывают на ключ, а дверь настолько хитро устроена, что я даже при кое-каких навыках не могу ее вскрыть.

«Жаль, что не слушала...» — сокрушалась, пока продумывала каждый свой шаг, — «Надо было!» — Хан умел вскрывать двери и предлагал научить и меня просто на всякий случай, мол, никогда не знаешь какие навыки и где тебя смогут выручить, а я отмахнулась, — «Дура-дура-дура!!!»

Так и получилось, что единственный вариант — это связаться с кое кем, кто когда-то первым открыл глаза на все, что происходит.

Вы:

Мы все еще друзья?

Я этого не хотела, если честно — обращаться к «неизвестному абоненту» так себе план. Как ни крути, но слишком уж много обстоятельств, которые я не могу контролировать, а самый главный заключается в том, что я без понятия, кто этот чертов «неизвестный» абонент. НО! Во-первых, у меня нет выбора. Я много думала о том, что будет дальше, и поняла кое что: когда Макс перевезет меня на ту квартиру, так как контроля станет меньше, например, я смогу выходить из дома, как минимум, он снова нацепит на меня маячок, как на собаку. Сейчас на мне его нет, смысла то ноль: я сижу под замком, надежно скрытая за толстыми стенами, и никуда не денусь. Он "благородно" снял с меня браслет, как только я переступила порог, пообещав ему потерпеть и подождать, дальше такой лояльности ждать не придется. Во-вторых, что самое-самое главное в моей попытке довериться незнакомцу — я уверена, что это кто-то из его родственников. Марина, может быть Лекс, а может даже Миша или Адель? Никому из них не нравилось то, что я есть, так что все произошедшее вполне тянет на план «Как-убрать-нежелательное-лицо-из-уравнения».

«Думаю, что это была Марина...» — размышляю в ожидании ответа, — «Она знает, что их отца я ненавижу, так что ни за что не пойду к нему, чтобы не случилось. При этом ей совершенно точно не нравится мое присутствие в жизни ее брата. Я ее в этом не виню, после Лилианы вряд ли она может доверять нашей семье, даже не смотря на то, что мы — разные люди. Плевать. Это не контролируется, и, спорю на что угодно, она специально

заманила меня в тот двор, чтобы я увидела все своими глазами и никогда больше не подпустила Макса к себе!»

Допускаю, что возможно это была и не она, конечно, но определенно кто-то, кто в курсе их «плана», кто знал, где они будут в этот конкретный вечер, кто видел видео...

«Точно. Видео. Тогда это мог бы быть Лекс? У него гораздо больше причин отсеять меня. Он считает мою скромную персону угрозой, переживает за свою мать...имел доступ к видеозаписи...»

Лекс и правда на такое способен, я вижу по нему, что да. Максимум он едва ли уступает в своей изворотливости и способности «принимать сложные решения». Тогда на Мосфильмовской я своими глазами видела, как он на самом деле боится допустить ошибку и поставить под угрозу свою мать. Даже в теории. Он готов был прямо там пожертвовать мной, лишь бы ее спасти, и я тоже не виню его. Мама — это святое.

«Но то, как мне отвечал аноним...как злостно смаковал? Ядовито. На мужчину это не совсем похоже, скорее чувствуется женская рука. И у кого тогда есть похожие мотивы, если не у Адель? И странная ненависть, которая появилась как будто из ниоткуда? Это же и не ненависть вовсе, если раскрыть глаза пошире, видно, что это — страх...»

На самом то деле, она не так и глупа, как я говорила. Пару раз я видела своими глазами, как она сражается за «место под солнцем», и если Адель была готова хитро вывернуться и продумать каждый шаг ради соло, то разве она не способна на что-то подобное ради матери? При том, что она для нее, как моя для меня — абсолютное «всё». Украсть видео — дело техники, как никак, а если ты также близок со своим братом, как она с Лексом, вообще раз плюнуть. И разве, в конце концов, она не обдурила меня?...

«А Миша? Я действительно верю, что он мог так поступить?» — «Нет, но я едва ли могла представить, что «Алекс» может оказаться сыном Властелина мира. Что он притворялся с самого начала. Что врал мне. Выкручивался. Что женится, после того, как пообещал, что больше не причинит мне боли и будет «абсолютно честен»...» — «С ними никогда нельзя полагаться на слепую веру, не поняла еще?!»

Неизвестный абонент

Охо-хо...какие люди. Дай угадаю...Амелия? □

Глубоко вдыхаю и задерживаю выдох, хмуря брови. Узнаю этот ядовитый почерк и из тысячи бы узнала его, потому что снова будто чувствую, как этот миг смакует «кто-то» на другом конце. На секунду я задумываюсь, а правильно ли поступаю? Я уже думала об этом, пока вводила номер, который отпечатался на подкорке, будто его татуировкой набили на внутренней стороне черепа. У меня вообще очень крутая память на числа, которая досталась от отца, но я уверена, что сейчас дело не в этом. В том, что кроется за этими числами...

«Большое, вонючее...кхм-кхм...» — и я застыла. Минут сорок взвешивала «за» и «против», пока не осознала, что сколько бы я не гадала, у меня все равно нет другого выбора.

Мне срочно нужно бежать, поэтому и сейчас я напоминаю себе об этом, киваю и подбираюсь.

Вы:

Верно. Ну и? Мы все еще друзья?

Неизвестный абонент

Допустим □

Вы:

Будем считать, что это да. Ответ на один вопрос

Неизвестный абонент

Задавай, посмотрю, что смогу для тебя сделать □

Вы:

Зачем все это было нужно?

Для меня это фундаментально важный вопрос, если честно. Я догадываюсь какой будет ответ, но обязана его услышать, чтобы, так сказать, не оказаться в заднице и быстрее прийти к общему знаменателю. Аноним, наверно, тоже взвешивает то, что хочет сказать с тем, как будет лучше. Правда пока это происходит, я, клянусь, обкусаю себе ноготь вместе с фалангой большого пальца, но терпеливо жду. Ну как терпеливо? Просто жду, бью себя по рукам, когда хочу написать что-то вдогонку, заставляю, настраиваю, вспоминаю, что значит — дышать...и все напрочь забываю, когда телефон коротко вибрирует.

Неизвестный абонент

Я хотела, чтобы ты исчезла из его жизни.

Колит, все вокруг сходит с орбиты, а мне приходит еще одно сообщение...

Неизвестный абонент

Слышала, что ты очень гордая, и я думала, что когда ты узнаешь правду, больше его к себе не подпустишь. Увы и ах, как это часто бывает, слухи — это лишь слухи, прямо, как в случае с твоей сестрой. Ты по-прежнему здесь

Вы:

Меня бы не было здесь, если бы он умел отпускать

Неизвестный абонент:

Не льсти себе, малышка. Скоро все кончится

Прикрываю глаза. Уверена, что мой аноним знает, о чем говорит, да и сама я знаю, о чем он говорит. Мы с Максом не виделись уже пять дней, после той неудавшейся попытки «поговорить», но он не отступает. Продолжает мне писать, звонить — я не отвечаю, а сама про себя приговариваю:

«Ничего, скоро все кончится, скоро все кончится...» — леденя.

Потому что мне страшно. Потому что я знаю, что как только звонки прекратятся, а они непременно закончатся — ему же рано или поздно надоест стучаться в закрытые двери, —

как и сказал Петр Геннадьевич, он уйдет и больше не вернется. Забавно, но этот момент, который я так жажду, так сильно и страшусь. Я хочу закончить эти отношения головой, но сердцем... оно, глупое, верит, что все еще у нас может быть.

«Нет, не может!» — решительно смотрю в экран, — «Нам не судьба быть вместе, это больше совершенно точно невозможно. И не потому что если я соглашусь, добровольно уничтожу себя. Ты прекрасно знаешь, что есть причина поважнее...»

Вы:

Правильно, но все кончится раньше, если ты мне поможешь

Неизвестный абонент

И чем же?)

Вы:

Я хочу сбежать

Аноним сказал «да». Конечно, как иначе то? Иногда в попытке защитить свою семью, ты делаешь вещи, которые могут причинить им боль, но в перспективе обернутся плюсами. Мне это известно не понаслышке, и пусть первое время ему, возможно, будет сложно смириться, пройдет время и все встанет на свои места.

Что касается плана, он был до безобразия прост:

А) Чтобы открыть дверь, я вызову курьера с доставкой еды. Внизу его за неплохую плату заменит человек от «анонима», который поднимется и выпустит меня на волю.

Б) Так как мне известно, что Макс в попытке найти меня в первый раз, пошел на такие шаги, как отсмотр камер слежения, когда я спущусь, меня будет ждать девушка по внешним признакам точно моя копия. Аноним затребовал фотографии моей одежды и сумок, включая переноску для Луны, чтобы повторить образ без единого отличия.

В) Она пойдет по своему маршруту, а меня от дома отвезет машина туда, куда я скажу. И выйду я, как и полагается грязному секрету, через запасной выход.

Неизвестный абонент

Лучше бы из Москвы вовсе. Есть пожелания?

Я понимаю, что да, лучше мне покинуть Москву, как можно быстрее, и да. У меня есть пожелания.

Вы:

Рязань. Подойдет?

Неизвестный абонент

Я рассчитывала на что-то поближе и не знала, как попросить максимально

гостей, а значит, он будет слишком занят, чтобы обращать внимание на глупого котенка, который воспользуется лазейкой и выскочит за порог. С нездоровой грустью я осматриваю квартиру, а потом слезаю с подоконника и бреду в сторону спальни, прежде спрятав телефон в ванной. На всякий случай. Но там, не смотря на всю изрядную усталость, я не могу заснуть, а вместо того смотрю в потолок и слушаю шум города, в котором проживаю последние деньки...

«Я все делаю правильно. Я все делаю правильно. Я все делаю правильно.»

Киваю самой себе, плотнее закрываю глаза, а потом и вовсе накрываюсь с головой, запрещая себе плакать. Потому что я ведь действительно все делаю правильно. Возможно так и есть, нет, точно, так и есть! То, что происходит еще через пару дней, скорее подтверждение пословицы: хочешь насмешить судьбу, расскажи ей свои планы. Она ведь смеется в голос, черт бы ее побрал...

12 Февраля

Мне нечего было собирать, кроме кошки, поэтому я не особо запариваюсь. Устало вздыхаю и отодвигаю от себя салат, который накрываю крышкой и убираю в холодильник, а потом бреду спать. Я уже приучилась ложиться в определенное время — 23.20, и я уже десятый сон вижу, — но сегодня все было не так. Весь день какой-то слишком «шиворот навыворот». Сначала я забыла закрыть крышку на кухонном комбайне и залила банановым смузи весь потолок. Потом, когда его отмывала, чуть не упала и плюнула на скакание по кухонной гарнитуре, взяла швабру и помыла только там, куда достала. Облилась душем, который забыла отключить... Короче. Злоключения сыпятся, как из рога изобилия, успевай собирать, и в виде вишенки на торте, меня будит звук, который я ни с чем не спутаю.

Фортельяно.

Проморгавшись, я прислушиваюсь к темноте и ловлю сладко-притягательные ноты, плавно перекатывающиеся с одной на другую. Прекрасные. От которых мурашки бегут по телу.

01:22

Не смотря на время, встаю с постели, крадусь по коридору, чтобы посмотреть, хотя прекрасно знаю, кого я найду в гостиной, и не ошибаюсь. Макс сидит при свете всего одной лампы в самом углу, играет. Никогда не думала, что он тоже умеет, и невольно застываю, глядя на его плечи, обтянутые белой рубашкой. Так это горько — видеть его сейчас, когда я фактически одной ногой за порогом, но я хочу увидеть его напоследок. Запомнить. Поэтому подхожу ближе, запахнув шелковый халат.

— Ты не отвечаешь на мои сообщения и звонки.

Почувствовал. Конечно да, хотя я и не пряталась, но уверена, что ощутил бы, даже если и да.

— Не думаю, что нам есть о чем говорить, — вздыхаю, он издает сбитый смешок.

— А-га. Подойди.

Оцениваю ситуацию быстро, так как слышу прекрасно, что Макс совсем далек от «трезвости» — он изрядно накачался, если по простому. Поэтому нехотя, но обхожу его, останавливаясь со стороны гладкого корпуса. Подальше. На расстоянии. Макса это улыбает.

— Держишь дистанцию?

— Зачем ты здесь?

Если до этого момента он не отрывал взгляда от клавиш, сейчас же приковал его ко мне. Мне некомфортно, и я ежусь, а он оценивает меня и злится. Снова вижу это на дне его глаз и очень хочу сбежать, но вместо этого продолжаю стоять. Чтобы не провоцировать.

— Подойди ближе.

— Макс, ты пьян.

— О да, малыш. Совершенно точно. Подойди. Ближе.

«Лучше сделать так, как он хочет...»

Делаю. Снова обхожу и останавливаюсь по правую руку от длинной черно-белой клавиатуры.

— Не знала, что ты играешь.

— Мама научила. Она любила играть, это помогало ей сбежать от реальности и мужа тирана. Почему ты меня игнорируешь?

— Потому что я не знаю, что тебе еще сказать.

Пару раз кивает, а потом вдруг берет меня за бедра и подтягивает к себе так, что теперь я стою напротив. Не сопротивляюсь, так ведь действительно лучше, позволяю обнять себя, позволяю его лбу уткнуться себе в живот.

«А "лучше ли"?» — раздается гулко из недр моего подсознания, — «Или ты просто не хочешь уйти, не попросившись?...»

— Макс, что ты здесь делаешь? — шепчу, уложив руки на плечи, он усмехается, но не отрывает от меня головы.

— Я по тебе скучал.

— Макс...

— Почему ты так реагируешь? — устало протягивает, — Я подарил тебе квартиру, признался в чувствах, пытаюсь идти тебе на компромисс, а ты все в штыки...

— Ты дал мне золотую клетку.

Резко смотрит мне в глаза.

— Так ты это видишь?

— Так это есть.

— Нет. Я хочу быть с тобой и ищу возможности, которые ты отталкиваешь.

— Они мне не подходят.

— А что тебе подходит, а?!

Я было тушуюсь, но потом все равно слегка его отталкиваю и отхожу в сторону.

— Прости меня, но я так не могу.

— Как «так»? Быть со мной?

— Это не быть с тобой, очнись ты наконец! — повышаю голос, чувствуя, как в глазах собираются слезы, поэтому отворачиваюсь и уже шепотом добавляю, — Это просто фикция. Притворство. Способ сбежать от реальности и разнообразить свою жизнь.

Резким рывком Макс подтягивает меня обратно, так что задницей я задеваю клавиши, рождая гулкий звук. Замираю.

«Возможно я сказала что-то лишнее, что опять не смогла сдержать, разозлила его? Идиотка! От тебя только и требовалось, что молчать...» — но сталкиваясь с его взглядом, убеждаюсь в обратном.

Он не злится, скорее опечален и полон сожалений. Нежно касается моей щеки, смотрит

так открыто, по-настоящему, не прячется за маски. Вообще ни за какие, и тогда у меня рождается идея, что, возможно, сейчас он будет готов меня отпустить. Нормально. Без разных, детально спланированных побегов?

Я кладу руки ему на щеки и хмурюсь, глядя точно в глаза. Смотрю долго, веду с ним какую-то немую беседу, которую сама до конца не понимаю, словно пытаюсь убедить его прислушаться, а потом, когда мне кажется, что этого достаточно, произношу...

— Пожалуйста, отпусти меня.

— Не могу, — также тихо отвечает, снова разрушая все мои надежды.

Я закрываю глаза и опускаю голову, хочу отстраниться, но вместо этого Макс перехватывает мое запястье, а потом нежно целует в ладонь. Еще. Выше. И шепчет...

— Я не могу тебя отпустить, малыш. Не могу представить себе, что не увижу тебя, не почувствую. Не услышу твой голос... Мне тебя дико не хватает, и когда ты не отвечаешь, я нервничаю. Вернись ко мне, малыш, пожалуйста. Просто будь со мной...

Мне хочется рыдать от столько проникновенных речей. Громко и с расстановкой. В голос. В носу свербит, в горле словно ком, и я не могу вдохнуть, но вместо того, чтобы плакать — таю. Его слова проникают мне под кожу, разбивают лед, и я почти перед ним на коленях. Как раньше.

«Только вот ничего уже не будет, как раньше. Очнись!»

— Макс... — пытаюсь его оттолкнуть, но мои карты биты.

Он резко подсаживает под бедра так, что я оказываюсь на клавишах, которые тут же недовольно ершатся. Снова цепляюсь за его плечи, но куда как надежнее, чтобы не свалиться на пол, а он будто не замечает. Сжимает бедра, ведя по одному губами. Оставляет поцелуи и будит во мне огонь.

— Макс, пожалуйста... — жалобно пишу, пытаюсь свести колени, но упираюсь в противоположное желание.

Клавиши снова грохочут. Вздрагиваю, когда неловко опускаю на них руку, вызывая еще один «ба-бам!», и тогда Макс подхватывает меня и поднимает. Мы оказываемся на диване.

Я слышу, как часто он дышит, как жалобно трещит ткань моего халата, пижамы, белья... От ветерка по телу пробегают мурашки, а от его поцелуев внутри все поджимается. Я издаю тихий стон, когда он акцентирует внимание на груди, и Макс резко смотрит на меня. Оценивает насколько я позволяю себя касаться, а к своему стыду я позволяю.

«Последний раз. Это последний раз, чтобы его запомнить...» — судорожно оправдываюсь, хмуря брови и наблюдая за тем, как он спускается еще ниже, перебирается на пол, а потом оплетает мои ноги руками.

И все рассыпается. В моей голове больше нет ничего, кроме ощущений, кроме возбуждения и жара. Он так умело двигается, так знающе и так уверенно, что не оставляет мне ни единого шанса слушать разум. А может быть и слушать нечего? Может быть сейчас, в эту самую минуту, он отступает в тень намерено? Давая мне возможность попроситься...

— Только осторожней, — сбито шепчу, когда он ложиться на меня сверху, — Я не хочу жестко.

— Значит я буду нежным, — хрипло отвечает, а потом целует и через миг плавно заполняет собой.

Да...я, наверно, никогда не смогу быть более полной, чем в этот момент...

С утра, когда мы просыпаемся вместе, день «не везет, хоть ты тресни», продолжается. Макс обнимает меня двумя руками, дышит в макушку, молчит, пусть я и знаю, что он уже не спит. Думает о чем-то. Я не хочу говорить и спрашивать, это слишком для меня. Сегодняшняя ночь итак сделала цепи между нами прочнее, а мой выбор более сложным и безумным.

«Боже, как бы я хотела, чтобы все всегда было вот так...»

— У меня день рождение на днях, — тихо нарушает утреннюю тишину, прижимая к себе сильнее, — Двадцать шесть.

— Поздравляю?

— Рано еще. Поздравишь четырнадцатого февраля.

«ЧТО?!» — долбит красным, и я резко поворачиваюсь на него, хмурюсь, а потом притворяюсь, чтобы скрыть свою странную, как даже мне кажется, реакцию.

— У тебя день рождения четырнадцатого февраля?

— А-га.

— Забавно...

Отворачиваюсь, а сама судорожно думаю и ищу подвох, а точнее смысл брошенной фразы.

«В смысле поздравлю?!»

— Намек, чтобы я ответила на твои сообщения и звонки? А лучше сделала все это сама?

— Нет, малыш, — мягко шепчет, оставляя поцелуй на плече, — Я приеду к тебе.

Внутри я леденею.

«Это плохо. Это очень плохо...» — но ставлю стоп на панику, решая сначала выяснить, может и паниковать не о чем особо?

— Приедешь? А разве не будет пышного бала в твою честь?

— Будет, но плевать. Приготовь мне утку, в качестве подарка, м?

И так выглядит фиаско, если кому-то интересно...

14 Февраля

Я кручу в руках пачку с таблетками и хмурюсь. Мне капец, как не хочется делать этого, но разве есть какой-то другой выход? Он приедет. Макс написал мне с утра, что будет у меня в семь, как будто подгадывает — свалить я должна была в восемь. У меня в этот момент даже закралась мысль, что, возможно, он просто в курсе? Но потом аноним написал, что вместе с продуктами, я получу и небольшую посылку — отлегло. В ней было снотворное, которое я, логично, вынуждена буду добавить в еду или напиток Макса.

«Может быть так даже лучше?» — думаю, пока дроблю таблетку в специальной чаше, — «Он будет здесь, спать и совершенно точно не сможет мне помешать...»

Фора в целую ночь и, возможно, в половину дня обеспечена, так что я перекладываю порошок в небольшой пакетик и убираю его подальше. Сама принимаюсь за готовку. Мне несложно, я люблю готовить с детства, пусть и не всегда удачно, но что-то у меня получается круто. Например утка, которую мне и заказали.

«Это почти, как у всех: я готовлю для своего мужчины в день его рождения его

любимое блюдо...» — слегка улыбаюсь, но потом вспоминаю, что на самом то деле он не мой. И отношения у нас необычные, а с четкими границами и сроками годности.

Думаю, что он их прекрасно осознает, просто мне не говорит, а "сегодня" ни что иное, как попытка подтолкнуть меня туда, куда ему выгодно. Мол, смотри, родная, я делаю выбор в твою пользу!

«Очередная игра, партия, где Макс умело расставляет ловушки...только я в них больше не попаду!» — даю зарок и отправляюсь переодеваться.

Время для последней партии почти подошло, и я хочу встретить своего соперника во всеоружии...

Глава 27. Будь моим Валентином

Амелия

Мы сидим друг напротив друга, но не как любовники, а как противники. Он слегка улыбается, только вот на дне его глаз плещется отнюдь не нежные чувства, а расчет. В моих глазах, я знаю, тоже самое. Наверно сейчас Макс продумывает, как бы выкрутиться и заставить меня делать то, что он хочет. Я продумываю, как бы незаметно подсыпать ему снотворное, а главное куда.

«В вино?» — обращаю внимание на пока пустой бокал, который он слегка покручивает за ножку, — «А вдруг он умрет? Снотворное же нельзя мешать с алкоголем... Я вообще без понятия, но рисковать не хочу! И как мне заставить его не пить в свой день рождение?!» — «Ой-ой! Знаю! Пару дней назад он сказал, что вывезет алкоголь из квартиры. Разве нет?!» — «Пользуйся!»

— Пару дней назад ты сказал, что алкоголь отсюда уберут, — говорю, как раз когда он берет бутылку за горлышко.

Макс приподнимает брови, явно не ожидая такого захода, а потом усмехается и кивает.

— Да, не хочу, чтобы ты пила. Алкоголь действует на тебя слишком... бурно. Мне это не нравится.

А сам открывает бутылку! Теперь наступает моя очередь поднять брови и даже усмехнуться.

— Прости, а что ты тогда делаешь?

— Сегодня сделаем исключение.

«Потрясающе. Он теперь будет решать за меня и это!» — хмыкаю, складывая руки на груди, отвожусь недовольный взгляд.

Честно признаюсь, это больше театр. Макс слишком лезет из кожи вон, чтобы удовлетворить мои «запросы» и склонить на «темную сторону», играет нечестно, поэтому я считаю, что могу ответить на блеф блефом.

— Что такое, котенок?

И это работает. Мне необходимо приложить максимум усилий, чтобы не улыбнуться с триумфом, но я выдерживаю линию поведения, не отклоняюсь, а безучастно жму плечами.

— Ты даже это за меня решаешь. А когда тебе удобно, делаешь исключение...

— Серьезно? — цыкает, а когда сталкивается с моим бескомпромиссным взглядом, тяжело вздыхает и отставляет бутылку в сторону, — Хорошо. Тогда никакого алкоголя и исключений. Так пойдет?

Снова жму плечами. На самом деле — да, еще как пойдет, мой милый! На этот раз мне не удастся удержать лукавую улыбку за хвост...

— Скажи мне, Амелия, ты действительно так думаешь или просто прощупываешь, как сильно сможешь меня продавить, чтобы получить желаемое?

Нет, вы только на него посмотрите. Как он смеет обвинять меня в манипуляции, когда сам делает это не хуже, а может даже лучше меня самой?! Такая наглость заставляет все внутри клокотать, но выйти настоящее недовольство не успевает. Его телефон загорается, и на экране я успеваю прочитать имя:

Мара □

«Ну конечно ты звонишь...» — слегка закатываю глаза, но киваю, мол, ответь, — «Контролируешь?»

Макс даже здесь попадает в ловушку. Он, видя мой явно недружелюбный настрой, уходит в другую комнату, а я, пользуясь случаем. Накануне измельчив до «пыли» десять таблеток, я упаковала их в десять бумажных конвертиков, потому что так и не решила куда их добавить. Сейчас, когда все очевидно, я наполняю наши бокалы водой, добавляю в его два пакетика для верности и аккуратно размешиваю обратной стороной ножа. Вытираю его насухо, а для большей соблазнительности непритязательного кидаю в воду кусочек лимона — все, как надо. Сажусь в засаду. Больше, по факту, мне нечего делать, кроме как надеяться на то, что выгорит. Все получается само собой как-то. Макс возвращается через пятнадцать минут злой, как черт, косится в сторону бутылки с вином, но берет бокал с водой, который сразу же выпивает залпом.

«Вот и все...» — проносится в голове, — «Так просто это оказывается...»

— Что? — Макс изгибает брови, а я быстро одергиваю себя и перестаю пялиться на него во все глаза с открытым ртом.

— Нет...ничего.

— Отлично.

Он действительно злится. Грубо отодвигает стул, грузно на него опускается, а потом жестоко потрошит свою часть утки, за чем я наблюдаю с фигурно изогнутыми бровями. Но не спрашиваю. Не мое это дело...

— Прекрати на меня пялиться, — предупреждает, и я сразу отвожу взгляд в сторону.

Мы сидим в столовой. Мне подумалось, а чем не повод? День рождение, взрослая жизнь, будущая свадьба — тут в пору большой стол накрывать, прямо как для взрослого. Детство то кончилось, как никак. В голове сразу же возникает эта его будущая "взрослая" жизнь, где будет ужин в похожей столовой, только напротив законная жена и законные дети...

— Спасибо за ужин, — неожиданно разрывает тишину, и я, пару раз моргнув, перевожу на него взгляд и киваю.

— Ты просил.

Усмехается.

— Ну да. Как я мог забыть.

Решаю промолчать, рассеянно водя кусочком картошки по тарелке, но Макса это не устраивает. Он отбрасывает прибор, после смотрит на меня прямо и четко, выдерживает паузу и наконец спрашивает.

— Сколько это будет продолжаться?

«Недолго...» — хочу ответить, — «Примерно двадцать минут, если верить инструкции...»

Макс, будто в подтверждение, смачно зевает, а потом трет глаза, и я слегка улыбаюсь.

— Устал?

— Да, от твоего поведения.

— Ты упорно не видишь проблему. Считаешь, что я маюсь дурью.

— А разве нет? — вздыхает и поднимает на меня покрасневшие глаза, — Ты встала в позу.

— Я не вставала «в позу», Макс. Ты просто меня не слышишь...

— Черт, почему так хочется спать?...

Говорит тихо, трет глаза уже, наверно, в десятый раз, и я мягко улыбаюсь. Встаю и подхожу, аккуратно беря его за руку и нежно шепчу.

— Пойдем ляжем.

— Нет, мы не договорили...

— Договорим в постели. Пойдем.

Если честно, то мне щемит сердце от того, как доверчиво он опирается на меня, идет, слегка пошатываясь, потом позволяет уложить себя в постель, а прежде расстегнуть и снять рубашку. Его глаза закрываются сами собой, хотя я и вижу, как силится Макс не терять сознание иля хотя бы нить происходящего ...и глядя на него сейчас, мне хочется рыдать. Я провожу кончиками пальцев по лицу, которое знаю до последней черточки: черным волосам, что сейчас так небрежно падают на лоб, густым бровям, пышным ресницам, щекам с легкой щетиной, пухлым губам, вкус которых навсегда останется со мной.

— Я тебя люблю... — тихо говорю, всхлипывая, заставляя его пару раз усердно моргнуть.

Он еще здесь. Еще со мной. И я впервые говорю ему это в глаза — в последний раз лично.

— Я люблю тебя, Макс. Так сильно, что у меня сердце замирает, когда я тебя вижу. Ты подарил мне столько чудесных мгновений, и я всегда буду тебе благодарна за них, но, похоже, я дошла до своего предела. И обстоятельства... Макс, все изменилось. Дело не только в твоей свадьбе, но и... в общем, это уже не так важно. Завтра, когда ты проснешься, может быть и не вспомнишь этого разговора, но...

— Ты что-то сделала со мной, да? — хрипло спрашивает, слабо цепляясь за мои руки, и я тихонько усмехаюсь.

— Прости. Это мой тебе подарок: опыт. Никогда не пей с женщинами, которых не можешь просчитать, — оставляю нежный поцелуй на его губах и, прижавшись лбом к его, шепотом добавляю, — Не ищи меня, ладно?

— Я тебя не отпущу. Что ты задумала?...

Хватка становится сильнее, и я знаю, что сейчас он прилагает свой максимум, который в данный момент меньше моего середнячка раза в три. Поэтому мне несложно взять его запястье и оторвать от себя, положить на постель, но сложно прошептать то, о чем я столько думала...

— Нам не суждено быть вместе, все кончено.

— Амелия... — выдыхает на грани полного отрубца, — Не... уходи. Не оставляй меня.

— Я буду по тебе безумно скучать, и никогда тебя не забуду. Ты тоже помни меня, ладно? Хотя бы ту августовскую ночь...

Эту фразу знаю, он уже не слышал. Дыхание Макса становится мерным, спокойным, а рука расслабляется на моем запястье и падает на кровать — заснул. Ненадолго я позволяю себе лечь ему на грудь, зажмуриться и заплакать, но потом собираюсь в кучу и встаю.

«У меня нет выбора, и дело теперь уже не во мне. Точнее не только во мне...» — касаюсь своего живота и на секунду закрываю глаза.

— Жаль, что ты никогда об этом не узнаешь... но я обещаю, что он о тебе узнает только хорошее...

Я узнала о своей беременности совершенно случайно. Делать тесты стало чем-то вроде ритуала: каждый день с утра я шла в ванну, чистила зубы, привычно умывалась, а потом

доставала модную бело-синюю палочку с колпачком и экранчиком. Глупость такая... мне было дико страшно забеременеть, Макс был прав, но проводя эту нехитрую процедуру, я со спокойной душой могла жить дальше, пока однажды вместо слова

Не беременна

Не появилось другого

Беременна

1–2

— Нет-нет-нет-нет... — шепчу, а у самой бьют черные круги перед глазами, — Этого не может быть, не может!

Как оказалось может. Потом я сидела в гостиной глубокой ночью в обществе еще пятнадцати тестов с одинаковым вердиктом.

Беременна

1–2

Полный. Провал...

Это случилось как раз в тот день, когда мы ездили смотреть квартиру. Как раз тогда, когда я поняла окончательно, что нет у нас будущего.

Я помню, как думала по кругу одно и тоже:

«Как так получилось?! Я же сама читала, что укол — очень и очень надежное средство! Тогда какого хера?!» — не могу остановиться, вместо того обхожу еще один круг, — «И что теперь, а?! Что мне делать?! Что будет?! Как мне сказать?! И надо ли? Я...боже...»

Тогда я не знала, как относиться к новости, не знала, что чувствую по этому поводу, я вообще мало чего понимала, а в голове всего одно слово. Ребенок.

«Это маленький человек. Понимаешь?! Человек! Внутри меня сейчас маленький человек!!!» — я столько раз повторяю это словосочетание, что, честно, уже думаю, возможно его и будут так звать? — «Маленький человек? Маленький человек Максимилианович Александровский. Или как? Максимович? Хотя вряд ли мне позволят дать ему его фамилию...»

И как мне поступить?

«Я же должна ему сказать, да?» — да, а почему-то не могу. Я просто в ужасе, боюсь реакции и вообще... — «Подожду немного, не хочу портить вечер, тем более тащиться в клинику. Он же меня туда сразу потянет...»

Но когда разговор случился, и мы стояли, смотрели друг на друга там, в пустоте, я все поняла. Вопросы ушли, паника и туман рассеялись, а на их место пришла абсолютная уверенность: это мой ребенок, и черта с два я позволю кому-то ему навредить.

Потому что я уже его люблю. Да, вот так просто это случилось — из глупой, маленькой девочки, я вдруг превратилась в мать. Нет, конечно, но шаг на встречу был сделан, и я собираюсь двигаться в этом направлении как можно усердней. Как сейчас например. Плачу, глядя в квадратное окно бордовой копейки, что уносит меня из столицы все дальше и дальше, но отступать не думаю. Мне больно, грустно и вдруг так одиноко и холодно, а я все равно прю вперед, потому что знаю — остаться я не могу ни при каких раскладах. Макс четко дал понять, что дети ему не нужны, сейчас и вовсе угроза, и кого же он выбрал бы? Меня и «незаконнорожденного ребенка», или своих братьев и сестер? Ответ очевиден...

— Может тебе поспать? — произносит мой водитель, молодой парень, не старше тридцати.

Он вполне себе приветливый, блондин с голубыми глазами и приятной улыбкой. Я бросаю на него взгляд, а он слегка пожимает плечами.

— Путь не близкий. Нам ехать четыре часа вообще, но эта машина...сама понимаешь. Возможно только под утро доберемся...

Слабо киваю. Мне не хочется с ним говорить, поэтому я заворачиваюсь в свой пуховик, подкладываю под голову руку. В салоне тепло, позади урчит Луна, и я закрываю глаза, погружаясь в сон, который достаточно быстро накрывает меня с головой. И так же быстро я просыпаюсь. Буквально вскакиваю! Когда машину встряхивает от какой-то кочки.

— Прости. Дорога тут не очень.

Усиленно моргаю и тру глаза, вглядываясь в темноту. Мы едем совсем медленно, дай бог двадцать километров в час, и самое стремное в том, что я без понятия где мы, хотя ездила до Рязани ни один раз. Сейчас я вообще не узнаю дорогу...

— Поспи еще.

Голос его мягкий, но какой-то слишком уж пластмассовый, будто ненастоящий. Я медленно перевожу взгляд на приятного с вида человека: одет прилично, отторжения никакого не вызывает, нет наколок. Этот парень создает абсолютно положительное впечатление, никакой тревоги, никаких задних мыслей, но теперь...что-то внутри меня вибрирует, а страх медленно цепляется за душу, расплываясь по всему телу ледяной коркой.

«Что-то не так...»

— Где мы? — тихо спрашиваю, он слегка дергает плечами.

— Где-то у Егорьевска.

— У Егорьевска? Но зачем нам сюда, если до Рязани ведет другая трасса?

— А, — нервно дергает щекой, — Там какая-то большая авария, пришлось свернуть.

«Он врет...» — еле слышно даже про себя шепчу, сглатывая вязкую слюну, после чего также еле слышно произношу.

— Я не еду в Рязань, да?

Руки на руле сжимаются сильнее, прямо до хруста кожи, что является самым ярким и очевидным ответом, а потом он поворачивается ко мне лицом. Я узнаю его, это именно тот самый «помощник» Макса, который приносил мне тесты, и пусть я его не рассмотрела, родимое пятно на щеке запомнила, но самое страшное не это. От его взгляда, который в темноте зимней ночи сложно разглядеть, волосы на затылке встают дыбом, сердце колотится, а руки леденеют. Интуиция бьет, она работает и подсказывает мне кое что фундаментально важное: меня везут куда-то не для того, чтобы удерживать или похитить — я должна исчезнуть.

— Ты убьешь меня? — вопрос срывается сам собой, а он отворачивается и молчит.

«Да. Теперь все ясно и совершенно точно: я должна исчезнуть...»

— Я беременна, — еле ворочаю языком, роняя слезы на куртку.

Он кивает.

— Я знаю. Поэтому ты и здесь. Прости.

Макс

Хмурю брови и четко смотрю перед собой, потому что знаю — отведи я взгляд сейчас, лишусь остатков самоконтроля, которые нужно сохранить.

— Этого не может быть... — тихо говорит Лекс.

Он за рулем. Меня не пустил, даже из квартиры не дал выйти без него, хотя мы и едем почти всю дорогу молча. Перед нами коридор из елей. Они полностью белые, и вообще я люблю такой пейзаж, это же действительно красиво и в каком-то смысле величественно, но сейчас даже это не так. Нет, они по-прежнему величественны, но у меня складывается четкое ощущение того, что эти ели будто безмолвные наблюдатели. Они колючие, холодные и какие-то насмешливые, словно потешаются над нами и ведут туда, куда я не хочу ехать, оставляя позади то, что я не хочу помнить...

Примерно два часа назад

Сидя на кухне, заполненной ароматом свежесваренного кофе, я не могу поверить, что вчера произошло. Конечно, доказательства очевидны и они передо мной: пачка снотворного без десяти таблеток, остаток порошка на моем бокале и самое главное — это отсутствие этой сучки!

От злости ударяю о стол кулаком, вызывая смешок у Лекса. Он курит у окна и молчит, приехал, потому что Марина слишком переживала и буквально выпихнула его из кровати. Мы с ней почти не общаемся после аукциона, когда она вынудила меня рассказать отцу о том, что нас связывает с Амелией. Я этого не хотел. Категорически не хотел! Уберечь ее — вот чего я хотел, и не потому что я переживал о «повторении истории», а потому что я действительно хотел оградить ее и от него, и от обременений моей жизни. Теперь, конечно же, будет о чем посмеяться на досуге, но это потом.

«Совершенно точно потом!» — рычу про себя, уставившись в экран своего сотового, — «Когда я ее найду, убью!»

— Макс, может... — начинает Лекс, но я резко смотрю на него, предупреждая все то, что он хочет сказать.

Плавали, знаем. Мне уже много раз говорили, что проще и лучше было бы отпустить ее. Сейчас, когда это случилось, пусть и против моей воли, он будет убеждать меня отпустить окончательно. Не искать. Не вспоминать. Вычеркнуть. А я не могу, твою мать! Эта чертова девчонка засела на подкорке, а теперь еще и бросила мне вызов, который я просто не в состоянии проигнорировать.

«Я найду ее, чего бы мне это не стоило...» — телефон вибрирует, давая мне первую зацепку.

Камеры видео наблюдения, где отчетливо видно, как она выходит из здания с переноской и, озираясь и оглядываясь в огромном капюшоне на башке, поворачивает направо. Я уже мысленно подгадываю, что там справа есть и куда снова закидывать сети, как вдруг во входную дверь начинают буквально долбиться. От неожиданности я даже вздрагиваю, перевожу взгляд, но Лекс реагирует раньше.

— Господи, ну что там еще то?!

Идет открывать.

— Ставлю, что это Мара, — бросаю ему в спину, он цыкает.

— А-га.

Не выдержала и прибежала проверить, что тут происходит, поэтому я еле сдерживаюсь от закатывания глаз, встаю и подхожу к окну, чтобы закурить, но тут же оборачиваюсь. В коридоре слышна какая-то возня, крики...

«Это Лилиана?...»

Именно так. Она залетает на кухню, как разъяренная фурия, смотрит на меня всего секунду, а потом налетает и начинает колотить.

— Что за черт?! — ору, хватая ее за запястья, — Ты больная?! Спятила?!

Отрываю ее от себя и смотрю в глаза, хмурюсь. Лилиана громко, не скрываясь всхлипывает, еле дышит. Все ее лицо в слезах размером с монету, а волосы стоят колом. Я слишком хорошо ее знаю, чтобы понимать, что в таком виде она бы из дома ни за что не вышла, если только не случилось чего-то «из ряда вон»...

«Черт, он опять ее избил?» — невольно начинаю осматривать ее тело, беспокоюсь, ведь, очевидно, она не притворяется.

На ней совершенно обычная одежда: футболка и лосины, сверху вязаная кофта, а на ногах кеды. Проще говоря — не ее стиль абсолютно, и мое сердце пропускает удар.

— Лили, — тихо зову ее, — Что произошло?

Ее начинает трясти. Она ловит ртом воздух, пытается что-то сказать, но не может, цепляется за мои руки ногтями. Это больно, но я не обращаю внимания, слишком волнуюсь, черт возьми, встряхиваю ее и хмурюсь сильнее.

— Лилиана! Что! Произошло?!

— Ам...ам...

Лекс действует более решительно. Он подходит, поворачивает ее на себя, а потом дает пощечину. Не сильную, только для того, чтобы она пришла в себя, и она приходит. Я даже благодарен Лексу за это, потому что знаю, что на такое сам неспособен, и он ловит в моем взгляде это, слегка кивает, а потом обращается к Лилиане.

— Теперь говори. Что произошло? Отец что-то узнал? — мотает головой, — Тогда что?

Лили молчит. Она молчит долгих пару мгновений, а потом вдруг закрывает глаза руками и начинает плакать. Так горько, что у меня сердце разрывается, и я было делаю к ней шаг с глупым желанием успокоить, когда слышу то, что заставляет меня застыть.

— Мне...мне звонили из полиции...

Интуиция подсказывает мне, что что-то плохое случилось. Это не развод моей бывшей, не ее привычка все на свете возводить (как минимум) в третью степень, а что-то действительно серьезное.

— Из полиции? — переспрашивает Лекс, она кивает пару судорожных раз.

— Они...они нашли...о господи...

Истерика снова начинает накрывать Лилиану, которая хватается за сердце и часто, глубоко дышит, но словно не чувствует кислорода. Я же отмираю. Как по щелчку пальцев снова владею своим телом, забыв о снотворном, которое выжигает адреналин.

— Говори, что произошло! — ору, схватив и развернув ее на себя.

Лилиана молчит, смотрит на меня во все глаза, а потом выдыхает приговор...

— Они нашли... труп под Егорьевском...с документами Амелии.

Сейчас

Я часто моргаю, возвращаясь в реальность, а легкие снова сдавливают.

«Труп молодой девушки, труп молодой девушки, труп молодой девушки...» — отбивает внутри больное сознание, которое воспалилось еще больше, после разговора со следователем. До сих пор не могу дышать нормально, стараюсь, но что-то мешает, и наклоняюсь чуть вперед.

«Не могу. Не верю. Этого просто не может быть!»

— Макс, успокойся, — предупреждает Лекс, ерзая на своем месте, — Это ошибка, я уверен. Документы могли украсть.

— Гони быстрее.

— Макс...

— Быстрее!

Он выжимает максимум возможностей из своей машины, чтобы при этом мы сами не попали в сводку новостей, как «вылетевшие с трассы очередные мажоры». Конечно нет, отец вряд ли такое допустит, но были бы мы с фамилией поменьше, точно так и написали бы.

«Труп молодой девушки, труп молодой девушки, труп молодой девушки...»

Твою мать. Жмурюсь, хватаясь за торпеду, а потом тянусь к сигаретам.

— Прости, — тихо говорю, открывая окно, — Но я закурю.

Лекс слегка кивает, я чиркаю зажигалкой и снова смотрю на ели, которые будто в один голос вторят: это не ошибка, мы все видели.

У меня очень скверное предчувствие, которое отравляет изнутри, словно самый опасный токсин. Он попал в кровь вместе со снотворным и разносится теперь со скоростью света. Я так мечтаю все это прекратить. Не хочу ехать туда, но одновременно с этим так сильно стремлюсь: мне хорошо знакомо это состояние — страх. Я боюсь узнать, что там случилось, очень хочу просто закрыть глаза и притвориться, что ничего не происходит, а не могу. Я *должен* быть там, пусть это последнее место, куда мне действительно хочется попасть.

Поэтому время тянется странно. Оно вроде и ползет, а одновременно пролетает так быстро... Ехать до места, откуда нам скинули координаты в общей сложности два часа и сорок четыре минуты. Благодаря стилю вождения Лекса просто два часа, и вот мы уже почти на точке. Я вижу несколько полицейских машин, скорая, еще одна какая-то тачка, чуть подальше еще одна. В общей сложности целый кортеж, который замыкаем мы.

— Ты как? — тихо спрашивает брат, но я не смотрю на него, только на оцепление, — Макс, все будет нормально. Уверен, что это...

Резко отрываю дверь, потому что не хочу засорять свое сердце пустой надеждой. Я знаю, что эта история закончится очень плохо, я просто это чувствую.

«Она там...» — долбит в голове, пока я ступаю по снегу.

Он кряхтит под моим весом, злобно, холодно. Его не очень много, и он сухой, как будто тертый пенопласт, а земля мерзлая, лишенная жизни. На ней, как на карте, словно миллион дорожек из следов, запутанных, но хранящих историю всех тех, кто сегодня ступал здесь. И лишь одна трагедия огорожена лентой. Я вижу это и застываю, отчетливо замечая маленькую ножку и капли крови.

— Макс? — зовет со спины Лекс, я пару раз моргаю, беру себя в руки, точнее собираю все свое мужество, чтобы пойти вперед.

А идти приходится долго, но следователь об этом предупреждал, когда отговаривал меня ехать напрямиком на место преступления...

Два с половиной часа назад

— ...Я сказал, что приеду! — ору в трубку, окончательно теряя терпение, на что в ответ слышу слабое мычание.

— Я просто пытаюсь объяснить...что...вам нечего делать на месте. Тело доставят...эм...в морг, а там уже вы его опознаете...

— Вы представляете кто я такой?!

— Я...ну...ээ...

— Я знаю таких людей, о которых вы даже не подозреваете. Я, твою мать, Александровский! Слышали эту фамилию?! Осознаете степень моего влияния?!

— Максимилиан Петрович, поймите, что вам просто нечего делать на месте. До него по лесу идти почти километр, оно вам надо? Опознать можно и в теплом помещении. Да, это не так приятно...

— Зачем вообще нужно опознание?

— Эм... — мнется, а я сжимаю трубку сильнее и чувствую, что вот-вот взорвусь, но не успеваю — следак начинает говорить, — Я не должен раскрывать деталей, но...опознание нужно, потому что мы не можем провести его самостоятельно. Лицо...оно сильно изуродовано.

Холодею. Во рту мгновенно пересыхает, а перед глазами бьют черные круги вместе с пульсом, что стучит во всем моем теле. Я даже рук не чувствую, себя не помню, как в трансе, из которого меня вырывает всего одно слово:

— Тело...

— Не называй ее так, — хрипло обрываю, а потом, закрыв глаза и уперев лоб в стекло, добавляю, — Скидывай координаты, и пока я еду, работай, как никогда в жизни. Я хочу знать максимум, который ты сможешь нарыть, и если не буду удовлетворён им, считай, что ты безработный.

Скидываю звонок. Лилиана уже не плачет. Она сидит на диване, закрыв уши руками, смотрит в одну точку. Понятно, что она никуда не поедет, просто не в состоянии, особенно, если есть необходимость опознания. Даже если это не Амелия, это просто жестоко — Лили не выдержит, мне это известно и очень хорошо.

Я сдираю свою кофту, натягиваю ее через голову и разворачиваюсь в сторону двери, но Лекс встает передо мной и мотает головой.

— Я с тобой.

— Ты останешься с ней.

— Еще чего! Ты до сих пор под снотворным, хочешь в аварию попасть?!

— Лилиана...

— Да срал я на нее! Поехали, из тачки позвоню Марине.

— Марине?! — злобно скалюсь, — Ты серьезно?!

— Так и никак иначе. Либо я еду с тобой, либо мы не едем вместе. Выбирай.

Сейчас

Слышу голоса, которые вырывают меня обратно в промозглую реальность. Я бросаю взгляд на брата, которому по факту благодарен настолько, насколько вообще способен. Один бы я не вывез, и хоть никогда в жизни этого не признаю и не произнесу — он это знает. Лекс ведь не только мой брат, но и мой лучший друг, который и сейчас не требует ничего подтверждать. Слегка кивает и первым продолжает движение, а я за ним.

Каждый шаг дается мне так сложно, будто иду я не по обледенелой почве, а по зыбучему песку. Ноги тяжелеют, страх нарастает, впереди фигуры, которые я вроде вижу, а вроде они

расплываются. Сердце скачет с низкого на высокий ритм, а потом и вовсе исходит на скорость света.

Потому что я вижу знакомую до боли переноску. Она перевернута, открыта, точнее разорвана, а рядом лужица крови.

— Макс... — тихо зовет Лекс, но я отбрасываю все в сторону и решительно быстро следую до невысокого мужчины, который стоит рядом с парочкой полицейских в форме.

Скорее всего он и есть следователь, ведь в гражданском и вид у него серьезный, взрослый. А может это интуиция? В любом случае я попадаю в точку.

— Максимилиан Петрович, надо полагать? — спрашивает, хмуря брови, я киваю, а сама жадно осматриваю территорию, где сразу натываюсь на «это».

Черный пакет лежит под сосной. Он смотрится здесь, среди «белого» и чего-то первородного так...чуждо. Я не слышу ничего из того, что мне говорят, гипнотизируя только его и лужу ярко-красной крови под ним.

— Я хочу увидеть ее.

Следователь резко замолкает, и я плавно перевожу свое внимание на него, успевая зафиксировать то, как он переглядывается со своими подчиненными и Лексом. Меня это бесит. Я наклоняю голову на бок и шурюсь, холодно чеканя.

— Непонятно изъясняюсь?! Покажите.

— Господин Александровский, понимаете...

— Если ты собираешься сейчас затирать мне про «родственные» связи, советую сразу об этом забыть.

— Я это уже понял, — с нажимом парирует, но потом словно смягчается и с сочувствием поджимает губы, — Дело не в этом.

— В чем?

— В том, что там все...совсем плохо. Над ней издевались и...

Удар.

— ...От лица мало что осталось...

Еще удар.

— Может быть лучше подождать снимков из морга? Вам покажут их, какие-то, возможно, приметы назовете, чтобы...

— Показывайте, — безжизненно, глухо вновь перебиваю, переведя взгляд на пакет, — Я узнаю ее итак.

Следователь снова медлит, но, видимо, мой вид его убеждает — бессмысленно о чем-то говорить. Будет так, как я сказал. Поворачивается и идет в сторону пакета, где трутся какие-то люди, я было следую за ним, но Лекс вдруг перехватывает меня за локоть и шепчет.

— Макс, давай лучше я?

Смотрю на него с какой-то иррациональной ненавистью. Я злюсь, я дико злюсь, хотя и понимаю, что он ничего не хотел плохого, только лишь помочь. Тем не менее не помогает, а наоборот, и я вырываюсь, четко чеканя шаг, чтобы через мгновение увидеть то, что никогда не смогу забыть, даже если потеряю память.

Эпилог. Wicked game*

Вечер

В гостиной шикарного особняка стоит оглушающая тишина, которую никто не смеет нарушить. Каждый думает о своем: столько сожалений, столько груза, вины, слепой, немой ярости.

— Может быть это не она? — бросая взгляд на Макса, который не говорит ни слова, а сидит и смотрит в огонь, Марина с надеждой разрывает всеобщий шок и замешательство, также бросив взгляд и на Лилиану.

Сейчас ей ее дико жалко. Она, точно также, как Макс, не говорит ни слова. Сидит на краешке дивана, обняв себя руками, смотрит в одну точку, редко всхлипывает. От ее бывлой надменности не осталось ни следа, сейчас она меньше самой маленькой частицы...

— Нет, — глухо отвечает Лекс, тоже бросая взгляд сначала на Макса, а потом на Лилиану.

Он не хочет говорить всего того, что знает, потому что понимает, как сильно это ударит по Максиму, да и по Лилиане. Сейчас ему ее тоже жалко. Там в лесу, когда подняли черный пакет, и он увидел, что стало с девушкой, которую буквально недавно видел живой, он слишком ярко представил на ее месте Адель.

«Они ведь были так похожи...» — по его телу бегут колючие мурашки, и он снова смотрит в пол. Чтобы никто не видел, как его глаза краснеют.

Это невозможно объяснить, если не почувствуешь на своей шкуре. Какой-то иррациональный страх, что теперь так плотно засел на подкорке, и тошнота, которая каждый раз подступает к горлу, стоит ему вспомнить лицо, доселе настолько прекрасное, насколько сейчас уродливо. От него действительно ничего не осталось — ее просто забили до смерти...и это точно была она. А, как известно, слепая надежда гораздо хуже правды, поэтому он подбирается и говорит дальше.

— Следователь показал фото с камеры наблюдения, на которую попала бордовая копейка. Там отчетливо видно...Амелию на переднем сидении. Потом они съехали с трассы в слепую зону. Он считает, что она словила машину на дороге, а водитель оказался каким-то психопатом, который в какой-то момент, судя по порванной одежде, хотел ее... — запинаясь, со всех сил сжимая холодные пальцы, выдыхает, — Она сбежала в общем. Они нашли кровь вдоль следа, и по предварительным оценкам, не ее, а его. Наверно ранила...но он все равно ее догнал, а потом...

Макс резко поднимается со своего места и все также молча уходит в сторону лестницы, чтобы почти через минуту гулких шагов громко хлопнуть дверью. Лилиана закрывает лицо ладонями и начинает плакать. Все, кто присутствуют здесь сейчас не смеют больше говорить, так что гостиная снова погружается в тишину, нарушаемую лишь душераздирающими всхлипами, которые трогают даже, казалось бы, самые твердые сердца.

Ночь

Макс так и не вышел из своей комнаты, и к нему никто не решился зайти. Не

сговариваясь, каждый понимал, что ему нужно время наедине со своими мыслями и чувствами, что сейчас общество будет скорее тяготить и беречь, нежели помогать. Но при этом никто не спал. Адель, лежа в своей постели, смотрела в потолок и не моргала. Она вспоминала о своей подруге самые смешные, забавные случаи, которые шли, как кадры в кино.

«Она была хорошей...» — думала юная принцесса, чувствуя, как собираются слезы, которые та быстро утерла.

Адель не любила плакать. Это доставляло ей физический дискомфорт — на утро глаза были красными и опухшими, в процессе слишком кололо в носу, а потом еще и болела голова так, что не помогали никакие таблетки. Так что вместо этого она повернулась на бок и плотно закрыла глаза, разгоняя химер своего прошлого, лишь бы не думать о том, что в конце концов ее вина в том, что произошло есть, и этого из песни не выкинешь. Еще больше, чем плакать, Адель не любила дискомфорт, а такие мысли принесут такой силы цунами, что последствия будут проходить не один день, а целые годы.

Миша сидел на кровати и смотрел в пол. Он вспоминал эту смешную девчужку с прекрасным чувством юмора и острым умом. Амелия ему нравилась. Она не была похожа на привычных кукол, которыми забито высшее общество, не походила на свою сестру, она была самой собой и, надо отметить, очень и очень смелой. А еще доброй. Как бы она не кусалась, ведь по факту тогда у Матвея он увидел то, что она так отчаянно прячет. Не может. Она была так молода, что еще не научилась играть и притворяться — все, что было в ее голове, тут же отражалось и на лице. Злость, страх, удивление...любовь.

«Она еще не успела пожить и не заслужила такого конца...» — думал он, запуска пальцы в волосы и убирая их назад. Он неизбежно представлял на месте Амелии своих детей, и сердце его сжималось стократно.

Сердце Лекса тоже сжималось, когда он, стоя на балконе своей комнаты, курил и смотрел в сторону леса. Теперь он вряд ли сможет войти в него спокойно, без воспоминаний о том, что увидел там сегодня на белом снегу. Девушку, что была когда-то так красива и мила, а в итоге превратилась в кусок мяса. Прикрыл глаза, но как бы не бежал он от этих картин, они его преследовали: сбитые, слипшиеся от крови волосы, опухшая голова, потерявшее форму лицо и красный крест, который когда-то он уже видел в клубе. Он тоже неизбежно представлял на ее месте близкого человека — свою младшую сестренку Адель.

«Они ведь были так похожи...»

Мысли Марины точно также крутились вокруг младшего брата. Наверно, если задуматься, старшие всегда волнуются и будут о своих младших, а сейчас ее сердце буквально рвалось к Максиму. Она хотела быть рядом с ним, хотела утешить, разделить его боль, и, так как всегда относилась к нему с огромной любовью, может быть даже забрать себе. Марина, как никто другой, знала, что значит потерять свое сердце вот так. Когда-то давно на одном мероприятии, куда ее вытянули подружки, она познакомилась с красивым, статным летчиком с ярко-голубыми глазами. Он поймал ее шляпку, а она влюбилась, окунулась в него с первого их взгляда. До сих пор стоит ей вспомнить, как он стоял перед ней на коленях и улыбался, мурашки шли. Шутка ли? Прошло уже столько лет, а трепет остался. Первая любовь — вещь постоянная, чтобы кто не говорил. Она тоже его потеряла, случилась страшная авария на железной дороге, поезд сошел с рельс, а как будто с рельс сошло ее сердце. Оно так и осталось в чужой стране. Только Богу известно, чтобы она отдала за возможность еще раз его увидеть...поэтому, когда она заметила, Лилиану, крадущуюся в

сторону комнаты Макса в одном халате, не дёрнулась с места, хотя ей очень этого хотелось. Марина лишь наполнила еще один бокал вином и устроилась в кресле с видом на дверь Макса поудобней. Чтобы в случае чего быть рядом...

Макс

*What a wicked game you played to make me feel this way
What a wicked thing to do to let me dream of you
What a wicked thing to say you never felt this way
What a wicked thing to do to make me dream of you
No I don't wanna fall in love (This world is only gonna break your heart)
With you (This girl is only gonna break your heart)
Wicked Game — Chris Isaak [\[25\]](#)*

Я помню, что когда мне было шестнадцать, я плотно подсел на «Бойцовский клуб», откуда и взял главную, как мне всегда казалось, житейскую мудрость прямиком от Тайлера Дердена [\[26\]](#).

«Лишь утратив всё до конца, мы обретаем свободу.»

Наверно нет ничего удивительного в этом. Всю мою жизнь меня окружают одни только рамки-рамки-рамки. Границы, которые нельзя нарушать, правила поведения, правила хорошего тона. «Ты должен выглядеть так, а не иначе», «ты должен говорить правильно, чтобы не прослыть невеждой», «ты должен улыбаться, даже если хочешь харкнуть прямиком в морду своему оппоненту». Все это вбивалось в меня с ранних лет силой, кулаками. Удары приходились так, чтобы их было не видно под одеждой, но держало меня от нарушения всех правил не это. Мама. Я знал, что если организую бунт, она пострадает, поэтому сносил все стойко, как бы не хотелось послать к черту своего неугомонного папашу. Когда она умерла, я понял о чем говорил Тайлер Дерден. Я утратил все и обрел свободу. Конечно, я любил свою семью, но по итогу они стали для меня теми цепями, которыми отец так искусно управлял, дергал удавку на шее, натягивал или подотпускал, когда ему станет скучно.

Поэтому самым страшным для меня еще с ранних лет стали привязанности. Это же всегда одна только боль, что хорошего? Все рано или поздно уходит, истончается и исчезает, чувства бледнеют и заканчиваются, а постель стынет. Нет ничего вечного, и дураки, как по мне, те, кто считают, что это самое прекрасное. Мол, краткосрочность гарант высокой оценки, а я считаю, что краткосрочность — это первая и главная причина отказа от любых других привязанностей, кроме тех, что идет по крови. (тут то не по пишешь...). Особенно это касается женщин. Женщины — существа ненадежные. Они прекрасны, без них смысл жизни, вкус к ней, абсолютно теряется, но по факту им доверять нельзя. Я видел это с самого детства, потом подчеркнул на примере Миши, а потом научился и на своем горьком опыте. Который как раз открыл дверь и проскользнул в мою тьму.

Я сижу в кресле, где спала Амелия, курю. Пью. И смотрю на нее. Лили, черт возьми сказочна красива. Я помню, как увидел ее впервые и как мое дыхание замерло, помню, как бредил ей, помню, как готов был простить даже после того, что она сделала...

«Макс, ты должен понять...она — моя сестра...» — и я верил в это оправдание. Долго верил. Упорно. Пока однажды не увидел, как она радуется очередному подарку отца, и все встало на свои места.

Правда то в том, что Лили поступила так со мной не из-за Амелии, а потому что это было выгодно. Она так решила. Не обстоятельства. Она.

Сейчас она что-то снова решила, я вижу это по знакомым отблескам на дне янтарных глаз. Лили подходит ко мне ближе, я не шевелюсь и смотрю на нее, изучаю. Делаю медленную затяжку. Мне хочется узнать, зачем она пришла, хотя нет. Если честно, мне это не нужно, я знаю зачем.

Лили берется за ворот халата, после чего медленно его стягивает. Господи, клянусь, я мечтал увидеть ее такую столько долгих лет...буквально бредил ей, остатками прошлого на дне своего стакана, ее образом, что был буквально вытатуирован и на теле, и в мозге. Она все также красива. Тонкие линии ключиц, пышная грудь с яркими ореолами и острыми сосками, плоский животик с милым, волнующим колечком в пупке. Только вот загвоздка в том, что оно было волнующим когда-то, как и весь этот натюрморт. Как и она в принципе. Я отворачиваюсь и делаю плоток, после еще одну затяжку. Не потому что я на нее злюсь или хочу поиграть — мне просто неинтересно, и, наверно, я не хочу ее унижений. Сейчас точно не хочу. Мне жаль ее, я буквально чувствую острый запах ее отчаяния, от которого меня, боюсь, стошнит.

— Оденься.

— Давай на сегодня все забудем? Ты нужен мне.

— Проблема в том... — тихо отвечаю, а потом все же смотрю на нее, — ...Что ты мне не нужна. Оденься и уходи.

— Я знаю, что ты меня еще любишь. Я тоже тебя люблю и...

— Лили, просто уходи. Пожалуйста.

Она покидает меня, но внутри ничего не резонирует. Это ведь правда, черт бы ее побрал. Я так отчаянно цеплялся за Лилиану и наши отношения, лишь потому что знал — они больше невозможны. Это своего рода тяжелая, непробиваемая броня из самообмана, чтобы успокоить внутреннюю потребность. Она у меня есть, конечно же, как у любого другого человека — быть с кем-то ближе, чем обычный секс. С Лилианой в заглавнике все было на своих местах: я мог обманывать себя с чистой совестью, только вот все изменилось...

Дверь снова открывается, но теперь на пороге стоит Марина. Я рад, что она пришла, не смотря на нашу ссору, и знаю, что мне не нужно говорить с ней. Марина просто сядет рядом и будет молчать, а я не буду один на один. На самом деле я боюсь одиночества. Особенно сейчас.

Закрываю лицо руками и тру глаза, что упорно зудят. Стыдно за это, и за то, что я не могу сдержать всю ту бурю внутри, как какая-то сопливая девчонка, но черт возьми, мне так дико больно сейчас... Марина обнимает меня, когда я буквально лежу на ее коленях, как в детстве. Она гладит по волосам, молчит. Я цепляюсь за свою сестру, как за спасательный жилет, она мне очень напоминает маму — такая же теплая, любящая и также пахнет корицей.

— Я ей не сказал... — еле слышно выдыхаю, жмурясь изо всех сил и еле дыша, — Я так и не сказал, что люблю ее...

Сегодня я могу позволить себе эту слабость, ведь завтра мне снова придется брать себя в руки, потому что я снова сталкиваюсь со своим прошлым, которое вдруг отчаянно преследует меня в настоящем. Лили приходит ближе к вечеру, в кабинет. Я списываю вчерашний инцидент на резкий удар, который не ожидаешь, поэтому с легкостью впускаю

ее, наблюдаю, как стойко она держится, как выглядит. От той, кто был передо мной вчера, ничего не осталось. Лилиана снова Лилиана. Гордая, надменная, держится стойко, одета с иголочки.

— Марина сказала мне, что Ирис жива. Это правда?

Прикрываю глаза, но не поворачиваюсь к ней лицом, наблюдая за снегопадом. Не хотел говорить ей, никому вообще не хотел! Знал же, что будет именно так: двое могут хранить секрет, только если один из них мертв. А что говорить о целом доме "просвещенных"?

— Ты не хочешь говорить мне, но уже глупо отпираться. Марина...

— Да, это правда.

— Тогда нам надо поговорить, Макс. У нас очень серьезные проблемы...

Конец второй части

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

*Заснув, я по-прежнему держу
Твою руку в своей.
А когда я становлюсь перед тобой на колени,
Моя душа путешествует во времени.
Прощай, мой любимый! Прощай, мой друг!
Ты был для меня единственным.*

Кандзаси — японские традиционные женские украшения для волос. Кандзаси носят с кимоно.

Ледовое побоище, также битва на Чудском озере — битва, произошедшая на льду Чудского озера в субботу 5 апреля по юлианскому календарю 1242 года с участием новгородцев и владимирцев под предводительством Александра Невского с одной стороны и войсками Ливонского ордена — с другой.

Yesterday (с англ. — «Вчера») — песня группы *The Beatles* из альбома *Help!* («На помощь!»), выпущенного в августе 1965 года.

Роберт «Боб» Келсо, доктор медицины, — вымышленный персонаж, которого играет Кен Дженкинс в американской комедии-драме «Клиника».

«Золотáя малина», также «Рáззи» — придуманная в 1981 году американцем Джоном Уилсоном антинаграда, отмечающая худшие актёрские работы, сценарий, режиссуру, кинопесню и фильм года.

Серый кардинал — это человек, использующий в управлении паутину связей, осведомленный обо всем, что происходит, порой моделирующий события нужным ему образом.

«Мумия», 1999 (англ. The Mummy) — американский приключенческий фильм сценариста и режиссёра Стивена Соммерса. Главные роли исполнили Брендан Фрэйзер, Рэйчел Вайс и Арнольд Вослу.

Цитата из филъма "Гарри Поттер и Узник Азкабана", Рон и Гермиона.

Яков Исаевич Нейштадт — израильский, ранее советский, российский, шахматист и шахматный литератор, мастер спорта СССР, международный мастер ИКЧФ, судья всесоюзной категории, заслуженный международный мастер ИКЧФ.

Призрак из Рождества Прошлое или Дух Рождества прошлого — вымышленный персонаж в произведении 1843 года Рождественская история английского романиста Чарльза Диккенса.

"Macallan" — элитный шотландский односолодовый виски с невероятно богатой историей, насчитывающей более двух столетий. Этот напиток, который созревает в бочках из-под хереса, выполненных вручную, уже давно стал атрибутом престижной жизни и чувства стиля. Виски уникален не только благодаря своим потрясающим вкусовым качествам, но и способу производства — в его состав входит всего один сорт ячменя под названием "Голден Промис", а перегонные кубы винокурни — самые низкие во всем мире, что дарит линии виски "Macallan" насыщенность и крепость.

Абстрактный экспрессионизм (от англ. abstract expressionism) — направление абстрактного искусства в котором свободные композиции создаются крупным, импульсивным мазком.

Сюрреализм — направление в литературе и искусстве двадцатого века, сложившееся в 1920-х годах в художественной культуре западного авангардизма. Отличается использованием аллюзий и парадоксальных сочетаний форм.

speech (англ.) — *речь, доклад, выступление.*

«Альбион» — слово кельтского происхождения. Это название Англии было известно еще древним грекам. Так называет эту страну древнегреческий ученый Птолемей в своих трудах. Ну а прилагательное «туманный» связано с густым морским туманом, который часто окутывает низменности острова Британия и города Англии.

Числа Фибона́ччи — элементы числовой последовательности 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, 233, 377, 610, 987, 1597, 2584, 4181, 6765, 10946, 17711, ..., в которой первые два числа равны 0 и 1, а каждое последующее число равно сумме двух предыдущих чисел.

Золотое сечение — пропорция, которую заметили еще древние египтяне. Чтобы её получить, нужно разделить линию на две части так, чтобы длинная часть соотносилась с короткой в такой же пропорции, как вся линия соотносится с длинной. Оказывается, эта пропорция всегда равняется 1,618. Это число еще называют числом «фи».

песня из мультфильма «Карлик нос», 2003 г.

Мухáммед Али́ — американский боксёр-профессионал, выступавший в тяжёлой весовой категории; один из самых известных боксёров в истории мирового бокса.

высказывание из "Мастера и Маргариты" М.А. Булгакова

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — это психическое расстройство, которое может возникнуть когда человек испытал воздействие травмирующего события. Многие люди, пережившие травмирующее событие, останутся под влиянием связанных с ним негативных эмоций, мыслей и воспоминаний.

Жозеф Бедье «Тристан и Изольда»

фраза из "Унесённые ветром" Маргарет Митчелл

Ты сыграла со мной злую шутку, заставив меня почувствовать любовь.

Ты проявила бессердечие, позволив мне мечтать о тебе.

Ты поступила нечестно, сказав, что не испытывала ничего подобного.

Ты поступила подло, заставив меня мечтать о тебе.

Нет, я не хочу влюбляться (Сердце будет разбито, вот и всё)

В тебя (Эта девушка разобьёт твоё сердце.)

Рассказчик (англ. The Narrator), он же Тайлер Дёрден (англ. Tyler Durden) — персонаж и главный герой романа «Бойцовский клуб» и снятого по его мотивам одноимённого фильма и комиксов «Бойцовский клуб 2» «Бойцовский клуб 3». Рассказчик страдает бессонницей и раздвоением личности и изображается как неназванный человек (указанный в титрах как «Рассказчик») днём, который становится хаотичным и харизматичным Тайлером Дёрденом ночью в периоды бессонницы.